

Леда Винтер

Поздняя осень — это ее время года. День убывает, света становится меньше. Остывает земля, погребенная под разноцветным конфетти опавших листьев. Вода находится в пограничном состоянии. За ночь изморозь покрывает тонкой кромкой лужицы, чтобы растаять к утру под первыми лучами проснувшегося солнца. Воздух становится чище. Легче дышится. Мысли в голове яснее, ярче, четче. Завеса мира истончается.

Пограничье. Между вчера и завтра. Смена стихий.

Раньше, когда Леда еще не подозревала о своем даре, в третий месяц осени ее начинали мучить жуткие мигрени. Преследовали мрачные видения будущего. Сумрачные иллюзии вплетались в реальность, спутываясь с мыслями, искажая правильную структуру восприятия. Головные боли сменялись депрессией и хандрой. Предчувствие неизбежного сводило с ума, то лишая сил, то выплескиваясь агрессией на близких и родных. По вечерам зияющая пропасть пустоты чувствовалась особо остро. Становилось так грустно и тоскливо, что хоть волком вой. Тогда Леда начинала бояться, что подхватила какое-то безумие от вечно молчаливых гор, возвышающихся за окном родительского дома. Покрытые снежными шапками, они манили своей красотой и безграничной свободой, которая казалась девушке катастрофически недоступной.

Она никогда не хотела быть магом. Не грезила приключениями, боясь ускользнуть в своих фантазиях слишком далеко. Не верила в сказки древности о могучих чародеях, грозных воительницах с Туманных скал, и лунных тварях, что спускаются по ночам по дорожке света с темной стороны луны. Ее не пугали страшные истории о демонах Нижнего мира, не радовали подвиги отважных и доблестных рыцарей, не волновали чаянья заточенных в башнях принцесс. Леда боролась с тягой к недостижимому, запрещала мечтать о несбыточном, оттачивая ум книгами из родительской библиотеки. Она безжалостно отгоняла от себя прочь мысли о другой жизни, стирая все пути к отступлению. Казалось, иногда девушка сама бросала себе вызов, проверяя на прочность. К примеру, ее жених. Она ведь могла из бесчисленной верениц кавалеров выбрать себе равного по статусу. Того, что всегда будет ее якорем. Поможет оставаться на земле и не блуждать по закоулкам призрачных видений.

"Настоящая леди должна мечтать о домашнем уюте и топоте детских ножек, — твердила ей бабушка, приглаживая пряди накрахмаленного парика, давно вышедшего из моды. Потом она доставала из ажурной шкатулочки курительный набор, раскуривала на тонком мундштуке сигаретку с приторно-сладким запахом вишни, и продолжала куда более тише: — Но прежде чем стать настоящей леди, успевай побывать леди молодой. Все ошибки — они для юности. Молодость тела мимолетна. Молодость души — совсем хрупкая конструкция. Не старей раньше времени. "

Леда не понимала слов любимой бабушки. Единственный раз, когда она разрешила себе граничащую с безумием решительность — это разговор со старым магом, решившим, что может разрушить отточенный до мелочей план белокурой девицы, собравшийся увести его внука под венец и прожить с ним распланированную до самых мелких деталей, счастливую семейную жизнь. Ради возлюбленного она была готова на все. Даже отучится в знаменитой Академии, что нашла себе пристанище за тысячу километров от ее родного города

А потом проснулась магия...

Когда Леде помогли раскрыть ее дар, очередную осень она встретила с недоверием. Невообразимая легкость и умиротворение показались неким волшебством, которое просто не могло существовать одновременно с сезоном золотистых листьев, прибитых к земле дождем. Конечно, ей объяснили, что пережитые ранее хвори — это лишь один из признаков подавленной магии Воды на раннем этапе. Запусти она свои способности еще на несколько лет и психических расстройств не избежать.

За спокойствие душевное Леда начала расплачиваться бессонными ночами за кипой учебников и тетрадей. Пробудившись, Стихия требовала свое. Видения, что таяли с осенними рассветами хрустальной тишины промерзших улиц, словно озлобились на юную адептку, и теперь, точь-в-точь, как свора голодных собак, преследовали изо дня в день.

Первый год в Академии стал тяжелым испытанием. Обрывки заклинаний, сгустки энергии, концентрация противоборствующих Стихий, двойственные потоки и скрытые течения магии, — все это лишь малая доля бед с которой пришлось столкнуться девушке. Леда Винтер думала, что среди подобных себе она научится контролю. Узнает у соседок по несчастью, как можно справиться с гнетущим предчувствием грядущего. Но вскоре поняла, что со своими одноклассницами имеет не так уж много общего.

Вода — стихия чистоты, подсознания, эмоций. Она постоянно течет, меняется, поглощает и развивается. Магия Воды никогда не засыпает, ни ночью, ни днем. Всегда в движении. Она лечит. Очищает. Дает жизнь.

Ее Вода была другой. Густой, вязкой, холодной, ледяной. Испорченной. Она не могла насытить растения или утолить жажду. Эта вода была мертвой. Ее даром была вечная смерть.

— Этот лучше или хуже?

Девушка вздрогнула. Она слишком погрузилась в свои мысли и совершенно забыла о том, где находится.

— Этот похож на сироп, — помедлив ответила она.

На языке отчетливо чувствовалась горечь тимьяна и событий трехмесячной давности.

— На какой сироп?

Парень выхватил у нее из рук бутылек, взболтнул несколько раз и поставил на просвет перед свечой. Широкие рукава черной мантии от поспешного жеста, взлетели вверх на подобии крыльев летучей мыши, на секунду придав говорившему облик темной таинственности, и также плавно осели на пыльную поверхность алхимического столика. Образ черного колдуна опал, вернув парню истощенный вид утомленного и уставшего подмастерья.

— Малиновый. От кашля. С тимьяном.

— Малиновый. От кашля, — повторил он, ставя пометки на пожелтевшем бланке. — Тебе приходилось такой пить?

— В жизни не пробовала, — честно призналась девушка.

— Но на вкус как сироп, да? — еще раз уточнил парень, продолжая делать пометки и сверяясь со списком.

Девушка кивнула. Она совсем не разбиралась в травах и лечебных отварах. На ее счету ни одного приготовленного зелья. Это была необязательная дисциплина. Ее посещали только ребята из общего потока.

Склянка была отодвинута в сторону, заимев на пробке жирный крест. Темноволосый

парень с черными как смоль волосами, и сдвинутыми к переносице бровями, недовольно глянул в сторону оставшихся бутыльков. Он хмурился, пытаясь понять принцип систематизации пылящихся на полках эликсиров. Согласно списку, еще тремстам двадцати шести бутылочкам требовалась проверка — почти половина, а он до сих пор не мог найти зелья категории "В".

— Райт, в каталоге упомянуты исключительно безвредные рецепты? А то что-то мне от этого сиропчика не очень хорошо.

— Двадцать третий по счету эликсир, еще б ты себя хорошо чувствовала, — огрызнулся парень, тем временем пролистывая оглавление. Потускневшие от времени чернила с трудом читались при свете единственной свечи в помещении. — Извини, я немного устал, — опомнившись добавил он.

Леда никак не отреагировала на грубость. Она сама в последнее время слишком часто срывалась. Кричала, плакала, ругалась. Иногда просто без сил падала на постель, забывая навестить Райта в его сторожке, переделанной в подобие лаборатории. А по сравнению с теми словами, что ее награждали на тренировках, легкая вспышка Райта, казалась почти светским разговором.

— Напомни еще раз, каким оно должно быть на вкус?

— Оно должно напоминать вкус нектара черного трилистника сорванного в первый день после лунного затмения, — повторил он заученную наизусть фразу, открывая последнюю страницу книги, и стараясь разглядеть имя автора. — Кто эти характеристики писал? Это ж чего и сколько надо выпить, чтобы до такого додуматься?

— Справочнику почти пятьсот лет, — пожала плечами Леда. Она в худшем кошмаре не представляла, как можно распознать указанный вкус. — Времена поэтов и мечтателей.

— Времена смут и войн, — не согласился Райт. Пессимизм был в его крови и сложившаяся ситуация расцветала на благодатной почве. — Империя не на всеобщем понимании равенства, любви и веры строилась. Сколько поколений сильных магов стерто? Сколько знаний безвозвратно утеряно? До сих пор оправиться не можем. Раньше наши предки досконально знали свое семейное древо. На несколько тысяч лет. А сейчас? Ты знаешь, от кого ведется твой род? Знала бы — не удивлялась бы своему дару. Дар мага Стихий не берется откуда-то просто так. Был среди твоих предков кто-то особенный.

Родители утверждали, что не было. Она первая. Она основатель. И у нее могла быть прекрасная жизнь, о которой она мечтала. Если бы... что? Леда сделала все. Посмотрела на настоящий мир без сладковатой патоки, застревающей комками между зубов. Разглядела Империю без разноцветных вывесок и ярких картинок. И увиденное ей не понравилось. Мир был жесток. Адепты пропадали среди бела дня. Ректорат ничего не предпринимал. Стражи Солнца отказывались расследовать дела Академии. Даже местные газеты с неохотой отнеслись к изучению возможной сенсации.

Когда она сделала неверный шаг? До того, как заинтересовалась пропажей адептов или после, когда отправилась на их поиски вместе с едва знакомой девушкой потерявшей память? Или она изначально была обречена на подобный исход? Попасть на глаза Сестер Крови — мистических воительниц, о которых ходили такие слухи, что казалось, они никак не могли существовать в реальном мире. И ведь попала только за то, что находилась рядом, когда демонопоклонники творили свой кровавый ритуал. Досталось даже Райту. До сих пор было не ясно, что стало с Китрой и Ирбисом, учитывая, что первая выступала в качестве непосредственной участницы жертвоприношения, а второй просто пришел на помощь.

В каком-то смысле Леде и Райту повезло. Их не убили. Клан не был заинтересован в смерти двух несовершеннолетних подростков. Их забрали. И видят Стихии, она до сих пор не понимала зачем. Ее просто поставили перед фактом, что теперь она принадлежит Ковену. А если ей что-то не нравится, Леда может оспорить это в поединке. Вот она, вечная иллюзия выбора с которой девушка сталкивалась изо дня в день.

— Мне уже пора.

Она отказалась от предложенного сосуда с заживляющим зельем, хотя отчаянно нуждалась в нем. Ее новая семья стала замечать, что синяки и царапины слишком быстро сходят с кожи, а ушибы болят не так долго, как должны.

"Семья" — горько усмехнулась Леда. Какую Стихию она так сильно прогневала, чтобы обзавестись такими "родственничками"?

Обратно в поместье девушка возвращалась уже затемно. Долгожданная встреча с бывшим сокурсником не принесла желаемого облегчения. У Райта не было нужных слов, чтобы подбодрить Леду. Он вряд ли до конца понимал, что на самом деле с ней происходит за закрытыми стенами женского пансионата благородных девиц при Ковене. А она молчала, скрывая за платьем простого покроя большую часть ушибов и ссадин. Не хватало, чтобы парень совершил какую-то героическую глупость, вроде той, из-за которой они теперь оба находятся на грани жизни и смерти.

Ей не запрещали навещать Райта. В свободное от занятий время — приходи сколько хочешь. Правда времени того не больше часа, да и после тренировок лишний раз вряд ли захочешь провести в пути по запутанным тропинкам леса, усыпанным ловушками. Теми самыми, что сама же ставила несколько часов назад, а потом пыталась разрядить точно такие же сюрпризы своих оппонентов. И кто поручится, что все "подарки" обезврежены? А она еще думала, что в Академии тяжело. Немыслимо! По крайней мере, тогда при ней была магия. Оказывается, к хорошему очень быстро привыкаешь, особенно если это магия Воды.

Преподаватели Академии все как один утверждали, что люди, одаренные любой из Стихий — особенные. Каждый из них — вершитель собственной судьбы, чьи способности достойны особого уважения. Не то что эти, купившие себе места за золото. Ребят с общего потока недолюбливали, что часто приводило к стычкам между потоками. Леда, конечно, никогда не стремилась ущемлять кого-то из адептов, всячески осуждая недостойное поведение, но где-то в глубине души она чувствовала гордыню и постыдное превосходство. Она избранная Стихией. Она — элита.

Гордыня наказуема. Об этом ей тоже говорила бабушка, наслушавшаяся проповедей лунных жриц. Гордыня — главный порок истинных магов. Она должна была это помнить, ступая на скользкую стезю силы. Леда неуважительно относилась к своей Стихии. Сначала воспринимала, как проклятье, до последнего отказываясь верить в свою судьбу. Потом приняла свои способности как должное.

У нее не было своего личного алтарика. Она не ходила по утрам к водоему, чтобы поприветствовать источник своей магии. Она воспринимал водную Стихию, как инструмент, не более. Единственной данью для прародительницы своей магии стала чарма в виде снежинки. Такие покупали все адепты, у кого проявилась склонность к холодной воде.

Теперь не было ничего.

У нее взяли кровь. Всего один маленький порез на руке. И целое кровавое художество из мелких линий, соединяющихся в общий узор, на спине. Свечи, пение, чтение заговора.

Словно до нее все же добрались те сектанты и теперь спешат завершить дело. Только здесь она согласилась на все добровольно. Сама вручила свою жизнь в когтистые лапы гарпий, сотворивших с ней подобное святотатство. Осквернивших ее тело. Добравшихся до внутреннего источника силы.

Магия пропала.

— До тех пор, пока ты вновь не научишься без нее жить. — Сказала женщина в темных одеждах. Черно-красные узоры испещряли ее руки и лицо, придавая сходство с демоническими жрецами. Кожаные шнурки и обилие подвесок с камнями, узелки, завязочки, крючки. Каким-то образом, обряженная в невероятное количество магических побрякушек, женщина с опасным взглядом не походила на аляповатую куклу. Словно у чего-то отвратительного могла существовать своя собственная гармония.

— До тех пор, пока ты вновь не научишься без нее жить. — Повторила Леда.

А как без нее жить-то? Как? Как жить с зияющей пустотой вместо сердца? Как радоваться? Вставать по утрам. Дышать. Там внутри, в ней поселился маленький, прожорливый зверек, поедающий все крохотные частицы магии, что пытались прорваться сквозь завесу чар, отгораживающих от Леды. Иногда ей казалось, что она чувствует, как он шевелится. А иногда она жалела, что ее спасли из рук демонопоклонников.

Просто смешно. В мире столько темных магов, а Сестры Крови обратили внимание именно на нее. На ту, что оказалась рядом в неподходящий момент. Она ведь даже не принимала участие в ритуале. Смирненно сидела в соседней комнате под заклинанием хрустальных оков, пока не пришли ирум Ирбис и ирум Райт. Так почему счет предъявили ей, а не тем демоническим отродьям, что ее похитили?

Первые пару месяцев она и Райт жили надеждой, что их спасут. На фоне произошедших событий кто-то должен был догадаться, что два адепта ушли из Академии не просто так. Но, нет. Неужели решили, что молния два раза не бьет в одно и то же место? И это после того, как ее похитили два раза подряд! Кто бы мог подумать, что самым удачным окажется именно третий раз? Только теперь с ней нет Китры. И она вряд ли догадается Леду здесь искать. Ее вообще теперь искать некому.

Лунная магия принадлежит Жрицам, Солнечная магия — Стражам. Так было всегда и никто не задавался вопросом, почему все обстоит именно так. Для простых смертных подобное положение вещей было очевидным. Для самих носителей — тем более. Протестовали только либеральные стихийники. Кто-кто, а они последние несколько веков выступали против гендерного распределения магических направлений, всячески проталкивая вперед концепцию равенства. И это была только одна из многих причин, из-за которой маги Стихий конфликтовали с последователями иной магии.

Я не знала как к подобному относиться. А если быть совсем откровенной, то мне не было никакого дела до подобных распрей. Если испокон веков считалось, что Вода — это женская стихия, и мужчине не достичь в ней высот мастерства, а нынче наоборот, продвигают ступенькой за ступенькой вверх, чтобы продемонстрировать оппонентам ошибочность их взглядов, то вперед ребята!

Раньше считалось, что мужчина не способен справиться с эмоциональностью Воды, а женщина не готова укротить всю ярость Огня. Нынче же юные адепты с легкостью заканчивают Академию в том направлении, что выбрали. Главное, что бы был дар... или желание... или деньги. И не важно, что мужчины-водники потом немного чаще страдают психическими расстройствами, а женщины-огневики мрут пачками, надрывая свои способности. Всегда можно сказать, что в царстве Света, Солнца и Луны, тоже не все так гладко. Как по мне, Свет никогда не заморачивался вопросами половой принадлежности. Это не смотря на то что "верхушка" Ордена напроць мужская. Больше нигде вы не найдете вступительную речь с формулировкой: — "Вы вступаете в ряды наших магов на свой страх и риск..." или пункт со звездочкой, где ниже мелким шрифтом написано "Орден не несет ответственности за полученное в ходе обучения адепта просвещение и оставляет за собой право трактовать его на свое собственное усмотрение".

Вставал вопрос, что не так с магией Крови? Почему овладеть ей в совершенстве могла только женщина? Если отбросить в сторону заявление, что "так заложено природой", оставался только один аспект в пользу данного утверждения, и он полностью базировался на биологическом факте. Женщина дает жизнь. Всё. Все остальные доводы — не более, чем красочные вариации на эту тему.

Сестры Ковена пришли к нам с далеких островов. О них ходили мифы. Слагались легенды. "Юные девы, облачившиеся в мужские наряды и взявшие в руки мечи, явившиеся в полночь из морской пены", — как-то так звучали первые истории о них. Позже стиль сменился, став более зловещим. Историки же утверждали, что институт Ковена возник в противовес патриархату, царившему на материке большую часть существования цивилизованного общества. Принять его пришлось лишь потому, что Ковен принес с собой тайну запечатывания магии. Их методы использования магии разительно отличались от классических. К тому времени маги уже отказались от амулетов и талисманов. Сестры же наоборот, считали использование магии напрямую — глупостью и легкомыслием. А мастерство послушниц Ковена поражало. Со временем сообществу пришлось признать их право на существование и вписать Кровь, как полноценное направление в магии. Очень

осуждаемой маги... И если двенадцать кланов Империя кое-как воспринимала, то существование тринадцатого клана отрицал даже сам Ковен.

За все время, проведенное вместе, девчонка обратилась ко мне с вопросом только раз, когда до пансионата оставалось не более получаса езды.

— Ты правда Мать? — Спросила она. Карие глаза лучились детским любопытством в предвкушении захватывающей истории. И я могла бы такую историю рассказать, но невероятные сюжеты у меня были заготовлены для взрослых. А детям врать нельзя. Они этого не прощают.

— Нет.

Скорее всего, она и сама это понимала, потому что совершенно не растерялась:

— Почему Старшая сказала обратное?

Почему? Отчаянье толкает на странные поступки.

— Когда люди стоят на границе безумия и смерти, они склонны верить в то что хотят. Впрочем, как и все остальные.

— Она была убедительна в своих словах, — засомневалась Отражение.

Своими словами я подрывала авторитет Старшей. Но подобную грубость я была готова себе простить. Из-за поспешного решения Сестры, увидевшей отличную возможность скинуть последний долг на задурманенную зельями псевдоколлегу, я была вынуждена разрешать чужие проблемы. Как будто своих нынче мало. Конечно, уехать из города на пару дней или даже месяц, это отличная возможность выбраться из событийного круговорота и оценить ситуацию со стороны. Но, должен же быть способ и попроще, чем вторгаться на территорию Ковена.

— Что доказывает плачевность ее состояния.

— Тогда, что мы делаем? — Кажется, девчонка только сейчас поняла, что послушно выполнять приказы совершенно незнакомой женщины, на которую тебя скинула полуобезумевшая Старшая — не самый разумный поступок в жизни.

— Направляемся в вашу Учебку. Так она нынче зовется? Нет?

— Пансионат благородных девиц при Ковене, — поправила Лиана. — Официально — это частная женская школа, с усиленным обучением в сфере культурной и общественной деятельности. Школа соответствует обычной школе и предназначена для завершения образования.

Эээм...?

— Программа включает в себя курсы этикета, протокола, искусства гостеприимства, курс уборки в доме, светского разговора и все в этом духе?

Мне как-то приходилось обучаться в подобном институте. Я говорю о настоящем. В котором благородных девушек готовят к высшему обществу. Я его так и не закончила. Сложнее всего мне давалась верховая езда. С тех пор предпочитаю обьезженным скакунам карету и дилижансы.

Девчонка посмотрела на меня уже не удивленно, а скорее насторожено. Я надеялась, что она воспримет мои явные пробелы в памяти, как подкрадывающуюся старость или последствие затяжной болезни.

— Вы вообще из Ковена? — задала она таки правильный вопрос.

— Нет.

И вот как раз в этот момент я должна была изобразить загадочную личность, сказав

несколько емких, но туманных и расплывчатых фраз, чтобы заставить Лиану думать, что я некто более могущественный и сильный, чем сама Мать. Но наступающая зима, мелькающие за окном снежные холмы и припорошенная легким снежком дорога, на фоне сумбурных чувств к одному из представителей Обители Солнца, вгоняли меня в странное состояние, которому я не бралась давать название. В любом случае, именно оно толкало меня на необдуманные действия. И я совершила ошибку. Пустилась в объяснения. Пятнадцатилетнему подростку. Да с ирумом Камденом было в разы проще! Перед ним я хотя бы не пыталась казаться лучше, чем есть на самом деле.

— Я обычный посланник Света. Но это вовсе не значит, что я не смогу тебе ни чем помочь.

— В самом деле? Как ты собираешься мне помочь? Ты посмотри, во что одета! — праведно возмутилась она, внезапно осознав, в чьих руках ее жизнь.

— Нормально я одета, — вступила я в препирательство с ребенком. — В мое время все так одевались.

— Кто именно так одевался?

— Наемницы.

Черные сапоги без каблуков, штаны с меховой подкладкой, темная кофта с кожаными вставками, зачарованный редингот, опоясанный сетью ремешков португеей с закрепленными на ней ножами. Ножны я зафиксировала вдоль предплечий, рукоятью к кисти; к ремню за спиной параллельно самому ремню; за плечами рукоятками вверх, с тем расчетом, чтобы все варианты были удобны для метания с обеих рук. Все это удовольствие было спрятано под мантией. Не сумев закрепить отросшие пряди волос заколками и шпильками, отдала предпочтение шерстяной повязке и вязаной пелерине с капюшоном. Одежду пришлось подбирать по погоде, находя тонкую грань между удобством и теплом. Рассчитывать на согревающие чары больше не приходилось. А делать амулеты в спешке я не решилась.

Чтобы использовать магию Крови, ее изначально надо пробудить. Для чего требовались непосредственные носители упомянутого дара: проводник в Нижний мир, череда последовательных ритуалов и долгие-долгие подготовительные тренировки. Самостоятельно раскрывать в себе силы Крови уж точно не стоит. Тем более без присмотра опытной Матери. К счастью, мне хватило ума вовремя об этом вспомнить и отбросить самоубийственную мысль о самостоятельном погружении в транс.

— Ты об этом в какой-то книге прочитала? — она обвела рукой мой наряд, и я остро ощутила, как медленно теряю уважение в ее глазах. Кажется, девчонка уже сама не могла поверить, что я каким-то образом одолела ее. — Чего ты хочешь добиться нарядившись вот в это? Не то что Сестры Крови, никто в Ковене такого не носит! Даже Осколки!

Лиана начинала злиться. Ей явно не пришлось по вкусу, что я заставила ее смыть с себя всю косметику и снять грудку побрякушек, заплетенных в волосы и болтающихся на шнурках. Одно дело когда ты выполняешь приказ Матери, и совсем другое, когда подчиняешься кому-то из глупых взрослых.

— А Матери, что носят?

— Не видела ни одной. Наш пансионат еще ни одна из них не посещала, но... Думаешь хоть кто-то в здравом уме поверит, что ты — Мать?

— Ты же поверила, — осадил я девчонку. — И Старшая поверила. Пять минут я как-нибудь смогу осилить роль великой и умудренной жизнью женщины.

— Мать — это нечто большее, — в словах Лианы прозвучало столь сильное

благоговение, что я враз почувствовала все святотатство собственного поступка. Выдавать себя за Мать — означает не только совершить одно из самых ужасных преступлений в Ковене, это еще и осквернить светлую память Матери, что когда-то решила взять меня под свое крыло. Женщина, чья воля восхищала. Та безумная энергетика силы, что окружала ее, была мощной и непоколебимой. Один ее взгляд приводил окружающих в ужас. Ей хотелось служить. Ей хотелось повиноваться. Раз и навсегда вручить свою судьбу в ее руки и больше не теряться в сомнениях.

"Я беру всего одну жизнь за раз. Не больше. — Сказала она, когда однажды я решила оставить свои проблемы миру и посвятить себя защите Матери. Будто бы она в этом нуждалась! — Смысл существования Осколка в том, чтобы стать цельным. А до тех пор ты будешь только ранить."

Что она имела ввиду, я поняла гораздо позже. И вовсе не в тот момент, когда видела как уходят последние остатки жизни из тела моего супруга, а собственная душа скручивается в узелок боли. Нет. Осознание пришло потом. Несколько жизней спустя.

— Я знаю, Лиана. Но в Алом кодексе нет прямого запрета на использование личины Матери.

— Как нет? Нам несколько раз демонстрировали расправу над лжематерями. Ты будешь не первой, кто попытается осквернить ее имя.

— И не последней, — согласилась я. — Но статус Матери почти не затронут в Алом кодексе. Положение Матери охватывает слишком большой круг интересов. Поэтому, чтобы не ограничивать ее в действиях, кодекс описывает статус Матери максимально расплывчато. Матерью может назваться любой и даже быть ей, но ровно до того момента, пока кто-то не усомнится в занимаемом ей положении. Помнишь, что сказала Старшая, когда я предположила, что не смогу взять тебя под свою ответственность?

— "Да кто посмеет оспорить у тебя это звание" — дословно процитировала Лиана слова своей Старшей.

— Именно!

— Но... — По лицу Лианы пробежала легкая тень сомнения. Она все еще не могла поверить, что все может быть настолько просто.

Это не объясняют на ежедневных занятиях по изучению Кодекса. Там дают только базу и понимание основополагающих законов. До чего-то поинтересней нужно доходить своим умом. Или искать кого-то из старших, кто готов слушать твоё нытьё и стенания, и рад помочь разобраться с нагромождением завуалированных строф, написанных за тысячелетия до твоего рождения. Таких желающих, кстати, нет. Особенно если ты Осколок.

— Вот оно что, — глаза Отражения снова засияли надеждой. — Ты таким образом, — она ткнула меня пальцем в плечо, попав по рукоятке ножа, — пытаешься избежать провокации? Но тебя все равно будут проверять на магический потенциал.

— И..?

— И ничего не почувствуют, — догадалась она. — Вообще ничего! Ошибутся также, как я. Решат, что уровень магии столь высок, что они не могут даже определить?

— Верно, — я отвела руку девчонки в сторону и вытащила из кармана свою старую игрушку. — А чтобы закрепить результат, у меня есть вот что. — Я приподняла вверх косичку, сплетенную из черных веревочек, скрепленных металлическим эглетом на конце.

Девчонка потянулась к моему импровизированному амулету и спустя несколько секунд, удивленно произнесла:

— Здесь нет никакой магии, — неуверенно произнесла она, больше не представляя, чего еще можно от меня ожидать. — Хотя... Не могу до конца разобрать.

— В общем, ты права, — согласилась я, пряча псевдоамулет. — Сам он магии никакой не содержит, но ему около пяти сотен лет. Он пережил столько ритуалов и магических битв, что хотя в нем нет никакой силы, он хранит память о минувших событиях. Знаешь, как те памятники древности, что стоят в музеях или сокрыты в сокровищницах у коллекционеров.

— Эм... Не поняла.

— Ничего, скоро увидишь, как это работает. Псевдоамулет станет нашим пропуском. А дальше...

А дальше я надеялась запутать встречающих настолько, чтобы не позволить вызвать себя на дуэль. Оспорить статус можно многими способами. Но только один из них я провалю моментально. Тот, что будет связан с физической силой или ловкостью. В таком случае у меня не будет ни шанса выстоять в открытом поединке против любой из Сестер.

Роль посланника Света меня слишком расслабила. Не то чтобы я так сильно себя запустила, что не могла одолеть и одного лестничного пролета без отдышки. Но тело явно пребывало далеко не в лучшей форме. Хотя последние события доказали, что кое-что я могу. Например, вводить людей в заблуждение. Но тут много сил не требуется, особенно, когда Луна в своем праве. А вот для того чтобы вернуть форму, которая позволила бы выстоять одну обычную схватку с Сестрой, потребуется не меньше пяти лет усиленных тренировок.

— ...желающие обмануться, позволят себя обмануть. Те же кто менее доверчив... мы их постараемся избежать.

— Безумный план, — резюмировала девчонка. — Ну, хоть не скучный.

— Да, — протянула я. — Веселье — это наше все.

Разговор был окончен. Девчонка задумалась о своем, а я приходила к неутешительным выводам, что мои тридцать четыре года — это тот самый пик, после которого все силы идут на спад. Откровенно хотелось спать. Мышцы расслабились. Сознание медленно соскальзывало в дрему. Думать совершенно не хотелось, несмотря на то, что разум лениво цеплялся за мысли, предлагая воспользоваться какой-нибудь методикой, чтобы сбодриться перед важной встречей.

Внезапно карета начала сбавлять ход, а потом и вовсе остановилась.

— Мы разве уже приехали? — усомнилась я, не желая покидать нагретое местечко. За окном все также был лес, укутанный тонким слоем изморози и первого снега. — Лиана, нас мог остановить кто-то из дозорных?

Не напали же на нас разбойники всего в одном шаге от въезда на территорию пансионата?

— Не знаю, — велледи напряженно вглядывалась в окно, пытаюсь отыскать ответ среди белой пелены. — Я всегда покидала это место пешком: либо со Старшей, либо с сокурсницами.

Блеск!

Сонливость как рукой сняло. Дернув скрипящую дверцу, я выбралась из кареты, приказав девчонке оставаться на месте. Она попыталась что-то возразить, но я только шикнула в ответ.

В лицо сразу дхнуло холодом. Слабенькое заклинание тепла, держащееся в салоне экипажа, дрогнуло под напором ледяного ветра и побежало мелкой рябью. Я поспешила закрыть за собой дверь, чтобы не разрушить последние остатки угасающей магии. Кучер не

будет активировать чарму повторно только для того, чтобы она проработала с пользой десятков минут, за которые мы должны будем добраться до дверей пансионата.

Кстати, о кучере.

Грузный мужчина сидел на "козлах", продолжая удерживать поводья. Он чуть склонился вперед, отчего меховая шапка съехала вниз на лоб. Кучер напоминал застывшую куклу с остекленевшими глазами. Двойка лошадей неуверенно топталась впереди, склонив головы и периодически пофыркивая.

— Что с вами? — обратилась я к кучеру, запрыгивая на подножку. — Вы меня слышите?

По привычке я мысленно потянулась к Свету. Нашупав ровным счетом ничего, выразила свое крайнее разочарование относительно подобной ситуации, посчитав должным объяснить организму, что он мог бы уже вернуть утерянную магию, не дожидаясь посторонней помощи. В самом деле, я же взрослый человек! Разве мои проблемы не достаточно самостоятельны, чтобы решаться без моего непосредственного участия?

В слух это прозвучало примерно так:

— Да ты издеваешься надо мной! — Я легонько толкнула мужчину в плечо. Реакции не последовало.

— Будьте, пожалуйста, живы, — попросила я, вытаскивая из кармана маленькое зеркальце. Прошло несколько мучительно-длительных секунд, прежде чем его поверхность запотела. Я облегченно выдохнула, спрыгивая на землю. — Слава Свету, жив!

Радость продлилась не долго. Какое-то мельтешение на краю видимости. Настолько легкое и плавное, что можно принять за облачко пара во время дыхания. Инстинктивно я дернулась обратно к дверце кареты, но там меня уже ждали. Вот что значит лишиться магии. Ты теряешь способность чувствовать такие важные вещи, как враждебная волшба или присутствие постороннего на расстоянии вытянутой руки.

— Ты еще кто? — опешила я от такого наглого вторжения в личное пространство.

Девушка. Слишком юная для Старшей Сестры. И речь сейчас не возрасте.

Легкость одежды прямо таки кричала о наличии согревающего амулета, о котором я мечтала последние несколько часов. Высокие сапоги, обтягивающие кожаные штаны, длинная рубашка с глубоким вырезом, наручи, пояс поперек талии, на котором закреплены амулеты. Алая вышивка извивалась на черной ткани, переползая за спину, словно ядовитая змея. Обилие рисунков сбивало с толку, мешая сфокусировать взгляд, который вслед за гипнотическим узором, смещался к груди воительницы. Тут явно была замешена магия плетения, или же мне пора взяться за собственную фигуру и перестать завидовать окружающим.

Нежданная гостья не разменяла четвертый десяток лет. Нынче, конечно, ни в чем нельзя быть уверенным наверняка, особенно в возрасте женщины, но не в этом случае. Эта девушка не стала бы скрывать свои года. Она считала себя выше подобных глупостей. Она гордилась собой. Результатом своих трудов. Своим выбором, своим образом мыслей, своим телом. Она не стремилась это спрятать, подобно смиренной жрице Луны. Она всем своим видом бросала миру вызов.

Она была почти одного роста со мной. Стройные ноги, точеная талия, изящный изгиб шеи. Острые скулы, алые губы, раскосые глаза, смуглая кожа, тонкие брови, черные, как смоль. И каждый фрагмент косметики на лице свидетельствовал о том, с какой тщательностью девушка выбирала тона, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к жителям восточных островов, к Ковену. Метиску в ней выдавали только насыщенные карие глаза с

едва заметными желтыми прожилками цвета верескового меда. Намек, что в родословной затесался южанин.

Замысловатая прическа с ленточками и шнурками внезапно напомнила мне первую встречу с Лианой. Сходства в выборе одежды и макияжа были не случайны. Или это новое веяние моды, или юная Старшая была объектом подражания для чужих Отражений.

— Это частная собственность, — возвестила девушка, дав мне возможность в полной мере оценить ее внешность. — Только для сестер Ковена.

Она стояла слишком близко и отступать не собиралась. Поэтому сделать шаг назад пришлось мне. А такое трудно повернуть с достоинством, когда собираешься строить из себя важную персону. Заготовленный монолог как назло прогнулся под напором враждебной ауры оппонентки и рассыпался на мириады бессмысленных частиц. Кое-как выхватив несколько цельных кусков, я сумела выдавить:

— А кто же по-твоему я?

Соберись, Китра! Откуда столько фальцета в голосе? Давай, спинку прямо. Руки в боки. Взгляд острее. И уверенность. Больше уверенности. Ты — отважная наемница. Ты среди своих сестер. Ты приехала в пансионат своего Ковена. Ты...

— Ты — Китра Латер, посланник Света, — припечатал Старшая, наслаждаясь тем как у меня от удивления расширяются глаза, приоткрывается рот, а в горле застревают все умные слова.

Меня только что раздавили как таракана. Все, можно разворачиваться и ехать обратно. Это полный провал. Фиаско!

Старшая меж тем, продолжала:

— Или уже бывший посланник? Я не успеваю следить за последними новостями.

Новостями? Блеск! Про меня что, ежедневную газету издают? И как называется — "Взлеты и падения руми Латер, но в основном одни падения"?

Последние пару предложений я сказала вслух. Что хорошо, потому что нельзя делать ставку на словесный поединок и продуть его в первом же раунде. Если только... если только что? Если только я не собираюсь мухлевать.

— Очень самокритично для женщины в возрасте, возмнившей себя достойной для посещения пансионата Ковена, только из-за того, что избежала расплаты за свои грехи, вступив в сговор с демонопоклонником. — Усмехнулась Старшая веллади. — Твой позор был смыт кровью сестры Ковена обманным путем.

— Даже если так, — не стала спорить я, собирая по крупичкам свое достоинство. — Проклятье Крови с меня снято. Я одержала победу. Неважно, каким способом. У меня даже трофеем остался, — я кивнула в сторону кареты, подразумевая, конечно, Лиану. — Я невиновна.

— Не для меня, — холодно ответила девушка, явно прокручивая в голове варианты трофеев, которые я могла утащить у ее соратницы. Нет, милочка, это не деньги и не украшения. Лучший товар — это люди.

— Слабо верится. Не вижу скорби по ушедшей Сестре. Может быть ты не очень была привязана к той веллади? Мол, не все сестры одинаково равны?

Вот я бы себе за такие слова врезала. Но Старшая только усмехнулась, вызвав во мне волну отвращения.

— Может быть, — ответила она.

Проклятье! Соберись!

На что я должна обратить внимание? Кто стоит передо мной? Бунтарка. Одежда, прическа, манера поведения, — кричат об этом. А что делают все бунтари? Правильно, они либо отрицают действующие законы, считая их бессмысленными или устаревшими, либо уверены, что окружающее большинство трактует их неправильно. В любом случае, эта болезненная тема.

— Звучит так, словно ты не согласна с законами Алого кодекса. — В попытке изобразить шок, я аж схватилась за сердце. — А как же равенство сестер перед Матерью? Невинность выжившего в поединке?

Прозвучало фальшиво, но я тут, между прочим, в одиночку весь диалог на себе тащу. Эта Старшая могла бы хоть немного постараться и подыграть, отвечая на вопросы так, как надо мне.

— Да что ты можешь знать о наших законах? — не поддавалась на провокацию веллады.

Спокойствие? Почему она не реагирует? Я ошиблась в своей оценке? Алый кодекс — это святое!

— О законах я знаю больше, чем весь ваш пансионат вместе взятый, — попробовала я сменить манеру поведения. Голос немного вернулся в норму, а сердце перестало возобновлять попытки побега из моей груди.

— Потому что ты одна из сестер Ковена? — она снова скривилась в ухмылке, а я возблагодарила Свет за очередную возможность.

— Не из сестер, — я с особым наслаждением поправила веллады, растягивая слова сладкими нотами. — Я — Мать.

— Какая чушь!

Наконец! Ну наконец-то проявление обычных эмоций! Да, она продолжала улыбаться произнося эти слова. Ее тон все еще шутлив, но наигранность стала вымученной. И все же, этого было недостаточно. Где чистые эмоции? Где злость?

— В самом деле? А я только начала тешить себя мыслью, что ты действительно обо мне что-то знаешь. Даже испугаться успела. Видишь, как рука дрожит? — я подняла руку, в которой все еще было зажато зеркальце. Легкое движение кистью. Солнечный лучик весело скользнул по ее глазам, заставив на одно крохотное мгновение зажмуриться и сделать рефлекторный шаг назад. Но я успела. Успела разглядеть прозрачную пленочку на роговице, еле заметно блеснувшую в свете солнечных лучей.

Зелья. Ну, конечно. Кто-то увлекается успокоительными зельями. Жаль. Я ведь почти поверила в свою ошибку.

Мой маневр веллады не понравился. Голос Старшей прозвучал ровно, даже чуть отстраненно, и я поняла, что сумела немного пробиться сквозь действие волшебного эликсира. Похоже, качество и этого напитка оставляло желать лучшего. У Сестер Крови появились явные проблемы с хорошим зельеваром.

— Насмехаешься надо мной?

— Смотри-ка, догадливая, — обрадовалась я. — А я думала, объяснять придется.

Вот так, за две минуты, я нарвалась на заранее проигрышную дуэль.

Глава 2

Порыв ветра взметнул верхний покров сугроба, без какого-либо почтения швырнув мне в лицо порцию колючего снега, и тут же стих, безвольно стелясь на припорошенную дорогу. По земле со стороны леса поползла поземка. Природа замерла, предчувствуя надвигающуюся бурю. Звук тишины разбивал потрескивающий в тонких деревьях мороз. Потянуло цепким холодом.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы вырваться из сковывающего плена благоразумия и выйти навстречу Сестре. У невидимой границы, за которой начиналась территория пансионата, я остановилась. Задеревеневшие в перчатках пальцы едва слушались, когда я принялась развязывать шнурки плаща. Еще немного усилий ушло, чтобы небрежно откинуть его в сторону и принять вызывающую позу. Провоцирующую.

— Не будь душой, — попыталась вразумить меня веллади, понимая, что я намериваюсь сделать. — Это что, безумная попытка суицида, как последствие постмагической депрессии?

Очень может быть.

Вытащив из кармана шнурок с металлическим эглетом, кинула его на землю.

— Я, Китра Латер, посланник Света, нареченная им же, вступаю на землю Ковена в статусе Матери.

— Ты не оставляешь мне выбора.

— Ты мне тоже, — я сделала шаг вперед.

Тяжелы вздох.

— Так тому и быть, — прошептала она. — Я, нареченная Кровью, веллади Айви Ронг, вызываю нареченную Светом, посланницу Китру Латер, на поединок, чтобы отстоять честь Матери.

Прозвучали ритуальные слова вызова.

— Я, нареченная Светом, посланница Китра Латер, принимаю твой вызов, веллади Айви Ронг, Старшей Сестры Ковена.

— Пусть сердце Ковена станет нашим судьей, — она отстегнула заклепку от воротничка и кольнув палец, пролила несколько капель на землю.

— Пусть сердце Ковена станет нашим судьей, — повторила я вслед за Сестрой. Булавки или заклепки у меня не было, поэтому я не стала мелочиться и вытащила нож. Наносить себе рану таким способом перед дуэлью один на один с Сестрой Крови, несколько опрометчивое решение, но на исход битвы повлиять никак не могло. Либо моя уловка сработает и ритуал не будет завершен, либо кровоточащая рана на ладони станет не самой важной моей проблемой.

Что-то резко изменилось в атмосфере. Воздух начал густеть. Так ощущалась магия. Волнами перекаывая через нас, она стекалась на зов. Магия Крови откликалась только на преподнесенные дары. А лучший дар — жертвенный. Собственная плоть и кровь. Старшая кинула клич. Мы обе высказали желание и пролили кровь.

Наша жертва была принята.

Кожу лица мазнул жадный язычек магии Крови, показавшийся на контрасте стылого воздуха, поцелуем раскаленной стали.

Сестра сделала шаг вперед.

Она вызвала меня на дуэль. Она должна создать ритуальный круг Крови.

Звук вытаскиваемого из ножен меча.

Скрежет.

Взмах.

Молниеносный выпад.

Клинок воткнулся в землю, перерезая шнурок с эглетом и обозначая центр будущего круга.

Сестра зашептала слова призыва.

Багряные капли моей крови продолжали стекать по ладони, срываясь с пальцев на белоснежный ковер дороги. Я слушала ритуальные строки, невольно вспоминая куски той жизни, где встречалась с настоящей Матерью.

Много лет назад.

Архив клана Крови.

Тишина. Не мертвая, скорее сонная. Бесконечные ряды стеклянных стеллажей, словно сделанных из хрусталя. Сумрачный полумрак, подсвечивается слабыми огоньками, исходящими из маленьких кубиков кристаллов, хранящихся на прозрачных полках. Пещера затоплена их мерцающим светом, как небо звездами. Обманчивое спокойствие лежит молчаливой печатью на каменных сводах. Здесь дремлет магия.

Это была ночь перед тем, как я в последний раз видела Мать. Когда покинула лоно Сестер Крови, отправившись на миссию к которой так долго готовилась. Ради которой искала убийц магов. Завершение которой должно было сделать меня цельной.

Сменив взгляд, я перешла на другой пласт реальности и не удержалась от восхищенного "О-ох!". Весь зал был опутан сетью нитей, по которым растекалось серебристое свечение. Магия циркулировала по хрупким узорам, соединяя кубики между собой и уходя по каналам куда-то вверх. Мне пришлось немного поднапрячь зрение, чтобы во всем этом скоплении света разглядеть едва поблескивающую паутинку, потянувшуюся к Матери.

Заметив мой пристальный взгляд, велледи щелкнула пальцами и нить мгновенно рассыпалась.

— Ты разрушила ее? — удивилась я, и мой голос разлетелся эхом, отозвавшись со всех сторон хором сотни кристалликов.

— Следи за тоном, — предупредила Мать, нараспев растягивая слова. — Не разрушила, а сделала незримой для особо любопытных светлых. Из тебя так и не вытравили эту дрянь? — Она дотронулась до одного из шнурков, вплетенных в мою прическу, и что-то на нем разглядев, покачала головой. — После у меня будет серьезный разговор с твоими Сестрами. А пока, давай внесем тебя в архив.

— В архив? Зачем?

— Это традиция. Эти узоры — наши вены. Способ связи друг с другом через время и

пространство. Целый мир, охватывающий все поколения: что были и что будут. Наша культура. Благодаря архиву, я всегда буду знать, что с тобой происходит. Даже то, погибнешь ли ты или выполнишь свою миссию. Все отобразится здесь.

Под ее взглядом я чувствовала себя несмышленным ребенком. Слишком стары были ее глаза. Словно в них заточено время всего мира. Будто бы это было возможно! Нас с ней разделяли века. Эпохи. Я видела больше. Я знала больше. Я пережила такое, о чем ей не снилось в самых страшных кошмарах. Что она могла противопоставить моему опыту? Ей лет пятьдесят — не больше. Если считать годы всех моих жизней, я превосходила ее! Так откуда это раболепие? Почему я так страшилась эту невысокую женщину с бесконечно мудрым взглядом. Что же такое величественное она сотворила, что я до сих пор не дотягивала до ее уровня?

— Каждая Сестра Ковена, вступившая в наш клан на путь Крови, — продолжила Мать, повернувшись к пустующей полке, — оставляет здесь свой след, чтобы не затеряться в веках. — Она вытащила прямоугольное стекло, длиной не больше указательного пальца, и положила себе на ладонь. — Чтобы помнить: клинок, честь, кровь и смерть.

— Мне это не нравится, — я хмуро уставилась на стекло.

— Конечно тебе это не нравится. Тебе ничего кроме кремовых тарталеток не нравится.

Я хотела возразить, что у меня есть на примете некоторые алкогольные напитки, которые я планировала возлюбить в случае, если миссия пройдет успешно, но вовремя прикусила язык. Мать могла запросто свернуть весь ритуал на полпути и выдворить меня обратно в Учебку еще на десяток лет. Поэтому, перебрав в голове кучу неподходящих вариантов, состоящих из глупостей и возражений, остановилась на чем-то действительно важном.

— Как долго хранятся слепки крови?

— Вечность.

Да, мне это очень-очень не нравилось.

— Зачем? Зачем так долго? Почему не уничтожать после того, как Сестра умирает?

— Потому, что иногда мы возвращаемся.

— Возвращаемся?

— Возвращаемся, — повторила Мать как ни в чем не бывало. — Немного другими, конечно. Нашими детьми. Нашими внуками. Когда они приходят к нам, мы ищем их здесь. И находим. Иногда приходится добираться до пятого или шестого колена, но мы все равно их находим. Кроме Осколков, конечно. У вас очень вредная кровь, но и она может послужить хорошим началом для ваших потомков.

Вот оно что. Я вечно пугаюсь раньше времени. Мать не имела ввиду конкретно мою ситуацию. Хотя, иногда мне казалось, что она видела меня насквозь. Слишком много намеков, слишком много поблажек, слишком много понимания от человека на чьих плечах держатся поколения профессиональных убийц магов.

— А теперь, давай ее сюда.

Я послушно протянула руку и позволила Матери себя уколоть. Несколько рубиновых капель скользнули на гладкую поверхность стекла. Подобный магический процесс был для меня в новинку.

Шелест перьев. Дремавшая сила разминаясь расправила крылья. По паутинке нитей, стряхивая плотный застывший налет, замигали огоньки, видимые только особым зрением. Зал засиял потусторонним светом. Повеяло холодом. Образец крови, оставленный

на стекле, кристаллизовался. Изменения происходили до тех пор, пока плоская стекляшка не превратилась в маленький хрустальный куб с красной звездочкой внутри. Затем, Мать поднесла куб к губам и что-то тихо прошептала. Новое творение с радостью подчинилось своей хозяйке. На гранях проступили странные крючки-завитушки, соединяющиеся между собой гибкими хвостиками и образуя неведомые мне символы.

— Нареченная Светом. Очищенная Кровью. Китра Латер. Дочь. Посланник. Осколок, — закончила Мать.

— Мне вернули мое имя?

— Оно вернется к тебе, когда станешь цельной, — она постучала ноготком по хрустальной грани. — Теперь, каждый раз открывая ритуал и вызывая к Крови, здесь будет оставаться отпечаток. Каждая битва под эгидой нашего клана запечатлется на этом слепке крови. Этот кристалл — твой секундант и поверенный. Оставаясь в архиве, он будет главным свидетелем в твоих дуэлях. Позволит следить за соблюдением чистоты всех ритуалов Крови.

Тогда я думала, что единственная дуэль по законам клана Крови пройдет между мной и моим мужем. После этого я поклялась больше никогда не обращаться к этой жуткой магии с вечным привкусом металла. Я даже занесла этот пункт в Дневник.

А теперь... грубо нарушала одно собственных неприкосновенных правил.

Блеск!

Наблюдать за возникновением ритуального круга не переходя на другой пласт реальности было странно. Теперь, лишённая своей собственной магии, я многое воспринимала иначе. Не было режущего света или сверкающих блесков, словно далеких звезд, сошедших с небосклона. Сияние луны не скользило по клинку, воткнутому Старшей между нами. Ничего, что могло бы вызвать восторг. Вместо привычного восхищения, нахлынула волна ужаса, как отголосок от опасной волшбы. Шепот предков. Нарастающий гул призванных Кровью для подтверждения ритуала.

Пришло время второго шага создания круга.

Они пришли клубящимся холодным туманом. Я ощутила их недовольство, когда подобравшись к моему телу, они пронзили его насквозь гудящей силой. Потусторонним сущностям я не нравилась. В отличие от Старшей, они знали, что моя кровь спит. Я не была ровней их Сестре. Они отказывались признавать во мне соперницу для Старшей. Они точно знали кто я.

Гудение усиливалось. Земля продолжала дрожать. Невидимый плотный слой воздуха прессом сдавил грудь. Я изо всех сил старалась не упасть и не сдаться под мощью первой волны. Приходилось следить за дыханием, чтобы раз за разом не сбиваться с ритма и не слечь с обмороком. Я должна была выстоять. Я сжала кулаки и посмотрела на своего оппонента.

Айви была бледна как снег под ногами. Ее губы дрожали. Челюсти крепко сжались. Казалось, можно услышать скрежет ее зубов. Из глаз пропал тот отблеск, что давало успокоительное зелье. Девушка тоже слышала тот гул, что мешал мне сосредоточиться. Духи предков проверяли и ее. Девушка несколько раз мотнула головой, пытаясь отогнать навязчивые голоса. В какой-то момент взгляд Старшей прояснился и она посмотрела на меня в ответ.

Земля содрогнулась, принимая на себя следующую волну ритуала. Вверх по венам

взметнулся раскаленный металл магии Крови. Жгучая смесь, внедрялась во все узоры плетений, что могли быть оставлены посторонней волшбой. Ритуал взывал к моей крови. Взывал неистово. Громко. Так воет лютый зверь в агонии. Так кричит магия, когда зовет кровь и не может ее дозваться.

Это было больно. Как я могла забыть, что это так больно?

Сквозь взбесившуюся бурю колюще-режущих потоков магии Крови, разнесшуюся по каждому участку моего организма, послышалось чужеродное эхо. Духи предков, хранители магии Крови, заговорили в моей голове.

"— Кто ты? Кто ты?"

"— Мать, — уверенно отозвалась я."

"— Кто? Ты? — сместился акцент в словах."

"— Да, я."

Давление в голове усилилось. Мне пришлось зажать себе рот рукой, чтобы не закричать. Из глаз брызнули слезы. Шок как-то совсем неохотно защищал меня от болевых ощущений. Словно наличие обмана могло служить той строчкой мелким шрифтом, которая исключала любую возможность помощи.

"— Кто ты? — не унимался говорящий, выгребая остатки моих мыслей. — Кто ты?"

"— Китра Латер. Мать. — Я отчаянно продолжала гнуть свою линию."

" — Китра. Латер. — Повторил голос. — Кто ты?"

" — Китра Латер. Нареченная Светом, очищенная Кровью, — попробовала я иначе."

Голос замолк только для того, чтобы подарив блаженную тишину, ударить в голове раскатистым громом:

" — Китра Латер! Потухший Свет! Мертвая Кровь!"

" — Что? "

Холодная, анестезирующая ясность, ледяным бризом пронеслась в голове и спустилась к сердцу.

" — Китра Латер, — повторил голос, постепенно стихая. — Мертвая кровь. Совсем мертвая-мертва-ая я..."

Мгновение и волна магии спала.

Я ахнула. Липучая астральная присоска с противным "чпок" оторвалась от головы, освобождая мои мысли из-под контроля. Наверное, я выглядела очень погано, потому что, когда взглянула на веллади, желая удостовериться, что и она прошла проверку перед дуэлью, та позволила себе победоносную ухмылку. Она-то с легкостью справилась с допросом предков. Ей скрывать нечего.

Третий этап возведения ритуала закончился. Нас ждал четвертый. Последний.

Совсем рядом послышалось шипение. Снег под воздействием магии начал таять, обрисовывая вокруг меня и веллади круг диаметром в шесть метров. Красная пыльца взвилась к небу, выстраивая защитный купол. Он возводился для того, чтобы не навредить окружающим и чтобы не мешать тем, кто внутри. Не дать бежать струсившему. Потому что живым из этого круга выйдет только один. Входят двое живых, а покидает его только один.

Какое счастье, что где-то там далеко, в святая святых архива, нареченная Светом, очищенная Кровью, Китра Латер, дочь, посланник, Осколок, Сестра Крови — мертва. А значит, все условия создания ритуала — не соблюдены.

— Что за..? — попыталась возмутиться Старшая, глядя, как по краям очерченного круга побежали трещины.

— Техническая победа, — пояснила я, делая шаг назад. Контур дрогнул. Купол поплыл дымчато-багровым маревом, выпуская меня за свои пределы. Будь ритуал завершен, меня бы сейчас нехило приложило. — Моя победа.

Я всеми силами пыталась побороть в себе злорадство, но истерзанное магией тело и душа, требовали хоть какого-нибудь возмездия.

— Неправильно завершенный ритуал Крови — это ошибка какого уровня? Тени или Отражения?

У меня была на примете еще прачка остроум, но я успела себя вовремя остановить.

Я сжульничала. Во-первых, это низко. Во-вторых, скоро нагрянут последствия.

— Не может этого быть! — проигнорировала мою колкость Сестра. Она рванула к границе круга, чтобы успеть поймать ускользающие нити опадающего плетения. Склонившись над чертой, девушка протянула руку к тающей багровой пылице. — Этого просто не может быть. Я не могла ничего напутать! Я делала это десятки раз.

Девушка продолжала разглядывать оседающие нити. Я же, выдернув из-под меча остатки своей веревочки, подобрала плащ и отряхнув его от снега, направилась обратно к карете. Кучер уже должен был начать просыпаться, если я верно угадала заклинание, использованное на нем. Все-таки без магии определять такие вещи очень непросто.

— Кто ты такая, заведи тебя демон?! — ударил мне в спину отчаянный возглас.

— Очевидно, все еще Мать, — не оборачиваясь ответила я. — Или посланник Света. Впрочем, насчет последнего не уверена. Мастер Эстеф грозился отобрать этот титул, если покину Старый город прежде, чем закончится восстановительный период. Это ему лекарь наябедничал, я знаю.

— Ересь! — я не успела среагировать. Не услышала шагов. Слабое движение в самом уголке глаза, и вот я прижата к карете. Старшая держит меня за грудки, прожигая неистовым взглядом.

— О, вот и эликсир окончательно выветрился. — Только и смогла ответить я. Все-таки моему образу не хватало немного стати и ауры подавляющего превосходства. Говорят, последнему можно научиться. При должном настроении, я могла это даже сыграть. А вот с первым у меня всегда были проблемы. — В качестве совета от Матери, снизь концентрацию. Кошмары по ночам — это конечно неприятно, но скачки от отупляющей пустоты к маниакальной ярости — это недостойно Старшей Сестры.

" — Неплохо, — похвалила я себя, глядя, как пышущие гневом глаза постепенно затухают. — Прозвучало совсем непохоже на то, что я несколько недель подряд заливалась похожим зельем, предварительно доведя его до брожения, чтобы усилить эффект. "

— Зачем? — она разжала руки, отпуская меня. Она была так близко, что я могла почувствовать на своем лице ее теплое дыхание и горький запах трав.

— Зачем что?

— Зачем ты здесь?

— А зачем Матери посещать пансионат для благородных девиц? — Я легонько оттолкнула ее, и Сестра послушно отошла. Ее лишь слегка передернуло от слова "Мать", но в остальном она сумела с собой справиться. — Конечно же, чтобы сдать любимого ребенка на воспитание.

Она сделала несколько глубоких вдохов, после чего ответила несколько не сдержанно:

— Ты — не Мать. Кто угодно, только не Мать. Я не знаю, как ты это сделала. Я не знаю, зачем ты это сделала, — теперь это звучало, как угроза. — Но клянусь своей кровной

линией, что бы ты не задумала, я... — Она резко оборвала себя на полуслове, сместив с меня взгляд на кого-то стоящего позади. — Какого... ребенка?

Мне не надо было оборачиваться, чтобы понять: из-за моей спины выглядывает Лиана.

— Долго еще? — с детской непосредственностью, спросила она. — Титул не был оспорен, так чего ты с ней треплешься? Слово Матери — закон.

Некоторые вещи забываются. Стираются из памяти, как дурные сны, уходящие с рассветом. Сложно удержать в голове абсолютно все.

"— Некоторые события не стоят того, чтобы о них помнить, — как-то сказала мне Мать".

Я была с ней не согласна. От меня постоянно ускользала память, путая в воспоминаниях причину и следствие. Безумие темной стороны луны преследовало меня голодным зверем всякий раз, как я давала слабину.

В один прекрасный день я поняла, что не хочу помнить об Учебке ровным счетом ничего. Эти воспоминания боролись за жизнь очень долго, подкидывая разнообразные кошмары-воспоминания. Как я спала на вершине скалы, найдя убежище в крохотной расщелине. Мерзла. Плутала по заснеженным долинам, выискивая хоть какой-то намек на еду и изредка проваливаясь в беспамятство. Иногда голод становился столь сильным, что я всерьез задумывалась, а не пустить ли амулетики, что сделаны из крохотных кусочков кожи, на суп. Усталость боролась с голодом. Брезгливость с гордостью.

Насмешки я научилась игнорировать достаточно быстро. Понятие "справедливость" утратило свое значение всего за пару дней. Ты — Осколок, прав у тебя нет. И что с того, что тебя притащила Мать? Тут некоторые котят притаскивают. Может их спустя пару дней не утопят, когда наиграются.

Ссадины не заживали никогда. Синяки превратились в своеобразное украшение. За ранами посерьезней приходилось следить самостоятельно. Иногда Мать снисходила до того, чтобы дать обеззараживающую мазь, но, чаще всего, отправляла за ингредиентами для зелий в долину. В долине было хорошо. Никто не мешал, никто не кричал. Никто не мог втянуть в заведомо проигрышную схватку, после которой ран оставалось больше, чем опыта. Здесь было маленькое, до жути холодное озеро и много поводов для раздумий. И хищники, выползающие на свет божий с первыми намеками на сумерки. От таких не убежишь. Не защитишься. Поэтому... да-да. Расщелина на верхушке скалы.

Вечно оставаться в долине было нельзя. Не за тем я искала лагерь Сестер, чтобы отсиживаться в другом месте. Поэтому я возвращалась. Выбирала тренировочную группу по силам и присоединялась к ним. Иногда что-то шло не так и я попадала в карцер: яма метров пять, закрытая решеткой, а сверху стекает вода, превращая земляной пол в грязную кашу. Ну да это ничего, через полгода я научилась из такой выбираться. Каждый месяц приходила Мать и проверяла мои успехи. Изредка давала советы. Я никогда не могла понять, довольна ли она моими результатами или нет. Возможно, она тоже не знала, для чего я ей такая сдалась.

К чему я вспомнила о своих былых годах? Конечно же к тому, что к некоторым вещам ты бываешь просто не готов. В моем случае это был усадебный дом, представляющий собой старинную белокаменную постройку, по периметру окруженную превосходными пейзажами и раскидистыми липами. Липа была странным выбором для Сестер Крови, но вполне приемлемым для климатических условий данной местности. Орхидеи здесь могли выжить только в специальных теплицах при постоянном уходе и магической поддержке, липам же такие сложности не требовались. Липа — это эмблема верности и любви. Она призвана

сохранять не только мир и покой отношений, но и символизировала нерушимость кровных уз.

Пансионат благородных девиц при Ковене был официальным прикрытием для места на территории Империи, куда кланы отправляли юных воспитанниц на специальное обучение. Был среди них и клан Крови, прекрасно маскирующий своих Сестер среди будущих воительниц.

Под стать ученикам, огромный особняк тоже скрывал свою истинную сущность. Мраморные полы, светлые стены, портьеры из дорогих тканей и коридоры наполненные солнечным светом. Последние было связано с невероятно чистым небом, спокойной погодой и полуденным солнцем. Здесь было слишком светло, спокойно и мило. Девочки в передничках, выглаженные платишки, детский смех. Как будто я попала в перевернутый мир, где послушницы Ковена действительно являются обычными юными девицами, обучающимися по стандартам женских учебных заведений Империи. Единственным доказательством того, что все не может быть тем чем кажется, — это Лиана, стоящая рядом и переминающаяся с ноги на ногу.

Я наблюдала за тем, как проводят свободное время ученицы пансионата и это резко контрастировало с тем, что происходило в моей Учебке! Начнем хотя бы с кроватей. Они здесь были!

— Доброго вам дня! — хором поприветствовала меня группа юных Сестер. Иерархия у кланов была одинаковой. Везде присутствовали Тени, Отражения, Старшие и Младшие, но вот Осколки были только у клана Крови.

Я что-то невнятно промямлила в ответ, после чего шепотом обратилась к Лиане:

— Вы готовитесь к какой-то проверке?

— С чего ты взяла? — махнула она рукой девчонке в светлом платье, с аккуратной прической и улыбкой на устах.

— У нас так всегда. Я же рассказывала, как здесь обстоят дела.

— Я думала, что ты шутишь. Проклятье! Я надеялась, что ты шутишь!

Лицо младшей было абсолютно серьезным.

Во что же вы все тут превратились за последние пятьсот лет?

" — Давай сбежим, — предложила себе я. "

" — Давай, — тут же согласилась я с собой. "

Я мельком глянула в окно, пытаясь оценить вероятность удачного приземления со второго этажа в сугроб. Шансы были высоки.

Всю идиллию для реализации трусливого плана побега, прервал юный девичий голосок.

— Смотрительница готова вас принять, — девушка, встретившая нас на входе поклонилась, кинула мимолетный заинтересованный взгляд на Лиану и отворила тяжелые дубовые двери в приемные покои главной смотрительницы пансионата. Прежде чем я успела сделать шаг, провожатая предупредила:

— Только вас. Отражение должна остаться.

Я не стала спорить, жестом приказав мелкой подождать меня здесь. Собралась с духом и вошла внутрь.

Просторный кабинет. Огромные чистые окна. На стенах расшитые золотом гобелены. Десяток портретов, скорее всего, предыдущих смотрительниц, либо каких-то важных лиц Ковена, которых я совершенно точно не знала. На миниатюрных столиках по бокам, на каминной полочке, на подоконнике, повсюду стояли вазочки с цветами, чей удушливый

аромат плотным шлейфом обвивался вокруг горла. Пол, все из того же белого мрамора, да и в общем вся обстановка представляла из себя нежно-розовый пудинг с сахарной глазурью и клубничкой сверху.

Смотрительница — глава пансионата. Самое высшее звено, до которого я могла добраться не возвращаясь непосредственно в сам Ковен. Может быть во мне говорили навязанные стереотипы, но женщин, занимающих управляющие посты в Ковене, я воспринимала как носительниц холодного и расчетливого ума. В общем, как людей, которые слишком заняты, чтобы отвлекаться на всякую чепуху и достаточно мудры, чтобы понимать — все мы совершаем ошибки. Исходя из этой уверенности я и собирала свою линию поведения, предполагая строить диалог со смотрительницей на фундаменте из правды.

— Рада приветствовать в стенах нашего дома посланника Света. — Поприветствовала меня женщина. При моем появлении она встала из-за стола, и указав мне на кресло для посетителей, села обратно. Ее волосы были собраны в тугий пучок, в ушах поблескивали перламутром сережки-гвоздики. Вместо ожидаемого мной брючного костюма или же дорогого наряда из порчи и шелка, на женщине было обычное платье, более подходящее для матери-настоятельницы какого-нибудь монастыря, чем для смотрительницы пансионата, внутреннее убранство которого могло потягаться с поместьями некоторых зажиточных дворян. — Я — главная смотрительница пансиона, веллади Алеса.

Привычное чутье забило тревогу

— Китра Латер, — представилась я, как-то мигом растеряв слова подготовленного монолога. — Я...

Замешкалась, моментально теряя нить лидерства. Под добродушным взглядом женщины я почувствовала себя очень странно. Как будто с души слой за слоем сдирали защиту, обнажая оглушающую пустоту.

— Вы, наверное, хотели рассказать, зачем посланнику Света пускаться в очень опасную авантюру, представляясь тем, кем он не является, — решила помочь мне смотрительница.

— Верно, — шумно сглотнула я, понимая, что прямо сейчас придется проявить чудеса дипломатии и сообразительности, чтобы выгрестись на поверхность. К сожалению, чудеса не по моей части. А вот опыт, смешанный в ядовито-обжигающем коктейле из обезоруживающей правды и хладнокровной лжи, — это да, это мое.

Я села на предложенное место. Немного поерзала, пытаюсь принять удобную позу. Под взглядом веллади Алесы спина выпрямлялась сама собой, а руки, заметно подрагивая, складывались на коленках. Сделав глубокий вдох, и напомнив себе, что я взрослая, уверенная в себе женщина, начала говорить.

Я рассказала то, во что веллади Алеса могла поверить. То, во что нравилось верить всем. Я рассказала красивую историю о том, как меня, под прикрытием отправили в Академию, как перед этим случайно попытались принести в жертву, и как повторили свой успех на следующий день. Как лишилась я Света. Как Свет лишился меня. Как лежала в Приюте Милосердия, и как встретила со своим похитителем, попутно одолев юное Отражение, пришедшее без поддержки своей Старшей. Дальше пришлось немного пофантазировать, опустив такое обстоятельство как то, что демонопоклонники все-таки умудрились вытащить кое-что из Нижнего мира и теперь среди простых смертных расхаживает один аристократ, чья душа с каждым днем все больше и больше прогибается под напором потусторонней сущности, которая почти сто процентов — мой бывший муж. А я, наплевав на такую мелочь, рванула в ближайший пансионат, чтобы сдать ненужный багаж,

в виде пятнадцатилетнего подростка.

Я говорила о Старшей. О том, как женщина, страдающая от лунного безумия, ухватилась за призрачную надежду в виде посланника Света, которому просто катастрофически повезло в который раз подряд выжить, влипнув очередную дурацкую историю. Я говорила долго. Я говорила подробно. Я выворачивала факты, подстраивая их так, чтобы конечная конструкция вписывалась в реальность веллады Алесы. Единственный недочет состоял в том, что по окончании истории в глазах смотрительницы, я могла выглядеть либо как очень-очень наивный человек с мозгами курицы и с невероятным запасом удачи, либо как человек, который стоит на дорожке сумасшествия под лунным светом.

— Складно звучит, — вынесла вердикт смотрительница.

Я мысленно выдохнула.

— Впрочем, — продолжила та, — я читала бульварные романчики и поинтересней.

Я мысленно вдохнула обратно.

Внутренний голос разразился в праведных возмущениях о том, что у нас вполне неплохая история, которая лучше любого дамского романа, и вообще, раньше никто не жаловался.

— Любовной линии не хватает, — женщина постучала пальчиком по поверхности стола, как бы предлагая внести несколько правок. — Принца на белом коне, так сказать. В сияющих доспехах и с мечом наперевес.

— Он там дальше будет, — не смогла промолчать я, под жестким напором внутреннего голоса. — Только без коня, доспех и прочей амуниции. И он там никого не спасает.

— Это все конечно интересно, и, — она отодвинула в сторону шкатулку, инкрустированную драгоценными камнями-амулетами, вытащив из под нее какую-то книгу. Название я не разглядела. Открыв ее посередине и пролистав несколько страниц, она хмыкнул, вернула книгу на место, после чего продолжила: — весьма занимательно. Вы лаконично перечислили все события, кое-где недоговорив, кое-что упустив. В некоторых местах забыли упомянуть свое собственное отношение к происходящему, позволив мне трактовать его на собственное усмотрение. Все как по учебнику. Страница сто сорок восемь. Пятнадцатая глава. Как обходить амулет-проверку на ложь. Молодец. Зачет я бы поставила, учись вы у нас.

Ааа... — мысленно кивнула я себе головой, — вот где я этому научилась. Из памяти такие вещи легко стираются. Что-то там вычитала, что-то здесь. Где-то слышала, кто-то научил.

— Возраст уже не позволяет подвергать себя таким стрессам, как учеба, — пожалала я плечами, пытаюсь сохранить внешнюю невозмутимость, но при этом признавая полный провал своей миссии. Да, смотрительница, вы меня раскусили. Вы — победитель, а теперь примите мое поражение и...

— Заберите ребенка и позвольте ей стать Младшей Сестрой. И мы сможем расстаться, оставив приятные впечатления друг о друге. — Попросила я. — Вы, судя по всему, мудрая женщина, которая прекрасно понимает, что нельзя губить судьбу пятнадцатилетней девочки только потому, что звезды на небе сошлись под неправильным углом и ее Старшая родилась с лунным пороком. Вы бы не стали работать здесь смотрительницей и так облагораживать пансионат, если бы вам было наплевать на жизни своих учениц. На такую должность могли назначить только сильного, справедливого и милосердного человека, с великолепной интуицией и высоким уровнем интеллекта. Сколько вы здесь? Десять лет? Пятнадцать?

Уверена, что эти дети вам как родные и вы переживаете за судьбу каждого из них. Вы повидали многое, и в глубине души знаете, что девочка не заслуживает жизни Осколка. Она может стать прекрасной Младшей. Вы несомненно осведомлены о ее успехах. У нее огромный потенциал.

— О... А это, наверное, речь, составленная согласно третьей конструкции Геслан-Сэнни во второй редакции, конечно же.

О, как.

Я что, свою личность сформировала исключительно на книгах Ковена?

Женщина цокнула языком и покачав головой, добавила:

— Пользуетесь устарелым источником, боюсь это снизит вашу оценку.

Та-а-ак... А как я оказалась на экзамене? Что мы сейчас сдаем и у кого списать ответ?

— Можно третью попытку? — менее как уверенней, спросила я.

— Рискуете окончательно испортить первое впечатление.

— Тогда, пожалуй, промолчу с очень умным и таинственным видом.

— Тогда я в свою очередь перейду к дополнительным вопросам, — в ее голосе засквозила такая скука, словно женщина по сто раз на дню принимала посланцев Света с пропавшими послушницам Ковена подмышкой.

Эх, зря я грешила на новую систему образования в Ковене. Нет тут никакого упадка, наоборот, в прогресс ударились. Раньше таких изощренных пыток не было. Либо сразу убивали, чтоб не мучился, либо травили чем-нибудь экзотическим, и оставляли в покое.

— Вы одолели Отражение, пускай и с посторонней помощью. Вы знали, что после нужно обратиться к Старшей Сестре для снятия печати Крови, чтобы больше не быть мишенью. Вы продемонстрировали некоторые знания о нашей иерархии и тонкостях ритуалов. Вам известно о клане Крови гораздо больше, чем знает обычный человек. Сложите вместе все, что я сказала и ответьте, откуда вы все это знаете? И помните, я пойму, если вы солжете.

Блеск!

— Я много читаю и много путешествую, — тут, для правдоподобности мне пришлось не только выстоять внимательный взгляд веллады Алесы, но и добавить кое-где многозначительное ударение: — Очень-очень много читаю и путешествую.

— Достойно, — резюмировала мой ответ женщина. — Откуда эта цитата?

— Житие Китры Латер. Автор тот же, — начала злиться я. — Имейте в конце концов ко мне хоть какое-то уважение. Я к вам не за милостыней пришла, а вашего ребенка возвращаю. Оставьте остроумие для послушниц. Я достаточно натерпелась от вашего сестричества и более терпеть не намерена.

Я бы в довесок хлопнула по столу кулаком, но благоразумная часть меня все еще помнила, что столешница дубовая, ручка у меня хрупкая, а за маской надоедливой смотрительницы прячется нечто кровожадное, статусом никак не ниже Старшей Сестры.

Резко поднявшись с кресла, женщина обогнула письменный стол, и встав рядом со мной, приказала:

— Руку.

Я хотела что-то возразить, но когда на твой разум начинает давить магия, а ты никак не защищен от подобных воздействий, сильно не заартачишься.

Послушно протянула руку, прекрасно осознавая, что произойдет дальше. Легкий укол в палец. Совершенно безболезненный, потому что сознание отказывалось фокусироваться на

физическом состоянии, пытаясь хоть как-то справиться с творящимся в голове беспределом.

Почему я ей подчиняюсь?

Что происходит?

Ах... Алеса использовала на мне одно из ментальных заклинаний, что несколько подавляет волю. Вот откуда медлительность мысленного процесса, тяжесть в голове и подкатывающее безразличие.

Она держала мою руку. Я смотрела на бусинки крови скапливающиеся на подушечки пальца. Все казалось до жути правильным.

— Ты — не одна из нас. — Огнем полыхнули слова, яростно опаляя оставшиеся крохи бунтующих мыслей. — Как ты смогла пройти этапы ритуала?

— С трудом.

— Почему ты смогла это сделать, — сменила вопрос женщина.

Мне это не понравилось. Ее слова неприятно проскрежетали в голове, оставляя после себя металлическое послевкусие. Мне нельзя было отвечать на этот вопрос.

Я попыталась промолчать — и не смогла.

— Потому что я...

...я — кто? Я — что?

Ее разум отхлынул, как отходит назад волна прибоя. Исчезла легкость и пустота. Остался скрипящий на зубах ответ, перемолотого в крошево стекла.

— Потому что ты — кто? — попыталась подсказать велледи. И моему сознанию подсказка пришла по вкусу.

— Я — Китра Латер, посланник Света. — Слова сорвались с губ с такой легкостью, будто я репетировала их часами. Чужь. Я отработывала их десятилетиями!

Это меня немного отрезвило.

Свободной рукой я впиалась ногтями в ладонь, разрывая кожу. Радуюсь отголоску боли, что смогла почувствовать. Это отрезвляло. Совсем чуть-чуть. Недостаточно, чтобы сопротивляться, но в самый раз для достижения совсем иной цели. Для всего требуется равновесие. Если нет сил отражать натиск заклинания, а бой уже проигран, для таких как я, остаются отчаянные меры. Подкинуть еще немного топлива в кровавую волшбу, нарушая баланс плетений. Потому что если ты собираешься перевернуть лодку — не важно, в какую сторону ты ее раскачиваешь

Ее заклинание работает на силе крови. А больше крови — это больше магии. Добавьте щепотку безумия и нужный коктейль готов. Принимайте не чаще одного раза в луну.

— Как ты прошла первые три этапа ритуала? Почему ты смогла это сделать? — уже с нажимом повторила женщина, невольно зачерпнув энергии из новообразовавшегося притока сил.

Пульс колотился в горле. Не давал дышать. Я задыхалась! Я сидела, и сила чужого разума вихрилась вокруг меня. Но теперь мне это нравилось, и я хотела поделиться своими ощущениями с кем-то еще.

— Я — Китра Латер, — повторила я, с непоколебимой уверенностью и самой что ни на есть доброжелательной улыбкой.

Эти слова должны были объяснить все, но почему-то велледи их не понимала. Мои имя давало все. Оно говорило о том, что где-то далеко-далеко, в архивах Ковена, под грудой целого арсенала всевозможных заклинаний, спрятан маленький кристальный кубик с образцом крови девушки с тем же именем, что и у меня. Да, тому образцу около пяти сотен

лет, и он находится в спячке, потому что его хозяйка погибла в неравной схватке с невероятно сильным магом. Но в той, совершенно крохотной частичке Китры Латер, осталась еще более крохотная частичка ее души, которая с радостью откликнулась на зов ритуала. Откликнулась, и сообщила, что ее хозяйка, конечно же Сестра Крови, да только почившая много веков назад. А значит, если она и сможет поучаствовать каким-то образом в дуэли за честь статуса Матери, то уж точно во второй раз умереть не сможет.

Женщина снова изменила вопрос. Все-таки она просто так прибывала в должности смотрительницы.

— Что означает "Китра Латер"?

Все и ничего. Но это слишком простой ответ.

— У каждого свое мнение на этот счет, — мне нравилось, как звучал мой голос. Словно журчание ручейка, бегущего со склона горы в жаркий летний денечек. Но я не была ручейком, и кроме обжигающего прилива глушащей все и вся крови, у меня ничего не было. И этот диссонанс сводил с ума. — Принесенная жертва. Например, твоя.

Я вывернула запястье в ее руке, и перехватив инициативу, резко дернула женщину на себя, впиваясь второй рукой в ее горло. Веллади растерялась всего на мгновение, и только из-за того что была уверена — я нахожусь под контролем. Так и было. Только вот под чьим, даже я не была до конца уверена.

Звонкое "чпок" и насытившееся кровью заклинание резко разорвалось, приложив обе стороны мощным откатом. Сознание отключилось всего на секунду. Но и этого хватило, чтобы резко изменить ситуацию.

Я прижималась к стене и не могла вспомнить, когда успела встать. Веллади держалась от меня чуть в стороне, облокотившись о стол, и пыталась стереть со своей шеи мою кровь. Она раздраженно глянула в мою сторону и чуть охрипшим голосом сказала:

— Извинений приносить не буду.

Под стираемыми потеками крови, я видела, как начинают наливаться синяки на ее шее, аккуратно под захват моей ладони. Внутреннюю меня это безумно радовало. Ровно до того момента, как я почувствовала, что у меня жутко саднит ладонь и ребра отзываются болью от каждого вдоха.

— Я уж тем более.

— Тогда слушай...те... внимательно. Ваше появление произвело очень сильный эффект на наших послушниц. Отражение, с которым вы приехали, никто не обидит и Осколком не сделает. Мы не варвары и не монстры, что бы вы там о нас не думали. — На этом слове я не удержалась и хмыкнула. Потому что мой левый бок на пару с ребрами, считали совершенно иначе. — С девочкой будет все в порядке. Ей в любом случае ничего не грозило. У ее Старшей разыгралась паранойя на фоне приближающейся луны, и она не смогла достойно принять свою смерть, впутав вас, посланник, в свои проблемы. Я благодарна, что вы с достоинством исполнили просьбу падшей и доставили домой нашу сестру. Но... вы произнесли клятву, перейдя границу пансионата. Вы заявили себя Матерью, возложив на себя и на нас определенную ответственность. Боюсь, что просто так я вас отпустить не смогу.

— Из-за того, что я знаю о Сестрах Крови в стенах пансионата?

— Нет. Что за глупости? — Женщина прочистила горло и ее голос вновь зазвучал похоронной мелодией. — Вы назвали Матерью и зашли на нашу территорию. Если вы уйдете, это титул так при вас и останется.

— Я готова от него отказаться, — фыркнула я. — Или, погодите. Сейчас угадаю, снять его можно только смертью?

— Угадали, — согласилась женщина, отбрасывая окровавленный платок в сторону.

Я выиграла себе час жизни, но кажется проиграла все остальное.

Алеса собиралась добавить что-то еще, но тут в дверь постучали.

— Войдите, — отозвалась я, забыв, что в этом кабинете команды отдает совершенно другой человек.

Дверь распахнулась.

И я отчетливо поняла, что сознание вернулось ко мне без моего рассудка, и без моего здравого смысла.

Ее дыхание сбилось. Она бежала сюда издалека. По холоду. Скинув верхнюю одежду где-то по пути, но забыв богряный шерстяной платок, контрастным пятном обволакивающий шею и черные складки зимней одежды. Бледное лицо. Несколько мелких шрамов над губой. Широко распахнутые голубые глаза с отблеском льдистой поволоки... Прекрасный каскад светлых волос зачесан назад в тугий пучок. Слишком жесткая линия плотно сжатых губ, скрывающих за собой рвущиеся наружу запретные слова.

Зрение меня не подводило.

Я знала эту девушку.

Призрак прошлого, отраженный от гладкой поверхности клинка, перечеркнувшего хрупкую, девичью мечту. Мраморное изваяние, застывшее под рукой опытного мастера. Абсолютное непонимание происходящего.

Взгляд вошедшей сначала метнулся к потекам крови (мой крови!), оставшимся на шее смотрительницы, немного задержался на руках, проследил дорожку из алых капелек, на мгновение замер на смятом платке, и окончательно застыл на мне. Бывшая адептка Воды всего мгновение потратила на изучение моей внешности, отмечая порванный на предплечье рукав и окровавленные ладони, после чего устремила взгляд в пол прямо перед собой.

— Леда? — неуверенность в моем голосе прозвучала на уровне шума морского бриза. Я была даже не уверена, сказали ли это в слух, или вопрос прозвучал где-то в подкорке моего сознания, спутавшего реальность с иллюзией.

— Осколок. — Мягко поправила смотрительница, едва ли удостоив вошедшую взглядом. Мое искреннее удивление ей польстило. — Чу-удно. — Протянула она гласную, меняя тональность голоса на что-то обманчиво-ласковое. Мимолетно скользнув по губам длинным тонким пальцем, смотрительница как бы сменила свой угрожающий настрой на нечто куда более опасное, но уже под доброй порцией сладковатого крема. Уголок ее правого глаза едва заметно дрогнул, прежде чем она склонив голову, кивнула в мою сторону, изображая почтение. — Проводи... Мать до покоев, предназначенных для особо важных гостей. Полагаю она немного устала с дороги.

Леда, так и не промолвившая ни слова, приоткрыла дверь, пропуская меня вперед. Я продолжала стоять столбом. Вперилась взглядом в смотрительницу и сквозь преграду опасных слов, желавших сорваться с языка в потоке громогласных речей, выдавила очень жалкий вопрос:

— Как это понимать?

— Как задание для самостоятельной работы. Отдохните. Восстановите силы. Осмотритесь здесь немного.

"Оцените всю глубину Нижнего мира, в который вы угодили, переступив территорию пансионата и присвоив себе чужое имя, — мысленно закончила я."

— Именно, — подтвердила веллады Алеса, с легкостью считывая мое выражение лица. — Познакомьтесь с нашим импровизированным кланом немного поближе. Осколок вам все покажет-расскажет. А та девочка, потерянное Отражение, может возвращаться к своим привычным в пансионате делам.

— Лиана, — едва слышно поправила я.

— Что, простите?

— Я зову ее Лианой, — голос предательски дрогнул, но я продолжала: — И делаю это не потому, что мне нравятся вьющиеся и ползущие растения, и не потому, что мне некомфортно представлять ее своим знакомым, как некое немое и безымянное существо. Я зову ее Лианой, потому что на правах Матери дала ей имя, и возвысила до уровня Младшей.

Мне дали все. Временно сохранили за мной статус Матери. Предложили время для обдумывания своего положения. Вручили потерянную адептку-подругу в качестве провожатого. Уладили возникший конфликт с положением Отражения в пансионате. А я? А я, почувствовав слабость, надавила еще сильнее, желая выяснить, как многое мне собираются позволить до того, как смотрительница докопается до причин невозможности завершить ритуал вызова и прикончит меня.

Веллади Алеса не собиралась со мной спорить в присутствии посторонних. Ей это было ни к чему.

"Ты ответишь за каждое сказанное слово, что вылетело из твоего дрянного рта. Я подвергну тебя таким страшным пыткам, что забудешь собственное имя." — Читалась в ее глазах, но губы молвили иное:

— Как соизволит Мать.

Возможно, мне стоило соизволить чего-нибудь еще, но моя фантазия себя немного исчерпала, и прежде чем я успела ухудшить ситуацию еще больше, смотрительница ласково улыбнулась:

— До скорой встречи, Мать.

— До встречи, — отзеркалила я улыбку-оскал. Вышло не очень. Скулы свело. — Пожалуй, мне и правда нужно немного отдохнуть.

Я вышла.

Лианы на месте уже не было. Видимо ее отослали на занятия.

— Сюда, пожалуйста, — пробормотала моя бывшая сокурсница по Академии, низко склонив голову и двинувшись вперед по коридору.

"Откуда здесь Леда? — набатом в голове играл один единственный вопрос."

— Леда, — позвала я, когда очередной поворот был пройден.

— Осколок, — неуверенно ответила она, не поднимая на меня взгляда.

"Хей, адептка, ты что, не узнаешь меня? — хотела спросить я, но решила попридержать коней и не устраивать разборки посреди якобы пустого коридора. Может Леда специально меня не узнает. Начну приставать с расспросами и разрушу какой-нибудь ее хитроумный план. Или... Или что? Или с чего бы ей меня вообще узнавать? Когда мы с Ледой последний раз виделись? В конце лета. Один раз во время ночной поездки в карете, когда я только отходила от поставленной печати покойного мэтра, а Леда пребывала в шоковом состоянии после парализующего заклинания. На следующий день мы бродили по городу, закончив наше приятное знакомство на жертвенном алтаре. Мы знали друг друга ровно сутки, начав и закончив встречу при схожих обстоятельствах: при угрозе жизни со стороны демонопоклонников. Все это время я находилась под личиной своего молодого "я". Не сказать, что я-восемнадцатилетняя и я-тридцатичетырехлетняя, — это два человека исключительно разной внешности, но и не то что бы сестры-близняшки. Да, внешность у меня не самая распространенная в этих краях: черные короткие волосы, тонкая кожа, синие глаза, острые черты лица и рост чуть выше среднего. Но приезжайте на северо-восток

Империи, и в толпе вы меня уже так просто не найдете.

Если Леду похитили (или откуда она тут?!) на следующий день после моей комы, то она может и не знать, что я была агентом под прикрытием (или как я себя решила называть?). Но ведь каждая собака уже в курсе, что посланник Света по указке Обителя проник в Академик под личностью адепки для расследования пропажи подростков из знатных семей (официальная версия звучала как-то так).

А где Райт? Тоже сюда забрали? Хотя, зачем бы он им? Так себе из него Сестра Крови. У меня до сих пор в голове не укладывается, зачем их клан на меня-то устроил охоту. С Камдемом все кристально ясно, — демонопоклонник, главный участник ритуала, организатор. Прекрасный экземпляр темного мага. Но вот с какой стати Сестрам устранять всех участников жертвоприношения? Мысль, что досталось немного праведного гнева Прие Парнс и ируму Флему, конечно же грела, но не настолько, чтобы забыть о том, что клан Крови не занимается подобной зачисткой свидетелей. И ладно бы я — личность подозрительная, но Леда так и не попала ни на одно из жертвоприношений. Откуда же она здесь и почему? Не сама же пришла. Кому захочется быть Осколком?

Осколком?

— Ваши покои. — Сказала Леда.

Край сознания зафиксировал наш маршрут передвижения по нескончаемым переходам огромного поместья, и при случае я смогу его воспроизвести и найти обратный путь до кабинета смотрительницы. Два лестничных пролета, несколько залов, коридоры, коридоры, коридоры, и вот: гостевые покои.

— Зайди-ка сюда, — не стала я дослушивать девичий лепет, затаскивая Леду в предложенные смотрительницей комнаты. — Ну, смотри внимательнее. Да не в пол, а на мое лицо смотри. Это же я — Китра. Китра Латер, шестнадцать лет спустя, если быть точной. Общий поток, Академия, девушка без памяти, которая хочет забрать свои вещи из гостиницы. Ну же! У нас не так много времени. Давай Леда, соображай.

Я несколько раз трянула ее, схватив за плечи, но приемлемой реакции, помимо застывшего в глазах ужаса, не дождалась. Краска окончательно спала с ее лица, оставив после себя выбеленное полотно выцветшей кожи. Светло-русые ресницы мелко подрагивали, сдерживая подступающие бусинки слез.

— Китра? — шмыгнула носом девушка. — Это правда ты?

— Скорее то, что от меня осталось, — по привычке начала отшучиваться я. — А осталось только побитое тельце, да поистрепавшийся комочек нервов.

Договорить мне — слава Свету! — не дали. Девушка крепко обняла меня, уткнувшись лбом в плечо. Послышались всхлипы. Острый укол жалости превосходил разве что стыд. За то что я скинула поиски Леды на Академию и Обитель. После минувших событий, как я вообще могла подумать, что хоть кто-то всерьез озаботится вопросом ее жизни? Они в собственном городе прохлопали жертвоприношение! Эта девушка присматривала за мной то недолгое время, что я ходила без воспоминаний, а я толком не удосужилась выяснить, куда она пропала.

Я не сразу уловила тот момент, когда всхлипы утихли и Леда ровно и медленно выдохнула, пытаясь успокоиться. Ее хватка ослабла и она медленно отстранилась назад, утирая рукавом слезы. Заново оглядев меня с ног до головы, по-новому оценивая каждую деталь, каждое крохотное изменение, она изобразила в воздухе несколько несуразных пассивов, пытаясь жестом выразить всю нелепость моего облика, после чего спросила:

— Что это с тобой? Ты как-то очень... поста... ам... повзрослела?

— А ты думала только твои последние четыре месяца были очень тяжелыми? — предприняла я еще одну попытку пошутить. Впрочем, Леда на нее не повелась.

— Объяснись, — потребовала она. Я могла видеть, как адептка буквально всеми силами сдерживает в себе порывы воспользоваться магией и вытряхнуть из меня если не всю правду, то правду о моей истинной личности. И это лютое недоверие напололам с затаившемся желанием воспользоваться новоприобретенной магией, почему-то меня покорило.

— Если хочешь, проверь сама, — протянула я ей руку с запекшейся кровью. — Рана еще свежая.

Только когда в ее взгляде проскользнули отголоски глухой боли, я сдалась. Запоздало пришло понимание, что проиграв зрительнице, пытаюсь вернуть собственную самооценку на прежний уровень за чужой счет.

— Извини. Этот день был через чур долгим.

И он едва ли перевалил за середину. То ли еще будет.

— Если коротко, я вернула себе память. А если хочешь услышать полную версию событий, то дня нам не хватит.

— И вернув себе память ты... резко изменилась в лице? Память так не старит!

— Мы же вроде сошлись на том, что я повзрослела, а не состарилась, — возмутилась я.

— Китра...

— Ладно.

Я не знала сколько у меня времени, как и не знала, на долго ли отпустили со мной Леду. Поэтому пересказ, сжатый до простых фактов, занял не больше десяти минут. Девушке досталась лучшая версия моего рассказа, максимально приближенная правде. То есть, я вообще ей ни разу не солгала.

Наверное, я ожидала большего удивления с ее стороны. Но, видимо, четыре месяца в рядах Сестер Крови, давали иммунитет к таким вот неожиданным поворотом судьбы.

— Так ты из Света? — кивнула девушка сама себе, подтверждая какие-то догадки.

— Да.

— Это очень многое объясняет. Действительно многое.

— Что, например?

— Эм... тебя. Я имею ввиду, — почувствовав мое неодобрение, она попыталась как-то сгладить сказанное, — в посланники Света все немного... не от мира сего. Учат вас этому что ли? И ты тоже, немного как не здесь. Вроде и рядом, стоишь ногами плотно на земле, выглядишь как все, но внутри что-то другое. Словно душа состоит не из тех же частей что и у всех остальных.

— Да, — смущаясь согласилась я. — Вот такие вот мы посланники Света. Это ты еще лунных жриц не встречала. Там сразу и не поймешь с кем говоришь: с обычным человеком или с темной тварью, подвергшейся интоксикации горячительного зелья.

Юмор мне сегодня определенно не давался.

— Так ты искала меня?

— Нет. То есть да, но не здесь и не сейчас.

— Тогда к чему этот маскарад? Зачем ты сюда приехала, за Райтом, что ли?

— Он здесь?! — ахнула я.

Леда кивнула.

— Где? — я в ужасе обернулась, на всякий случай проверяя обстановку вокруг.

— Здесь, в пансионате.

— Как Сестра Крови? И что, вот в таком же ходит?

Леда покачала головой. Если в первые минуты у нее еще была надежда, что я смогу как-то поспособствовать спасению, то теперь она ясно осознавала, что помощь тут требуется только мне.

— Он здесь вместо алхимика.

И очередь пересказывать события досталась Леде.

В ту злополучную ночь, разрушившую сразу несколько жизней, они с Райтом все-таки успели добраться до Академии. Позвали на помощь Стражей, встретившихся по дороге. Позже, обратились к господину Чаберу. Обратно, на место преступления, их уже не пустили. Выслушали, допросили и отправили по комнатам. Даже охрану не удосужились приставить, решив, что на территории Академии они находятся в абсолютной безопасности. Леда рвалась выяснить, что же со мной произошло и доставала всех и каждого своими вопросами. Райт отмалчивался. Просто бродил рядом серой тенью, скорее ради того, чтобы его самого окружающие не мучили расспросами. На появившиеся орхидеи Леда внимания не обратила. Райт тоже. В основном потому, что ему цветов никто не присылал. В злополучный вечер он оказался рядом с Ледой совершенно случайно. Они уже распрощались и каждый пошел в сторону своих комнат, но на подходе к своей спальне, парня что-то остановило. "Привиделась какая-то ерунда, — пояснил он позже". И это мимолетное видение заставило его вернуться и проверить, добралась ли Леда до своих покоев.

— Красной орхидеи не было? — уточнила я.

— Нет. Несовершеннолетним делают поблажки. Их не убивают, а забирают на перевоспитание. Мне предложили вступить в их ряды. Я согласилась. Райт пошел за мной.

— Нет-нет-нет. Нет. Так не бывает. Не приходят Сестры Крови и не забирают детей из Академии. Такой страшилки даже в природе не существует. В нее бы просто никто не поверил. Что за демонически козни тут строятся? Ладно ты, Райт-то им зачем забрали?

— У них были свои причины, — пожала плечами Леда.

— Какие? Устроить эксперимент, как долго парень, взятый в единственном экземпляре, продержится среди сотни мужененавистниц?

— Они не...

— Не смей говорить, как они! — впервые повысила я голос. — Даже не начинай! Лучше думай, как будешь объяснять своему будущему жениху и его сварливому деду, где ты пропадала весь семестр. — В отчаянии я схватилась за голову. У меня начиналась мигрень. — Советую все сваливать на затянувшийся запой. Он тебе, кстати, еще потребуется, когда начнешь пытаться забыть весь этот кошмар. Мне тоже. Но у меня эта схема проработана давно.

— Надеюсь проработана не хуже той, где ты вырядилась как Мать и пришла устраивать разборки с велладой Алесой? — вслед за мной разозлилась Леда. — Если бы я не согласилась, они бы убили Райта! А кто погиб, если бы не пришла ты? Отправила бы ту девчонку вместо меня в Академию. Устроила бы равноценный обмен. Но нет, ты выбрала самый гиблый вариант — притворилась Матерью. Матерью, Китра! Ты не приехала в качестве посланника от Света. Не взяла с собой того Стража, из-за которого попала на жертвенный алтарь. Не обратилась за дипломатической помощью к своему непосредственному мастеру. Нет, ты отказалась от помощи всех своих знакомых и отправилась сюда ради какой-то девчонки, не сумевшей тебя убить. Я ничего не упустила? Ах да, магия. Как ты магию-то потеряла?

Магию Света, Китра! Све-та! Ты говоришь, что не бывает, такого, не забирают Сестры Крови чужих детишек. Но так и Света, насколько я помню, тоже никто никогда не терял. — Девушка отодвинулась от меня в сторону и гневно всплеснула руками. — Так скажи мне теперь, с таким уровнем удачи, где ты лишилась того единственного, что никто никогда не лишался, а я, под угрозой жизни человеку, которого-то толком и не знала, покинула Академию, каковы наши шансы отсюда выбраться? Нет, даже не так. — Мотнула она головой. — Как ты собиралась уйти отсюда изначально?

Большую часть этих вопросов я себе уже задавала. Ответ всегда звучал "в крайнем случае меня просто убьют, тоже мне трагедия". И что-то подсказывало, что если я скажу об этом Леде, то "крайний случай" настигнет меня прямо сейчас.

Дав себе время на передышку, я отошла к кровати. Неторопливо стащила с себя остатки дорожной одежды. Стянув с себя все ремешки портупеи, отправила их вслед за рединготом. Стянула сапоги с блаженны вздохом "ну наконец-то".

— Я все еще жду ответа, — предупредила Леда.

— И он все еще существует, — ответила я, разминая ступню. — Ладно-ладно. У меня есть план. Главная его суть — не делать ничего. Я — Мать, и ей останусь, пока обратного не докажут. А его не докажут. Для того, чтобы оспорить статус Матери, нужно произвести особый ритуал призыва магии Крови. После, вызвавший должен победить в дуэли назвавшуюся Матерью. Но в моей крови есть кое-что мешающее создать полноценный ритуал. — Мне совершенно не хотелось врать Леде и я лавировала на тонко краю полуправды. — Пока нет ритуала — нет дуэли. Нет дуэли — нет оспаривания моего статуса. Все просто.

Леда нахмурилась. Что-то в моем рассуждении ей не нравилось.

— Когда ты говоришь "в моей крови есть кое-что", ты имеешь ввиду, что в ней кое-чего нет?

— Чего? — не поняла я.

— Света. У тебя нет никакой магии. Ритуал поэтому не срабатывает?

Ого, а она действительно пыталась учиться в Академии.

— Ради нашей общей безопасности, предпочту на этот вопрос не отвечать, — выкрутилась я. — Мало ли, кто еще услышит.

— Стены гостевых комнат защищены от подслушивания.

— И все же, я поостерегусь. Осторожность не помешает.

Леда фыркнула:

— Ладно, Мать, тогда слушай меня. Смотрительница Алеса — тварь злопамятная. Она тебя с потрохами съест и мной закусит. Ты еще на порог не ступила, а она раскусила все твои хитрости. Прямо сейчас она зарылась в книги, связалась с кем-то из коллег, и во всю ищет подобные прецеденты, чтобы найти способ с тобой расправиться. Если думаешь, что она тебе поблажку дала, то ты не просто глубоко ошибаешься, ты уже падаешь в вырытую ею яму. Так что не трать время, которого у нас нет. Потому что следующий раз, когда ты увидишь веллади Алесу, будет последним, что ты видела в своей жизни.

Глава 5

Леду оставили мне на весь день. Бросили как подачку, почуяв, что ее присутствие остудит мой пыл и заставит совершать глупости. Словно я и без дополнительного балласта славилась непрекословной гениальностью и редкой остроты умом.

Я смотрела на девушку и пыталась понять, какие именно изменения произошли с Ледой. Она здесь около четырех месяцев. Успела ли получить ту самую рану, что навсегда поселит в ее душе маленький комочек прожорливой, всепоглощающей пустоты? Этого достаточно, чтобы был нанесен непоправимый ущерб?

Глядя на бывшую адептку, разложившую на письменном столе стопку книг, и зарывшуюся бумаги, я задавалась этими и еще многими другими вопросами. В последнее время со мной происходило слишком много странных и необъяснимых вещей. Складывалось впечатление, что Высшие Силы затеяли какой-то хитроумный беспредел со случайностями, вероятностями и через чур заумными правилами, забыв отправить мне приглашение и предупредить, что я главный гость этого увеселительного мероприятия.

— Давай просто уйдем, — внезапно предложила Леда. — Мы же можем просто уйти? Тебе пообещали, что о девочке позаботятся. Она потомственна Сестра. Ее место здесь. Так забери меня и Райта. Прикажи оставить нас в покое и поехали отсюда.

Мысленно я с ней согласилась.

— Ничего не выйдет. В покое нас не оставят.

— Почему? — в ее словах звучало непонимание и я хотела верить, что оно искреннее.

— Дело не в том, что я успела оскорбить одну из Старших и нажать недоброжелателя в виде смотрительницы. Возможно, дело в тебе.

— Во мне?

Я кивнула.

— Зачем ты им, Леда? Чего они от тебя хотят?

— О чем ты? — она с шумом захлопнула книгу, тем самым вызвав облачко пыли, расплзшееся туманом по истрепавшейся обложке, и повернулась ко мне. В ее позе не было никакого вызова или смятения. Она действительно не понимала, о чем я пыталась ей втолковать.

Как объяснить то, что до встречи с ней моя жизнь была прекрасным примером череды серых и скучных дней? Каждый отрезок жизни был выстроен так, чтобы в нем не происходило ровным счетом ничего необычного. Авантюры — не в моей привычке. Я научилась не лезь на рожон, не влипать в неприятности, не обращать внимание на... ни на что. А тут — "хоп!", и всё покатилося в Нижний мир! Как будто обозлившись на мое высокомерие, Свет решил вылить мне на голову все и сразу! Если первое время у меня были сомнения, что здесь мог быть замешан Страж, то теперь я четко видела, что первым человеком, выбившим из-под моих ног земную твердь была Леда. Цепь невероятных событий началась с нее. Мир разделился надвое: до встречи с адепткой и после.

— По своей натуре я — эгоистка. И когда вокруг что-то происходит, заикливаюсь на себе, отстраняя остальных на задний план. Я — сорвала жертвоприношение. Я — разрушила

ритуал. Я — одолела Сестру Крови. Я — особенная. Я-я-я. А теперь смотрю на тебя и понимаю, что ты преодолела весь тот же путь с куда меньшими потерями. Все началось с тебя, Леда. С того самого момента, как мы встретились. Кто ты такая? Почему тебя выбрали для жертвоприношения? Почему тебя забрали Сестры Крови? Они так не поступают. Не рядовые послушницы Ковена. Возможно, Мать могла бы сделать такое предложение, но не Сестра.

Мысли о том, почему Леду выбрали в качестве жертвы демону, а я отправилась на ее спасение, давно кружились жужжащим роем в моей голове навязчивой идеей. Как будто дремавшая паранойя наконец-то нашла под какой эгидой показаться и оскалить зубы. Собственно, у Леды тоже был характер, и в долгу она не осталась:

— До встречи с тобой моя жизнь тоже была самой обычной, — она тараторила сбивчиво, где-то награнице между истеричными выкриками и нервным срывом, глуша чувства и плотая слезы. — У меня был план! И жених! Все шло хорошо. Я была обычной, и мне это — демон побери! — нравилось. Ты все правильно услышала. Я не хотела быть кем-то особенным. Не больше, чем любая девушка моего возраста. Даже меньше. Потому что у меня уже был человек, которого я любила и с кем собиралась прожить всю оставшуюся жизнь. Я не хотела приключений или вот этого всего, — она всплеснула руками, привлекая внимание к своему костюму Осколка. — Я боец — это правда. Иначе бы сорвалась в первый же день в этом пансионате. Но я не из тех, кто рвется в бой со знаменем наперевес. Мое поле битвы — домашний очаг. Умение защитить свою семью — единственный вид борьбы, который я хотела бы изучать. Так что не смей сбрасывать это на меня! — закончила она речь ткнув пальцем мне в грудь. Голубые глаза светились злостью, угрожая в любой момент смениться беспристрастной сталью.

Я погорячилась.

Это нервы. Это не может быть связано с луной...

— Тогда почему все так происходит? — вздохнула я, откидываясь спиной на кровать и возводя глаза к высокому потолку.

— Мы меняемся, — ответила Леда. Скрестив руки, она отвернулась к столу. Теперь я могла следить за ней лишь краешком глаза.

— Я — не меняюсь, — растянувшись на кровати поверх покрывала, я подтянула к себе подушку и перевернувшись набок стиснула ее в руках. — Не так основательно, по крайней мере.

Или так? Я перестала скрываться и шарахаться от каждой тени. Вместо того, чтобы тихонечко уйти на дно, отправилась на передовую. Стала совершать глупость за глупостью. Потеряла свою осторожность и в скором времени должна была за это поплатиться.

— Может время пришло? — все еще несколько раздраженно спросила бывшая адептка. — Сколько тебе?

— Тридцать четыре.

Леда присвистнула. Повернулась. Оглядела меня с ног до головы. Цокнула языком и развернулась обратно к столу.

— Так почему мы не можем уехать прямо сейчас?

— Мне не позволят отсюда уйти в статусе Матери, — я вдыхала свежий запах постельного белья, пытаюсь определить, поддерживалось ли это состояние с помощью заклинаний или кто-то успел сменить наволочку перед моим приходом. Какая-то глупая мысль не оставляла меня в покое, но и в руки ловиться не собиралась. — А я пока не знаю,

как от него избавиться, не лишившись жизни.

Леда со стуком отодвинула от себя очередную книгу. Покрутилась. Потянулась, разгибая затекшую спину, и неуверенно предложила:

— Пойдем прогуляемся.

Леда вызвалась провести мне экскурсию по пансионату. Спальни, библиотека, читальня, столовая, тренировочные залы, учебные залы, гостевые, зимний сад. Помещения сменялись один за другим, и я все пыталась уловить что-нибудь странное. Понять, что же именно мне не нравится в пансионате. Где прячется та страшная тайна, заставляющая меня вздрагивать от ужаса, глядя на здешний декор. Маленькая зудящая ранка на подкорке головного мозга, от которой просто так не избавишься. От моего взгляда что-то ускользало. Какая-то мелкая деталь пряталась на виду, но совершенно не распознавалась как что-то значимое. Я что-то упускала.

Когда поняла, что следующие пару часов по обследованию особняка сильно не будут отличаться от предыдущих, я сдалась. Глаза постепенно замыливались, и я забеспокоилась, что когда доберусь до чего-то действительно интересного, из-за вороха новой и бесполезной информации не смогу в нем разобраться.

Самым стоящим местом здесь был ритуальный зал, предназначенный для пробуждения крови. Два часа назад я сказала бы, что нет ничего важнее библиотеки, но как подтвердила Леда, а после и я убедилась самолично, книг, претендующих на звание чего-то "вкусного" и "экзотического", там не оказалось. Либо они были очень древними, а значит я их уже читала, либо очень новыми, не старше десяти-двадцати лет. Те, что не имели пятой или шестой редакции, я вообще не рассматривала как годную к употреблению макулатуру. Другие же содержали в себе очень скучные, кастрированные статьи, от которых невыносимо пахло хлором.

— Это произошло здесь, — указала Леда на расчерченный на полу круг, когда мы спустились в одно из подвальных помещений. Здесь было темно и моей провожатой пришлось зажечь несколько магических шаров. Факелы, развешанные на стенах, она предпочла не трогать.

В первый момент меня бросило в легкую дрожь. Никаких подавителей или блокираторов внутри помещения не было. Магические эманации вибрировали по кровавым узорам стен, напоминая функционирующие артерии. Я прошла по периметру зала, поскребла засохшую кровь. Прижалась ладонью к пентаграмме, ощущая под рукой напряженное биение жизни. Этот зал хранил в себе тысячи отпечаток чужих судеб, невидимой нитью уходящих в подпространство Нижнего мира, соединяясь с себе подобными, создавая живую сеть. А я не могла их "прочесть". Воображение рисовало бесконечные, запутанные лабиринты, разнообразные слепки аур, затерявшиеся в плетениях послания и запутавшиеся в нитях магические символы. До безумия хотелось почувствовать их "пульс" у себя под кончиками пальцев.

Я оглянулась на Леду, пытаюсь в разглядет в радужках ее глаз всю красоту представленной мной реальности. Пустой взгляд. Магические шары плавно парили над нашими головами, бликуя отраженным светом. И все. Глухая стена кристально чистого голубого цвета. Никакого восторга.

— Знаешь, о чем я подумала, — внезапно заговорила бывшая адептка Академии, не сводя с меня ясного взора глаз, — когда впервые оказалась здесь? О проекционном

отпечатке, который мы с тобой вместе пытались снять с капель крови, найденных в закоулке. Когда расследовали наше с тобой похищение.

Леда могла не пояснять. Я сразу поняла о чем она.

— Помню. Мы не смогли получить никакой информации из того слепка. Все было стерто.

— И ты сказала, что есть люди, умеющие работать с магией Крови на столь высоком уровне.

Я кивнула.

Леда медленно прошла вперед, огибая меня по дуге. Ей здесь не нравилось. Совсем недавно она участвовала обряде пробуждения Крови, который весьма болезнен. Он отпечатывается где-то глубоко в душе. Выжигает о себе напоминание. Ставит клеймо. Пережить это можно, забыть — нет. Кровь своевольна. Всегда бунтует. Никому не нравится, когда его насильно вытаскивают из долгой спячки.

— Это могла сделать только Сестра Крови, так? Кто-то уровня Старшей или выше.

Я кивнула еще раз.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не очевидно? Я хочу сказать, ты об этом не догадалась или пытаешься что-то скрыть?

— Леда, о чем мы говорим? — я повернулась вслед за девушкой, стараясь не упускать ее из виду. Это место действовало на нее вовсе не благотворно.

— В газетах говорилось, что все это дело рук демонопоклонников. Господин Чабер это подтвердил. Ты назвала имена. Но это только те люди, которых ты видела и смогла опознать: некий Флем, руми Парнс, Лилит.

"И Камден Геригон, — мысленно добавила я."

— Кто-то неизвестный, преподаватель из Академии и женщина, которую ты даже не видела. Никто из нас не видел. Что если она из Ковена? Как еще объяснить то состояние крови, что мы нашли?

— Некачественно снятым отпечатком? — мой голос прозвучал настолько придушенно-слабым, что я сама себе не поверила.

Меж тем, Леда оставалась непреклонной. В ней вновь прорезался тот самый стальной стержень, что заставил ее впервые заняться расследованием дела о пропавших адептах. Девушка требовала правды. Она была к ней готова. Ей в первый раз что ли всего этого не хватило?

— Что если эта Лилит была Сестрой? Я знаю, демонопоклонники и Сестры Крови на одной стороне — звучит как бред. Но мы сейчас с тобой вместе и находимся в бреде чьего-то извращенного сознания.

— Я не знаю, Леда. Я не уверена в том, что тогда слышала. Вдруг, это даже не имя. У всего есть свои пределы. Особенно у моей памяти. Я не говорю, что это невозможно. Это скорее — зачем? Если в Ковене нашелся отщепенец, перебравшийся на сторону врага, — это не наше дело. Пусть сами выискивают и травят своих паразитов.

Леда не ответила. Но плотно сжатая линия губ и сведенные к переносице брови, говорили сами за себя. Она этого так не оставит.

Я прошагала к центру зала и опустившись на колени начала изучать пентаграмму. Бывшая адептка встала рядом, продолжая удерживать осветительные шары так, чтобы я могла разобрать древние символы. Закорючка за закорючкой я проверяла выдолбленные в

камне надписи, вспыхивающие алым светом от моих прикосновений. Я искала соответствия. Искала расхождения. Хотя что-нибудь. Если в пансионате и существовал какой-то подвох, он должен был отобразиться в этих письменах. Это магия. Правда в самом чистом ее виде. Никаких отклонений. Ничего лишнего. Идеальное сочетание формы и содержания. Изящество конструкции. В ней нельзя солгать. Нельзя написать "восемь" и поставить "два в уме".

Или можно?

Когда каждый проверенный мною символ совпал с тем, что я помнила, а все линии точь-в-точь повторили те, что предлагал учебник, я сдалась и предположила невозможное:

— Леда, ты проверяла эту комнату на золотое плетение Геллиофрея?

— На что?

Точно. Об этом я с ней не разговаривала. И Мальт ничего не знал про это плетение. Но с ним как раз все понятно. Если бы он не жил в Академии, он бы вообще не знал, где эта Академия находится.

— Обрывки нитей, которые торчат из разных кусочков плетения, дающие в своей совокупности дополнительный эффект к заклинанию.

Кажется я потихоньку теряла в глазах девушки авторитет, потому что на мое объяснение Леда выдала заученную фразу:

— Обрывки есть у всех заклинаний.

— Только у тех, что плохо сшиты.

Леда покачала головой. Между нами неожиданно рухнула бездна, привычно разделяющая разные поколения.

— Ладно, — действуя на опережение, согласилась я. — Создай мне проекцию вот, к примеру, этого кусочка пентаграммы.

Спорить она не стала.

На сотворение проекции ушло около часа. На то, чтобы она разрушилась от первого же вдоха — две секунды. Конструкции ломались. Извивались. Путались. Переплетались друг с дружкой, завязываясь в узелки. За этим мельтешением разноцветных магических связок, мне едва удавалось разглядеть хоть что-то напоминающее запечатанное символами заклинание.

Леда злилась. По плотно сжатой челюсти заходили жевалки. Лоб вспотел. Она тяжело дышала, вперившись взглядом в результаты своей работы. Каждая разбивающаяся о невидимые преграды конструкция, злила ее все больше и больше. Под конец, когда очередная проекция разошлась по швам, осыпаясь мелкими крупинками, девушка не выдержала. Резанула ладонью по иллюзорному изображению, уничтожая последние остатки магии.

— Достало! — воскликнула она. — Не могу. Не получается.

Шары света, зависшие в воздухе, вспыхнули ярким светом, ослепляя нас на доли секунды, и цветной крошкой оседая на пол, под конец растворяясь в эфире. Мы оказались в полной темноте. Только сбившееся дыхание моей сопровождающей выдавало чье-то присутствие.

— Как-то жутковато, — озвучила я свои мысли, не торопясь подниматься.

— Моя магия теперь работает иначе, — через какое-то время отозвалась Леда. — Стихия Воды не отзывается совсем. Только пара мелочей из Света.

Я подавила тяжкий вздох. Потому что в своем положении я бы мелочами из Света брезговать не стала. Я бы ими жила.

— Нет, так нет. У нас еще осталась половина пансионата. Идея с золотыми нитями все равно была бредовой. Это же магия Крови. Это даже не нити, а скорее сосуды. Откуда здесь взяться исключению Геллиофрея?

— Кто это? — хриловатый голос Леды из темноты звучал довольно-таки пугающе, и я поднявшись с пола на ощупь поплелась к двери.

— О! Калев Геллиофрей — это великий мистификатор своего времени. Он сумел сотворить поистине великий обман — убедил существовавший полторы тысячи лет назад Совет Магов в том, что является великим алхимиком-спасителем, посвятившим свою жизнь уничтожению демонов. — Я распахнула дверь, бодрым шагом выходя в коридор, ведущий к винтовой лестнице, и обернувшись к Леде, указала на защитные символы, выцарапанные на потолке. — Его рук дело, — пояснила я. — Большинство заклинаний, направленных на борьбу с демонами принадлежат ему, или построены на основе его выкладок. Сейчас они почти не используются обычными горожанами. Нынче вызвать демона — не самая легкая задача. Последний, официально зафиксированный случай, произошел семь лет назад, в одной из дальних частей Империи. Такие вот пентаграммы ставятся только на очень важных объектах, скорее в качестве суеверия, чем от реальной опасности. И правильно делают. Сил на нее уходит много, а встретиться с настоящим демоном шансов не больше, чем с идеальным мужчиной. Может такое счастье и выпадет, но уведут его раньше, чем он успеет приблизиться к тебе хоть на шаг.

— Но если он действительно создал работающие пентаграммы, защищающие от демонов, то почему же он обманщик? — Леда вдруг сразу позабыла о своей злости и расстройствах, как замороженная двигаясь вслед за мной, по пути рассматривая потертые местами символы.

— Оо-о... Он был великолепен. Он знал о демонах все. Ну, может и не совсем все, но больше любого другого человека в Привычном мире. Он был ими увлечен. Восхищался ими. Я бы сказала — боготворил, но не уверена, что это слово уместно. Он их любил — да, но не стоит его записывать сразу в демонопоклонники. Скорее он к ним относился так, как вивисекторы относятся к животным. Он ставил над ними эксперименты. Над мелкими, конечно. Полноценных демонов он изгонял обратно в Нижние миры. Очень уж хотел великий демонолог разузнать, как же эти демоны получают силы и как перерождаются. Можно ли на их примере забрать у другого мага способности и присвоить их себе.

— Нельзя, — как само собой разумеющееся, ответила Леда. — Это объясняют на первом же уроке в Академии. Скрыть, заблокировать, ослабить, — можно. Забрать себе — нельзя. Ты только представь, какая бы резня началась, будь это возможно.

— Представляю, — не стала спорить я. — Но те времена были очень далеки от наших. Магию окончательно не разбили на все направления. Свет стоял во главе всех Истоков. А маги не теряли надежды повысить свой уровень за чужой счет. Экспериментаторов было много. Но Калев был из тех счастливиц, кому повезло иметь имя, значимое в Совете, положение в обществе, деньги, знания, сподвижники и самое главное — ресурсы. Человеческие ресурсы.

— Он проводил эксперименты на людях?

— Верно.

Преодолев очередной коридор, мы оказались в дальней части поместья. Здесь не было слышно голосов Сестер, чужих перешептываний, или других посторонних звуков, кроме поскрипывания досок и оконных рам.

— Рискнем? — добавляя в голос побольше задора, спросила я, распахивая дверь в кабинет.

Мы оказались в очередном классе, наполненном пустыми партами. У задней стены стояли покосившиеся шкафчики. Судя по скопившейся на подоконнике пыли, занятия в этом кабинете уже давно не проходили. Затхлость и сырость стояли душным маревом, почти ощутимо касаясь кожи. Я подошла к покосившемуся окну и распахнула ставни. Поток свежего воздуха, дунул облегчающим холодом.

— Чувствуешь что-нибудь?

— Злость. Печаль. Пустоту, — произнесла Леда, рассматривая колбочки на преподавательском столе.

— А из необычного?

Леда постучала по тонкому стеклу пробирки, и скучающе протянула:

— Разве что, зачем нам класс по алхимии, если у нас нет алхимии? Или почему все зелья варит Райт. Не проще ли нас приспособить к этому делу?

— Что? Повтори.

Она повторила.

Я от удивления аж икнула. Потом икнула еще раз.

— Зелья для Сестер Крови варит Райт? — на всякий случай переспросила я, боясь, что меня резко одолели слуховые галлюцинации.

— Да. Я так и сказала.

Недоверие боролось со здравым смыслом ровно три секунды, после чего я потянула оконные рамы обратно, и, преувеличенно радостно, возвестила:

— А веда-ка ты меня к нашему светилу в приготовлении зелий! Что же ты раньше-то молчала? Вот с чего надо было начинать.

Райт готовил лечебные зелья для пансионата. Райт. Тот самый нелюдимый парень, что обучался в Академии на общем потоке. Который очень много читал, имел балл выше среднего, хорошие отношения с преподавателями, но при этом не имел никаких особых увлечений, и особыми талантами не блистал. Своих успехов он достиг благодаря труду, упорству и поразительному нежеланию проводить свободное время в обществе других людей.

— А я, когда получала магическое образование, больше всего любила столовую. Там было тепло и вкусно кормили, — вздохнула я, вспоминая пряный аромат булочек с корицей, и нестройный гул однокурсников. Их лица, как и имена, давно стерлись из памяти, оставив после себя лишь слабый привкус ностальгической теплоты.

— На кого ты училась? — поинтересовалась Леда, бросив заинтересованный взгляд из-за плеча. — Кое у тебя образование?

Я отставала от нее всего на несколько шагов только потому, что девушке приходилось постоянно останавливаться и дожидаться меня. Раз за разом я спотыкаясь о могучие корни деревьев, спрятанные под слоем снега или неудачно выбрав место проваливалась по колено в сугроб. Дорога к хижине Райта состояла из полосы препятствий, где каждый шаг угрожал очередной порцией снега и обещал остаться царапиной цепких веток, нашедших в моем лице мишень. Леда, в свою очередь, с грацией кошки проскальзывала мимо всех преград, будто бы вовсе их не замечая. Лес словно расступался на ее пути, предоставляя безопасный проход.

"Так передвигаются Сестры, — напомнила я себе, прикрывая лицо рукой от очередной ветки, наметившейся на причинение вреда моему глазу. — Мягко, бесшумно, осторожно. Ты тоже так умела, пока не разленилась и не перестала тренироваться."

— Разное у меня было образование, — откликнулась я, когда Леда повторила свой вопрос, решив, что я ее не расслышала. — Но всегда классическое. Никогда не получалось родиться с каким-нибудь даром.

Внезапно мне вспомнилась школа плетения основополагающих узоров — это были самые бездарно потраченные годы жизни. Меня выгоняли оттуда три раза. Два — позволяли вернуться за хорошее вознаграждение. После чего наложили запрет на посещение школы на десять лет. Спустя отмеренный срок, я смогла вернуться и добить экстерном последние два класса, получив официальный документ и медный значок с изображением узелка. Кстати, значок ученики делали сами в качестве выпускной работы, получая от директора школы лишь официальную печать поверх сплетенного материала. Именно поэтому я никогда не носила его с собой. Не из-за директора, конечно. А потому что нити со временем порвались, значок покрылся ржавчиной, погнулись края, а рисунок превратился в некое подобие угрожающей маски. При желании я могла бы восстановить те нити позже, когда появился какой-никакой опыт и настоящее понимание сути плетений, но... желания не было. Значок до сих пор валялся в сундучке с мелкими ценностями, напоминая о грозном враге в лице чертежей, графиков, схем и циркуля.

— Это как? — смена тона резанула не хуже колкого ветра, взметнувшего верхний слой с замерзшего наста.

Отвлекаясь на очередное воспоминание и вытаскивание своей ноги из сугроба, я не сразу поняла в чем дело. Мысленно прогнав диалог в обратную сторону, я на несколько секунд выпала из реальности, после чего, не меняя непринужденного тона, уточнила:

— Я о своей родословной. Ни одного истинного мага. Все как один — классики. Я жила в достаточно знатной семье. И титул какой-то там был. Древний род, длинные корни. И вот представляешь, никого с даром. Обидно как-то даже. А ты, что подумала?

— Нет, ничего. Послышалось, наверное, — неуверенно произнесла Леда, ускоряя шаг.

Я начала заговариваться. Столько лет молчала, а тут — на тебе, прорвало. Рядом с Ледой все воспринималось как-то иначе. Время, проведенное рядом с ней в минуты собственной слабости, залегло в душе плотным фундаментом безосновательного доверия, которая давала о себе знать таким странным образом. И это казалась таким правильным. Я совершенно не чувствовала с ее стороны угрозы, что постоянно искала в каждом встречном. Такая реакция меня пугала. Инстинкт самосохранения требовал поскорее поставить точку в завязывающихся отношениях, и более никогда не возвращаться на эту территорию.

Спустя три внеплановых остановки, отведенных на вытряхивание снега забившегося за голяшку сапога, две скомканные попытки заговорить на нейтральную тему, и одно разочарование, гнусно-сосущее под самым сердцем, напоминающее о собственной убогой физической подготовке, мы добрались до укрытия Райта. Покосившаяся набок лачуга едва ли напоминала достойное укрытие для обычного алхимика, что уж говорить о человеке, но казалась вполне обжитой. Площадка вокруг была расчищена, крыльцо подметено. Ступеньки совсем новые, кто-то не так давно поработал здесь инструментами, сменив прогнившее доски на светлый брус. Впрочем, судя по сбившемуся наклону и не совсем подходящему материалу, было видно, что старался явно не мастер, а скорее очень упорный человек, которому надоело каждый раз спотыкаться, спускаясь с крыльца.

Из трубы валил дым. Печка топилась исправно, а значит, тепло в доме поддерживалось естественным способом, без злоупотребления заклинаниями. В чем был определенный плюс: все магические действия, происходящие в помещении, так или иначе, могли повлиять на качество приготовленных зелий.

Леда вошла первой. Она не стала стучать, просто толкнула дверь. Я проследовал за ней. Резкий контраст между режущим белым снегом и мягкой темнотой комнаты, спрятанной за слоем грубой ткани, скрывавшей от посетителей оконный свет, на несколько мгновений меня ослепил. Удушающий едкий запах пряных трав щекотал ноздри, плотным дурманом оседая в легких.

— Помещение надо хоть иногда проветривать, — закашлялась я.

Внутреннее убранство домика оставляло желать лучшего: несколько рядов шкафов, полностью забитых стеклянными сосудами и мензурками; замызганный ковер на полу с выцветшим рисунком, едва угадывающимся в свете слабых лучей солнца, пробивающихся сквозь занавесь плотных тканевых штор; сложенные друг на дружку ящики с потертыми пузырьками; заставленный разными алхимическими приборами и кухонной утварью, громоздкий дубовый стол, вытянувшийся почти на всю длину комнаты, и занимающий ее центральную часть; печка; бадья с водой; с потолка свисали засушенные веники трав, угрожающе закачавшиеся от ворвавшегося вслед за нами сквозняка. И все это странным образом умудрялось уместиться в совершенно крохотном помещении. Не хватало только

кровати или лежанки или хоть чего-нибудь. Расстелить постель на полу тут было явно негде.

— Райт! — позвала Леда, скидывая плащ на край лавки. Место работы темноволосого адепта пустовало. — Наверное, он спустился в подвал, — доверительно сообщила девушка, пробираясь к покосившимся полочкам. Отодвинув в сторону изъеденный молью гобелен, спрятанный между шкафов, Леда нырнула в открывшийся проем.

"Подвал! — обрадовалась я чему-то."

— Райт! Это я, — повторила девушка, и эхо моментально отразило ее слова десятком голосов. Еще не до конца спустившись вниз, я поняла, что слово "подвал" несколько не точно отображает данное название. — Со мной гостья! И ты не поверишь, когда увидишь, кто это.

Райта я признала сразу. Тут ошибиться невозможно. Угрюмое нечто, восседающее на полу в центре пентаграммы, четко выверенной в лучших традициях инквизиции, под ворохом складок непонятно с чего плеча снятого плаща. Склонившись над потрепанного вида книгой, адепт взирал на расплывчатые строчки абсолютно пустым взглядом впавшего в медитацию шамана.

Леда позвала Райта еще раз, сопроводив свои слова для убедительности легким тычком в плечо.

Я тоже решила поучаствовать в возвращении души адепта из далеких глубин задумчивости.

— Привет, — сказала я. Этим мой возвышенный порыв помочь выйти Райту из подобия медитации и ограничился.

Парень поднял на меня затуманенные зельем глаза. Несколько морщинок залегли между бровей, выдавая напряженную работу ума, собирающего себя по кусочкам с просторов астрального мира. Я изобразила улыбку, и чтобы избежать дальнейших издевательств над сломленным эликсирами сознанием, представилась:

— Китра Латер. Шестнадцать лет спустя, так сказать.

— Кто? — переспросил парень, неуверенно переводя взгляд на Леду.

— Новая адептка. Дважды принесенная в жертву, — попыталась пояснить она.

Слабые искорки понимания неохотно вспыхнули в глубине темно-карих глаз... и снова потухли.

— Шестнадцать лет спустя?

— Верно, — подтвердила я, шагнув вперед и демонстрируя себя во всей своей помятой, но не сломленной красе.

Мимика парня с заметным трудом сменилась на что-то едва напоминающее узнавание, после чего, с трудом прорываясь сквозь пласты застаревших кусков реальности, он неуверенно уточнил:

— Как долго я медитирую?

— Не больше четверти суток, — охотно пояснила Леда.

— А сколько прошло там? — Райт возвел палец к потолку, кидая на нас подозрительные взгляды.

— Столько же. — Хмыкнула девушка, и строгим голосом пригрозила: — Давай, поднимайся наверх в тепло, здесь жутко холодно. А твои горячительные настои, по-моему, через чур горячительные.

— Что это с ним? — шепнула я, шагая вслед за Ледой, направившейся наверх.

— Похищение, женский пансионат наполненный потенциальными убийцами и

адептками крови, изоляция, непригодное место для жизни, постоянный стресс, — ты что выбираешь? — в интонацию вместе с сарказмом проскользнули крупинки жестокости, словно девушка хотела мне поставить это в вину.

— Он — мужчина, — беспечно отмахнулась я. — Их такие вещи только закаляют. Я спрашиваю, что он себе здесь в чай подмешивает? А то я может себе планы на медовый месяц хочу подкорректировать.

— О, у тебя оказывается есть какие-то планы, — беззлобно огрызнулась Леда, пока я пыталась решить, на пользу ли ее характеру пошел пансионат или нет. Меня радовало, что прошедшие месяцы не подкосили девушку, прятавшуюся за статусом Осколка. В чем-то я ею восхищалась и даже завидовала. Потому что мне в свое время этот жизненный урок дался гораздо сложнее. За гибким и тренированным телом, повадками убийцы, и холодным умом, у меня пряталась покалеченная и разбитая душа, корчащаяся от боли кровоточащих ран. Ушли годы, чтобы по кусочком восстановить какое-то подобие нормальной личности, способной социализироваться в беспрерывно меняющемся обществе.

Сутки. Чтобы меня сломать, потребовались ровно сутки. Впрочем, как выразилась тогда Мать, ломать там было особо нечего, так — слегка потанцевать на тлеющих обломках.

— Может ты уже и придумала, как разобраться с нашей ситуацией?

— Может, — согласилась я, протискиваясь сквозь узкий проход, завешанный пыльным гобеленом. — Узнаю наверняка, когда смотрительница раскопает обо мне всю возможную информацию, и затребует проведение ритуала пробуждающего магию Крови.

— И что случится тогда?

Я пожалала плечами. Я не была уверена, что найдет веллады Алеса. Я только надеялась, что эта информация порядком собьет ее с толку.

Леда прошагала к лавке, на которой лежал ее плащ вместе с перчатками, и присев рядышком, ослабила шнуровку на горле. Ее руки мелко дрожали и чтобы скрыть нахлынувшее волнение, она сцепила их в замок, опустив на скрещенные колени.

— Ладно, спрошу в лоб. Ты состояла в Ковене?

Я задумчиво поскребла ногтем по подбородку, попутно вытаскивая из закров с заготовленными ответами подходящий вариант.

— Мне нужна правда, Китра. Я доверяю тебе нечто большее, чем просто свою жизнь. И пытаюсь понять, почему? Ты мне ничего не должна. Все что я слышу от тебя — это "может" и "наверное". Ты же не "трилистник" картами раскладываешь, тут нельзя надеяться на простодушное "мне повезет". Я согласна тебе довериться, только скажи, что у тебя есть план. Есть причины совершать все эти поступки.

Что тут можно ответить? Только правду.

— Я не состояла в Ковене. В него нельзя попасть, если ты не чистокровная корваж. Вход только для своих, а я, как видишь, потомок иных кровей: темные волосы, бледная кожа, холодный цвет глаз. Северо-восток — вотчина лунных. Я еще не закончила, — предупредила я, когда увидела, что девушка собирается что-то возразить. — Но мне пришлось побывать в рядах одного из кланов, и — давай никому и никогда об этом не рассказывать — как ты знаешь, единственный клан, что принимает к себе отщепенцев — это клан Крови.

— Ты — Осколок? — шепотом выдохнула Леда, вздрагивая от собственных слов. Что-то среднее между брезгливостью и ужасом, тенью пробежало по ее лицу. Всего один удар сердца и следующая волна накрыла искажившуюся мимику очередным слоем безразличной маски.

— Бывший.

— Такие бывают?

— Кроме себя не встречала.

— Подожди-ка, — Леда резко приподнялась, не замечая, как своим неаккуратным движением столкнула свою одежду вниз. Плащ с тихим шуршанием соскользнул черной гладью на пол, прямо к ногам девушки. Она не обратила на это внимание. — После того как Осколок завершает свою миссию, он становится полноправной Сестрой Крови.

— Или не становится, если умирает при попытке завершить свою миссию, — как вариант предложила я, вспоминая свод правил кодекса.

— Или завершает свою миссию, после чего больше не желает состоять в клане убийц и прячется в рядах сторонников Света?

А девочка и правда стала соображать лучше.

— В общем и целом — да. — Согласилась я. — Знаю, звучит не очень, но все было именно так. В подробности вдаваться не буду — это мелочи, которые только все запутают и усложнят.

Леда кивнула. Я вздохнула. Третий человек в этой комнате, что все время молча наблюдал за нашим разговором, протиснулся мимо меня и Леды, подобрал упавший плащ, закинул его на вешалку, и направился к печи. В тишине гробового молчания, позвякивая крышкой от котелка и бренча составленной на полке посуды, Райт поставил перед нами на стол глиняные чашки с приготовленным отваром, и плетеную корзинку с невесть откуда взявшимися пирожками.

— Сам пек, — похвастался парень, разбивая на части затянувшееся молчание. — Тут пара сотен девиц, но печь съедобные пирожки почему-то получается только у меня. Рецепт в одной из книг нашел. Сначала думал темно-магическое зелье какое-то, ан-нет, пирожки.

Выглядели пирожки на удивление аппетитно.

— Райт, — пробормотала я. — Притворяешься ты незаметным лучше, чем варишь зелья.

Данный вывод напрашивался сам, после того как я уже вторую Сестру заметила за использованием испорченного эликсира.

— Я зелья отменные варю, — не согласился он. — Это просто ингредиенты здесь почти все го... год как просрочены. Меня этому искусству дядя с детства учил. А библиотека для начинающего и продвинутого алхимика здесь лучше той, что у меня дома.

Я обвела взглядом помещение, сосчитала в уме все увиденные травы и зелья, сопоставила их с названием книг, что ютились на верхних полочках, как и тех, что я успела мельком заметить в подвале, и согласилась принять вариант Райта за рабочую версию. От меня не убудет. А алхимиков я все равно недолюбиваю.

Парень пододвинул стул, на вид весьма очень хлипкий и неустойчивый, и присев с другой стороны стола, взял одну из чашек. Посмотрел на плавающие на поверхности листочки и внезапно нервно дернулся в сторону. Что-то прошипел, неловко задевая локтем странный стеклянный прибор на подобии горелки, и уже менее спокойно промолвил, обхватывая чашку двумя руками, в странной попытке прикоснуться к теплу:

— Ничего наркотического чай не содержит. — Поспешил оправдаться парень. — Я всегда такой.

Я видела залегшие под его глазами густые тени, гармоничным образом контрастирующие с полопавшимися капиллярами сосудов и пепельно-серых узоров, разбегающихся в стороны по верхнему слою кожи.

— Я ничего такого не имела ввиду, — почему-то захотелось оправдаться.

— Здесь не только книги по алхимии, ботанике и о магических заболеваниях, — внезапно сбился в сторону от диалога Райт. — Кое-что есть о магии Крови. О специфике ее заклинаний, которая так или иначе сводится к тому, что ее не обмануть. Не существует Осколков пропавших без вести. Потому что у каждого клана есть своя база крови, содержащая информацию о всех ее членах: живых и мертвых.

И откуда здесь все такие умные?

— Послушай... это все сложно и совершенно неважно. Я хочу понять, почему здесь оказалась Леда и зачем ты понадобился Сестрам.

— Если бы мы знали...

— Я же все рассказала, — удивилась Леда, недоуменно поглядывая на Райта. — Мы свидетели ритуала. Группа риска. Какая бы темная магия не была призвана, она коснулась каждого, кто находился в ту ночь в доме. Мы были ей заражены, поэтому нас забрали. Дали шанс на спасение. Либо так, либо смерть. Это то, чем обычно занимаются Сестры Ковена.

С полминуты я только пыталась переварить услышанное. Даже со второй раза и повторного объяснения, прозвучавшие слова не казались менее бредовыми. Но может дело во мне? Недавняя стычка со смотрительницей должным образом продемонстрировала мою несостоятельность в данных вопросах. Мои знания порядком устарели. То что Ковен — одна из самых консервативно-закостенелых организаций, вовсе не значит, что они совсем не развиваются.

— Такое возможно? — обратилась я к Райту. В некоторых аспектах он оказался более сведущим, чем Леда. Его оценка ситуации выглядела весьма объективной. Если парень приспособился к жизни среди потенциальных мужененавистниц, то тут нечто большее, чем обычная удача. Это адаптация. Способность чувствовать настроение и все его изменения. Особая форма чуткости. Парень умеет подстраиваться.

— Если мы говорим именно о Ковене, он давно зарекомендовал себя как самое рьяное сообщество, противодействующее темному колдовству. Это их главное заявление на политической арене Империи. Пансионат принадлежит Ковену. В нем обучаются представительницы разных кланов. Из этого можно допустить, что среди учениц вполне могут присутствовать дети из клана Крови. Никто же в этом напрямую не признается. Точно так же, здесь могут обучаться Осколки до определенного момента. Леду вполне могли сюда забрать. Это ближайший объект, официально принадлежащий Ковену.

— Ладно, допускаю. Но зачем? Это сейчас законно? Вырвать человека из привычной жизни не предупредив ни семью, ни друзей. Лишить права дальнейшего выбора. Просто так. Без какого-либо суда. По чьей-то прихоти. Документы, печати? Кому-нибудь что-то предъявляли?

Парень и девушка отрицательно помотали головами, после чего Райт пояснил:

— Это не то чтобы законно или общепринято, но и не является прямым нарушением правил. Старый город — территория Обители и Академии. Со стороны Ковена было очень рискованно забирать нас оттуда. Академия легко отпускает своих адептов только в том случае, если они никому не нужны. Наш переход на сторону Ковена — не более чем щелчок по носу для Академии, но на политическую интригу не тянет, если ты об этом. Похоже на конфликт локального действия, центром которого является Леда. Скорее всего, я — незапланированная часть. Меня взяли случайно.

Девушка насупилась.

— А так бы убили, — поспешил успокоить ее Райт. — И никто бы никогда меня не нашел. А варить зелья и составлять каталоги — это то, чем я как раз хотел заниматься в жизни. И у меня есть подвал. Все не так плохо.

Фаталист — оптимист. Все действительно не так уж и плохо.

— Погоди, ты составил каталог зелий? — не поверила я собственной удаче. — Всего этого? Даже испорченного? По всем правилам?

— А как иначе, — удивился он, вытаскивая из ящика огромный талмуд.

— Дайте мне немного света! — возразовалась я чуть ли не силком выхватывая у парня из рук тяжеленную книгу и взгромоздив ее себе на колени. Таблички, пометки, символы, — все согласно строжайшим стандартам оформления перечня зелий, введенных еще в доимперские времена. В этом плане Райт был педантом и отчаянным занудой. Каждая буква тщательно выписана. Строчка за строчкой. Мелким, но читаемым почерком, выведен весь список используемых ингредиентов, с уточнением элементов стихий к которым они благосклонны.

— Поверить не могу, что в Академии до сих пор такому учат, — восхитилась я, пролистывая страницы и сразу мысленно отмечая некоторые эликсиры.

— Это не Академия, — немного смутился парень. — Мой дядя алхимик. Когда я был маленьким, он часто приезжал к нам домой и рассказывал много интересных вещей. Показывал разные фокусы с зельями. Иногда привозил книги с очень красивыми и красочными иллюстрациями. Он много знал. Был гораздо умнее моего отца и любого другого человека, которого я когда-либо встречал. Он-то меня всему и научил. Мне как двенадцать исполнилось, дядя сразу предупредил, что мага из меня толкового не выйдет. Дара нет. Третий ребенок в семье. Мачеха откровенно недолгоблывает. В общем, предложил меня забрать к себе и обучить всем премудростям изготовления зелий и написанию научных трудов, — парень как-то растерянно покрутил в руках чашку с отваром, поставил ее на стол. Склонив голову, словно пытаясь разглядеть свою судьбу в кружащих в чае мелких лепестков, Райт глухо промолвил: — Наверное, он места себе не находит. Что там ему про меня сказали? Что я отчислился и исчез? Не выдержал давления и сбежал?

Я кивнула, чувствуя себя очень неловко. Леда, сидевшая рядом, пасмурнела, очевидно вспоминая свою ситуацию, не столь схожую, но не менее трагичную. Для подростков, вступающих во взрослую жизнь, это должно быть сравнимо с концом Света.

Разговор завершился сам собой. Райт принялся дальше заниматься склянками и травками, а Леда погрузилась в странное подобие меланхолии. Гнетущее молчание всеобщей печали удалось прервать только через час, когда я добралась до последней страницы.

— Взбодритесь, ребятки! У меня появился план, — я хлопнула каталогом по тяжелой поверхности стола. — Дайте мне какие-нибудь письменные принадлежности.

Райт покорно направился в сторону стеллажей, а Леда, уже оценившая основные принципы моих планов, скрестила на груди руки, и вперилась в меня хмурым взглядом.

— И что за план? — спросила она. — Или ты пока только название придумала?

— Чутьочку уважения! — возмутилась я, принимая из рук Райта грифель. — Я вдвое тебя старше. И какая-никакая, но еще и Мать.

Леда притворно закатила глаза, а Райт только успел пробормотать какие-то проклятья, когда я начала черкать страницы в его каталоге. Пришлось на него тцыкнуть, когда он предпринял попытку отобрать у меня плод своих стараний.

— План в том чтобы довести Райта до сердечного приступа? — понаблюдав за короткой

и молчаливой перепалкой между мной и Райтом за неприкосновенность книги, Леда заглянула мне через руку, стараясь рассмотреть, что же там такое я вывожу на полях.

— План в том, чтобы победить. Я собираюсь одолеть смотрительницу в поединке.

Адептка не стала говорить мне очевидные вещи вроде тех, что я абсолютно не подготовлена к любому виду драки, как с оружием, так и врукопашную. Она крутанула пальчиком один из локонов, выбившихся из хвоста, и совершенно серьезно спросила:

— И как же?

— Как и в любой другой заведомо проигрышной схватке. Я собираюсь победить еще до ее начала. — Я закончила учинять вандализм над непосильным трудом парня, и впихнула каталог в руки Леды. — Держи. Перепиши на отдельный листок все зелья, которые я отметила. Райт, покажи мне те книги о Сестрах, что ты здесь нашел. Живее, приятель. Полагаю, у меня осталось не больше пары часов до очередной встречи с уважаемой Алесой.

Может мои слова наконец-то прозвучали убедительно, потому что Леда спорить не стала, хотя и без особого энтузиазма, она принялась исполнять мое поручение. Не стал возражать и Райт.

Я была полна решимости не позволить себе умереть. Конечно, встреча со смотрительницей несколько поумерила мой пыл, как и дополнительные проблемы в виде спасения двух адептов Академии. Не схватишь же их за шкуру и не рванешь же через гущу леса обратно в Старый город. Леда прошла ритуал посвящения. Найдут. Землю носом вскопают, деревья с корнем выдерут, а найдут. Нет такого места, чтобы спрятаться от клана Крови. Сами они должны отпустить. Добровольно. При желании и при наличии разрешения сверху, ее не придется даже искать, проведут ритуал и убьют на расстоянии. И никому ты ничего не докажешь и не предъявишь.

Леду и Райта я могла бы еще как-то выторговать, а себя — нет. Я покусилось на нечто важное, нечто святое. Такое из принципа не прощают, какие золотые горы не обещаешь. Поэтому, я должна победить так, чтобы мне поверили. Чтобы ни у кого после не возникло сомнений, что я имею все права на свои действия. Я должна совершить невозможное. Одолеть веллады Алесу и уйти Матерью при этом ею не оставшись, дабы не вводить в искушение иные заблудшие умы.

Как мне победить Алесу?

Нет, это плохой вопрос, потому что на него сразу идет плохой ответ — никак. Вопросы себе тоже надо уметь задавать правильные. Иначе глухая депрессия обеспечена на долгие годы. Попробуем по-другому. В чем я лучше злобной смотрительницы? Какие у меня сильные стороны? В силе и ловкости она меня превосходит. И не то чтобы намного, а где-то на целую пропасть. Двухчасовой тренировкой делу не помочь и мое тело, долгие годы подвергаемое нападениям лени, алкоголя и разными сладостями, так быстро не излечишь. Что с остальным? Смотрительница умна. Расчетлива. Жестока. Она найдет способ сделать мою смерть не быстрой и не безболезненной.

Она знает многое, но не все. А незнание ее пугает. Испокон веков люди боятся неизведанного. И Ковен не исключение. Значит, только это мне и осталось. Играть на страхах и монстрах, прячущихся в тенях.

В полумраке, расставленные на полу правильным кругом сияли свечи, подобно крохотным звездочкам на ночном небосклоне. Блики скользили по гладкой поверхности стен, выхватывая из власти теней обрывки пентаграмм и заговоренных надписей. Шесть сестер склонились над шестигранными чашами, наполненными ядовито-красной жидкостью, источающей удушающе-сладкий аромат. Шепот наговариваемых заклинаний сливался в монотонный шум нарастающей силы. Неподалеку, в алых одеждах стояла Айви Ронг, покручивая в руках обоюдоострый ритуальный нож со стальным лезвием и деревянной рукоятью, украшенной изображением орхидеи. На лезвие ряд трудноразличимых рун. Девушка вызвалась быть моим проводником в потусторонний мир. Или стать моим палачом.

Почему-то все происходящее дико напоминало сорвавшееся летом жертвоприношение.

Следующий шаг веллады Алесы был очевиден: ритуал пробуждения крови. Иначе никак. По другому до меня не добраться. Не понять, как я прошла проверку Айви Ронг — Старшей, встретившей меня на границе и впоследствии заточившей на меня зуб. Пока кровь спит, вся информация обо мне, как о члене клана, законсервирована в недостижимых залах Архива. Проснувшись же, кровь расскажет все. И меня бы это должно было чуточку волновать, если бы была крошечная вероятность, что кто-то эту кровь собирается слушать.

Смотрительница не верила, что я принадлежу Ковену. Ей не нравилась моя история про посланника Света, но и та другая, про Мать, казалась ей полным абсурдом. Зря. Это были хорошие легенды, позволяющие обеим сторонам остаться в выигрыше. Конечно, часть с Матерью была притянута за уши. Моя внешность, мое поведение, мои способности, — все противоречило названному статусу.

Под грозным взглядом строгой смотрительницы, я собиралась предложить ей и дюжине Старших, явившихся в зал для помощи в проведении ритуала, еще одну хорошую теорию происхождения моей персоны. Уже без поблажек, но с возможностью последующей принудительно-добровольной капитуляции. Или моей смертью. Шансы равны. Приблизительно. Один к ста. В общем, арифметика не мой конек. Поэтому я всегда проигрываю на скачках. И в карты. И в любую другую азартную игру.

Настало время проведения ритуала. Смотрительница не стала мелочиться.

Меня омыли. Меня одели. Меня причесали. Под проклятья, замаскированные в благоговейный шепот наговора, вплели в отросшие пряди волос блестящие шнуры и белоснежные цветы. На кожу нанесли извилистые символы. Прошлись по телу заклинанием, поблескивающим в свете мерцающих огней. Легкий материал платья струился по телу, волшебным переливом покачивающихся волн. И совершенно не грел. И ничего тут не грело. И ложиться надо было на холодный, каменный пол. И я чувствовала сквозняк. Меня постоянно потряхивало. Должно быть губы посинели, потому что ногти на руках посинели! Цвет кожи едва ли отличался от цвета церемониального платья.

"Так было и в прошлый раз? — попыталась вспомнить я."

— Вы еще можете отказаться, — предложила смотрительница, бережно поправляя складки на моем платье. Она уже успела педантично поправить несколько выбившихся из прически прядей и выровнить соскользнувший на бок цветок.

— И тогда все закончится легкой смертью с моей стороны?

Женщина покачала головой, после чего придирчиво окинула взглядом мой наряд. Могло показаться, что ее действительно интересовал благополучный исход ритуала.

— Только если вы согласитесь открыть свой разум и честно ответить на все вопросы.

— Вот уж нет, — возразила я. — После такого, легкой смерти мне точно не видать.

Одна из Сестер поднесла смотрительнице шкатулку. Приподняв крышку женщина вытащила два браслета, после чего осторожно защелкнула их на моих запястьях, аккуратно поверх красных линий, все еще не заживших с прошлого жертвоприношения.

— Я могу дать вам свое слово, что этого не произойдет, — предложила она.

— Не могу его взять, — продолжала храбриться я, ощущая себя на краю бездонной пропасти. — Ваше слово. Это было бы бесчестно с моей стороны.

— Так же бесчестно, как выдавать себя за Мать?

Я промолчала. Парировать было нечем. Вместо этого я отвлеклась на Сестер, перешедший на новый мотив нашептываемого заговора. Я слышала отдельные слова, но заклинание почему-то не узнавала.

— Вы чем-то удивлены? — вежливо поинтересовалась Алеса.

Она сразу поняла, что было только две причины, почему сорвалась дуэль со Старшей. Там, в кабинете, выяснив, что моя кровь спит, для нее оставался только один вариант дальнейшего развития событий. Пробудить кровь и провести диалог на своих условиях. Да, она не смогла понять, как я прошла на территорию пансионата с заявлением, что я — Мать. Почему магия откликнулась на эти слова, но проигнорировала призыв к схватке. И вот теперь она собиралась это выяснить.

— В прошлый раз все было несколько иначе, — я не стала врать о своих сомнениях.

— Вы уже проходили ритуал пробуждения? — вежливо уточнила она, благодушно кивая в сторону старших воспитанниц, подготавливающих магические атрибуты.

— Конечно проходила, — фыркнула я, постукивая зубами. Почему так холодно-то а?

— Повторный ритуал пробуждения? — ласково поправила она себя.

Вот тут я ее услышала. А она услышала мое немое "Что за?! А это разве не одно и то же?! Почему я об этом никогда не слышала? О таких вещах надо предупреждать! В Алом кодексе..."

— В Алом кодексе его нет, — продолжая мои мысленные возмущения, пояснила смотрительница. — Этот ритуал был разработан всего несколько десятилетий назад. Он достаточно редкий. Существует не так много обстоятельств, из-за которых Сестре потребовалось бы решиться на добровольное усыпление крови, и уж тем более на его повторное пробуждение. И знаете, что это значит?

— Кто-то живет более насыщенной жизнью, чем я?

Женщина криво усмехнулась, принимая мою жалкую попытку пошутить, и жестом подозвала велледи Ронг. Взяв из ее рук чашу, она протянула ее мне, церемониально склонив голову в поклоне. Я послушно приняла подношение, четко осознавая, что сейчас мне придется это выпить. Послав наверх быструю, но очень проникновенную молитву о том, чтобы это варево не оказалось жертвой просроченных эликсиров из запасов Райта, я поднесла чашу к губам.

— Это значит, что какие бы зелья вы не взяли у нашего горе-алхимика, чтобы обойти действие ритуала, они вам сейчас не помогут, — проникновенно сказала смотрительница, когда я сделала первый глоток.

Снадобье отдавало горечью промерзших трав и сладостью возлюбленных солнцем ягод.

Лишь легкое покалывание на самом кончике языка намекало на тонкие нити волшбы, одурающей похлеще любого алкогольного напитка.

"Слишком рано, — успела подумать я. — Почему у него такой мощный эффект?"

Я пошатнулась, роняя чашу на пол. Под тяжестью тонких браслетов, руки внезапно потяжелели и плетью опустились вниз. По телу пробежался озноб, прогоняя прочь затаившийся холод. Каждый узор, нанесенный на мою кожу, вспыхнул обжигающим жаром.

Шалыми глазами я уставилась на смотрительницу. Сквозь непослушные губы, и белоснежное марево тумана подбиравшегося к моему разуму, промолвила:

— Я ничего не принимала. Я искала связь.

— Какую связь? — вопрос задала веллади Ронг.

Смотрительница с любопытством поглядывала на происходящие со мной изменения, совершенно не придавая значения сказанным словам.

— Какую угодно, — ворочая немеющим языком ответила я, чувствуя, как на мои плечи опускаются руки еще двух сестер, чтобы проводить в подготовленный круг. — А нашла связь смотрительницы с Калесом Геллиофреем.

Я не увидела, успели ли мои слова произвести хоть какой-то эффект. Я перестала воспринимать тело как свое собственное, успевая только фиксировать отдельные моменты. Вот меня кладут на пол — и о чудо! — он не холодной. Он ледяной! Осыпают лепестками. Гул голосов усиливается. Кто-то водит мягкой кисточкой по моему лбу, вырисовывая очередную порцию узоров. Пение продолжается, постепенно входя в резонанс с моими затухающими мыслями. Магия скользит по коже, выползая из браслетов, и скользя по коже вверх к надрезам. Левое плечо. Щека. Запястье правой руки. Лодыжка. Колено. Солнечное сплетение. Лезвие танцует над моим телом, оставляя после себя кровавые следы.

Сквозь сомну голосов и притупившихся ощущений, затянутых в водоворот магии я услышала голос. Тихий, уверенный, отрывистый. Почти иллюзорный... наверняка иллюзорный. Больно уж похожий на голос Айви.

— Это правда? — прозвучал он шепотом у самого уха. — О Геллиофрее.

— Да, — выдохнула я. И это было последнее осмысленное действие, которое я успела совершить, прежде чем магия перестала довольствоваться моей кожей и ринулась к венам, продираясь сквозь плоть.

Я вновь вступала на тропу потустороннего мира. Неподготовленная, разбитая. По кусочкам я пробиралась сквозь толщи клубившийся магии, серыми отцветами проплывающей мимо. Клубочкообразные дым поднимался от пола: то опускаясь вниз, то взмывая вверх. Я пыталась к нему не прикасаться, продвигаясь вперед, но импровизированные облачка, словно стягивались ко мне. Они не мешали движению, но каждое прикосновение оставляло неприятно ощущение липкого касания.

Я должна была пройти этот путь с чистым разумом. Без клокочущей прорвы эмоций, клочками невидимого пепла оседающих глубоко в душе. Страх, обида, гнев, — все самые опасные чувства обжигали не хуже кислоты. Я путалась в своих ощущениях, путалась в мыслях. Снующий дым стягивался в плотный полог, скрадывая все проблески света, способного вывести меня из странного места.

Я потеряла ориентир. Замерла на месте, под стать пугливому кролику, и с

накатывающими волнами ужаса, взирала на тягучую темноту, сползающуюся вслед за туманом. И без того тусклые краски, окончательно стирались из пространства, оставляя после себя ощущение глухой тоски. Я старалась выровнять дыхание, прекрасно понимая, что сейчас здесь нет моего тела. Только разум. Только душа. Эта маленькая хитрость помогала успокоиться и вспомнить о том, где я и кто я. А главное, для чего.

Я пыталась вслушиваться, но звуков не было. Совсем. Лишь мерное шипение на периферии, цепким кольцом обхватывающее все вокруг. Я должна была слышать зов. Никто не ходит в Нижний мир без проводника. Только в астральный и только для медитации. Здесь же оставаться одному нельзя. Одному отсюда не выбраться. Это с жертвоприношением все просто: одна дорога, один итог. А с пробуждением Крови...

С пробуждением Крови?

Вот оно что.

Я села. Скрестила ноги и облокотившись подбородком о руку, уставилась в сгущающуюся темноту. Идти куда-то не было смысла. И так прощаталась неизвестно сколько, истратив добрую половину шансов на благоприятный исход. Это ведь самое простое из правил. Если вы заблудились — стойте на месте! Не усложняйте свой поиск. Наверняка, проводник меня ищет. Мне только надо дать возможность ему себя найти. И лучший способ, это никуда не ходить. Не мельтешить из стороны в сторону, сбивая все ориентиры.

Время шло.

Я сидела.

Я скучала.

Когда в проползающем мраке, пронизывающем до самых внутренностей, стали различаться рисунки, на манер картин с классическими тестами, что висят в кабинетах мастеров Водных Стихий, я начала что-то подозревать. Я еще не знала, что подозреваю, но предчувствие было ой как не хорошее.

— Меня бросили, — вынесла я вердикт своей ситуации.

Собственный идиотизм поражал. Все так гениально просто! Зачем устраивать со мной дуэль? Зачем разгадывать какие-либо загадки? Кому это надо? Достаточно бросить меня в проводимом ритуале и все! Обыграть меня моими же картами. Смотрительнице большего и не надо. Никто к ее действиям не подкопается. Никакая проверка. Ритуал создан по правилам. Должная поддержка оказана. А то, что проводник не смог ни найти, ни докричаться до Матери, когда открылись двери, так разве это его вина? Это же Мать! Кто осмелится ей возразить? Кто способен себя возомнить кем-то настолько сильным и могущественным, чтобы оказывать помощь Матери? А то что Мать так и не вернется из Нижнего мира, так это наверняка ее великий план, никому не понятный, но несущий в себе высокий сакральный смысл, который разгадают философы следующего тысячелетия. А может, это была вовсе и не Мать. Но тогда, поделом ей.

Вот все как просто. А я такие стратегии строила...

— Айви Ронг! — на всякий случай прокричала я вглубь покачивающейся волнами темноты. Ответа не последовало. Только темнота тихо вздохнула, раздраженная бессмысленным шумом.

Надо было что-то решать. Задушить последнюю надежду на то, что понятие времени здесь субъективно и меня кто-то ищет, и начать вытаскивать себя самостоятельно. Но делать этого совершенно не хотелось. Без проводника блуждать по закоулкам Нижнего мира —

самоубийство. Невероятно жестокое и болезненное. Здесь можно забрести в такие жуткие места, что заикаться будешь еще несколько жизней вперед. Если выберешься. Если душа не застрянет в плотоядных сетях недружелюбного мира, подцепив какое-нибудь мерзкое проклятье вроде лунного безумия. Уверена, что кто-то из моих предков притащил подобную гадость именно отсюда.

Стулки темноты продолжали монотонно вибрировать, иногда стягиваясь в тугие узы и плавным дымком оседая на пол. Надоедливые прикосновения исчезли, посчитав меня не самым интересным экземпляром. Видимо, я больше не походила на чужеродный объект, а весьма гармонично вписывалась в окружающий мир. Закон Нижнего мира гласит: либо ты сопротивляешься, либо тебя отторгают, либо поглощают. Нынче я среди последних. Это не хорошо и не плохо. Это никак. Постфактум. Товар я нынче недорогой. Нижний мир больше интересуется магией. Меня тоже можно и сожрать, и переварить, но на вкус я — пресное мясо. На праздничный стол такое не подашь.

Магия! Ну конечно! Где-то здесь должен быть слепок моей магии Света. Какие-нибудь ее остатки. Хоть что-нибудь!

Я огляделась по сторонам: тьма и мрак. Не то что проблеск света, тут не было ни единого намека на то, что он тут хоть когда-то был.

Проклятье!

— Жизнь должна быть проще, — резюмировала я, откидываясь спиной обратно на холодный пол.

Ничего не происходило. Это означало одно — я застряла. Очень крепко.

"Вот и конец, — подумалось мне. — Тихий и бесславный, но вполне логичный."

В этом была своя ирония. Еще недавно я строила планы о том, каким хитрым способом разрешить возникшую проблемы с вернувшимся мужем, и отправить его обратно в одно из подпространств Нижнего мира, и вот нарисовалось решение. Теперь он будет гулять по улочкам Старого города, выискивая что-нибудь смутно знакомое или засядет в библиотеке, пополняя знание об измененном мире, ну а я... я буду заточена здесь до скончания веков, периодически пугая заблудившихся путников и высасывая остатки их магических сил, пока окончательно не превращусь в одну из местных тварей. И мне еще очень сильно повезет, если я не утрачу рассудок и не стану демоном, как это случилось с моим благоверным. Может даже найду себе уютный домишко, как некогда поступил он.

Самое обидное, что сознание вовсе не таяло вместе призрачными надеждами на спасение. Оно было пугающе ясным. Холодным. Оценивающим. Моим.

Я вспоминала. Вспоминала тот раз, когда моим проводником при пробуждении крови была Мать. Самая настоящая. Невероятно опасная. И бесконечно справедливая. Ей не пришлось тогда меня искать. Она была рядом. Сразу. Провела сквозь дурманный разум дым, грешивший редкими просветами, и вывела на нужную тропу. Путь Крови. Состояние Осколка.

Она провернула это так легко и без затей, что потом я только удивлялась, если узнавала, что где-то сорвался ритуал из-за того, что проводник не справился со своей задачей. С Матерью все казалось таким простым. Правильным. Именно она могла понять мою тайну и помочь с поисками ответов. Но я тогда была слишком глупа, чтобы позволить себе кому-то доверять. А она никогда не касалась этой темы. Более того, она ее избегала. Видела меня насквозь и понимала, что как только я произнесу свои тайны вслух, ей непременно придется прервать мою жизнь.

— Какой бы ты совет дала мне сейчас? — спросила я в пустоту. — Кроме такого: вернись назад в прошлое на сутки и не смей называть себя Матерью. Мне нужно что-нибудь посущественней.

Ответа не последовало.

— Ясно дело, — фыркнула я. — К чему мне советы? Я же теперь сама — Мать. Я такие вещи должна знать без чьих-либо подсказок. Но вот, что я думаю: разве у Матери не может быть своей Матери? Почему в классификации Ковена нет еще более старшего родственника? Где бабушка? Нет, не так. Где Бабушка, а?

" — Это должно приравняться к богохульству, — отстраненно подумала я."

— Должно, — согласился со мной кто-то.

— Что? — я обернулась назад, пытаюсь разглядеть говорившего. Но там никого не было. Только темнота. Темнота, которая говорила.

— Духи предков, — едва заметно всколыхнулась она и довольно четко для бесформенного и не обладающего разумом существа, продолжила: — У нас есть духи предков. Ушедшие сестры. Поэтому даже у Матери есть Мать — это наши высшие покровители. Совершая любой из обрядов, мы призываем их стать нашими свидетелями. Они подтверждают наше право на ритуал или же на статус.

Темнота говорила. Я слушала. Вспоминала. Кода-то я все это знала. Но память довольно забавная штука, когда дело касается перерождений.

— Есть место, где собираются души умерших членов Ковена? — прозвучало так, словно я говорила о какой-то вечеринке для своих.

Тьма поперхнулась от моих слов.

— Подпространство, — поправила она. — И не все. И не всегда. Некоторые остаются ради Ковена, клана, сестер или своего рода. Причины разные. А некоторые уходят. Матери знают о таких вещах. И Сестры знают.

И я знала...

— Так я сейчас в этом подпространстве?

Темнота пошла глубокой рябью, расползаясь вокруг меня.

Она смеялась.

На мгновение я задумалась о том, чтобы обидеться, но вовремя вспомнила, что мне не девять, я не на ежегодной встрече старых друзей и желающих разговаривать со мной больше нет, а темнота выглядит довольно пугающей и плотоядной.

— Даже не близко, — успокоившись, ответила она. У меня закрался очень своевременный вопрос о том, с кем я разговариваю. — Ты глубоко пала даже по меркам Нижнего мира, так что за тобой пришлось спускаться.

Я еще раз себе напомнила, что обижусь как-нибудь потом, у себя дома и возможно в любящих объятьях. Когда дело касается выживания, собственное чувство достоинства может немного и помолчать.

Могло бы... хотя бы попытаться!

— С кем я говорю? — Я вскочила на ноги. — Раз уж у тебя есть смелость бросаться подобными беспочвенными обвинениями, так выйди на свет и покажись мне!

— Выйди из темноты и сама меня увидишь.

— Ага. Выйдешь тут, — заозиралась я по сторонам. — Знать бы куда.

Некто промолчал. И я сама себя поправила, задумчиво протянув:

— Не куда, а откуда.

Я повертелась вокруг себя, выискивая очередную подсказку. Подсказка выискиваться отказалась. Тогда я закрыла глаза и сделала шаг вперед. Потом еще один. Второй. Третий. И так до тех пор, пока по закрытым глазам не резанула яркая полоска света.

— Ха! — радостно воскликнула я. — Вот и мой свет!

— Нет, — голос неизвестного начал видоизменяться, принимая вполне себе так материальную форму. — Это мой свет. Тебе свой еще придется поискать.

Цокот каблучков застучал по гладким полам мраморного пола поблескивающего на стыках жидким серебром. Обладательница чудного голоса предстала предо мной во всей красе Сестры Крови. Или Матери.

Она выглядела не старше меня. Людей с ее внешностью я видела тысячи. Некий собирательный образ всех представителей Ковена. Темный волосы, раскосые глаза, прямой нос, жесткая линия тонких губ.

В какой-то момент я решила, что это Айви Ронг, наконец, одумалась и позвала меня. Но женщина была кем угодно, но только не юной Старшей Сестрой.

— Мы знакомы? — нахмурилась я, вглядываясь в через чур обыденные черты лица.

— Я тебя помню, — ответила она, шагая навстречу. Почему-то стук ее каблуков звучал раньше, чем сапоги соприкасались с полом. И это должно было мне о чем-то говорить, но я была слишком поглощена попыткой узнавания. — Но я тебя не узнаю.

— Китра Латер, — представилась я.

Женщина мотнула головой, отгоняя от себя звук моего имени, как назойливую муху.

— Я — Осколок. Бывший, — предложила я другой вариант.

— Это я вижу. — В ее голосе прозвучала злость. — Очень много граней. Сколов. Так много, что стекло мутно и не отражает свет. Ты должна была стать цельной, но об эти края, — она обвела пальцем мою фигуру, на последнем движении резко отдергивая палец, имитирую укол, — ауч! Все еще можно порезаться. Я тебя хоть чему-то учила?

Вопрос не был риторическим. От меня ждали ответа.

— Я вас не знаю.

— Я — Мать, — склонила она голову, словно сова.

— И что? — возмутилась я. — Я тоже.

— Ты — Мать? — Ее голова перекатилась на другую сторону и теперь она разглядывала меня совершенно под другим углом. — Как в твоей маленькой бестолковой головке сложились вместе два этих слова? — Ласково улыбаясь, змеей прошипела она.

Это была не злость. Не издевка. Искренний интерес опасного хищника, решающего с каким соусом тебя нынче подать ко столу.

Темнота была вполне приемлемым местом, — успела подумать я, прежде чем ляпнуть:

— Вас это не устраивает?

— Меня это разочаровывает. Точнее я разочарована в себе дитя, что так и не смогла донести до тебя всю суть статуса Осколка и Матери. — Она отпрянула в сторону и минув меня, подошла к самой границе зала, где за гладким камнем пола, осталась темнота. Я не шевелилась, провожая ее взглядом.

— Ты только глянь, — указала она куда-то вглубь плотоядного пространства, пульсирующего подобно сердцу живого. — Что там происходит?

Я начала усиленно всматриваться в зияющую черноту изгибающихся теней, но то что видела Мать, неясным образом ускользало из моего поля зрения. Поэтому я неопределенно мотнула головой, предположив, что вопрос риторический. Такой ответ женщине, очевидно, пришелся не по нраву. Стукнув каблуком по серебристому стыку, она повернулась ко мне. Делая упор на каждое слово женщина повторила:

— Что. С тобой. Происходит?

— А с тобой? Что ты за Мать? — запоздало спохватилась я. То что какое-то создание потустороннего мира собрало из обрывков моих воспоминаний образ женщины из Ковена, еще не означает, что я должна его слушаться. — Не помню, чтобы кто-то из них разговаривал подобным образом.

Женщины насмешливо вскинула брови. Оскалилась. И одним щелчком пальцев повергла иллюзорный мирок в хаос.

Свист. Крики. Рев.

Я рухнула на колени, зажимая руками уши, прекрасно понимая, что ничем мне это не поможет. Невидимая игла обжигающего огня резанула по перепонкам, разрывая их изнутри. Все звуки смешались, переплетаясь в неистовой, душераздирающей симфонии мучительной боли, терзающей изнутри.

Я взывала.

Когда первая волна схлынула, я лишь успела сделать один глоток воздуха, прежде чем ощутить следующий прилив начавшейся пытки. Между отчаянными криками, наносящими удар не хуже меча, я слышала могильное завывание разволнованных душ, затаившихся у кромки притихшей темноты. Пробирало оно до самых косточек, забираясь под кожу и проникая в кровяные сосуды, чтобы змейками страха бежать по венам прямо к сердцу.

— Хватит, — осипшим голосом взмолилась я, когда появилась очередная пауза. Потрескавшиеся губы лишь застыли в немой мольбе. Слово с трудом сорвалось с губ.

Звуки пропали.

Оглушенная внезапной тишиной, давась собственным криком, я отняла руки от головы. Поднесла растопыренные пальцы к глазам. Рубиновые подтеки, вязкими каплями стекали по бледной коже, образуя невероятно знакомые узоры. Я изумленно разглядывала их, забыв, что хотела сосредоточиться на собственном дыхании или стуке сердца, которых все равно не было. Только алые разводы на осколках вечности.

Сквозь гипнотическое марево кровавых пятен прорвался голос, насильно выдирая из когтей застывшей тишины.

— Я могу говорить на понятном тебе языке, а могу вещать подобно конклаву духов предков. Так скажи, твой выбор очевиден или требуется еще одна демонстрация?

— Нет. — Ответила я, поднимая голову, чтобы взглянуть на Мать.

Она не выглядела злорадно. Хищный оскал не блуждал на ее лице. Глаза не сияли превосходством. Ничего поэтичного. Ничего выдающего в ней победителя. Только непоколебимое спокойствие в духе памятников второго века до основания Империи. Один в один.

— Прошу принять мои извинения, Мать. — Проговорила я. Честно, искренне, от души. Даже гордость покорно молчала, признавая неотъемлемую власть Матери.

Я поднялась на ноги.

— Принимаю, — отозвалась женщина. — Продолжим. Как ты дошла до такой жизни, что присвоила себе чужой статус?

— Что? — я еще не отошла от мандража и кровавых галлюцинаций, замерзших на пальцах рук, чтобы так резко возвращаться к допросу.

— Статус, дитя, статус! Назвать себя Матерью, будучи тобой — да что уж, практически кем угодно! — самоубийство. Настоящее, Китра. Добровольное и осмысленное, без каких-либо "но".

— У меня был план, — неуверенно возразила я.

— Умереть. Об этом я и говорю. Ворваться в альма-матер Сестер ради возвращения мелкого Отражения? В самом деле? Это показалось тебе разумным?

— Погоди, — подняла я руку вперед, стараясь отгородиться от режущих слов. — План не был произведением гениальности, но был лучшим из возможных.

— Из возможных скрытых способов довести себя до смерти, Китра. Ты не слышишь меня, глупый ребенок. Я знаю, что с тобой происходит. Ты сбегашь, как десятки и сотни раз до этого. В кои-то веки твоя жизнь начала выравниваться, как ты в ужасе хватаешься за

первый шанс скрыться от возможности приближающегося счастья. Очень, слабой, хочу заметить, возможности. Но разговоры о мальчиках давай оставим для твоих подружек, которых ты вскоре потеряешь, если продолжишь вести себя подобным образом. Они живые люди, девочка моя. У них есть свои мечты, надежды и желания. А это гораздо больше, чем есть сейчас у тебя. Этим людям есть что терять.

— Мне тоже, — слабо попыталась возразить я. — Эрин..

— Эрин нет. — Вышло резко и жестко. — И ради общего блага всех здесь присутствующих, надеюсь, никогда больше не будет.

Я растерялась, не зная, что ответить и о чем промолчать. Мать заставляла меня думать о том, о чем вспоминать совершенно не хотелось. Она ударила по всем болевым точкам, без какого-либо шанса на ответный маневр. Оставила меня растерянную, безоружную, со вскрытой гнойной раной поперек сердца. От таких ударов ни юмор, ни сарказм не спасают.

Я мысленно заворчала, но где-то глубоко в душе промелькнуло странное чувство спокойствия. Я ведь смирилась. Не знаю когда и как, но смирилась. Нет, не потеряла надежду найти свою самую лучшую и самую дорогую на свете подругу, а просто устала гоняться за ускользающей тенью, бледнеющей на переломе сменяющихся дней. Давно пропало чувство потери, угас огонек азартной охоты за тайной. Осталась монотонная рутина, тянущаяся из города в город. Башня библиотеки Старого города была последним пристанищем для затянувшегося в веках поиска. Я могла бы отговориться тем, что у меня попросту не было времени заглянуть туда, но врать себе самой сил уже не осталось.

— Ты что-то знаешь о ее местонахождении? — без особого интереса уточнила я.

— Все, — спокойно ответила Мать. — И ничего.

Что-то подобное я ожидала. Пора было заканчивать, но уходить не хотелось. У меня было столько важных вопросов. А Мать столько могла рассказать! Но время истекало. Я видела это по движению воздуха, по колебанию темноты, по горечи полыни осевшей на языке. Действие эликсира, погрузившего меня в сон заканчивалось. Оставаться без его поддержки в Нижнем мире крайне чревато.

— Немного времени еще есть, — заметив смену моего настроения, сказала Мать. — На пару вопросов — не больше. Я спустилась в низ для помощи, а не для глумления над девчонкой, выдающей себя за одну из нас.

— Мне тридцать четыре, — на всякий случай напомнила я. — А душа и того старше.

— Девчонка, — отмахнулась женщина, по всем внешним признакам недалеко ушедшая от моей ровесницы.

— Все духи Ковена такие разговорчивые? Я имею ввиду, что в прошлый раз, все было как-то иначе.

— Тогда ты была с настоящим проводником и не в столь плачевном состоянии, как сейчас.

Я хотела возразить. Я-то помнила все совершенно иначе. Сломленная, разбитая, готовая вцепиться в горло любому, кто встанет на моем пути. Одна цель и одно решение. И полная заикленность на предстоящем саморазрушении. Вот где был символизм, знаменующий начало собственного уничтожения. Как нынешняя ситуация может быть хуже?

— Ты потеряла Свет, — уже не растрчиваясь на лишние разговоры сказала Мать. — И до сих пор его не вернула. Зато, — стукнула она каблучком по полу, — вернула себе лунное безумие. Несколько неразумный обмен, как считаешь?

Теперь я слышала это в ее голосе. Обеспокоенность. Напряженность. Из всех

возможных проблем, окруживших меня со всех сторон и в ритме зажигательного танца, движущихся на встречу, она выбрала именно эти две: Свет и Тень, Солнце и Луна, разум и его отсутствие.

Потому что Свет нельзя потерять. Все остальное можно, а его — нет. Это как душа. Неотъемлемый кусочек души. И он исчез...

Зато вернулось кое-что другое. Кое кто.

— Бывший муж выглядит большей заботой, — на всякий случай сообщила я.

— Бывший муж — вообще не твоя забота. Смерть достаточно часто вас разлучала, чтобы считать его таковым. В первую очередь, речь о тебе.

— Но...

— Но?

— Он вернулся! По-настоящему вернулся. Не во снах, не в воспоминаниях, ни в блуждающих тенях ночи, а по-настоящему. И вернулся, конечно же, с размахом. Двенадцать мертвых подростков, среди которых чуть не оказалась я. Он же не просто так оказался здесь и сейчас. Я думаю, он пришел за мной. Или за нами. И он будет мстить. Мстить вполне обоснованно, за то что мы с ним сделали. За то, что сделала я. О, Свет! Это почти все сделала я!

Задышавшись от эмоций, я села обратно на пол. Собственные слова прозвучали наравне с бурей воющих голосов, совсем недавно раздиравших на части. Точно также я обхватила руками голову, сжимая виски, чтобы утихомирить подступающую истерику. Подсохшая кровь сыпалась со скребущих кожу пальцев. Ногти должны были оставлять красные, болезненные разводы, но боль почему-то не приходила. В иллюзорном мире, все работало несколько иначе.

Набравшись смелости, я заговорила. Потому что, если не Мать, кто вообще способен выслушать и понять не осуждая?

— Он помнит меня. Я не знаю как, но он меня помнит. Столько лет спустя, он узнал меня даже в другом облики.

— Ты тоже его узнала, — Мать подошла ближе, присаживаясь рядом со мной на корточки. Я больше не чувствовала от нее опасности. Только спокойствие и размеренный стук сердца, которое, конечно же, не могло здесь биться.

— Он застал меня врасплох, — призналась я. — Хуже всего, что я почти повелась на него нового. Поверила, что жизнь — или смерть? — могла изменить его в лучшую сторону. Это в Нижнем-то мире! Он — демон, Мать. Он превратился в демона. У него свои поклонники и вереница жертвоприношений. Маленькая секта из лучших сливок общества. Как душа может пасть так низко?

— О, хороший вопрос, — улыбнулась, женщина, аккуратно отнимая мои руки от разодранных участков кожи и ласково сжимая их в своих ладонях. — Для начала ты теряешь Свет. А потом Свет теряет тебя.

— Нет, я его не потеряла. Его забрали. — Возразила я, пытаюсь разглядеть в спокойной улыбке намеков на издевательство или ложь. Но в ней чудился лишь отголосок той Матери, что когда-то взяла меня под свое крыло. Может, это и была она. Какая-то крохотная часть ее сознания присутствовала здесь рядом, не давая сорваться. Проявляя то безграничное милосердие, что удерживало остальных духов предков от того, чтобы разорвать на части нахальную самозванку.

— Его нельзя забрать. Это же Свет.

— А потерять можно?

— А потерять — это запросто.

— И что теперь делать?

— А что тебе сказал мастер Света?

Вопрос прозвучал откровенно наводящим. Так обычно разговаривают с пятилетними детьми, объясняя откровенно простые вещи. Или с умственно отсталыми взрослыми.

— Мастер Эстеф? Он сказал, что потеря магии — это результат постмагической депрессии. Как это вообще возможно, если постмагическая депрессия — это результат потери магии? Замкнутый круг без единого шанса. Конечно же я ему не верю, — вспомнила я показушно-добродушное лицо молодящегося старичка в золотых одеждах.

— Почему? — женщина продолжала согревать мои руки в своих ладонях и это простое действие помогало держаться на шатающейся планке внутреннего равновесия. — Он же твой мастер.

— Он не мой мастер. Он мастер Света.

— А я не твоя Мать. Но это не значит, что я откажу тебе в том, за что взялась нести ответственность.

Я недоверчиво вперилась в нее взглядом. Женщина открытым текстом убеждала меня обратиться за помощью к незнакомому мужику из верхушки Света, проведя параллель между статусом Матери и мастера.

Она продолжала тепло улыбаться. А я начала думать, что Нижний мир плохо влияет на психику всех людей. Потому что тут явно происходило что-то из ряда вон выходящее.

— Мастер Эстеф сказал, что это вроде психологического расстройства. Шок от кратковременной потери магии был настолько силен, что появился страх перед его возвращением.

— А ты что думаешь?

— Либо со мной что-то не так, либо... — я запнулась, вспоминая разговор с ирумом Камденом, застрявшим в заведомо проигрышной борьбе с демонической сущностью, и его гадкие намеки, — ...либо мастер Эстеф плетет какую-то интригу.

— О, конечно плетет, он же мастер. Но это не значит, что он не прав.

— Он сказал, что все что мне надо — это отдых и покой! — продолжала ябедничать я. — И любовь. Куда же без нее? Самое светлое чувство, как ни как.

Мать выразительно вздернула брови, напоминая, где я нахожусь, как тут оказалась, и в какую смертоносную мясорубку затащила себя на рубеже среднего возраста.

— Это все равно бы не помогло, — буркнула я. — Я пробовала. Ну... пару спокойных деньков у меня точно были.

— Что за глупый Осколок, — посетовала Мать вставая, и утягивая меня вверх за собой. Я неуклюже пошатнулась, на миг теряя равновесие, но вырывать свои руки из чужого захвата не торопилась, продляя секунды ощущения материнского тепла. Всего лишь краткий обрывок воспоминаний о своей родной маме. Мимолетный, давно потерянный и не способный сохраниться на страницах проклятого Дневника.

— Я не Осколок.

— И не Мать. Пойдем, теперь действительно пора.

Она повела меня вперед к границе за которой плескалась плотоядная жуть бушующей темноты.

— Я получила достаточно ответов, чтобы продолжить путь? — усомнилась, вспоминая,

что впереди не ждет ничего радужного и веселого, а все та же тьма, только в другом спектре реальности. — Может еще пару советов? Как пробудить кровь? Или как выбраться живой?

— Дитя! — возмутилась она. — Самая большая опасность — это ты! Как для себя, так и для других. Если ты думаешь, что впереди есть еще двадцать лет до того, как луна вновь засияет в твоих глазах, значит ты уже под ее контролем.

— Я в порядке, — возразила я. — То есть, конечно же нет, но луна стоит явно в последних пунктах моих проблем. Она убьет меня когда-нибудь позже.

— Она убьет раньше, чем ты думаешь. Она уже здесь, и она голодна, несмотря на твои подачки.

Я вздернула голову, недовольно хмурясь. Мать ошибается. Я — это я. У меня нет никаких навязчивых идей. Вся моя подозрительность — это проявление вполне здоровой паранойи. Все мои выводы логичны. Нет перепадов настроения. Я не пытаюсь причинить кому-то вред или навредить себе. А даже если что-то из этого присутствует в моей жизни, так простите, я среди Сестер Крови!

"Мать никогда не ошибается, — возразила я сама себе, после чего тут же отмахнулась: — У меня совсем другая ситуация. Общие правила меня не касаются."

Женщина тяжело вздохнула:

— Возможно, для тебя это самый действенный вариант. Для некоторых, лучший учитель — их собственные ошибки. Какими бы горькими на вкус они не оказались.

— Как мне со всем этим справиться?

— Как только ты окончательно примешь решение, что хочешь жить именно этой жизнью, ответ придет сам.

Да ладно!

— У гадалок на торговой площади предсказания звучат менее расплывчато и банально. Это что, цитата из какой-то популярной философской книжки среди мертвых? Так вот, вас дураят. Нынче в моде претенциозный жанр. Мне бы пару строк оттуда.

Я возвращалась.

— То что можно прочесть, ты уже прочла.

— Как и мой оппонент. Она превосходит меня во всем, — скрипя сердцем признала я. — Она как будто я, только сильнее, умнее и лучше.

— И все же, она — Старшая Сестра, а ты — Мать. А это уже кое о чем да говорит.

О коррумпированности в высших кругах?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Да, определенно, да. Лучшее подтверждение тому — Мать, выводящая меня к проводнику.

Слой за слоем, тени сдвигались в сторону, освобождая нам дорогу. Неохотно, но неотвратимо, они признавали за Матерью право проводника. Женщина двигалась уверенно, идя по какому-то своему маршруту, совершенно неподдающемуся обычной человеческой логике.

— Главное помни, — не оборачиваясь сказала она, продолжая тянуть за собой, — сначала помоги себе. Иначе толку с тебя будет как с застывшего терновника.

— Что сойдет только для растопки костра?

— Что сойдет только для розжига жертвенного огня.

Что-то начало меняться. В самом воздухе, пропитанном магией и ночными кошмарами. Нашептывания, разносящиеся с разных концов спрятанного пространства, сменили свой

ритм на более угрожающие напевы. Странные движения, улавливаемые самым краешком глаза. Чтобы там не пряталось за потухшими красками прилегающей границы реальности, оно начинало проявлять к нам интерес. Не зная, что еще сказать, и как подавить в себе растущую нервозность, возрастающую с каждым шагом, приближающим меня обратно к людскому мир и полю зрения затаившихся тварей, я уцепилась за последнее клише, что знала о духах.

— Будет на прощание какое-нибудь предупреждение? О грядущих опасностях или неминуемой гибели?

— Поздно предупреждать, — Мать остановилась. — Все, чего тебе стоило опасаться уже здесь. Задолго до тебя. — Она провела раскрытой ладонью по одной видимой ей линии. Что-то щелкнуло. Поддаваясь давлению нарастающего гула, чернота поползла в стороны, открывая вид на перекошенную дверцу с шелушащимися ошметками серебристой краски. Женщина толкнула ее вперед. Та поддалась с жалобным скрипом. — Вот и время прощаться. Не люблю моменты расставания.

— Но как же пробуждение Крови? — жалобно простонала я, когда меня бесцеремонно за шкуру швырнули в соседнее пространство. И прежде чем дверь закрылась, Мать ответила:

— Ее в тебе пять литров, вполне достаточно для какой угодно глупости.

В ее глазах плескался ужас. Айви громко и хрипло дышала обхватив себя руками. Монотонно повторяла заговор, что должен отыскать меня в закоулках замкнутого подпространства и вывести на верный путь. Ее правая рука болезненно сжалась в кулак, изо всех сил удерживая какую-то маленькую, но невероятно опасную ношу.

Зря я о ней плохо думала. Честь превыше Крови. Чистота души превыше всего. Что бы это дитя смерти ко мне не испытывала и как бы не противилась, но свои обязанности она выполняла на совесть. Ждала на исходе последних сил, но с места не сдвинулась, хотя могла с чистой совестью вернуться обратно в мир. Слова бы плохого о ней никто не сказал...

... Но она осталась. Держалась то ли на собственном упрямстве, то ли на гордости, но пост проводника девушка не бросила. Ее вины не было в том, что я не смогла найти к ней дорогу. Не было ни шанса, что девушка сможет докричаться до тех кругов демонической территории, откуда я начала свой путь. Вот что бывает, когда пытаешься воззвать к тому что без задних лап дрыхнет на боку и совершенно не хочет просыпаться. Именно так выглядит повторное пробуждение Крови.

Айви держалась с достоинством и упорством, присущим исключительно Старшим. Она заслужила свой уровень. Скорее всего, вырвала его вместе с чьим-то сердцем, но, определенно, заслужила его честно.

Девушка не поверила своим глазам, когда перед ней, во всей красе потрепанной муками Крови души, возникла жизнерадостная я.

— Латер? — Хотела выкрикнуть она, но в последний момент ее голос сорвался в полное беззвучие.

— Айви. Выглядишь так, как я себя обычно чувствую, если не получаю на ужин десерт: паника, ужас и полная потеря самоконтроля.

Она мою шутку не оценила. Мои шутки вообще никто не ценил. Кроме ирума Камдена. Но возможно это связано с демонической сущностью моего мужа, устроившего себе там небольшой отдых.

Девушка мотнула головой, отбиваясь от морока, решившего устроить ей очередную пытку, но на этот раз избрав мою персону в качестве палача. Айви прошептала слова заклинания, и только после этого решилась спросить.

— Ты где была? — хрипло выдохнула она.

— Друзей навещала.

Она перевела взгляд на то место откуда я появилась, и уже полностью вернув контроль над своим голосом, спросила:

— В Нижнем-то мире? На нижних уровнях Нижнего мира?

— Очень эксцентричных друзей.

От нее шел болезненный жар. Расширенные зрачки все никак не хотели возвращаться в норму, слепо выискивая опасность.

— Чокнутая, — она отвела в сторону взмокшие на лбу пряди, чтобы взглянуть на меня уже по-другому. И как-то доверительно, почти боязливо, промолвила: — Я видела их. Раньше слышала только шепот, как тогда, во время ритуала. А сегодня видела. Они были злы. Сказали, что живым не место среди мертвых.

Айви протянула руку вперед, ту самую, в которой в крепком захвате сжимала что-то мелкое и блестящее. Когда пальцы разжались, среди крови, стекающей из ранок, оставленных острыми гранями, я смогла увидеть его. Блестящий кубик.

— Твой? — Спросила она.

— Мой. — Не стала я отрицать, кончиками пальцев, подцепляя хрупкую материю. Он сиял не хуже бриллианта. Все еще храня в себе крохотную частичку меня, что была заключена в магическую тюрьму кристалла, около пятисот лет назад. Сколь жизней с тех пор минуло? Сколько смертей? А он сохранился. Проложил путь ко мне сквозь толщу времени, прорвавшись через все ограничения и запреты.

Мою встречу с астральным кусочком себя любимой, прервала проводник.

— Что ты имела ввиду, когда говорила о связи смотрительницы с трудами Калеба Геллиофрея? Говори правду. Не юли. Духи предков еще здесь и если ты посмеешь солгать...

Я засомневалась, но лишь на мгновение.

— Он здесь, велледи. Каждая частичка Пансионата пропитана его присутствием. Во всех пентаграммах, что начертаны на полах, стенах и потолках. В каждом камне, что заложен в основаниях этого здания. Везде проходит его Золотая нить. Я сумела проследить ее до лаборатории, где теперь сидит ваш юный пленник из Академии. Дальше не получилось, зрение нынче не то. [Книги](#), зелья, расчеты — все принадлежит ему. По отдельности они бы не привлекли внимания — мало ли кто чем нынче увлекается? Но все вместе указывает на него. Если рядом с теорией стоит практика — это уже не совпадение.

— Кто "он"? — не поняла девушка. — Хочешь сказать, что кто-то из демонопоклонников проник в Пансионат?

— Я уверена в худшем, — честно ответила я. Добавлять, что этим неизвестным человеком может оказаться сам Калед, мне не хотелось. Это было слишком невероятно даже для моей жизни. Скорее я надеялась, что этим некто окажется ирум Флем.

— Допустим. Я не говорю, что верю тебе, но допустим. Что еще?

— Кому принадлежала хижина в лесу?

Айви пожала плечами:

— Она стоит там дольше, чем существует Пансионат. Там жил какой-то алхимик, но это опять же было до меня. Потом его заняла одна из Сестер. Это важно?

— Может быть, — не стала отрицать я.

— Где здесь связь со смотрительницей? Пансионат построен задолго до ее появления. Если Золотая нить действительно вплетена в заклинания и несет какую-то угрозу живущим здесь, то опять же, смотрительница не при чем.

— А кто тогда? — возразила я, пытаюсь вложить в эти слова все те сомнения и подозрения, что у меня накопились в отношении велледи Алесы. — Она смотрительниц, она единственная, кто знает каждый уголок Пансионата. Она та, кому доверены все секреты этого места. Она единственная, чье мастерство способно обнаружить чужое колдовство. Все ритуалы находятся под ее контролем. Она не могла не знать о том, что заклинания имеют двойное дно.

Айви помрачнела.

— Какие у тебя есть доказательства?

— Никаких, — призналась я. — Поэтому я рассчитываю на чистосердечное признание. — Я сжала хрустальный кубик в ладони, чувствуя острые края и холод камня. — Или на победу в поединке.

Сначала был звук. Монотонный. Раздражающий. Жужжащий над самым ухом. Я попыталась от него отмахнуться, но руки почему-то не хотели слушаться. Тогда я попробовала перевернуться на бок. Результат вышел удручающе разочаровывающим. Вспоминать причины подобного состояния не хотелось ровно секунду. Столько времени потребовалось сознанию, чтобы напомнить об инциденте с крюком, дымом и жертвоприношением. Именно в таком порядке.

Я резко распахнула глаза. И даже подскочила бы на месте, если бы тело возжелало пошевелиться. Но от моих действий разве что в конвульсивном припадке дернулся мизинчик правой руки.

Не лучшее начало дня, — подумалось мне. — Или продолжения вечера.

Огонь. Пентаграммы. Печати. Каменные стены. Блуждающие тени. Красные полупрозрачные полотна, спускающиеся с потолка, прогибающиеся под потоком жаркого воздуха. Смутные образы изгибающихся фигур. Я видела все, хотя оставалась при этом совершенно неподвижной. Я чувствовала обжигающий холод пола. Сквозняк, гуляющий по открытым участкам кожи и забирающийся под совершенно непрактичную ткань ритуального платья. Кончики стеблей цветов, вплетенных в мои волосы, выбились из общей гаммы прически и теперь неприятно царапали голову, раздражая не хуже свечей, потрескивающих черными кольцами дыма над самым ухом. Мои руки опутывали нити извилистых символов, не до конца вьевшихся в плоть и оттого застывших временными татуировками. Вскоре они исчезнут, когда магия выровняет свой поток и ровными сетями раскинется магическим каналам.

Магия Крови пробудилась. Неуклюже ворочаясь и урча, она пыталась разом взять под контроль все до чего могла дотянуться. Поэтому вернувшись в свое тело, я до сих пор не могла обрести над ним власть. Это было неприятно, но необходимо. Духи предков признали меня, настало время магии. Мне следовало расслабиться и наслаждаться кратковременной передышкой. Потому что когда я окончательно вернусь, времени будет в обрез. Смотрительница получит доступ ко своей информации, что сохранила вышедшая из спячки кровь, а я получу вызов. Не от Айви. Она, скорее всего, выползет из Нижнего мира не в лучшем состоянии. А вот любая другая Старшая, по наводке Алесы или по собственной инициативе обеспокоенной Сестры, запросто устроит жаркий прием.

Я зажмурилась, прогоняя остаток дремы и вновь распахнула глаза. О, да! Это было оно. Магическое зрение. Я так по нему скучала! Оно немного сбивалось в сторону и пестрило мрачными красками, все из-за того, что в качестве магического источника выступал не Свет. Но какая к демонам разница, если оно вернулось? В корректировках нуждается любое заклинание. Магическое зрение стоит в первой десятке и каждый настраивает его на свои частоты, согласно предпочтениям. Мое, например, всегда выискивало Золотое плетение. Скорее ради интереса, чем из-за каких-то конкретных подозрений. Маленькая дань прошлому.

Ну здравствуйте, оборвыши, — обратилась я к нитям. — Подтвердите мою безумную

теорию о своем хозяине или о его очень верном последователе.

Пространство замерцало, противясь внезапному насилию с моей стороны. Зрение вполне устраивало его базовое состояние и переключалось на выискивание рваных заклинаний ему вовсе не хотелось. Организм, лишенный на несколько месяцев магической практики, совершенно не собирался возвращаться к былым подвигам. Потому что магия — это неприятно, неудобно и больно. Потому маги и предпочитают использовать амулеты, артефакты, чармы, и прочие "костыли" — быстрые проводники к волшбе. Работа с магией напрямую выматывает и истощает. Она требует постоянной концентрации и тренировок. Такой долгий перерыв ей не по вкусу. Тем более, что нынче я под эгидой самой кровавой — без преувеличений — магии.

Я видела огромное помещение, наполненное людьми и разнообразными атрибутами магии. Воздух мельтешил багровой рябью. Нет, так не пойдет. Нужно остановиться на чем-то одном. Желательно на том, где искомое плетение может быть. А еще лучше, где его не быть просто не может! Именно так. Где же самый лакомый кусочек? Ритуальный зал, где я лежу? Конечно, никто и не спорит. А если чуточку точнее? Стены? Ну, нет. Нити там в пассивном состоянии, поглощают жалкие остатки. Тонкие и бледные-пребледные. Нужно что-то поживее и поактивней. Место, где идет огромный выплеск силы. Где такая отдача, что можно сожрать половину и никто не заметит. В бурлящем водовороте магии никто не заметит парочку оборвышей.

Иии... что же нам достается на сладкое? Пентаграмма! Прямо подо мной. С жадными лопастями, готовыми сожрать в любой момент. Ох это магическое зрение. Всегда готово воплотить в жизнь самые яркие фантазии, которые на поверку оказываются очень даже настоящими.

Я потянуться к пентаграмме. Возвала к ее сути, чтобы вытащить из складок потустороннего мира ее проекцию. Увеличить. Развернуть. Потянуть. Оставаясь в полутрансе ритуала я могла справиться с задачей гораздо с меньшими потерями, чем там наяву. Потому что сейчас я была невероятно близка к тому месту, где запряталось плетение. Только подуй и пленочка порвется, приглашая насладиться всем спектром кровавой волшбы.

Медлить я не стала.

Алое марево неохотно всколыхнулось, столкнувшись с прессом силы, лезущей в чужие владения напролом. Узор пентаграммы призванный помогать желающим покинуть границу реального мира, поплыл рябью. Рисунок искажался. Видоизменялся. Окрашивался новыми красками, среди которых — нет-нет, да проскакивало серебро. Но это и неудивительно. Как минимум одна безумная Сестра побывала на этом алтаре.

Где же вы? Покажитесь. Мне нужны улики. Если я собираюсь говорить обвинительные речи, то должна быть в них уверена.

Нити были красивыми. Крепкими. Туго натянутыми. В них пульсировала сила, как будто подсвечивая изнутри. Со временем все заклинания истончаются, но это пылало всей мощью и жаром плетения, подпитываемого кровавой магией. Стройное и изящное, оно словно сошло с картинки учебника, расписанного мастером.

И это было плохо.

Потому что среди всей этой красоты обрывков не было. Никаких. Вообще! Ни обычных, ни золотых.

Невозможно!

Моя теория сыпалась.

Самый простой способ проверить, правильно ли сплетено заклинание, это запустить проверку цветом. Магии для этого требуется чуть, а результаты превосходят лучшие ожидания. Цвет, как индикатор, пробегается по всей длине основной нити, окрашивая его в охру. Из-за подобной специфики заклинания нити Геллиофрея и без того замаскированные под обрывки, становятся совершенно незаметными.

Я перебирала их одну за другой. Следила за равномерным течением охры. Обращала внимание, где заклинание задерживается и какую сторону предпочитает для дальнейшего пути. Но ничего не происходило. Я перепроверила раз, второй, третий. Результат выходил все тем же. Я начинала впадать в отчаяние. Не могла же я ошибиться? Найти заговор там, где его нет... Это первый признак паранойи или чего-то похуже?

На раздумья времени не оставалось. Магия тянула обратно, не видя причин для задержки. Ритуал должен быть завершен. Таковы правила и не мне их нарушать.

Нити задрожали, принимая в себя поток ворвавшейся силы, направленной на возвращение. И тут я увидело нечто, чего до сели моему взору не открывалось. Нити развязались! В одно мгновение они были разорваны на кусочки, под мощью уничтожающей магии, а в другое, вновь соединены в аккуратный узор. Я успела только восхититься столь неординарным решением для заклинаний, используемых для долгоиграющих кровавых месс. Все остальные чувства притупились под натиском болевых ощущений, вырывающих в привычный мир.

Перед магическим взором все еще блестели искры заклинания, пока я проваливалась обратно.

* * *

С добрым утром, солнышко! — поприветствовала я себя. Потому что больше никто меня приветствовать не собирался. — Ты все еще жива!

В воздухе витал острый, металлический запах, намертво въедаясь в каждую частичку тела, отчего хотелось тщательно прочистить желудок и прополоскать рот с содой. На меня в упор смотрели темно-карие глаза смотрительницы. Крохотные десять сантиметров разделяли нас и этого казалось невероятно мало.

— Личное пространство, — прохрипела я, едва ворочая языком. Подсохшая кровь неприятно стягивала кожу. Впрочем, кровоточащие ранки доставляли не меньше дискомфорта. А ведь по окончанию ритуала они должны были затянуться.

От Алесы я получила совершенно нечитаемый взгляд, таящий в себе некоторое удивление и долю высокомерного превосходства. Женщина отодвинулась назад, напоследок мазнув пальцами по моей щеке, собирая капли крови из оставленном ранее ритуальным ножом порезе. От этого жеста меня неприязненно передернуло.

Поднявшись на ноги, я завертелась по сторонам, оценивая обстановку. Шесть Старших, что организовывали ритуал, собирали по залу атрибуты, нашептывая и запечатывая слова заключительной волшбы. Никто из них не проявлял ни малейшего интереса к моему пробуждению. Подумаешь, Мать. Таких как она есть еще три во всем мире. Зачем ее вообще трогать? Она вполне дееспособный член Ковена, чтобы делать все что ей захочется.

Айви Ронг сидела на полу, прижавшись к стене, отчаянно выравнивая дыхание и восстанавливая внутреннюю структуру потоков. Ей тоже было не до меня. Она ограничилась настороженным взглядом длинною в секунду и успокоилась. Я ей не нравилась. Но и велледи Алесу она в чем-то подозревала, раз легко уцепилась за брошенные обвинения в ее

сторону.

Утешаемая мыслями о временном перемирии, я заметила небольшое зеркало, и не удержалась от того, чтобы оценить весь свой некромантский вид: ошалевший взгляд яркосиних, чуть ли не светящихся в темноте лунным ободком безумия, глаз. Бледное лицо, застывшее на подобии погребальной маски на которой расцветали алые подтеки. Чернильные пряди волос, превратившиеся в воронье гнездо, истыканное через чур огромными для столь нежной композиции, бутонами цветов. Белое платье, цветы и алые разводы вперемишку с черными печатями, — невеста мечты, словом. Такую меня Страж обратно не возьмет. Или возьмет, но сразу с условием любви до гроба, которым тут же все и закончится, чтобы добру не пропадать.

Зеркало отразило именно то, что творилось у меня внутри. Физически я была истощена. Морально — убита. А духовно... тут я парила на всех ветрах.

В моих жилах текла магия!

— Как ваше самочувствие, — раздалась трель поднадоевшего голоса Алесы. — ... Мать?

Вот кого я упустила. Почему люди просто не могут исчезать из мироздания, когда я о них забываю?

— Как будто меня опять пытались принести в жертву демону, но снова не сумели добить в последний момент.

Это достаточно толстый намек или мне уже можно говорить открытым текстом? Зрителей хватает. Большая часть Старших здесь. Остальная мелкота не в счет.

— Вы в чем-то меня обвиняете? — искренне удивилась смотрительница, в порыве вдохновения прижав ладошку к уголку рта и пачкая губы кровью, оставшейся на кончиках пальцев.

Я шумно сглотнула.

Ладно я: лунное безумие значится в документах, приложенных к моей биографии. А с ней-то что не так? Перебрала настоев?

— Обвиняю, — согласилась я. — Но чуть позже. Сейчас я несколько смущена тем, насколько натурально вы разыгрываете отсутствие удивления. Ведь я жива.

— Могло быть иначе? Разве повторное пробуждение магии когда-нибудь имело смертельный исход?

Проклятье, она действительно хороша в этом! У кого она училась, я хочу записаться в ученики. Да, что там, я к самой Алесе готова сходить на пару занятий.

— Выходит, у меня был шанс стать первой? Какое досадное упущение, — вздохнула я, топчась босыми ногами по каменному полу. Ох, кто-то заболит после всей этой свистопляски.

— Наверстаем в чем-нибудь другом, — лукаво усмехнулась она. Мой вид ее забавлял. Все мои действия ее забавляли. — Вижу, путешествие несколько подзатянулось. Возникли какие-то проблемы?

— Встретила знакомых. Не хотели отпускать пока не выслушаю все их потусторонние байки. Спасибо проводнику, что вовремя вытащила, — я кивнула в сторону Айви. Вид девушки начинал меня беспокоить. Теперь, когда свечи потухли, и зал освещался обычными огнями, я заметила, что велледи Ронг выглядела совсем плохо. Обхватив себя руками за плечи, она дрожала как осиновый лист. Что это с ней? Магический откат?

Заметив мой настороженный интерес, смотрительница пояснила:

— Такое с ней уже случалось, — она выдержала паузу, прежде чем продолжить. — Когда велледи Ронг была проводником для Старшей, одержимой лунным безумием.

Потрясение? Шок! Этого я не предусмотрела. Мозг отчаянно просчитывал возможный нанесенный урон. Ей. И себе. Вот почему в прошлый раз со мной была Мать. Берегла детишек от подобных последствий.

— Вы ведь этого не знали, да? — Алеса смотрела на меня, я смотрела на Айви. — Или знали, но решили таким образом проучить Старшую, посмевающую бросить вызов?

Айви подняла голову, оторвавшись от подсчета выщербин на полу и загнанным, напуганным взглядом уставилась на меня. Она слышала нас. И то что девушка поняла — пугало ее. Выводы смотрительницы звучали очень правдоподобно. Как будто я и правда могла совершить столь тонкий маневр, чтобы заставить зарвавшуюся Старшую заплатить за свою наглость.

Я теряла Айви. Потому что девушка не разозлилась на подобную подлость. Она была в ужасе.

— Я приношу извинения, — прошептала она, медленно поднимаясь по стеночке. Ее колотил озноб. Посиневшие губы дрожали. Она сделал шаг вперед. — То есть, я прошу принять мои извинения. Моему поступку нет прощения. Я-я... не должна была.

Она обхватила голову руками, вцепляясь ногтями в голову. Зрачки сжимались в точку, позволяя радужке наполняться лихорадочным блеском. Девушку раздирало на части изнутри. Прямо как меня, когда я вступила в спор с Матерью. Теперь я видела как это выглядит со стороны. И мне не нравилось.

Это все какое-то безумие.

Еще один шаг, потом другой. Она приближалась к нам. Я не могла подавить в себе дикое желание отшатнуться от девушки в сторону. Ее движения пугали: резкие, ломанные, непредсказуемые. Кукла на веревочках, управляемая отголоском полноценного безумия, свалившегося на нее разом. Лунное безумие — магическая зараза, приходящая с лунным светом из Нижнего мира. Паразит, присасывающийся к жертве и искажающий его восприятие мира. Разрушающий изнутри. Самые опасные его симптомы — заикленность и навязчивые идеи, непонятным образом выбирающие объект для своей реализации. Для Айви объектом стала я.

Она продолжала что-то бессвязно бормотать. Ее взгляд терял всякую осмысленность. Когда Айви с невероятной для своего состояния силой схватила меня за запястье, я не смогла сохранить на лице спокойствие. Ощущение брезгливости, раздирало на части. Я словно видела свое искаженное отражение. Видела себя: жалкую и слабую. Безумную. Все это болезненными изломами прочерчивалось на ее лице.

— Да отведите же ее кто-нибудь в лазарет и дайте успокоительную настойку! — Не выдержала я, когда поняла, что никто из сестер не собирается вмешиваться. В моем голосе сквозила истерика, но я ничего не могла с собой поделать.

В ту же секунду, как я озвучила свои мысли, две Старшие бросили свои дела и подбежали к нам, отцепляя от меня Айви. Девушка хватала меня за руки и продолжала молить о прощении. А я застыла подобно статуи, не в силах оказать хоть какое-то сопротивление.

"— Это скоро пройдет, — уговаривала я себя. — это всего лишь эхо Нижнего мира. Лунное безумие так не передается, оно просто о себе напоминает."

— Хорошо сыграно, — похвалила меня смотрительница, когда девушку удалось

скрутить и увести из зала. — Не ожидала, правда. Теперь она точно не решится бросить вызов. Как и еще несколько особо впечатлительных девиц. Но меня такими фокусами не проведешь, Китра Латер, — протянула она, проводя подушечкой пальца по нижней губе. — Теперь я знаю, кто ты. Мой маленький безумный Осколок, возмнивший себя Матерью. Я тебя уничтожу.

— А я тебя нет. По крайней мере, до тех пор, пока не выясню, как ко всему этому причастен Калед Геллиофрей.

Как она могла такое подумать? Как могла решить, что я могу специально заставить кого-то пережить хотя бы мгновение того состояния, в котором некогда пребывала сама? В котором все еще нахожусь. Быть может только на начальной ступени или...

Мысль не успела сформироваться. Она захлебнулась под волной иных эмоций, прошибающих до холодного пота на коже. Меня перетряхивало от потоков магии, пытающихся комфортно устроиться в совершенно в неприспособленном для подобных вещей теле, и от непоколебимой уверенности смотрительницы в своей правоте. Каждая косточка отзывалась болью, сковывая любое движение. Голова не кружилась только потому, что каждое действие превращалось в нечто плавно-текущее и искусственно-заторможенное, как у опытной фрейлины выбравшейся на прием или как у постояльца Приюта Милосердия, пораженного сомнамбулической болезнью.

— Это очень веские обвинения для Матери, — откровенно наслаждаясь моим состоянием, легко отмахнулась велледи Алеса. — И совершенно посредственные для безумного Осколка.

Она уже вынесла мне приговор, и больше не видела во мне противника. Попробовав мою кровь на вкус и активировав заклинание, смотрительница получила доступ к архивам. Она справилась с потоком хлынувшей информации не моргнув и глазом. В данном вопросе опыт был на ее стороне. За те несколько секунд, что были у нее для освоения новых знаний, она вычленила главное: я — Осколок под покровительством лунного безумия. Так зафиксировалось мое последнее действо в роли Сестры Крови. Открытым оставался только один вопрос: магия не передает данные о временных рамках моей жизни в Учебке или смотрительница не обратила внимания на несостыковки в датах?

— Калеб Геллиофрей умер более тысячи лет назад, — продолжала женщина. — В чем именно ты пытаешься меня обвинить? В общении с его духом? В чтении его книг? Они не запрещены. В поддержке его последователей? Иногда я годами не покидаю пансионат. Все мои передвижения контролируются Ковеном.

Зал опустел.

Я до хруста сжала кулак, пытаюсь вернуть свои эмоции под контроль, вместо того, чтобы врезать по приторно-доброжелательной улыбке веллады Алесы. Мне нечего было ей предъявить. Я не смогла найти в расставленных пентаграммах следов золотого плетения. Женщина была права. Какой Калеб? Какие заговоры?

Меня пробрала дрожь.

Лунное безумие приходит так? Я не помнила. Но если подумать, если представить, если допустить такую возможность, то к каким выводам это меня приведет? Сумасшедшими не становятся за один день. Лунное безумие не обрушивается в одну секунду. Это случается постепенно. Настолько медленно и незаметно, что не кажется чем-то ненормальным.

Вот вы сидите спокойно у себя дома поздно вечером с книжкой в руках. За окном темно и тихо, лишь ветви дерева мерно постукивают по стеклу. Вам тепло и уютно. Все хорошо. Смущает лишь какая-то мелочь: вы раз за разом читаете строчку в книге, но все никак не можете ухватить ее смысл. Вы разбиваете строчку на слова, пытаюсь понять по отдельности каждое из них, но все равно не получается. Слова простые, не заумные. Предложения короткие — всего в одну строчку. Так почему же ее невозможно прочесть? Вы закрываете книгу. Отбрасываете в сторону. Слишком поздно, я устала, — убеждаете себя вы. Но завтра история повторяется. Все тот же дом, все та же книга. Весь день на пролет вы повторяете слова из строчки, но смысл все так же ускользает. Проходит неделя, и вы понимаете, что не продвинулись ни на шаг. Вроде бы ничего страшного, наверное это очень скучная книга. Можно взять другую. Можно вообще заняться чем-то другим. Только вот вы совсем не помните, чем занимались помимо чтения этой книги. Как вы проводили все те дни, когда не держали ее руках? Вы пытаетесь вспомнить, но в голове лишь те слова, которые почти превратились в заклинание, что все повторяется и повторяется круг за кругом. Вы не можете вспомнить, какое сегодня число или когда вы в последний раз принимали пищу. Как зовут ваших родителей, и есть ли у вас домашний питомец. Но это пугает не так сильно, как понимание того, что оглядывая комнату, в которой вы проводили все последние вечера, вы ее совершенно не узнаете. Это не ваш дом. Не ваша книга. Да и нет в общем-то никакой книги.

Лунное безумие может проявиться в любом возрасте, но чаще всего оно дает о себе знать в подростковый период. Переходный возраст — лучшее время для разного рода психических расстройств. Оно проявляется постепенно. Оно умеет себя маскировать. У каждого оно проявляется по-разному. Иногда оно нацелено на своего носителя. Иногда на других. Оно всегда очень тесно с лунным циклом. Нарастает к полнолунию и понемногу отступает назад, когда убывает луна. Иногда безумие так тесно переплетается с магическими потоками, что начинает его подпитывать. Тогда распознать его становится невозможно.

В один из дней вы обнаруживаете, что случайно порезались. Вы ощущаете невероятный

прилив сил. Закрадывается странная идея, что может быть это как-то связано. Глупость конечно, но почему бы не проверить? Потом это случается еще раз, но теперь — порез не случаен. Один порез не фатален, — думаете вы. Как и второй. И третий. Ваша теория начинает находить подтверждение. Силы прибывают. Заклинания даются легко. Они действуют дольше. Они мощнее, чем раньше. Порезов становится больше. Вы начинаете слышать шепот. Сначала он вас пугает. Потом вы привыкаете. Шепот превращается в голос, но вы его не боитесь. Вы знаете, что с вами говорит магия. Стихии, Свет, — разница не принципиальна. Вы его слышите все громче. В какой-то момент он начинает требовать жертву. Не этих порезов, что уже не успевают заживать, а настоящей жертвы. Вы отказываетесь. Он настаивает, но вы непреклонны. Тогда, после изматывающих дней и непрекращающейся борьбы, голос замолкает. Внезапно. Без предупреждения. Сначала вы радуетесь. Радуетесь ровно до того момента, пока не понимаете, что вокруг осталась одна ошеломляющая пустота, и ранит она гораздо сильнее, чем любые голоса в голове и порезы. Проходит четырнадцать дней и все повторяется вновь.

Кто-то подвержен лунному безумию больше, кто-то меньше. Кто-то умудряется прожить с ней всю жизнь, кто-то ломается еще в шестнадцать. Кто-то до последнего сохраняет крупицу разума, как это было со Старшей, что передала мне ребенка. Кому-то удается плавать на волнах легкого помешательства — это мой случай.

Ну же, сосредоточься Китра, как это было у тебя?

Все начинается с паранойи. Мерещатся знаки. Приходят видения. Мысли путаются. Отсутствуют логические и причинно-следственные связи в суждениях. Начинает казаться, что вокруг (внутри, рядом!) происходит что-то, чего не может увидеть никто другой. Например, плетутся заговоры.

Что-то из этого у меня есть? Полный набор! Моя печать была снята в Приюте Милосердия и, постепенно, день за днем, лунный свет мог прорываться ко мне, бросая серебристый отблеск на каждое принятое решение. Все это усугубилось травмирующим событием — постмагической депрессией. И вот результат — я в пансионате Ковена, угрожаю смотрительнице Алесе (наверняка, профессиональной убийце со стажем), прикрываясь статусом Матери (Матери!), и надеюсь выйти победителем.

— Веллади Латер? — позвала меня смотрительница, считывая каждое слово, промелькнувшее в моей голове. Назови! Хотя бы один. Самый маленький. Самый простой.

В голове пронеслись все события последнего дня. Каждая мелочь была взвешена и оценена по новой. С той другой стороны, где не существовало никакого Калеба, а был только зарвавшийся Осколок. Один за другим сменялись предположения. Что-то откидывалось на долю случайности, что-то списывалось на глупость. И когда я приняла за правду каждое полученное объяснение, у меня остался только один единственный вопрос.

— Сторожка в лесу, — невпопад откликнулась я. — Алхимическая лаборатория. Она стоит поодаль от пансионата, чтобы магические манипуляции не влияли на приготовление эликсиров. Обычно люди мало заботятся о таких мелочах. Побочные воздействия обрывков магии ничтожно малы. Подобным образом замораживаются только высококвалифицированные алхимики. Я не буду спрашивать, почему девочек не обучают искусству приготовления зелий в этом пансионате, при том, что нож и яд — два неотлучных от Сестры компонента. Иметь своего мастера зелий для подобных случаев, весьма прогрессивно для женского закрытого учреждения Ковена, как мне кажется. Но, откуда вы брали зелья до того, как у вас появился Райт? Кто варил зелья те пять-шесть лет, когда исчез

старый алхимик?

Женщина хмыкнула. И я почти увидела строчки крупным шрифтом — "Она еще более безумна, чем я думала", пробежавшим по ее лицу.

— Что-то заказывали из Ковена. Что-то готовили Старшие. У нас есть несколько классов по алхимии в старом крыле пансионата. Ты должна была их видеть, обследуя территорию.

— Именно! — воскликнула я. — А где готовили зелья вы? Не отвечайте. Вы их заказывали. По каталогу оставленному в сторожке. Райт — невероятно дотошный парень, кто бы мог подумать, а? — проводил по нему инвентаризацию. Он нашел и перебрал все документы в сторожке. Учел каждую мелочь. Я даже видела пару графиков! Иной имперский проверяющий не столь дотошен. Среди всего этого упорядоченного хаоса было восемь зелий, следов которых парень нигде не нашел. Знаете, как говорят счетоводы и ищейки Империи? Хочешь узнать правду — смотри, куда ведут деньги. Алхимики же говорят: хочешь узнать о человеке правду — посмотри, каких зелий нет в его аптечке.

— Оба высказывания неверно процитированы, — холодно отозвалась женщина. Вокруг ее глаз медленно сползались тени. — Но, вероятно, правильно говорят, что гениальность и безумие идут рука об руку.

Острая боль пронзила спину, парализующим ядом расплываясь по венам. Вот так просто. Без предупреждения. Без ритуала. Без брошенного вызова. Женщина воспользовалась атакующей магией.

Я подавилась собственным хрипом, ошарашено моргая, как рыба брошенная на берег. Недоверчиво вглядываясь в лицо веллады Алесы, узрела идеал беспристрастия, высеченного на безупречном мраморе Сестры Крови. Невероятно сильной женщины только что нарушившей правила Алого кодекса.

— Я устала от этого фарса, — смотрительница выбросила руку вперед, хватая меня за отворот платья, и притягивая ближе к себе, молниеносно сокращая состояние. Ее взгляд застрял в радужках моих глаз, выискивая среди потухшей синевы тусклый серп луны. — Что бы тебе не нашептало полнолуние, за сказанные слова придется отвечать по нашим законам.

— Один такой ты уже нарушила. — Прошипела я, стараясь немеющими пальцами отцепить от себя руку женщины.

— Дурная кровь, — фыркнула она, вытаскивая из складок юбки, болтающийся на кожаном шнурке амулет. — Совершенно не хочется об тебя пачкаться, но видимо, иначе проблему не решить. — Продолжая удерживать меня, веллады Алеса подняла магический атрибут на уровень глаз. — Допустим, про зелья ты могла догадаться сама. Золотое плетение — тоже не самая великая тайна. Но Геллиофрей... заикленность на нем просто так не могла возникнуть в твоей начитанной головке. Что ты знаешь?

Я со свистом втянула в себя воздух, готовясь бороться с эффектом очередного заклинания, но ничего не происходило. Я скосила взгляд в сторону на покачивающийся амулет. Начерченные на нем символы двоились в глазах.

— Кто говорил с тобой о Геллиофрее? — смотрительница ни на секунду не ослабляла хватку. — Старшая, что отправила тебя сюда с мелким Отражением?

Я молчала. Амулет не реагировал.

— Это самый обычный амулет, определяющий, говорит человек правду или нет. Ну же! Ты ведь не хочешь, что бы я всерьез применила магию. Последние минуты твой жизни не обязательны стать болезненными.

В этом я была с ней согласна.

При мне не было оружия. Все вещи Сестры унесли в комнату. Ножи, зачарованная одежда, чармы — все там, за границей досягаемости. Не дотянуться, не призвать. На мне самое обычное, просторное, полупрозрачное белое платье, испорченное кровавыми подтеками. В зале нет никого и ничего кроме нас двоих. По углам не ваяются забытые кинжалы, а вместо свечей зажжены привычные светильные сферы, умиротворенно покачивающиеся в воздухе, словно лодки на волнах.

— Заклинание, используемое в построении алтаря, на котором меня приносили в жертву, было полностью пронизано золотыми нитями. Пентаграммы были составлены согласно его чертежам. Очевидно, кто-то из демонопоклонников руководствовался пособием Калеба.

Рассказывая все это я внимательно следила за реакцией веллады Алесы. На ее лице не дрогнуло ни единого мускула.

— Продолжай, — сказала она.

— После первого жертвоприношения я нашла кровь одного из нападавших. Мне не удалось ее прочесть, потому что она была абсолютно чиста. Такое могла совершить только Сестра Крови... при том условии, что она работала вместе с демонопоклонниками. С одним из них. Не с Камденом. Его просто использовали в качестве сосуда. Он такая же жертва, как и я. Так вот, мне известно о двух женщинах, принимавших участие в организации жертвоприношения. Прия Парнс — бывший преподаватель Академии. И некая Лилит, которую я никогда не видела, а только слышала ее имя. Вряд ли руми Парнс могла принадлежать Ковену. Академия обычно тщательно проверяет своих людей. Остается Лилит. И раз уж ближайшее место нахождения Сестер Крови — пансионат, то полагаю, ты ее знаешь. И покрываешь.

В лице веллады что-то едва заметно переменилось. Я продолжала:

— Не знаю, зачем Сестре Крови такое делать, но скоро узнаю.

— Безумная девчонка, — глухо выдохнула смотрительница, отводя взгляд в сторону, словно обращаясь к кому-то другому. Разжав хватку, она легонько оттолкнула меня назад. Пошатываясь на ватных ногах, едва удерживая равновесие, я отступила, не представляя, что делать дальше. Заклинание, опутавшее меня с ног до головы не позволяло совершать резких движений.

— Нападение без предварительного вызова, — пролепетала я. — Как-то мелко по отношению одной Сестры к другой.

Смотрительница не удостоила меня ответом. Засунув шнурок с амулетом обратно в карман, женщина окинула меня неприязненным взглядом, и, устало вздохнув, щелкнула пальцами. В тот же миг, повинуясь незамысловатому жесту, заклинание, застывшее пеплом усталости на моих мышцах, в беззвучном "пуфф", разлетелось микроскопическими частицами по сторонам, уже через мгновения тая, лишившись внешней магической подпитки. Внезапно свалившаяся легкость и свобода, вместо того чтобы придать сил, откатом сломила последний барьер сопротивления, и я безвольной марионеткой рухнула на пол, больно ударяясь коленями о гладкую поверхность. Слова застряли где-то на губах, не успев сорваться в неуместной шутке.

Алеса потянулась к ножнам.

Неприятно видеть перед собой блеснувшее лезвие ножа. Представлять, как гладкая сталь может плавно пройти острием по тонкой коже шеи. Разглядывать в чужих глазах

отражение собственной беспомощности.

Почти незаметно, всего в одно движение ресниц, нож исчез из ее тонких пальцев, любовно обнимающих изрезанную надписями рукоять. Где-то между движением ее руки, двумя ударами моего сердца, и едва слышным звоном разрывающихся нитей, в поверхность пола вонзился тот самый нож.

Я глупо приоткрыл рот, призывая на помощь все свои умственные способности, для правильной оценки происходящего.

Смотрительница не планировала обрывать мою жизнь ценой собственной чести. Ей нужен был поединок. Она собиралась завершить то, что не смогла сделать ее воспитанница, Айви Ронг.

Зазвучали слова вызова:

— Я, нареченная Кровью, смотрительница женского пансионата благородных девиц при Ковене, веллади Алеса, вызываю нареченную Светом и Кровью, посланницу и Осколока, Китру Латер, на поединок, чтобы отстоять честь Матери.

— Что? — переспросила я, надеясь, что ослышалась.

Я считала, что веллади не станет меня вызывать на дуэль до тех пор, пока я не оправлюсь. Она и так превосходит меня по всем параметрам. К чему ей дополнительная фора в виде утомленной древними обрядами меня? Почему не устроить шоу для всех? Не победить меня в бою при свидетелях? Показать, что даже наполненная магией и дышащая бодростью и здоровьем я, не способна противостоять смотрительнице.

— Нет, — хрипло выдохнула я. — Нет.

— Ты не можешь отказаться, — нахмурилась она.

— Разве в законах Ковена нигде нет пункта о недееспособности в следствии безумия?

Я была наугад. Никогда не существовало такой статьи. Но видит Свет, за пять сотен лет, почему бы такому пункту не появиться?

— Взываешь девятому положению? — нисколько не удивляясь спросила Алеса.

У моих ног, почти перпендикулярно поверхности, все еще был воткнут нож. Добраться до него — дело секунды. Вскочить и кинуться на смотрительницу — еще две. Воткнуть аккуратно в сердце — секунда и шепотка сил. Итого: четыре секунды. К сожалению, разобраться веллади со мной — дело одного мгновения.

— согласишься, и я скажу тебе, кто такая Лилит.

Проклятье.

— А-аа... Свет с тобой! — рыкнула я, вставая на ноги. — Нареченная Светом и Кровью посланница и Осколок, Китра Латер, принимаю твой вызов, смотрительница женского пансионата благородных девиц при Ковене, веллади Алеса.

И прежде чем по кругу побежали искры магии, я спросила:

— Кто она? Кто такая Лилит?

Всполохами мерцало заклинания. В ушах начинало гудеть от натягивающихся в плетениях нитей.

Смотрительница ответила:

— Старшая, что скинула тебе ребенка. Это ее имя.

Сноп искр и ритуальный круг, захвативший все пространство зала, завершен. Мерцающие огоньки, вспыхивающие цветастой сеткой, взмывают к потолку. Сияние расплзается в воздухе, жидким блеском. Звучат тихие, потусторонние голоса. Они приветствуют своих сестер.

В этот раз все правильно. Никаких заминок или осложнений. Все правила соблюдены. Возражений нет. Лишь едва слышимый голос на границе двух миров. Знакомый. Ободряющий. Подталкивающий к неминуемому исходу.

— В этот раз без смерти не обойтись, — говорил он.

Я отсчитывала секунды, перебирая десятки вариантов предстоящего поединка.

Волшба или оружие? Заклинание или сталь? Чувства или разум? Вот между чем выбирает истинная Сестра Крови. Вот где нужно достигнуть равновесия. Вот пропасть над которой пролегает недостижимая тропа баланса.

Выбор очевиден. Для меня, не для Алесы.

Щелчок — битва началась.

Я выдернула нож веллады из пола, и не размениваясь на лишние движения, метнула его в зрительницу.

Как выиграть у заведомо превосходящего тебя противника?

Контролировать страх и действовать решительно. Следить за траекторией удара. Блокировать. И сохранять спокойствие.

Женщина с легкостью отразила первый удар. Нож отлетел в сторону с громким позвякиванием проскрежетав по камню. Другого я не ожидала. Мой выпад не смог бы нанести ей хоть сколько бы стоящий ущерб.

Едва я вскочила на ноги, как подсечка тут же свалила меня обратно. Блок сработал только благодаря рефлексам, и то, вышел каким-то вялым, почти ленивым. Удар зрительницы, наоборот, был точным и быстрым. От следующего я увернулась, жадно хватая воздух. Предыдущий удар выбил все из моих легких.

Боль — хороший учитель.

Уклон. Разворот корпуса. Уклонение.

Каждый неотраженный выпад несет угрозу здоровью и жизни. Все происходит быстро. Никаких заминок. Никаких реплик. Все что улавливают рецепторы помимо самой драки: мое сбившееся дыхание и ее холодный блеск глаз, который будет снится мне еще несколько лет, если выживу.

Алеса не спешит использовать один из самых опасных и распространенных видов оружия. Почти механические движения рукопашного боя не доставляют ей большого удовольствия, а магия идет в ход, только когда она решает закончить нашу кратковременную стычку. Не марая руки, но доказывая всем и каждому, насколько опрометчив был мой поступок. Она выбирает заклинание. Последний сокрушительный удар. Смертельные чары.

На первый план выходит не физическая выносливость, а состояние психики.

Мне бы выставить "щит" и уйти в глухую оборону. А еще лучше, рвануть в атаку с мощным, оглушающим заклятьем наперевес. Но вот она правда жизни: я не могла применить магию Крови. Татуировки зудели на запястьях, требуя освободить скопившуюся в них силу.

Я судорожно прокручивала в голове самое слабенькое заклинание, потому что моя сила сейчас невероятно хрупка и неустойчива. Каналы не готовы к сильным потокам магии и могут порваться от любого резкого воздействия. В лучшем случае я могла разнести здесь все вокруг вместе с собой.

Я собирала по крупицам силу. Заставляла связываться в заклинание. Но все это так медленно. Неуклюже. Плетение просто не успевало сформироваться.

Вспышка. Скрежет. Удар.

Осветительные шары взрываются светом. В глазах рябит. Вокруг сгущается воздух. Боли нет.

Время останавливается. Стихают тени. Свет замирает.

Я на коленях. Сердце с каждым ударом больно врезается в ребра, словно изо всех сил стараясь вырваться из груди. Дыхание давно сбилось, и я жадно глотаю воздух, радуясь внезапной передышке, которая однозначно закончится чем-то весьма неприятным.

Встать я не могла. Опершись одной рукой для равновесия, а другую прижав к рассеченной губе, я пыталась сфокусировать взгляд на возвышающейся надо мной женщине.

— Как все неловко-то, — прохрипела я, сплевывая сгусток крови.

Повреждены внутренние органы? Как? Когда?

— Мне не доставит чести этот поединок, — глухо ответила зрительница. — Я зря надеялась, что за твоей бравадой хоть что-то стоит.

Живым выйдет из круга только один.

Легкий тычек. Указательный палец уперся мне прямо промеж глаз. Ноготок едва царапнул кожу, заставив поежиться. Подушечка пальца велледи Алесы покалывала сконцентрированными сгустками магии.

"Зато это будет безболезненно, — попыталась подбодрить я себя, в то время как остальные мысли лихорадочно бились над поиском хоть какого-то выхода. — Не к такому исходу готовила меня Мать. Глупый, глупый Осколок".

Треск нитей и надоедливое гудение. Мириады ядовито-ярких красок вспыхнули перед глазами, предвещая опасное заклинание.

Кожа на руках лопается. Расползается в разные стороны, подобно разорвавшейся ткани. Рваные, поблескивающие края, загибаются назад, скатываясь в трубочки. Невидимые лезвия порхают по телу, оставляя мимолетные порезы. Их цель — каналы силы. Не дать вырваться потокам магии. Никакой возможности для регенерации. В дело вступает защитный механизм.

Когда боль перевешивает, когда ужас перехватывает контроль, магия, захваченная врасплох, устремляется к солнечному сплетению. Сжимается в комочек, уходя в глухую защиту. Прячется. Впадает в кому, маскируя признаки жизни. Так работает инстинкт самосохранения. Возможно, именно так я потеряла магию Света. Она могла уснуть в недрах моей души, дожидаясь более благоприятного времени для возвращения.

Точно так же могла уйти и магия Крови. Потеряв возможность к наступлению и обороне, на изломе, прорываясь сквозь изрезанные каналы, стирая в крошево хрупкие стены, отравляя внутренности, ядовитыми, разлагающими потоками, растекаясь по мышцам, костям и внутренним органам. Вот что может произойти, если магию вовремя не запереть. Чтобы окончательно не добить своего носителя, она уходит. Прячется. Консервируется. Если маг этому обучен. Если сумел выработать такой инстинкт. Если его сознание в какой-то момент не было отравлено лунным безумием.

Безумию плевать на защитные механизмы. Для него нет преград. Оно готово идти напролом сметая все вокруг, подминая под себя осколки сорванных каналов. Его не беспокоит жизнь собственного носителя. Все что оно умеет — превращать окружающее в хаос.

Много крови. Много силы.

Предки смотрят на нас, сорвав тонкий слой разделяющей ткани реальности. Я слышу одобрительный шепот и понимаю: результат этой битвы решаем не мы с Алесой. Это их выбор.

Я теряю контроль. Мои нити силы выскальзывают. Рвутся. Хлесткими концами вцепляются в смотрительницу, смещая потоки чужеродного заклинания обратно на женщину.

Крик переходящий в вой. Он принадлежит мне.

Пелена слетает с глаз. Жертва принесена. Луна довольна подарком.

Вслед приходит безжалостный удар осознания: веллади Алеса не виновата. Все ее поступки были направлены на защиту пансионата от посторонних. Если посмотреть на ситуацию с ее стороны, я — нарушитель. Серьезный. Безумный. Опасный. Смотрительница сделала все возможное, чтобы обезопасить своих девочек от меня.

Она падает. Падает красиво. Она до последнего вдоха остается собой.

Я слышу как обрывается нить жизни и мне нестерпимо обидно. Смотрительница была права. Я — нет. Я не заслуживала победы. Только не такой. Не лживой. Не омраченной грязью моих ошибок, которые должны были стоять кому-то жизни. Кому-то, кто не я.

Круг разрывается.

Поединок окончен.

Победитель очевиден.

Меня обнаружила Леда. Спустилась в зал, выяснить, где я так задержалась. Застыла в проходе каменным изваянием и надолго замолчала. Смотрела, как сжимаются мои руки на плечах павшей веллади. Как я отстраненно перебираю шнурки в ее волосах, пытаюсь вспомнить, что означает каждый из них.

Леда не подходила. Просто молчала.

У Алесы бледное лицо. Мраморная, потерявшая цвет, кожа. Посиневшие губы. Закрытые глаза. Она как большая неподвижная кукла в руках глупого, озлобленного ребенка, так и не сумевшего вырасти. Сломавшего игрушку, потеряв к ней интерес.

Вот какой я была на самом деле. Так выглядит вся правда обо мне.

Сестры были моим крохотным спасением. Под всеми этими правилами, ритуалами и философией о красоте смерти длинной в тысячелетия, таилась одна маленькая простая истина. Сестер учат не искусству убийства, а ценности жизни. Тому, как важно оставаться человеком в любой ситуации.

Поправка привнесенная Калобом: ценность чужой жизни теряется очень быстро.

Нас было пятеро. Четверо тех, кто пережил эксперименты и Калоб. Мы все были добровольцами. Я родилась в семье потомственных художников. Папа иллюстрировал книги, расписывал храмы и иногда подрабатывал рисуя портреты для знати. Денег хватало, чтобы обеспечивать нашу маленькую, но дружную семью. Мама была поэтессой. Женщина невероятной красоты и душой, принадлежащей иному миру. Она часами могла смотреть, как

оппадают цветы с яблоневого дерева или всю ночь следить за светом луны. Последнее увлечение, на тот момент считавшееся главным признаком романтической и утонченной натуры, и стало приговором мне — еще не родившемуся ребенку. В те времена никто не знал причин возникновения лунного безумия. В какой-то мере его считали болезнью благородных. Прости меня Свет, но в некоторых городах эта болезнь считалась престижной.

Ее обнаружили слишком поздно, чтобы начать лечение или хоть как-то затормозить процесс. Мне было шестнадцать, когда отец уже сбился со счета, сколько раз он ловил меня на подходе к обрыву. Все из-за сказки, ранее обнаруженной в его кабинете. Я возомнила себя ее персонажем, и следуя за действиями героя хотела погрузиться на морское дно с затонувшими кораблями и драгоценными дворцами подводного правителя. Мое безумие начиналось именно с этого. Я заикливалась на какой-то идеи и не могла успокоиться до тех пор, пока не воплещу ее в жизнь. Лекари разводили руками и советовали подыгрывать. Лучшим вариантом они считали возможность завершения навязчивой идеи. И родители начали звать меня их маленькой китрой. Да, тогда это слово еще не было нарицательным.

Время шло. Иногда я была в своем уме, иногда нет. В любом случае, жизнь продолжалась, в то время как я застряла в причудливых фантазиях, изредка возвращаясь в реальность. Так могло продолжаться бесконечно долго. Но родители грезили о внуках. О талантливых, успешных и известных внуках. Отец продал несколько семейных реликвий, мать сдала все украшения, преподнесенные поклонниками, в ломбард и продала авторство на новый сборник поэм. Собранных денег хватило, чтобы нанять компаньонку и снарядить меня в далекий путь к лучшему специалисту по магическим заболеваниям.

Его звали Калев Геллиофрей. Искусный маг, талантливый врачеватель, непревзойденный охотник на демонов. Оставив свой пост в совете магов Вольных Королевств, он решил уйти на покой и заняться научной деятельностью. Уютное затворничество быстро надоело живому уму, запертому в медленно стареющем теле. Он занялся экспериментальным целительством, чтобы помогать тем больным, от чьего недуга так и не было найдено лекарство. Речь, конечно же, шла о магических хворях. В числе которых значились лунное безумие, постмагическая депрессия, смещение потоков с последующим расстройством личности и сбитый контроль доминирующей Стихии. Он открыл свой маленький пансионат-лабораторию. Именно там я и познакомилась со своей будущей лучшей подругой Эрин, будущим мужем, чье имя я поклялась больше не вспоминать, и будущим неординарным ухажером Эрин, чьего имени я никогда не могла запомнить.

Калев нас не лечил. Он нас изучал. Говорил, что эти отклонения неспроста. Ущербность не бывает случайной. Он обещал, что поможет нам с ней справиться. Над нами ставили опыты. Я почти не помню тех дней и не ручаюсь за те воспоминания, что сохранились. Но я уверена, что для последнего эксперимента нас четверых выбрали потому, что мы успели сплотиться в некую дружную группку. Калев стал пятым. Он принялся нас обучать магическим основам, чтобы во время финального события мы знали, как правильно себя вести, чтобы не запороть весь эксперимент на корню. В основном, обучал он меня. Я единственная, кто не разбирался в магических хитросплетениях. В отличие от моих друзей, у меня не было потенциала. Я не была истинной.

Калев обучил меня магии Света. Учителем он был от бога. От старых богов. Тех что были беспощадны и требовали кровавых жертвоприношений. Невероятно, но в какой-то момент я и его начала считать другом. Свет мне в свидетели, но я до сих пор считаю его

такovým. Наверное, все дело в безумии.

Чего добивался великий демонолог? Силы и знаний. Чего добился? Нет, не бессмертия и не вечной жизни. Он сорвал более крупный куш. Возможность перерождения с сохранением памяти. Я не буду говорить о Дневниках. Эта тема для отдельной исповеди. Скажу только, что в вечный круг повторяющихся событий попали и мы — последняя четверка.

Итак, нас было пятеро. И все было хорошо. Пока не пропала Эрин.

Что-то теплое коснулось моей руки. Теплое и живое. Следом раздался голос. Тихий. Успокаивающий.

— Когда это произошло?

Я повернулась. Рядом со мной сидела Леда. Стараясь не глядеть на тело смотрительницы на моих коленях, она отстраненно следила за шарами света. Внешне девушка была абсолютно спокойна, но в этой всепоглощающей тишине можно было расслышать, как отчаянно быстро стучит ее сердце. И тут я поняла, что все это время говорила вслух.

— Давно. Очень давно. Задолго до существования Империи.

Леда не стала допрашивать дальше. Шепнула "потом". Отцепила мои руки от смотрительницы. Помогла подняться и доковылять до отведенных мне покоев. Стащила обрывки платья, окрасившегося в алые тона. Она не стала вести меня в общую купальню, а притащила ушата с водой. Смыла с меня кровь. Выковыряла из моих лохм лепестки стеблей и цветов. О чем-то поругалась с Райтом, который каким-то образом оказался в коридоре спальни. Он притащил несколько лечебных зелий и наотрез отказался входить, передавая Леде указания через закрытую дверь. Через каждые два предложения Райт повторял, что без официальной лицензии полученной от Академии или от Императорского двора, он не является ни лекарем, ни знахарем, и в покои обнаженной (даже если ты прикрыла ее одеялом, Леда!) или полуобнаженной женщины, входить не намерен (и уж тем более осматривать! Леда, хватит дергать меня за рукав!).

Я мысленно была благодарна парню за его стойкую позицию. Но и Леду могла понять. Девушка вряд ли сталкивалась раньше с подобными ранениями, и кажется, совершенно не разбиралась в использовании зелий.

С помощью подсказок голоса из-за двери, моих редких комментариев, и невероятным упорством инициативной Леды, я была приведена в относительный порядок. Когда же девушка попыталась уложить меня спать, я запротестовала.

— Мы уезжаем. Сейчас.

— С ума сошла?

— Я тут не останусь. Отправь Райта за кучером. Должна же здесь быть какая-то карета или повозка.

— Где я тут кучера найду? — возмутился приглушенный голос.

— Значит, сам повезешь, — закашлялась я. — Леда, подбери мне что-нибудь, во что я влезу со всеми этими бинтами и повязками, а потом отправляйся собирать вещи. — Яглянула на настольные часы. Давно перевалило за полночь. Блеск! — Время готовности — час.

Уезжать в ночь было весьма неразумно, но остаться мы не могли. Несколько Сестер, вышедших провожать нас, осторожно пытались меня убедить, что в подобном состоянии отправляться в длительную поездку неразумно, но настаивать никто не смел. Они признали меня. Но не как Мать. Скорее, как дикого хищника, забредшего на территорию и передавившего кур вместе со сторожевой собакой. Здесь не было ни намека на уважение или почтение. Меня боялись. Я пришла и разрушила их маленькую экосистему. Лишила лидера и защитника. Слухи распространялись быстро. Результат дуэли уже знали все.

— Вы назначите кого-то на ее место? — неуверенно спросила одна из Старших.

Я посмотрела на собравшихся сестер. Всех несовершеннолетних давно отправили по кроватям. Остались с десятков Старших и несколько Младших. По сути — все дети. Никого, кто мог бы приблизиться по опыту или возрасту к велладу Алесе.

— У нее был заместитель?

Одна из девушек склонив голову вышла вперед.

— Отправь сообщение Ковену. Вам кого-нибудь пришлют. А пока, ты за главную.

Девушка кивнула, и не поворачиваясь ко мне спиной, сделала шаг назад, возвращаясь к спасительному окружению сестер. Они ожидали от меня каких-то приказов, может быть наставлений. Но мне нечего было им сказать.

Напоследок я встретила с Лианой.

— Теперь ты Младшая Сестра. Официально.

Девчонка никуда не дела свое нахальство. Ничуть не стесняясь оценивающе разглядывала меня.

— Это не может быть правдой, — сонно ответила она, сдвинувшись к краю кровати и покачивая ножкой. — Какая из тебя Мать?

— Паршивая, — призналась я. Это был последний разговор перед отъездом. Пока Леда и Райт в спешке собирали свои вещи, я подчищала хвосты. И сил моих было ровно на одну необходимую встречу. — Ты знаешь кого-нибудь с именем Лилит?

Несколько дней я просто спала. Мы останавливались в каких-то гостиницах. Я заваливалась в комнату и часов двенадцать не выползала из под одеяла. Леда всегда крутилась где-то рядом, заставляя меня принимать настойки, еду, и менять повязки. Райт сочинял письмо дяде, чтобы как-то оправдаться за пропущенный семестр в Академии, и периодически обращался к Стихиям, сетуя, что для человека с аристократическими корнями он стал слишком много знать и уметь тех вещей, которых по идее знать и уметь не должен. Возможно это как-то относилось к тому, что кучера парень так и не нашел, и теперь был вынужден сам выступать в этой роли.

— Никому ни слова, — зыркнул на нас парень.

— Могила, — в тон ему отозвалась Леда.

— Прекращай, нет в это ничего такого, — выдавила я из себя слабую улыбку, которую из-под вуали было почти не видно. Лицевые мышцы двигались с трудом — повреждено два канала. Внутренняя регенерации с восстановлением магических потоков проходила вместе с онемением некоторых участков кожи, в чем был несомненный плюс: разбитая губа и синяк под левым глазом не доставляли так много беспокойств, как должны были. Благодаря всему

этому счастью я обзавелась вуалью. — Мальт от зависти удавится, когда узнает в какой компании ты провел последние месяцы.

— Кто?

— Мальт, — повторила я. — Блондинистый огневик со специального потока.

Райт смерил меня хмурым взглядом, и очень серьезно ответил:

— Не семей.

— Зря ты так, — отмахнулась я. — Он за тебя больше всех переживал. Ладно-ладно. Но это правда, — и я принялась рассказывать ребятам события памятной ночи, когда я в потемках карабкалась по подоконникам, кустам и заборам.

За минувшие дни гнетущая атмосфера апатии впервые была прервана чьим-то смехом.

В последнем пристанище для путников мы застряли почти на три дня. Разыгравшаяся метель перекрыла любую возможность дальнейшего передвижения, затормозив нас почти на половине пути к Старому городу. Трактирщик обещал, что к следующему утру буря прекратится: либо сама спадет, либо к ним направят мага Воздуха из ближайшего поселения, чтобы немного утихомирить погоду.

День клонился к вечеру. Об этом свидетельствовали стрелки на часах, неохотно-тягуче подбираясь к пяти часам по полудню. Разобрать время суток по солнцу в последние дни не представлялось возможным. Разбушевавшаяся стихия застилала небо, растянувшись далеко за пределы видимости. Защитные заклинания трещали в тон завывающей буре, но пока еще хорошо держались, не позволяя снегу замести окна и двери, держа его на расстоянии от дома и хозяйственных пристроек.

Буря застала нас, когда мы выбрались на главную дорогу. Застрять в "Золотом счастливчике" — лучший из всех возможных вариантов. Трактир был построен в традициях старой Империи: из цельных бревен и нескольких десятков часов начитанных заклинаний. Поддержка такого количества плетений требовала особого внимания. Хозяин дома — Сонный Эл, никогда не скупился на магов, исправно направляя заявки в ближайшие города на магическое обеспечение, за что на протяжении почти ста пятидесяти лет стабильно имел одну "синюю ленту" от гильдии торговцев.

Здесь останавливались представители высших социальных слоев, те кто усиленно старался к ним приблизиться и разнообразные эмиссары. Затесаться среди столь высокопоставленных личностей нам повезло только благодаря оплате по двойному тарифу. Все расходы оплатила я. Мой организм требовал покоя, свежих простыней, вкусной еды и простого человеческого уюта. Пара денечков в "Золотом счастливчике", даже с довеском в лице двух половозрелых подростков, вряд ли могла сильно потрепать мои финансы. Я была рада той передышке, что предоставила погода. Трястись в карете изрядно поднадоело.

Вместе с нами в уютных стенах пристанища, обитель тепла и уюта, разделяли две лунные жрицы, проводившие большую часть времени в общем зале, раскладывая за игральным столом "трилистник". Они вели себя достаточно тихо, и лишь изредка их звонкий смех дребезжанием колокольчиков доносился до наших ушей. Девицам едва ли стукнуло двадцать и ехали они издалека. Учитывая, что каждый их выход сопровождался присутствием всех атрибутов их конфессии, они направлялись в Новый город либо на праздник Возвышения, либо на открытие новоиспеченного храма. Несколько раз к ставленницам Луны проявлял внимание младший сын купца, что был вынужден маяться от безделья, в то время как его отец и старшие братья занимались семейными делами, оставаясь в мужской части дома.

В женской части, с нами на этаже, проживала престарелая руми. Она никогда не спускалась в зал к обеду. Ее сиделка — женщина средних лет, однако, периодически мелькала в общем зале, серой тенью проскальзывая мимо нас.

В той части зала, что была отведена под библиотеку (два огромных книжных шкафа,

ассортимент которых поражал разнообразием, и, полным несоответствием, и несовместимостью друг с другом выставленной литературы), скучали два старших адепта Академии. Как я поняла из разговоров, парни ездили на похороны к своему дальнему родственнику, в связи с чем ими был получен учебный отпуск на пять суток. Вернуться они решили на парочку дней раньше, чтобы — в память о любимом родственнике — прогуляться по всем значным местам Нового города. И вот теперь их грандиозные планы срывались, грозя закончиться объяснительной для господина Чабера.

— Выпускники с общего потока, — предположила Леда. Сегодня она пребывала в относительно благодушном состоянии. Надела платье с открытым лифом и приспущенными плечами, цвета пасмурного неба и серебристой окантовкой. А вот ее прическа оставляла желать лучшего: все тот же пучок волос заколотый шпильками-цветами. "Не могу найти чарму, — ответила она на мой немой вопрос". То есть, она решила, что ответила, потому что мне ее слова толком ничего не объяснили.

— Точно тебе говорю, — продолжила Леда. — Высокий поехал за компанию, поддержать своего друга. Или их семьи близко дружат, потому и позвали на похороны.

Ни я, ни она, этих ребят не знали. Идентификационных Знаков при них не было. Последние несколько часов мы развлекались тем, что строили разнообразные предположения относительно этих двух адептов.

— Нет, — возразила я, отказываясь верить, что все так просто. — По статистике восемьдесят процентов аристократии являются истинными магами. Из них — сорок пять приходится на магов Земли, тридцать три на магов Воды, двадцать семь — на Огонь, и пятнадцать на магов Воздуха. Если считать всех присутствующих тут адептов, то Райт как раз будет в числе тех двадцати процентов, что не попали в специальный поток. Ты будешь тем средним слоем, что занял его место. А значит, оба парня — истинные маги. Земля и Огонь. Воду я исключаю — ты бы такого мага почувствовала сразу, даже не прибегая к сканированию его ауры. А Воздух я исключу, как маловероятный вариант. Семнадцать процентов, это конечно показатель, но будь кто-то из них воздушным, парни бы уже попытались прорваться в город своими силами.

— Статистика скучна и редко соприкасается с истиной, — отмахнулась Леда от моих выводов. — Жизнь — не столбики цифр.

— Кабинет аналитических изысканий при Канцелярии его Величества Императора Ергам Четвертого с тобой бы не согласился.

— То что ты много знаешь, не значит, что ты права, — не сдавалась девушка. Иногда ее упорство выходило за рамки разумных вещей, но именно оно-то и помогло ей продержаться в пансионате Ковена. Эти месяцы сильно повлияли на Леду. Ее психика была подвержена серьезным испытаниям и неизбежным изменениям. И все же адептка проявила гибкость ума, сумев сохранить собственную личность. Не скажу, что меня радовало произошедшее, но не восхищаться тем, как Леда продолжала держаться, я не могла. Если следующие полгода ее не сломают, ее уже не сломают ни что. Вопрос в том, понимает ли она, что прежней уже не станет? И что мечта о семейном уюте, по итогам своего свершения, может оказаться весьма нежеланным призом.

— Вы обе не правы, — безапелляционно, с присущим ему тактом, прервал наш спор Райт.

Последний час он копался в одной из книжек стянутых из шкафа в дальней части зала. Мельком глянув на название я с удивлением обнаружила, что это томик классических

стихов, в конце которого, насколько я помнила, были опубликованы письма автора, адресованные его наставникам. Райт старательно их изучал, выписывая в отдельную тетрадь, как ему казалось, особо удачные выражения. Иногда он отвлекался, вставляя парочку едких комментариев в наш диалог с Ледой, из-за чего был вынужден слушать мои занудные замечания о правилах приличия.

В очередной раз Райт решил разбить нашу идиллию.

— Тот что слева и повыше — маг Воды с предпоследнего курса. А тот что справа — маг с общего потока, а также его дядя по материнской линии. Поздний ребенок.

— Чушь! — возмутились мы с Ледой синхронно.

— Маги Воды друг друга чувствуют, — как само собой разумеющееся, пояснила я.

Леда меня почему-то поддерживать не стала, скривившись от полученного объяснения. Она привела другой довод:

— Они совсем не похожи!

— Дитя второго брака. — Закатив глаза ответил Райт.

— Ты ляпнул наугад, — вновь вмешалась я, жалея, что из-под вуали, моего лица было не разглядеть. Сейчас на нем должны были отражаться крайняя степень праведного возмущения и оскорбленной невинности. — Мы с Ледой хоть как-то поясняем свои предположения, а ты ни чем не подтвердил свои догадки. Это не спортивно. У нас интеллектуальный спор, а не сеанс ярмарочной гадалки.

Райт фыркнул:

— Я не выдвигаю предположений, а говорю то, что доподлинно мне известно. Эти двое — Бриар и Роксфонт младший. Они моя дальняя и совсем не кровная родня по линии второй мачехи. Двоюродный племянник и троюродный кузен соответственно.

У меня не нашлось слов, чтобы возразить. Леда же, как человек, сосуществовавший с Райтом более длительное время, коснулась руки парня, и с невероятно искренним сочувствием сказала:

— Мне очень жаль. Это ведь значит, умер кто-то из твоих родственников. А ты даже не смог с ним попрощаться.

— Это ничего не значит, — восторженно "галчонок", отдергивая руку. — А вот если я не сочиню благозвучное письмо для дяди, — он тыкнул пальцем в сборник стихов, — следующий, с кем соберутся прощаться родственники, которые меня не знают и не помнят, буду я. Ты сама-то придумала, что напишешь жениху и своей родне?

— Я не...

Леда резко изменилась в лице, став мрачнее тучи. Цвет ее глаз начал медленно темнеть, приближаясь к цвету собственного платья. Девчонка невероятно быстро теряла свое хладнокровие. Возможно, я ошиблась, посчитав, что она сумела выбраться с минимальными потерями.

— ...не... собираюсь...

— Что ты скажешь господину Чаберу? — продолжал добивать ее парень, совершенно не понимая, за что я его только что пнула ногой под столом. — Как его убедишь восстановить себя посередине курса?

— ...восстанавливаться...

— Да, восстанавливаться. Не ждать же теперь окончания года. Нам нужна отсрочка перед сессией, чтобы догнать материал, — тараторил юный адепт, в нервном порыве теребя край черновика, исчерканного вдоль и поперек. — Взять конспекты — у кого? Кроме себя я

не помню никого, кто достаточно четко мог излагать на бумаге... Что? — это он уже мне. — Еще раз, что?

— Я не собираюсь восстанавливаться, — тихо, одними губами и не поднимая глаз, ответила девушка.

— Что? — Опершись ладонями на столешницу, пачкая пальцы в невысохших чернилах, парень едва ли не перегнулся через стол. — Да что?!

Я дернула парня за плечо, усаживая обратно.

— Кто-нибудь еще это почувствовал? — Спросила я.

Дыхнуло магией. Сильной. Напористой. Уверенной.

У меня заныла ладонь, словно в нее с силой загнали нож, и теперь проворачивали лезвие по часовой стрелке. Я едва поборола желание стянуть перчатку и посмотреть, не произошло ли так на самом деле. Внутренние каналы, едва восстановившие свои хрупкие стеночки и устремившие все силы на регенерацию внутренних органов, отчаянно завибрировали, предупреждая о переизбытке внешнего магического давления.

— Я ничего не... — начал было Райт и внезапно осекся.

Послышался шепот из дальней части зала:

— В такую метель-то...

— Как он так незаметно сдвинул пласты?

Минула секунда и в зале повисло молчание. Человек еще не зашел в дом, а все присутствующие устремили взгляд на дверь. Незвестный намеренно медлил со своим появлением, давая возможность посетителям гостиницы оценить возможную опасность в его лице. Мощную ауру нежданного пришельца теперь ощущали все. Даже юный сын торговца, который едва ли когда-то имел к магии отношение ближе, чем чарма Света, напрягся, почувствовав неладное.

В голове что-то щелкнуло.

Незаметные змейки чужеродной магии рванули по комнате, проверяя как присутствующих, так и само помещение.

Следом распахнулась дверь.

Ну здравствуй, милый. Тебя-то как раз и не хватало.

Белокурые волосы, фарфоровая кожа, по-мальчишески юные черты лица, поддерживаемые заклинанием (зачем? Видит Свет, этот мужчина выглядел бы прекрасно и в пятьдесят!), холодные глаза с напускной безмятежностью, превращали ирума Камдена в двадцатипятилетнее подобие беззаботного студента. В строгом костюме безупречно-кремового цвета, того же цвета сапог с высокой голяшкой, и плаще-куртке с меховой молочно-белой подкладкой, небрежно накинутой на плечи, он выглядел великолепно. В глазах буквально рябило от обилия возникшей белизны, и это несмотря на то, что все дни за окном кроме беспощадно-сверкающего снега, окутавшего небосвод, никаких других красок и видно-то не было. Но зачем? Зачем эта молодость? К чему столько белого? И как, демон меня побери, он умудрялся не выглядеть проклятым призраком дохлой моли?

Сиятельная улыбка расплзлась на безупречном лице. Зазвучали приветственные речи, обезоруживающие всех присутствующих. Леда застряла на несколько минут, оценивая прибывшего как мужчину, а не как носителя магического дара. Райт испустил завистливый вздох, — вот уж кто решил просчитать магический потенциал, но не добравшись до середины сдался, признавая победителя.

Ирум Камден обвел взглядом зал, незаметно подмечая те детали, что не донесли его

"змейки-разведчицы", и могу поспорить, что об меня его глаза не то что споткнулись, а прилично так навернулись.

Я скрипнула зубами. Скажем так, мой вид был невероятно далек от идеала. Да что там вид, мое самочувствие едва ли дотягивало до уровня "сойдет" или более тривиального варианта "до свадьбы заживет".

Мой образ представляли темно-синие тона бархатного жакета простого кроя без рюшек, оборок, и прочей многослойности, с тремя перламутровыми пуговками. Юбка из твида. Маленькая шляпка, булавами пришпиленная к недопучку недопрически, с которой на лицо спускалась узорчатая вуаль, скрывающая последние события посещения пансионата. Руки были облачены в тонкие, длинные перчатки, дабы не шокировать общественность ободранными ногтями и татуировками, нежелающими пока никуда исчезать. Лечение кожного покрова я предпочла отложить до более удачных времен, когда прерывание регенерации органов не будет нести за собой смертельный исход. По возвращению в Старый город, я планировала забиться в какой-нибудь дальний уголок и откачивать себя зельями.

О, Свет, какова вероятность, что он оказался здесь случайно?

Не успел маг ступить и шагу, как к нему тут же подскочил Сонный Эл.

— Уважаемый ирум! — стягивая с мужчины плащ, радостно вещал хозяин. — Мы вас только к завтрашнему утру ждали. Я сейчас же прикажу подать вам горячих напитков и подготовить комнаты. Вы один? Без сопровождения? В такую погоду к нам прорвались, ну разве не чудеса?

Маг изобразил еще одну улыбку, и дав хозяину несколько указаний, двинулся в сторону нашего столика.

Я мысленно застонала. Внутренняя магия сделала скачок, устраивая сбой залечивающим заклинаниям и разделяясь на два потока.

Никаких сил! У меня не было ни единой капельки сил, чтобы сейчас противостоять этому человеку. Ни магически, ни физически, ни морально.

— Исчезли, — шикнула я на замерших ребят, как на маленьких мышат с любопытством разглядывающих приближающегося питона. — Оба.

— Но... — высказала сомнения Леда, прежде чем ирум Камден оказался у нашего столика.

Я понимала неуверенность адепки. Она не чувствовала как таковой угрозы от мага Воздуха. Парень со сверкающей улыбкой и беззаботным взглядом — какую угрозу он мог нести людям, прошедшим все круги Нижнего мира в пансионате Ковена среди Сестер Ковена? Тем более здесь, при свидетелях. А все дело в том, что я собиралась до последнего утаивать от Леды имя ее похитителя. В моем представлении — это был единственный способ оградить ее от пристального внимания лорда Геригона.

— Руми Латер, какой невероятный сюрприз! — Мягкий баритон и наигранная радость. Мужчина позволил себе бросить более пристальный взгляд на моих компаньонов. У Леды на лице проскочила дикая смесь паники и смущения. Райт замер, словно под заклятьем онемения. Он попытался слиться со стенкой и подавить в себе все признаки жизни. — Представьте меня своим юным спутникам?

Я подняла голову, сквозь вуаль ловя взгляд ирума Камдена, и мысленно проговорив три раза мантру "как же ты меня достал", вздохнула, и ответила:

— Конечно же. Ирум Камден, он же лорд Геригон, истинный маг Воздуха. Знакомьтесь — это руми Леда...

...я так и не спросила ее фамилию?...

— ...она...

...а вот меня покинула и фантазия!

— ...она сейчас возьмет ирума Райта и, они оба изобразят послушных адептов.

Попрощаются с нами, разойдутся по своим комнатам, и при этом не будут возражать.

Для пущей убедительности я еще раз пнула Райта. В этот раз парень понял меня правильно. Поэтому исчезновение ребят из зала произошло очень быстро, сопровождаясь лишь Ты-Мне-Все-Потом-Подробно-Объяснишь взглядом от Леды и неуверенным бормотанием Разве-Она-Не-Помолвлена от Райта.

Предо мной сидел один из самых опасных людей западной Империи. Я каждым отдельным волоском на коже чувствовала, как мужчина все взвешивает, анализирует, сопоставляет и делает выводы. Цепким взглядом он подмечал каждую деталь: мою не совсем удобную позу, наряд, не оставляющий почти ни единого оголенного участка кожи, амулеты, гармонизирующие состояние потоков, а также каждый неловкий жест.

У меня случались свидания и похуже.

Я так полагаю.

Правда сейчас я не на свидании.

Оглаживая пальцами ножку бокала с вином, из которого не было сделано ни единого глотка, я выискивала в мужчине внешние признаки демонической одержимости. Ауру прощупывать не решилась, полностью полагаясь на магическое зрение.

В ауре ирума Камдена не было каких-либо изменений, — не то что бы я знала, как она выглядела раньше, — но явных дефектов не наблюдалось. Мягкое, теплое, слегка голубоватое свечение с тонкими прозрачными прожилками и приглушенными серебристыми отблесками. Очень простая и невероятно мощная защита. Сквозь нее не прорвешься. Красота и чистота без каких-либо намеков на серию ритуальных убийств или годы кровавого демопоклонничества. Я попыталась сосредоточиться на собственных ощущениях, но тут все оказалось также пресно и приторно-нормально, под фирменным соусом внешней легкости и открытости.

Идеальная защита. Он полностью блокировался, оставляя меня в абсолютном неведении относительно своего появления. Маг не собирался позволять кому попало копаться в нем, дабы выяснить степень его зараженности демонической скверной. Оставалось только гадать, что происходило с душой ирума Камдена. Что там, несколько темных пятен или напрочь прогнившая сущность, умирающая с каждым вдохом носителя.

Молчание затягивалось.

Хозяин "Золотого счастливого" принес нам горячительные напитки. Маг молча кивнул трактирщику. Все также не произнеся ни слова, он принялся разливать по бокалам поданный напиток.

Я сдалась первой.

— Чем обязана?

Он ответил не сразу.

— Помнится, наш разговор не был доведен до логического завершения.

— Думается, что очень даже был.

Тонкие линии магии трещинками расползались по невидимому куполу, предназначенному для сокрытия предстоящего разговора. Под тихое потрескивание воздуха, серая рябь захлестнула купол волной, и невидимой пленочкой осела на его стенках.

Я мельком оглядела зал. Лунные жрицы вернулись к прерванному занятию. Сын торговца, поняв, что пришлый маг не составит ему компанию в вечерних возлияниях, заказал в комнату несколько бутылок вина и направился на второй этаж. Адепты, что бурно

обсуждали свои планы, неслышно шептались в дальнем уголке зала, продолжая с любопытством поглядывать в нашу сторону. Их интерес к возникшему заклинанию "Белого шума" старшего представителя магических искусств был весьма очевиден. Следующие полчаса парни потратят на споры, а стоит ли попробовать пробить защиту или хотя бы просканировать заклинание, проверив его на дополнительные элементы. Главным пунктом спора вставал вопрос: обидится маг на такое наглое вмешательство или очень сильно обидится?

— Вы его заметили? — Это был не столько вопрос, сколько утверждение. И удивления в нем было чуть.

— Кого? — не сразу поняла я.

— Мое заклинание.

Вот тут я задалась вопросом, насколько плотно вуаль скрывает мои глаза. Ничем другим себя выдать не могла. Мысли он не читал. Магических паразитов на мне не оставлял. Неужто тут сработала только наблюдательность?

— Я его слышала, — попыталась выкрутиться я, не желая посвящать мага в мои новоприобретенные способности магии Крови. Я и без того вызывала много подозрений. А так, объяснение выходило вполне сносным. Без магического зрения многие заклинания можно распознать с помощью органов чувств. Магию Воздуха, например, слышать и, если иметь определенную сноровку, распознать некоторые стандартные заклинания.

— Нет, не пытайтесь ввести меня в заблуждение, — растягивая гласные, словно мы на светском рауте в столице, ответил он. — Вы среагировали чуточку раньше. Вы смогли увидеть мое плетение, а потом проверили, кто еще в зале обратил на него внимание. Полагаю, это означает, что вы вернули Свет?

— Нет. — В моем ответе должно было звучать какое-то пояснение, но вымотанная и невероятно усталая, с глубоко залегшими под глазами тенями, коих не скрывал даже тщательно наложенный Ледой макияж, я совершенно не хотела держать маску безразличия или же вступать с Камденом в игру.

"Держись, — напомнила я себе. — Если он почует, что ты слабый игрок, по стеночке кровавой лужицей размажет."

— Свет не единственная магия, которую я могу себе позволить, — я сопровождала это высказывание легкой улыбкой. Поддерживать интерес — это еще один способ не дать пустить себя в расход. С какой бы целью мужчина здесь не оказался, и какие бы решения не принял, я должна была поддерживать в нем некоторые сомнения на свой счет. Однажды это позволит мне выиграть пару секунд, которые иногда стоят чьей-то жизни. — Как вы меня нашли?

— С благословения Стихий, не иначе. — Мужчина кивнул в сторону окна, обращая внимание на завораживающие вихри снежинок, рассыпающиеся на ветру перламутровой вуалью. Аномально долгая метель в этих краях, — как сказал хозяин, — такого уже лет пятнадцать не случалось с тех пор, как маги Нового города стали приглядывать за погодой в близлежащих селениях. — Вы столь поспешно покинули город... Я заволновался, что был с вами несколько груб.

— Появились дела нетерпящие отлагательств, — остановилась я на нейтральном ответе.

— Руми Винтер, — понимающе кивнул маг. — В прошлый раз вы о ней меня спрашивали. — Мужчина глотнул вина, чуть недовольно поморщившись от горького послевкусия. Большинство вин "Золотого счастливчика" доставлялись напрямую из

винокурены юго-западных равнин, где тамошние виноделы использовали особую технику отжима, из-за которой напиток обладал большим количеством полезных веществ, сравнительно со своими собратьями, что также отражалось на его вкусе. — Вижу поиски увенчались двойным успехом. Виновные найдены?

Я не могла определить, знал ли он что-нибудь о событиях в пансионате или просто притворялся. Это праздный интерес или попытка пройтись по больному? В любом случае, это заставило меня на окунуться в прошлое и вновь заглянуть в затухающие глаза веллады Алесы. Жизнь отданная зазря. Жизнь, взятая из прихоти.

Острый укол вины прямо в сердце — лучшее лекарство для того чтобы собраться с духом.

— Найдены. Ничего криминального. Обычная бюрократическая ошибка.

Маг удивленно вздернул брови:

— В самом деле? — в его глазах мелькнула искорка любопытства. Видимо, для людей, которые привыкли к закулисным играм простое стечение обстоятельств подобно чуду. — Это и правда обычное совпадение или одно из тех, которые случаются только с вами?

Я развела руки в сторону, признавая власть Высших Сил.

— С трудом верится, — позволил себе усомниться лорд Геригон, но опровергнуть мое заявление ему было нечем. Его взгляд скользнул в сторону и начал блуждать где-то рядом со мной. Я едва подавила в себе желание обернуться и посмотреть, что же его могло заинтересовать.

— Так ради чего столько усилий? — В очередной раз спросила я. Разговор стал напоминать светскую беседу, и это безумно раздражало. У нас здесь не дружеская встреча. Он меня искал. Он воспользовался сильным и энергоемким заклинанием, чтобы задержать меня именно здесь, на полпути от Нового города, подальше от лишних ушей и без возможности куда-то сбежать. И вот теперь он сидел напротив меня, ограничиваясь общими фразами, и все никак не переходя к делу. — В прошлую нашу встречу речь шла о шантаже. Мое молчание о вашей роли в жертвоприношениях взамен на ваше молчание о... каких-то грязных фактах из моей биографии, которые вы на тот момент еще даже не нашли. Что вы хотите от меня на этот раз?

Пока я говорила, мужчина продолжал находиться в странном состоянии безмятежности и легкой эйфории, словно выпитый бокал вина был за сегодня далеко не первым. Иначе я не знала как объяснить играющую на его губах улыбку и мягкий взгляд с едва заметной ноткой снисхождения.

— Это похоже на наваждение, — поделился со мной маг.

— О чем вы? — я отчаянно отслеживала каждое крохотное изменение в его поведении, как и любое магическое колебание вокруг, чтобы суметь разобраться, с чем же (или с кем?) мне приходится иметь нынче дело.

С замершим сердцем я проследила за тем как мужчина наклоняется ко мне и протягивает руку. Ожидая, что в любой момент на кончиках его пальцев вспыхнут искры смертоносного заклинания, я напряглась. А он просто подцепил уголок моей вуали, откидывая ее назад, цепляя за край миниатюрной шляпки. Теперь мы выдели друг друга без черной сетки иллюзорного барьера.

— Он воспринимает вас иначе, — его голос зазвучал нежным, скользящим бархатом, пропитанным медленнodelствующим, мучительным ядом. — Это так... странно. Как при использовании магического взгляда. Один слой реальности накладывается на другой. И

это... — он коснулся моей скулы там, где под слоем пудры был скрыт порез. Не успела я молча задохнуться от возмущения, как маг, словно обжигаясь, с тихим шипением отнял руку, откидываясь назад на спинку кресла. — Это превращает вас в красивую, идеальную картинку, лишенную каких-либо изъянов. Каждая черточка лица, изгиб тела — оборачиваются произведением искусства. — Растирая пальцами следы косметики, оставшиеся на руке, он продолжил с некоторой злостью: — Заставляет задуматься, верно?

— О чем? — тихо выдохнула я, прижимая кончики пальцев к тому месту, где только что была его рука. Щека пылала огнем.

— Чья картина мира правильной отражает реальность.

Сердце сжалось в болезненном надрыве. Я не выдержала и сделала глубокий глоток вина, чтобы слова не вырвались наружу, открывая больные точки. Только чтобы не спросить "как он там?" или "что еще он обо мне говорил?"

— Он — демон. — Жестко напомнила я нам обоим. Глоток вина отравой скользнул по горлу. Магия внутри недовольно оскалилась. — Его взгляд на мир может быть каким угодно, только не правильным. Скорее всего, он делает то, что обычно делают демоны — искушает вас.

Чуть усмехнувшись он отзеркалил мой жест с бокалом вина:

— Вами?

Надеюсь, что нет.

— А вас можно мною искушить? — с наигранным удивлением вздернула я брови, в то же мгновение жалея о произнесенных словах. Если меня этот вопрос позабавил, то Камдена заставил задуматься. Всего на пару мгновений, но во взгляде мага промелькнуло некое сомнение. Он чуть встряхнул головой, отбрасывая лишние мысли. Окинул меня намеренно-долгим оценивающим взглядом, одаривая опасно-жесткой улыбкой.

— Попробуйте, — прозвучало как приглашение. На которое я почти повелась. Потому что всегда веду на подобные предложения. Но не в этот раз. В это раз нет азарта игры. Нет желания сладостной победы. Хватит, потешила свое самолюбие. Добилась желаемого любой ценой. Просто так, без раздумий, без правильной оценки и без соблюдения кодекса чести.

С подозрением глянув на бокал с вином, я вмиг посерьезнела:

— Вы составили оценку моей личности?

Вино. Это был мой любимый сорт: пряный, плотный, слегка сладковатый и с отчетливым послевкусием горечи. Я редко позволяла его себе. Не потому что он стоил баснословных денег. Вовсе нет. Его мог позволить любой горожанин средней руки. Но продавалось оно только в этой части Империи. Не всем по нраву горьковатый вкус. Не позволяя себе иметь отличительные черты, в обществе я отдавала предпочтение сладости десертным винам с более слабым букетом. Я никому об этом не говорила. И за все годы ни разу не заказывала своего фаворита в Старом городе.

— Помимо прочего, — шутливо отсалютовал маг, правильно оценив мое смятение. — Я же вас предупреждал. — Он взболтнул бокал, проследивая взглядом за стекающими дорожками бордовой жидкости по стеклянной поверхности стенок, и позволил себе заметить: — Хотя я ставил на клубничный ликер. Знаю-знаю, банальный выбор, но в свое оправдание хочу сказать, что тогда я еще не был с вами так хорошо знаком. — Мужчина по-особенному выделил слово "так", на тот случай, если я вдруг еще не успела должным образом оценить всю безысходность положения.

— Отлично, — выдохнула я, всем видом показывая принятие поражения. — Вы

выяснили мое местоположение, мои слабости, мое любимое вино, конфеты, цвет и все в этом роде. Я поняла.

— Нет, руми Латер, — с внезапной серьезностью, никак не вяжущейся с предыдущим разговором, возразил лорд Геригон. — Вы меня не поняли. Вы все еще принимаете происходящее за игру. Считаете, что сможете избежать последствий. Я здесь для того, руми Латер, чтобы продемонстрировать тщетность любых ваших попыток на спасение.

Я недовольно скрипнула зубами.

— Переходите к сути. Чего вы хотите? — наверное в сотый раз за вечер спросила я. — Зачем вы здесь?

— О, вы непременно это скоро узнаете, — мужчина бросил взгляд в сторону окна. Я вслед за ним повернула голову, и, не обнаружив ничего достойного внимания, вспыхнула:

— Ой, да просто скажите!

— Обязательно скажу, как только вы будете готовы меня выслушать.

Щелк!

С этими словами мужчина неожиданно встал и направился к выходу. Я смотрела в удаляющуюся спину ирума Камдена и лихорадочно прокручивала в голове наш диалог. Что-то произошло. Только что? Я это упустила.

Еще не до конца осознавая своих действий, я бросилась вслед за магом.

Мышцы протестующе застонали.

— Ирум Камден! — позвала я.

Треск. Шум. И снова треск. Страшной силы грохот прокатился по стенам со стороны улицы. Зазвенели стекла. Застонали сдерживающие заклинания. Двое парней — адептов, отскочили от окна, ожидая, что вот-вот неизведанной мощи стихия обрушится на них. Лунные жрицы бросили карты, и молниеносно схватились за руки. Кто-то из них прошептал:

— Стихия гневается. — В полной тишине голос прозвучал пугающе-громко, на грани пророчества.

— Это магическая буря, — неуверенно возразил один из адептов, и ища поддержки повернулся в нашу сторону. — Последствие отката или прорвавшегося источника силы.

Из задней комнаты показался хозяин. Перепуганный, с огромными просящими глазами, утирая потускневшим, некогда белым платком, лысину. Заметив недавнего пришельца, направляющегося к двери, он бросился к лорду Геригону чуть ли не под ноги.

— Ирум маг, возможно ли что-то...? — он не договорил, неловко оборвав фразу. Вряд ли он сильно разбирался в магии, но даже с таким уровнем, мужчина понимал — происходило что-то неладное.

Камден остановился, едва не врезавшись в толстячка, и в той же невозмутимой манере, что и всегда, ответил:

— Не переживайте, ирум Эл, — он стоял ко мне спиной, но я поняла, что следующие слова были сказаны для меня. — Здесь нет такой силы, с которой я не сумел бы совладать.

С легкостью обогнув замершего хозяина, Камден уверенным шагом направился к выходу.

— А как же ваш плащ? — спохватился Сонный Эл, но Камден уже исчез за закрывшейся дверью. — Руми Латер, а вы-то куда в таком состоянии? — всплеснул он руками, когда я рванула вслед за аристократом.

Дверь закрылась со страшным грохотом, придавленная мощным порывом ветра. Я едва устояла на ногах, чего нельзя сказать о моей шляпке. Обезумевший воздушный поток

призрачными когтями вцепился в мою прическу, выдирая крохотные шпильки, удерживающие всю конструкцию головного убора. Вуаль прощаясь мазнула меня по лицу шершавой тканью, и мгновение спустя исчезла вдалеке укоризненно-черным пятном. Отросшие локоны волос мягко скользнули по лицу и шее, напоминая о необходимости укоротить длину непокорных прядей.

Дыхнуло острой свежестью. Закат окрасил сбившиеся сугробы в кровавые тона. На мельтешащих снежинках заиграли алые блики. Пробивающиеся потоки уходящего солнца струились сквозь плотные заслоны снега, впиваясь голодным зверем в тающую белизну.

Мне стало дурно. Я сморгнула налетевший морок, замерев на краю запорошенной дорожки. По периметру трактира развивались обрывки порванных в клочья заклинаний. Белесые нити таяли на глазах, растворяясь и утекая вглубь разбушевавшейся стихии. Та тонкая грань, что сдерживала неестественное буйство природы от немедленного уничтожения двухэтажного дома с двумя десятками людей в нем, была пройдена. Сейчас только чужая воля удерживала бурю от возведения ледяной гробницы на месте полуторастолетнего обладателя "синей ленты".

— Прекратите. — Я прислонилась спиной к двери. Ноги совершенно не держали, а внутренние потоки магии буквально взбесились под гудящем давлением непоколебимой силы.

Камден стоял напротив меня, вызывая стойкое видение прошлого. Много, очень много снега. Тяжелые, нависшие над головой тучи. Пронизывающая стужа, затягивающая на порог к смерти. Гнетущее, принуждающее чувство, толкающее под контроль опасной, потусторонней сущности. Только в этот раз передо мной не бывший муж, который хоть и принял силу демона, но все еще испытывал ко мне некую привязанность, мешающую раз и навсегда оборвать жизнь той, кто его предал. Нет. Мне предстояло иметь дело с человеком, который без малейшего колебания мог прервать мое существование в этом теле, но почему-то медлил.

— Ирум Камден, — вновь позвала я, вглядываясь в холодные, безжалостные глаза демонопоклонника. Магия Воздуха обволакивала его искрящимися потоками силы, доверчиво льнущими к его рукам. — Лорд Геригон. Чтобы вы не собирались сделать — остановитесь.

Я жалась к двери, крепко обхватив себя руками и стараясь удержать крохи тепла. Мужчина продолжал молчать, никак не реагируя на сказанные слова. Треск заклинаний постепенно перерастал в болезненные всхлипы. Камден собирался разорвать это место в клочья. А я не знала, как ему помешать. Видит Свет, я даже не представляла, что на него нашло! Он ведь так ничего не сказал! Ничего не предлагал, не угрожал, не спрашивал! Чем я его разозлила, что он решил отыграться на местных?

Нет, нет, нет, Китра. Узко мыслишь. Он не в порыве эмоций устроил ледяную тюрьму. Он спланировал это заранее. Это его способ быть услышанным.

— Блеск!

Я с трудом оттолкнулась от двери и шагнул к мужчине навстречу. По снежной тропе, сквозь вымораживающие насквозь потоки холода, прорывающиеся под жакет, впивающиеся в беззащитную плоть, вступающие в борьбу с внутренним, болезненным жаром магии Крови, лавой, растекшейся по венам, в отчаянной попытке залечить внутренние повреждения.

Самые тяжелые пять метров в моей жизни.

— Лорд Геригон, — вновь позвала я, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки. —

Чего вы хотите?

Неправильный вопрос. Ошибочный.

Сзади раздался грохот. Я обернулась. Брызги колючего снега резанули по лицу. Белая лавина обрушилась на крышу дома, проламывая черепицу. В противоположной части от того места находились наши с Ледой покои. Надеюсь, эти двое догадались спуститься на первый этаж.

— Лорд Геригон, — почти умоляюще попросила я, вновь повернувшись к нему. Это был определенно он. Ни единого следа демона. Все действия принадлежали человеку. — Я правда не понимаю...

Я обдумывала все варианты. Я готова была в очередной раз поставить жизнь под угрозу и воспользоваться магией Крови, но у меня катастрофически не хватало сил на тот простой ритуал блокировки чужой магии. Да что там магия? У меня не было возможности даже получить каплю его крови!

Деревянный забор позади мужчины покосился. Несколько досок вырвало с корнем и швырнуло в стену. Маг оставался непоколебим. Только внимательный, хищный взгляд, давал знать, что передо мной стоит живой человек с настоящими чувствами и эмоциями. Человек, которому не чужды гордость и эгоизм, и прочие темные слабости. Который жаждет силы и власти. Привыкший получать желаемое.

Вот чего вы хотите, лорд Геригон?

Я подняла голову, чтобы видеть его глаза. Чтобы он видел в моих свое отражение. Невероятно долго, почти болезненно, но с той, почти невозможной искренностью на которую была способна, я сделала крохотный шаг вперед, кладя свою руку ему на грудь. Туда, где должно было биться сердце. Маг не отстранился, не вздрогнул. Никак не проявил своего отношения к столь фривольному поступку: ни одобрения, ни осуждения. Иначе говоря, молчаливое дозволение.

— Ирум Камден, — тихо позвала я, чтобы инстинктивно он был вынужден снизить шум ветра, дабы слышать дальнейшие слова. Я не могла изобразить сдающуюся или признать свое бессилие. Но когда-то давно я умела проявлять доверие. Прятаться за широкую спину мужа и просить защиты. Не потому что не была способна за себя постоять. Так я выказывала свою потребность в нем. Ту любовь, о которой не всегда могла сказать словами, но которую он всегда принимал. Которой был связан также сильно, как и я. Вот какую власть я признавала и с которой умела вести переговоры.

В лорде Геригоне была похожая струнка души. Жесткая, острая, непокоренная, жаждущая подавлять чужую волю. И она понимала только один единственный язык — язык подчинения.

— Что вы хотите, что бы я сделала?

Вот так звучит правильный вопрос, Китра.

Светлые, голубые глаза, покрылись серой поволокой. Кончики моих пальцев подрагивали в отчаянной попытке считать ритм его сердца.

— Вы расскажете мне все, Китра. — Он крепко обхватил мое запястье, сдергивая с руки бесполезную перчатку, теплой рукой накрывая мою ладонь. О, в этом жесте и близко не пахло нежностью или романтикой. Всего лишь проявление обычного доминирования. Маленькая проверка, где моей обязанностью было подчиниться, приняв его покровительство.

Да, Китра, с тобой такое уже было. Так что держись покрепче, и попробуй в очередной

раз не сломаться.

Зал аплодировал. Хозяин поспешил броситься к магу с благодарностями. Невнятная похвала досталась и мне. Когда буря прошла по крыше дома, все постояльцы поспешили спуститься вниз. Даже пожилая руми со своей сиделкой решили переждать обострившиеся погодные условия в общем зале у камина. Кутаясь в теплую шаль, она одобрительно кивнула в честь нашего возвращения, и вновь отвернулась к согревающему огню.

Леда и Райт настороженно замерли у окна выходящего аккуратно на дорожку, где минуту назад стояли мы с лордом Геригоном. Леда хотела шагнуть мне навстречу, но адепт ухватил ее за руку не пуская ко мне, за что я была невероятно благодарна. Он принялся что-то быстро нашептывать девушке на ухо. Она же продолжала немигающим взглядом смотреть на нас с магом, и, кажется, совершенно не слушала Райта.

Метель закончилась. Стих ветер. Хлопья снега плавно кружились в последнем танце, оседая очередным сверкающим слоем на пушистые сугробы. Небосвод прояснялся. Сквозь тающие тучи проглядывали закатные лучи уходящего солнца. Завтра на рассвете все смогут спокойно отправиться в путь по своим делам.

Или нет.

Я не знала, как долго мы простояли на улице, пока ирум Камден успокаивал собственноручно созданную снежную бурю, но даже оставаясь в поле его согревающей ауры я успела замерзнуть. Из-за сильного давления чужой магии мои внутренние каналы пытались скрутиться в узелок, разжигая по телу очаги боли.

Должно быть я совсем спала с лица, потому что когда Сонный Эл подал магу его меховой плащ, мужчина без колебаний набросил его на меня. Я же во все глаза уставилась на Леду, мысленно умоляя ее ничего не предпринимать.

— Я растоплю камин пожарче, — суетливо предложил хозяин, оценив мой жалостливый вид.

— Не стоит, — остановил его маг. — Несколько лечебных заклинаний и милая руми будет в порядке.

"Несколько лечебных заклинаний милую руми добьют, — устало подумала я, но вслух возражать не решилась."

Словно прочтя мои мысли, мужчина внезапно добавил:

— Впрочем, горячее вино со специями для восстановления сил не помешало бы. У вас есть частные залы? — Я испуганно вздрогнула. Хватка на моем плече стала жестче. — Для деловых встреч или переговоров. Что-то такое всегда бывает...

Хозяин радостно закивал, указывая в сторону коридора.

— Конечно-конечно, сейчас провожу. — Заторопился толстячок к выходу. — Там тоже есть прекрасный камин. Живой огонь — всегда как-то лучше.

Я позволила лорду Геригону отвести себя в предложенный зал. Он был невелик и вряд ли мог уместить больше десяти человек. Большую часть противоположной от входа стены с двумя окнами занимали миниатюрные джунгли из очень и очень ухоженных растений. Два дивана расположились друг напротив друга, рядом с камином у стен справа. На столике стоял графин с какой-то золотистой жидкостью и несколько бокалов для коньяка. Камин

работал от чармы, так что полыхнул в то же мгновение, как Сонный Эл произнес "слово-ключ".

Маг усадил меня на диванчик и присел рядом. Под белоснежной меховой накидкой я все еще дрожала: то ли от уличного холода, то ли от болезненного озноба магии Крови, то ли от того, что находилась совершенно в безвыходном положении, практически сдавшись на милость лорда Геригона. Конечно же маг принял мое недомогание на свой счет.

— Можете не волноваться за свою жизнь, Китра. — Произнес он, когда двери за хозяином закрылись. Меня едва не передернуло от такого обращения к себе. — До тех пор, пока будете говорить правду.

Я искоса глянула на него и у меня вновь разболелась голова. Все нутро протестовало против подчинения этому человеку: убийце и демонопоклоннику. Он угрожал людям в гостинице, тем, кого я пообещала защитить и мне. Хуже всего, что я не имела возможности призвать его к ответственности. Он все ближе и ближе подбирался к моей тайне, и только Свету известно, что он вознамерится провернуть, получив знания Калеба.

— Что вы хотите знать? — наконец, спросила я, устало прикрывая глаза. У меня не было сил ни к моральному, ни к физическому сопротивлению. Я просто хотела, чтобы все поскорее закончилось, и я могла лечь спать, а утром этот день оказался очередным кошмаром. Ему нужен был поверженный противник — вот она я.

— Я разговаривал с вашими родителями.

— Что?! — адреналин выбросился в кровь, повышая давление. — Как? Когда?

Я повернулась к ируму Камдену в отчаянной попытке выяснить, не решил ли он меня таким образом разыграть. Но куда уж ему до таких шуток? Он не блефовал. Обещал нарыть всю возможную информацию, вот, пожалуйста. И ни разу его не волнует, что покинула я родной дом не достигнув совершеннолетия, отказавшись от семьи и от титула. Или что в Ордене Света все данные о прошлом подчиненных, пришедших в Свет — строго засекречены.

— Не далее, как пару дней назад. — Пламя огня, свирепствующее в камине, золотыми отблесками бушевало в его глазах, но даже оно было не в силах растопить скопившиеся в них пласты северного льда. — На удивление милая, пожилая пара. Кто бы мог подумать? Рассказали занимательную историю о вашей родословной. В доимперские времена ваша семья, за некоторыми исключениями, занималась искусством. Титул дарован вашему далекому предку за высокие заслуги перед Императором Тенри I в первые годы основания Империи. Семья Фольмуд успела сохранить свой статус до нынешних времен, несмотря на то, что за не четыреста семьдесят два года в ней не родилось ни одного истинного мага! Предпринято семь попыток по вливанию свежей магической крови, но все безрезультатно. На редкость бездарная семья. Но самое интересное не это. Приблизительно раз в две сотни лет в роду рождался ребенок, обреченный на лунное безумие. Не достигнув совершеннолетия он покидал родной дом, предварительно отказавшись от своей семьи и титула. Ничего не напоминает?

"Да когда ж это все кончится? — мысленно взмолилась я. — На кой демон он вообще полезен в родословную моей семьи?"

— Обычно такие истории изымаются из родовых архивов. — Усмехнулся лорд Геригон. — Мне стоило немалых трудов выяснить эту информацию. Два случая — еще не закономерность, даже если прибавить вас и считать третьим. Но сохранилось кое-что и с доимперских времен. Два официально задокументированных случая лунного безумия с

аналогичным исходом и два неподтвержденных. Больше всего мне понравился слух о юной деве на рубеже становления Империи, подавшей в Сестры Крови. Интересная ситуация вырисовывается.

Это должно было стереть всю краску с моего лица, если бы на нем осталась хоть одна капелька крови. Но холод и недомогание сделали свое дело.

Да как же так? Как он все это узнал? Почему обратил внимание именно на эти факты, а не на то, сколько в нашем роду бастардов или людей с подозрительной сексуальной ориентацией? Мало просто искать сплетни. Надо знать, что именно искать! Вот какого демона он... Хотя, какого демона? Ясно же какого!

— Вы говорили с ним, — догадалась я, стискивая кулаки на коленях. Вот оно что. Я все пыталась разглядеть в мужчине признаки одержимости. Последствия демонического вмешательства. Но ничего не было. Совершенно обычный, ни чем не примечательный маг — эгоистичный ублюдок в своей естественной среде обитания. Без каких-либо темно-магических вмешательств. Только вот слова чужие... — В каком он состоянии?

Я не должна была этого спрашивать.

Ничего из этого вообще не должно было происходить.

— С вашим маленьким семейным проклятьем? — мужчина откинулся на спинку дивана, с садистским удовольствием разглядывая ту боль, что скопилась в моих глазах. — Я бы мог ответить, но сегодня — как и во все следующие наши встречи — на вопросы отвечаете вы.

Следующие встречи... Это он загнул. С такими приключениями я до следующей могу не дотянуть.

Маг поговорил с демоном и теперь хочет услышать, что расскажу я. Он проверяет нас обоих. Хороший ход, чтобы понять, насколько сильно его действия меня подкосили, и выяснить кто и в чем недоговаривает. Знать бы, что поведал мой бывший. Явно не все, иначе бы разговор проходил не здесь, а в личных казематах лорда Геригона. Демон — не дурак, а его ход мыслей мне известен.

— Дневник, который вы нашли, принадлежал моей семье, — начала я.

...А именно — моему мужу...

— Примерно тысячу лет назад в семье Фольмуд родилась девочка с лунным безумием. Никто ей не мог помочь справиться с этой болезнью, а она не была способна отдавать отчет своим действиям. И в один прекрасный день призвала демона...

...встретила красивого, воспитанного, милого юношу...

— ... Как и все демоны, он выбрал себе красивое человеческое обличие. Он обладал безупречными манерами, чувством юмора и был невероятно умен. А еще, невероятно жесток, самовлюблен и эгоистичен. Со временем он сумел очаровать девушку и влюбить ее в себя...

...со временем? Хватило ровно три секунды, чтобы навсегда пропасть...

— ...Из-за своего недуга (влюбленность или безумие, выбирайте сами) девушка не замечала за демоном этих качеств. Хотя ее подруга не раз пыталась обратить ее внимание на странное поведение будущего мужа...

...В том заведении у всех были явные психо-магические отклонения. Там все вели себя странно. Эрин лежала с постмагической депрессией, ее будущий парень со сбитым контролем доминирующей Стихии. Пойди пойми, что из этого симптомы болезни, а что характер...

— ... Но когда ее подруга пропала при загадочных обстоятельствах...

...три воплощения спустя...

— ... Девушка внезапно прозрела...

...скорее наоборот, легкое безумие превратилось в параноидальное расстройство личности...

— ... и поняла, о чем ее предупреждали. И что тот, кто ее предупреждал, как раз и пострадал от рук этого демона...

...Он так и не признал свою причастность к исчезновению Эрин...

— ... Тогда она решила избавиться от демона, заточив его в Дневник...

...Для чего потребовалось еще одно воплощение, годы в Учебке Сестер Кров, и помощь оставшихся членов нашей экспериментальной пятерки. Даже удивительно, что мне так легко удалось уговорить Калеба...

— ...Заточить демона легче, чем навсегда от него избавиться. Видимо, он наложил какое-то проклятье...

...Одна сплошная ложь...

— ...из-за чего в нашей семье рождаются вот такие отщепенцы, как я...

...а точнее, все те отщепенцы в нашей семье и есть я. Мои воплощения, которые я каждый раз маскировала одним и тем же способом, думая, что их невозможно отследить...

— ...у которых есть особая связь с этим демоном. Видите, лорд Геригон, все до ужаса банально.

Абсолютно нечитаемый взгляд и холодный, как зимняя ночь, голос:

— Жаль, я думал мы сумели договориться, — он еще только заканчивал предложение, а я уже поняла, что сейчас на меня обрушится одно из заклинаний, которое я пережить не смогу. Вряд ли мужчина понимал, в каком бедственном положении находится мой организм, и что любое магическое воздействие может оказаться фатальным. Поэтому пришлось идти на опережение.

— Лорд Геригон, — я скинула с себя накидку, чтобы схватить его за руку. — Ирум Камден, послушайте меня. Я не лгу.

Я сжала теплую ладонь мужчины с некоторой досадой осознавая, что кожа его рук гораздо нежнее и ухоженней моих. Ирум Камден скользнул взглядом по "замку" пальцев, и говорящим взглядом уставился на меня.

— Обольщение — не ваш конек, Китра. Иначе в свои тридцать четыре вы были бы уже замужем.

Соблазнение — не мой стиль. Покорять мужчин красотой, женственностью или аппетитными формами, — даже близко не стоит к моему профилю. Я умела любить. Любить одного единственного человека. Быть его частью. Существовать в нем. Жить им. Если его не было рядом — не было и меня. Он выходил из комнаты и я пропадала. Знаю, отдает мелодраматическими соплями и розовой ватой, но на поверку оказывается суровой реальностью со сломанной личностью и тяжелым нервным расстройством.

Это работало в обе стороны. Он — мой мир. Я — его личный вид смертельного вируса. Где-то там, за обликом лорда Геригона, тлело сознание моего злобного демона, который попросту не умел не отзываться, когда я просила его покровительства. Чтобы не задумал светловолосый аристократ, какие бы ловушки и запреты не установил, не было такого заклинания, способного остановить демона, когда его звала я.

Остро запахло корицей. Легкий сквозняк взметнул волосы, пробежав мурашками по

оголенной шее. У меня замерло дыхание, лоб покрылся испариной. Я не ожидала, что так быстро...

— Простите, — из приоткрывшейся двери появилась лысая башка хозяина гостиницы. — Я ничему не помешал?

Я шумно выдохнула.

На низкий столик опустился поднос с глиняным кувшином на узкой ножке, пара бокалов, блюдо с нарезанными фруктами и несколько чашечек с медом. Я оценила принесенные яства и поняла, что выпитое ранее вино уже лишнее, и добавлять в себя что-то помимо сна, чревато.

Хозяин спросил, не хотим ли мы чего еще, и поспешил удалиться, когда лорд Геригон заверил, что более мы ни в чем не нуждаемся.

— Я ожидал большего ума от женщины, уничтожившей алтарь демонопоклонников, одолевшей Сестру Крови и проникшей в мой особняк незамеченной.

— Посланник Света. В первую очередь, я все-таки посланник Света, — я крепко стиснула зубы. На что надеялась? Я давно не в том состоянии, чтобы затевать подобные игры. Аховая из меня актриса для роли первого плана. Мое место за кулисами... рядом с креслом руководителя театральной постановки. — Сражаться с любыми проявлениями Нижнего мира — наша прямая обязанность.

Мужчина поморщился и на его лбу пролегла маленькая морщинка. Образ молодого мага пошатнулся. Реальность прошла мелкой рябью. Красные пятна поплыли по комнате. Зрение, без моего непосредственного участия, несколько раз скакнуло на магический взор и обратно. В висках запульсировало с удвоенной болью. Я снова почувствовала запах корицы, но в этот раз он показался мне каким-то противным и мерзким: теплый, пряный, сухой, жгучий, резкий и сильный.

"Только бы не обморок, — успела подумать я, сжимая руками голову."

Дребезжание воздуха. Перезвон колокольчиков. Мурашки по всему телу. Покалывание на кончиках пальцев. Удушливый аромат трав. Уплывающее в далекие края сознание. И могу поклясться, что слышала лошадиное ржание — нечто новое в списке моих галлюцинаций.

Голова разрывалась на части под нападками обжигающей магии, алыми цветками боли, взрывающимися праздничной цепочкой фейерверков. К боли можно привыкнуть. Но лучше перекрыть ее другой, той, которую ты можешь контролировать.

— Смотри на меня, — приказной тон. Кто-то с силой разжимал мои пальцы, которыми я успела вцепиться в волосы.

Кто-то... ясно кто, не лошадь же.

— Ну же! Смотрите на меня! — по разгоряченной коже пронесся поток морозного воздуха. На мгновение мне стало легче, а потом шипастый жгут разрывающей на части боли скрутил меня вновь. Я попыталась уйти от сдерживающих прикосновений, но маг держал крепко, стараясь стабилизировать мое состояние. Он явно не понимал причин, по которым мне становилось только хуже.

— Хватит, — прошептала я, в надежде, что мужчина сможет разобрать слова. — Не надо магии.

Он услышал. Магия стихла. Пальцы ирума Камдена осторожно прошли по замаскированным на лице шрамам. Я могла наблюдать изменения в его лице, когда мужчина до чего-то додумавшись, закатал рукав на моей левой руке, обнажая черные узоры магии Крови.

— Что вы с собой сделали? — потрясенно спросил он. Воспитание и огромный опыт в темномагических искусствах, не позволили ему выругаться при руми, но все не сказанные слова читались на его лице. Выводы он сделал в лучших традициях первоклассных целителей: — Вы с ума сошли?

Отвечать я не стала. Так ему и надо. Нечего угрожать слабой и беспомощной женщине. Пусть теперь вот с этим сам мучается.

— Выпейте, — ирум Камден поднес к моим губам бокал с теплым вином. Я мотнула головой, отодвигая предложенное питье и недовольно морщась: вот откуда этот противный запах. С напитком явно что-то не то, почему мужчина этого не чувствует?

Заставлять мужчину не стал. Понял, что алкоголь в такой ситуации — худшее решение проблем. Маг поставил бокал на место, одобрительно хмыкнув что-то похожее на "хищник". Что он имел ввиду, я предпочла не уточнять. Дав минутку отдышаться лорд Геригон вернулся к разглядыванию моих временных татуировок.

— Решили податься к Сестрам, раз Свет нынче не благосклонен?

— Женщина должна иметь возможность себя защитить.

— Посланник Света без Света, но с магией Крови. В изысканности развлечений вам не откажешь... Демон предупреждал меня об этом.

— Демон? — я набралась сил оторвать взгляд от собственных коленок, и посмотрела на ирума Камдена. Он считывал мои движения. Запоминал реакции. Разбирал их по кусочкам и собирал вновь, клея на них пояснительные бирочки.

— Теперь вы на меня смотрите, — усмехнулся он. — И для это понадобилось всего ничего — один демон.

— Он говорил, что я отправлюсь к Сестрам Крови? — шумно сглотнула я.

В прошлый раз я отправилась к Сестрам за помощью, чтобы заточить его душу в Нижнем мире. Что же получается теперь, я встретила бывшего мужа и вновь ринулась к Сестрам. Какие-то нехорошие параллели прорисовываются. Не решил бы мой любимый демон, что я против него предприняла какие-то меры.

— Нет, Китра. Он сказал, что вы отправитесь в Ковен. Про Сестер Крови — это уже ваши уточнения.

Блеск! Вот так, на ровном месте!

— Больше всего меня поражает, что вы своего добились, — внимательно осмотрев магический узор, мужчина осторожно дотронулся до него подушечкой указательного пальца. — Об этом мы тоже с вами поговорим. Не сегодня, не беспокойтесь. И прошу, не надо никаких глупостей. Не играйте со мной. Демон все о вас рассказал. О том, как вы думаете, как себя ведете, что любите и что ненавидите. Ваши слабости и ваши привычки у меня как на ладони. Я могу просчитать ваши ходы на пять шагов вперед. В вашей головке мысль еще не зародилась, а я уже приготовил для нее контрмеры. А в случае, если я не смогу разобраться в ваших действиях, мне всегда на помощь придет он.

— В самом деле? — разозлилась я. — А этот демон в курсе, что вот именно за это его и заточили в Нижнем мире?

— За раскрытие чужих секретов?

— За то, что много умничал, — прорычала я, надеясь, что где-то там он меня слышит. А я его еще жалеть вздумала? Ха! Нет ну надо же так?! Ладно бы решил убить, так нет же! Разболтал все! Чего ему в Нижнем мире не сиделось и не молчалось?

— Сдаваться вы все равно не собираетесь, — резюмировал маг. — После всего, что я

рассказал и после того, как вы видели мои силы в действии, своего решения вы не измените. — Он не спрашивал, он утверждал. — Это упрямство вам дорого обойдется. — Ирум Камден кивнул на шрамы, подразумевая мое состояние в целом. — Уже обошлось. Неужели это так сложно — принять покровительство сильного мужчины?

— Не сложно, — ответила я, чувствуя, как нарываюсь на очередную проблему. — Просто этот сильный мужчина — не вы.

Он смерил меня непроницаемым взглядом, и потянулся к бокалу. Сделав большой глоток, мужчина неприязненно поморщился.

— Вы даже не представляете, что я с вами сделаю, когда получу всю нужную мне информацию.

Я улыбнулась:

— Знаете, почему вам со мной не справиться, даже на пару с новым дружкой? — сейчас я обращалась к ним обоим. — Вы не очень хорошо разбираетесь в винах из придорожных гостиниц.

— Я предпочитаю более изысканные напитки. К чему это лирическое отступление?

— Действительно, к чему? Я вам кое-что не рассказала, ирум Камден. О том, как слабая, безумная девушка сумела заточить хитрого и могущественного демона.

Маг нахмурился:

— И как же?

Невнятное чувство угрозы. Неправильность. Не состыковка исходных данных и конечного результата. Сейчас мужчина должен был чувствовать тоже самое что и я, с той лишь поправкой, что я всегда знаю чуточку больше.

— Ей пришли на помощь друзья.

Ему потребовалась ровно секунда, чтобы понять в чем дело.

— Корица, полынь, сон-трава...

— ...и все это с заговоренной каплей крови, — продолжила я, видя, как маг отчаянно пытается найти выход. — Бесполезно. Вино отравлено, но не ядом, а магией Крови.

— Когда вы...?

Он больше не мог контролировать ситуацию. Магия давно пустило корни и вот, наконец, появились плоды.

— Не я, — мотнула головой, поднимаясь с дивана. — Райт, Леда! — позвала я ребят. — Помогите старой, уставшей женщине выбраться отсюда.

— Такой уж и старой, — раздался из-за двери голос адепта. — Скажи еще, что беспомощной. Вещи собраны, карета запряжена.

— А помочь мне дойти? — возмутилась я. — Ой, да не топчись ты там. В этом зале не происходит ничего из того, что не одобрил бы комитет нравственности и благопристойности.

Дверь открылась. Скрестив руки на груди, Райт недовольно глянул на мой растрепанный вид, и очень многозначительно покачал головой. Я закатила глаза, после чего не удержалась от маленькой пакости. Уже обходя диван, я через спинку наклонилась к лорду Геригону и прошептала:

— Да вы не переживайте. Пять-десять лет алкоголизма и вы тоже научитесь различать все посторонние примеси в винах во всех придорожных кабаках и трактирах Империи.

— Срок этой магии — полчаса, — поторопил меня Райт.

— Бегу!

Охранные заклинания мы устанавливали вместе с Ледой, поверх стандартного набора, что предлагалось в гостиницах среднего класса. Сунуться в квартиру, что я обычно снимала в Новом городе, когда планировала задержаться дольше луны, я не рискнула. Лезть в Серые кварталы и зарываться в нору, казалось совсем глупостью. Местный контингент сдал бы нас не задумываясь за лишнюю горстку серебряных монет. Да и не преступники мы, чтобы прятаться в тех местах. Подумаешь, проехали по гордости местного аристократа, который за надругательство над своим эго спустит с нас шкуру и повесит сушиться на солнышке. Перед законом мы чисты. Если не считать принудительное усыпление лорда. Но это он пусть еще докажет. Магия Крови как-никак.

Гостиницу выбрали простую. Без изысков. Не в центре города и не в самом благоустроенном, но в самом цветочном районе. Собственно, сам квартал и носил название Цветочный. Все улицы на нем так или иначе названы в честь солнцелюбивых цветкомноголетников. Не зря же в самом центре квартала расположено Управление Внутреннего Порядка в штате которого, в соответствии с законом Нового города, должно состоять не меньше трех Стражей Солнца. Прямо напротив Управления — наше новое убежище. Я не льстила себе мыслью, что при желании лорд Геригон нас не обнаружит. Но вот нападать лично не станет.

До сих пор маг Воздуха напрямую не угрожал. По большей части подразумевались пытки, под которыми я должна рассказать правду. Рано или поздно (скорее рано), он поймет, что знаю я не намного больше, чем демон, и моя жизнь резко потеряет в цене. Похоже мой бывший муж и ирум Камден нашли своего рода компромисс. Уж не знаю, в чем он заключался, но итогом их союза могло быть либо слияние душ — поглощение одной души другой, либо изгнание в Нижние миры одной из них. Что из этого хуже, предполагать не берусь.

Противный голосок нашептывал, что я упустила прекрасную возможность устранить большую часть проблем. Маг был под воздействием сонного заклинания, и я могла с легкостью прервать его жизнь. После всего, что произошло, видит Свет, это не та судьба про которую можно сказать, что она не заслуженная. В данном случае, возникла бы только одна проблема (не считая той, что у лорда Геригона могли быть очень мстительные родственники, да и закон как-то через чур суров к убийцам лиц из высшего сословия) — демон ушел бы на следующий круг перерождения и возродился бы вновь. Сейчас оставался призрачный шанс изгнать его обратно в Нижний мир. Оттягивала я это решение до последнего, но, кажется, выбора нет. Либо я от него избавлюсь, либо он избавится от меня. Иному исходу не бывать. Если демон сумеет захватить тело аристократа, у Империи могут начаться серьезные проблемы. А я стану помехой. Единственным человеком, который будет знать, что маг стал демоном и как от него избавиться.

Когда я в прошлый раз вознамерилась оградить этот мир от своего драгоценного супруга, мне помогали Калев и друг Эрин. Это если не считать моральной и физической помощи со стороны Сестер Крови. И не стоит забывать о безумии, которое в кой-то веки решило встать со мной на одну сторону, очень долго удерживая во мне уверенность в правильности выбранных действий. Сейчас таких бонусов нет.

Ирум Камден слишком серьезный противник. С ним нельзя играть. Наши уровни несопоставимы. Пускай мой опыт измеряется в прожитых жизнях, но он весьма ограничен. Дурить низших сановников застывшего Света совсем не то что выходить один на один против искусного мага. Не зря же я примерила на себя роль заурядного посланника. Знала, что это край моих способностей в области интриг.

А что у меня есть?

Я глянула в сторону Леды. Она мирно посапывала на соседней кровати. О событиях минувших месяцев напоминала только пролегли морщинки на лбу и через чур спокойное дыхание: тихое, размеренное. Подозрительный шорох и девушка была готова вскочить в ту же секунду. Правая рука сжимала под подушкой нож, готовая в любое мгновение пустить его в ход. Несколько шнурков-браслетов, таящих в себе спящие заклинания, не требовали дополнительных усилий, кроме импульса-намерения хозяйки, чтобы сорваться в случайного (или нет) нарушителя. Такие заклинания обычно сильно истощали резерв за ночь, но в сложившейся ситуации неплохо так успокаивали нервы, давая некую гарантию защиты.

Меня чрезвычайно беспокоил вопрос о том, куда же девушка дела свои чармы, которыми очень гордилась, столь долго и бережно собирая их. На ее запястье не было привычного браслета. Магия больше не вырывалась ледяной дорожкой, когда адептка начинала злиться. Вряд ли это связано с тем, что она научилась контролировать свою Стихию. Следующей странностью было то, что за всю поездку Леда ни разу не воспользовалась магией Воды, даже когда обстоятельства того требовали. Она отдавала предпочтение зачарованным амулетам. Тот факт, что Леда научилась заговаривать кровь за столь короткий срок дает несколько неплохих поводов задуматься о ее внутреннем состоянии. Вспомнить хоть тот разговор в карете.

— Кто он? — спросила Леда, когда мы неслись в потемках по заснеженной дороге. Райта не было с нами в салоне, он управлял лошадьми. Маленький шарик света, созданный парнем, колыхался между нами, шипя нелепо-ободранными нитями. Подобное заклинание считается самым простым в использовании, которому обучают даже не в магических школах, а родители дома, как только чадо достигает приемлемого возраста. И все же, создать его в идеальном состоянии дело не из простых. Райту потребовалось пять секунд, чтобы сотворить сияющий огонек, но схема плетения оставляла желать лучшего. Из-за расползающихся нитей шар шипел, иногда плевался искрами и все никак не мог удержать единый спектр света. — Что ему от тебя надо?

Неужели она хочет поговорить об этом сейчас? Я жалобно покосилась на Леду. Весь вид ее говорил — да, сейчас. Я горестно вздохнула. После разговора с ирумом Камденом, сопротивляться чужой воле сил не осталось.

— Я рассказывала тебе про своего мужа?

— Центр твоей вселенной. Единственный возможный вариант, — закатила глаза девушка, придавая голосу приторно-сладкие нотки. — Ядовитая горечь, сковавшая сердце всепоглощающей, раздирающей на части одержимости.

Меня явно передразнивали. Кхм... Если я действительно использовала эти слова, то ладно, заслужила.

— А о том, что с ним случилось? Только своими словами, без моих эпитетов, — устало взмолилась я. Совершенно разбитая и морально подавленная, я едва ли могла выступить достойным противником в словесном поединке.

— Ты заподозрила его в том, что он занялся темной магией что-то сотворил с Дневником твоей подруги, из-за чего она не смогла возродиться. Или смогла, но не имея Дневника, осталась без памяти о прошлом.

Леда говорила все правильно, но в ее словах звучала некая неуверенность. Девушка до сих пор терзалась мыслями о том, что все мои рассказы о прошлых жизнях, всего лишь последствие пагубного влияния луны.

— Этого простить я не смогла. И пережить тоже. Мне еще тогда следовало понять, что никто из нашей пятерки не был до конца нормальным. Цельным. Все мы были где-то кем-то сломаны. Мой муж был магом Воздуха. Сильным. Сильнее многих. До какого-то момента уровень этих сил его устраивал...

Знать бы, что это за момент такой.

— ...Его поступок причинил мне боль. Настолько сильную и изматывающую, что сил на прощение не осталось. Я не могла от него просто уйти. Он бы не отпустил. Да и у меня не хватило бы для этого воли. Мы слишком долго были вместе. Тем более, что тогда Эрин осталась бы не отмщенной.

Не зная другого выхода, я приняла решение убить супруга. Но как это сделать? Как можно убить всемогущего мага, пусть даже ты делишь с ним одну постель? Он доверял мне, подпускал к себе ближе, чем кого-либо еще. Но даже в этом случае он держался со мной настороже, помня о моей болезни. Как бы там ни было, шансов против него у меня не было. Я владела только магией Света и то на бытовом уровне.

Улучив момент, когда он в очередной раз отправился в поездку, я сбежала. В те времена Ковен только набирал свои силы и о клане Крови мало кто знал. Ходили слухи о таинственном городе, затерянном в Ристлепских горах, где жили свирепые фурии, способные одолеть мага любой силы. К ним-то я и направилась за помощью.

— Какое это имеет отношение к нему? — Леда мотнула головой в том направлении, где осталась гостиница.

— Да, сейчас поясню, — согласилась я, понимая, что делаю слишком много лишних отступлений. Эту историю я привыкла рассказывать только себе, а там легко сбиться на лишние мысли и пропасть в дебрях самокопания. — Был только один способ избавиться от него так, что бы он больше никому не навредил. Уничтожить физическую оболочку, а потом, с помощью его же Дневника, запретить душу в Нижнем мире.

— Почему один? А то что он сделал Эрин? Почему не поступить с ним так же, как он поступил с ней?

— Никто из нас не знал, как он это сделал, — призналась я. Случай беспрецедентный. Дневник — частичка твоей сути. Он связан с душой. Никто не в силах причинить ему вред. — А вот заточить — это пожалуйста. Для нас действуют те же законы, что и для демонов тех времен. Все-таки именно на их основе сделаны расчеты.

— И у вас это получилось, — вновь подтолкнула Леда меня в правильном направлении. — Душа была заточена в Нижнем мире?

— Да. На долгие пятьсот лет, плюс-минус сколько-то десятков. Но, как оказалось, когда душа так много времени проводит среди грубых материй Нижнего мира, когда эманации темной энергии поглощают последние крохи человечности, душа начинает перестраиваться. Нижний мир меняет ее. Приспосабливает к себе. Падая все ниже и ниже к ее глубинам, где обитают самые страшные твари, душа превращается в нечто иное. Впитывает в себя, как губка, всю грязь и черноту своего окружения. Она принимает...

— ...демоническую форму, — продолжила за меня Леда. Ее глаза озарились пониманием. — Те сектанты, что собирались принести меня... нас в жертву, они пытались вызвать...

— ...Они его вызвали, — уточнила я. — Каким-то образом им в руки попался тот самый Дневник.

— Дневник твоего мужа?

Я кивнула.

— Ты знала об этом? Ты для этого приехала в Академию?

— Нет, — покачала я головой. — Это случайность. Невероятная, почти невозможная, но случайность. Из-за ритуала (и не только) моя память пострадала. Я вспомнила, что это мой бывший, только когда во второй раз очнулась в приюте Милосердия, после того, как на нас с лордом Геригонем напала Отражение.

— Что? — изогнулся вопрос о глухую стену непонимания. — Отражение? Из Ковена что ли? Когда ты успела с ней встретиться?

— Оу... Это история для следующего раза, — отмахнулась я. Язык и так еле ворочался.

— Ладно, — согласилась Леда. — Но ты так и не объяснила, что от тебя нужно тому мужчине.

Я не хотела отвечать. Даже когда лазурь холодных, голубых глаз, вцепилась в меня голодным зверем, не позволяя отвести взгляд в сторону. Ей не нужна была магия или угрозы, чтобы добиться от меня ответа. Хватало отчаянья, плескавшегося чернильным пятном, расползавшимся по льдистой поверхности души, угрожая в любое мгновение просочиться внутрь.

"Не смей предавать ее доверие, — пригрозила себе я. — Потом объясняться будет гораздо сложнее".

И тогда я рассказала. О лорде Геригоне. О его участии в жертвоприношении. О Старшей Сестре Лилит. О моих подозрениях, что кто-то специально выбрал ирума Камдена в качестве новой оболочки демона. Когда я закончила, Леда задала всего один единственный вопрос:

— Почему ты его не убила? Я бы поняла, — указала она вперед. — Мы бы поняли.

Хороший вопрос. Потому что это незаконно, а я не судья и не палач? Вовсе нет. Меня волнует моральный аспект? Тоже мимо. Потому, что убийство Алесы затронуло меня сильнее, чем я думала? Уже ближе. Я заигралась. Убийство для меня не норма. Я не святая, но и не падшая. В случае со смотрительницей это было самозащитой. Почти оправданное решение. Ели бы в глубине души я не считала, что был возможен вариант без смертельного исхода. Я сама довела нас до той ситуации, где не оставалось другого выхода. Я предпочла словам оружие. Приняв это решение — я проиграла маленький кусочек души. Этакая подачка Нижнему миру. Шаг навстречу к своему бывшему супругу.

— Потому что я могу ошибаться, — выдавила я из себя признание. — Потому что убийство не должно быть легким ответом. Или даже правильным. — Произнося все это, я не шла против истинны, но почему-то казалось, что в словах звучит ужасная фальшь. — Решение об убийстве человека должно вызывать сомнение.

Но не вызывало. А это уже сигнал. Маячок, сигнализирующий об опасности.

Леда нахмурилась. Очевидно она задумалась о себе. О своей душе, которая позволила принять подобное решение. К каким бы выводам девушка не пришла, они были далеко не радужными.

— К тому же, — продолжила я, — мне все еще хочется узнать, кем являются те лица,

которые передали ируму Камдену Дневник. Очень уж мне не нравится эта история.

— Дневник — что это? Я поняла, что это артефакт, который является неким "якорем" для возвращения в наш мир, но что он еще из себя представляет? Ты сравнивала его с Дневниками с помощью которых раньше призывали демонов. Как это работает с вами?

— Как? Калеб бы тебе объяснил, но ты все равно ничего не поняла бы. Что из себя представляет Дневник? Обычная книжка страниц на двести. Увидь ты ее на полке среди других книг, ни за что бы не догадалась, что она хоть чем-то от них отличается. Кожаный переплет, золотое тиснение, пожелтевшие страницы и почти стершийся рисунок на обложке. Мой Дневник легко спутать с любым другим дневником любой другой девушки: число, месяц (иногда луна, в зависимости от места проживания), год, событие, достойное упоминания (поехала туда-то, видела то-то, очень обрадовалась).

Так выглядит первая половина записей. Со временем большинство событий теряют значимость, и вместо полноценных историй остаются заметки: моих третьих родителей зовут так-то, аллергия на новый сорт цветов, магия Огня все еще не мое и вообще прекрати любые манипуляции с огнем. Будь Дневник сейчас со мной, я бы черкнула пару строк о том, что пора прекратить искать Эрин, держаться подальше от семьи Геригон и о возвращении мужа. Зачем это делать? Не знаю, должно ли так быть или у Калеба ошибки в расчетах, но каждое возрождение весьма болезненное и травмирующее. Часть воспоминаний пропадает, часть спутывается в такой водоворот образов, что потом едва ли возможно разобрать, что случилось на самом деле, а что является сюжетом последней прочитанной книги или байкой из придорожного кабака. Я не шучу, такое случалось. Одну жизнь я была искренне уверена, что у меня в детстве была белогривая крылатая лошадь по кличке Кексик. Поэтому теперь в моих записях отмечены только самые важные (или сентиментальные) факты. Все воспоминания (особенно те, где фигурируют маловероятные события) ставятся под сомнение, кроме тех, что упомянуты в Дневнике.

Последние строки гласили, что следующим пунктом назначения должен стать Старый город и его библиотека. При этом, я совершенно не помнила, как делала ту запись! Только не надо думать, что я вечно хожу с полноценной амнезией. Никто не может помнить всего. Большинство воспоминаний стираются сами по себе, постепенно тускнея на фоне каждого нового дня.

Почему мы прячем свои Дневники? Во-первых, это все-таки достаточно мощный артефакт, созданный благодаря сотням жертвоприношений и иных кровавых ритуалов. Существует не так много способов для сотворения по-настоящему сильного артефакта, а уж такого, что бы мог проникнуть сквозь барьеры жизни и смерти, можно сосчитать по четным пальцам левой руки. Не смотри на меня так. Тогда я не знала, почему Дневник обладает такой силой. Я вполне могла стать очередной цифрой в расчетах Калеба, списанных в строчку "расходный материал". Во-вторых, Дневник является носителем частички нашей души, чтобы распознавать каждое из наших новых воплощений. В чужих руках такая вещь может стать опасным оружием против нас. Вот здесь как раз и пролегает аналогия с демонами. Они опасные твари, но заполучи их Дневник, и при должной сноровке можешь вертеть ими как хочешь. Именно так мы упрятали моего благоверного в Нижний мир. И в-третьих, если такой Дневник заполучит знающий маг, он сможет разобраться в его плетениях и повторить эксперимент. Сейчас я не говорю о том, что страдают люди. Это очевидно. Я говорю о перспективах. Если маг окажется достаточно амбициозным, то смерти будут измеряться уже не сотнями. Потери будут сравнимы с теми, что были во времена

становления Империи.

Девушка смерила меня скептическим взглядом:

— Из твоей истории выходит, что обладатели Дневников невероятно могущественные люди. Прости, но ты впечатления не производишь.

— При желании могла бы, — насупилась я. — Не все хотят стать великими магами. Я хотела найти подругу.

Кажется, Леду такой ответ не сильно устроил. Но продолжать расспросы в этом направлении она не стала, оставив себе возможность самостоятельно разобраться в моих мотивах.

— Выходит, с помощью Дневника можно вернуть твоего бывшего обратно в Нижний мир? — зашла она с другой стороны.

— Да

— Если все так, как ты говоришь, то уничтожить его Дневник вы не смогли. Так где он? — задала резонный вопрос Леда.

— Ха! Хотела бы я это знать, — скривилась я в усмешке, мгновенно осознавая истину, — а, нет. Проклятье! Хотела бы я это помнить.

— Ты не помнишь?! — ужаснулась девушка.

Я покачала головой;

— Столько лет прошло. Я, знаешь ли, пыталась забыть.

— Святые Стихии! — всплеснула руками адептка. — Это первое, что ты должна была запомнить!

— Да какая теперь разница? — пожала я плечами. — Сейчас Дневник у лорда Геригона. Полагаю, именно так он нашел способ снизить влияние демона на себя.

Если контроль у ирума Камдена, то шансов на благоприятный исход становится все меньше и меньше. Кто бы мог подумать, что аристократ так лихо разберется с одержимостью. Конечно, он мужчина не из глупых, но и мой демон не идиот, что бы так легко попасться.

За окном потрепанной кареты клубилась тьма и тихо завывал ветер. Общее состояние природы было беспокойным, настороженным. Кое-где колыхались сгустки магии: светили тусклыми огоньками в одиноких домах на отшибе, мигали дорожкой указателей для заплутавших путников. Стихия Воздуха молчала, лишь доносились легкие отголоски давно потухших заклинаний. Ничего не говорило о том, что за нами погоня.

— Камден Геригон, — в устах Леды имя прозвучало жестко, с неким намеком на обещание расправы. Положительных эмоций относительно его персоны девушка не испытывала. Что ж, в случае чего, за меня будет кому отомстить. — Когда он похитил нас он еще не находился под влиянием демона. Он действовал самостоятельно.

— Это не совсем так, — поколебавшись произнесла я. — Что из всего произошедшего было выбором Камдена, а что нашептал демон, уже не определить. Тут даже мастер Воды не даст точного ответа.

— Даже если он попал под демоническое влияние после первого жертвоприношения и дальше действовал только по его указке, то все равно остается одно убийство, которое совершил именно он, — не скрывая злости ответила девушка. — Если бы я не знала, что тут происходит, могла бы решить, что ты пытаешься его оправдать!

Я вздохнула, жалея что вообще открыла рот. В выражениях собственных чувств и намерений я была не сильна.

— Не хочу, что бы ты делала из него врага, — осторожно подбирая слова, ответила я. — Лорд Геригон — уважаемая личность. У него есть деньги, власть, связи, сила, положение в обществе. Вражда с ним может сильно подпортить тебе жизнь. Лучше не привлекать внимание таких людей. Ты сейчас расстроена и жаждешь решительных действий, но если сядешь и как следует все обдумаешь, поймешь, что впереди целая жизнь, которая вполне может сложиться хорошо.

— Ты серьезно?! — воскликнула девушка. — После всего произошедшего? Нет-нет, не могу в это поверить. Ты что, боишься его?

— И тебе стоило бы, — фыркнула я, возмущенная подобными выводами. — Мы что сейчас в разных гостиницах были? Ты видела, что он сделал?

— Демона не боишься, а перед каким-то магом струсила? — продолжила напирать Леда.

— Демон вне закона. Его никто не хватится. Лорд Геригон — совсем другое дело. Мне-то что его боятся? Уйду на очередное перерождение, если уж совсем прижмет. А тебе от лорда Геригона так легко не избавиться. Я благодарна вам с Райтом за помощь, но выступать против этого человека я вам не позволю. Сделай себе одолжение и забудь о нем, как о страшном сне. Пока вы двое не шибко его интересуете, но если начнете проявлять инициативу, он вас в покое до конца жизни не оставит.

Повисло молчание. Леда недовольно хмурила брови. Становилось ясно, что ни одно из сказанных слов ею не услышано. Спустя какое-то время, девушка недовольно отозвалась:

— Я думаю, ты просто злишься, что мы тебя спасли. Обычно это ты такая взрослая, такая умная, такая опытная, всегда находишь выход из любой ситуации. А тут мы: два подростка, всего с одним курсом Академии за плечами. Взяли ситуацию в свои руки и решили все без тебя. Райт достал травы, я заговорила кровь, он отвлек хозяина. Мы вдвоем разобрались с ситуацией лучше, чем ты.

— Ну, — я недовольно поджала губу, обдумывая ситуацию с этой точки зрения. — Может быть, — признание было произнесено с большой неохотой. — Но это не значит, что я не права.

Утро встретило меня неласково, словно мачеха свою нерадивую падчерицу. Отражение, мелькнувшее в зеркале, отнеслось ко мне совсем не по-дружески, отобразив все последствия минувших дней. Черные круги под глазами, растрепанные волосы, опухшее лицо, синяк (определенно новый, где это я так?), ранее упомянутый шрам и несколько царапин, и все это в довершение к совершенно отвратному настроению. На боль во всем теле я даже не стала обращать внимание. Свыклась.

Ночь выдалась тяжелой. Большую часть, отведенную организму на отдых, я промучилась в бессоннице, захваченная тяжелыми мыслями. Раз за разом прокручивала разные варианты предстоящих событий. Я знала, что результат мог быть только один, но такое решение мне совершенно не подходило. В стороне мне больше не остаться. Нет тех вариантов, где я могла бы спокойно забыть о случившемся и перебраться на другой континент. Мужчина ясно дал понять, что в покое меня не оставит в любом случае.

Единственный способ избавиться от демона — найти его Дневник. Лорд Геригон не собирался помогать в собственном экзорцизме, а значит дело усложнялось в тысячекратном размере. Главной проблемой вставал муж. Убрать это звено — разрушится вся цепь. Без демона в голове, ирум Камден несколько образумится, и прекратит посягательства на чужие тайны. Пусть у меня нет никаких доказательств против мага и Стражей на него не натравить, но и ему меня в лапы закона не передать. В этом мы с ним на равных. Но пока муж сливает обо мне информацию, ждать подвоха приходится ото всюду.

Дальше мысли переключались в ту сторону, где я корила себя за то, что не попыталась убедить аристократа в опасности его действий. Маг такого уровня должен понимать всю серьезность последствий. Вероятно, сумев взять подобие контроля над демоном, укрепило его в уверенности собственной неуязвимости. Мол, раз обуздал демона, то с каким-то посланником Света на раз-два справлюсь. Эх, если бы я только могла с ним поговорить без демонического присутствия — проклятье! — как бы все стало проще.

Ага, — возражала я сама себе. — Он бы тебя на месте убил и все. Куда уж проще? Его сдерживает только ностальгия твоего супруга и его неясные планы на твое будущее.

И так всю ночь. Круг за кругом. Один план за другим.

Умереть вчера было бы проще. Для всех. Эту мысль косвенно подтверждала Леда, сидящая прямо на полу перед расстеленным платком, на котором лежали ножи, какие-то шнурки и бусинки, явно относившиеся к разделу магии Крови.

"Даже не вздумай спрашивать" — поймала я ее хмурый взгляд.

"Даже не вздумай комментировать" — ответила я тем же, доставая ножницы из сумки и нацеливаясь на прядку волос, которой не посчастливилось упасть мне на глаза минуту назад.

За завтраком, который мы заказали в номер, я поведала свой план. Райт, с горем пополам, согласился к нам присоединиться. Выглядел он, кстати, хуже всех нас вместе взятых. Этаким собирательный образ всей несправедливости мира в одном лице. От одного только его вида дико хотелось пойти в храм и в течении следующих трех лет отмаливать грехи.

— Ты знаешь, где конкретно находится Дневник демона? — задала вопрос Леда, когда

мы приступили к трапезе.

— Нет.

— Но ты, по крайней мере, уверена, что Дневник у лорда Геригона, а не у кого-то из его союзников? — почти утвердительно, спросила она.

Сначала я хотела кивнуть, но в последний момент поняла, что это будет явным отступлением от истины.

— Не совсем. Но я почти уверена, что он находится у него в доме.

— Почему? Почему ты в этом уверена?

— А где еще? — резонно возразила я. — Дом — это его место силы. Убежище. Замок. Самое защищенное место. Где, как не там хранить подобный артефакт? Он же маг, где еще ему прятать артефакт такой силы?

— Даже не знаю... — протянула адептка, подперев подбородок рукой. — Вот ты свой где хранишь?

— В банковском хранилище магических ценностей не подлежащих обязательной регистрации, в отделении охраны населения от вредоносных последствий самодельных амулетов, артефактов и чарм "Зорн и сыновья", — скороговоркой выговорила я, и чтобы не потворствовать скепсису со стороны слушателей, добавила: — Но у меня дома своего нет. А был бы... все равно оставила бы его в хранилище. Оно у меня еще на сто лет вперед оплачено. А вход рассчитан на предъявителя.

— Символ защиты? — не поверила Леда.

— Ага.

— В Академии нам рассказывали, что эта система устарела и скоро совсем выйдет из обращения, — поделилась своими сомнениями Леда. Я спорить не стала. Пусть с этой проблемой мучается мое следующее воплощение. — Почему ты считаешь, то лорд Геригон не поступил схожим образом?

— Он находится под влиянием демона, даже если считает иначе. А так уж сложилось, что мы с моим мужем люди привычки. Ирум Камден определенно хранит его у себя. Тем более, он сильный маг Воздуха, а такие ребята доверяют своим силам больше, чем каким-то хранилищам.

Немного подумав, Леда кивнула.

— Ты помнишь, как твои друзья заточили его душу в Нижнем мире?

— Не совсем... Не все детали. Поэтому я написала письмо своему доверенному лицу. Он привезет мой Дневник в Новый город. Я точно помню, что записывала все подробности.

— Значит, нам остается только выяснить, как пробраться в дом лорда Геригона, как найти Дневник, который нельзя найти обычным поисковым заклятьем, украсть его у могущественного мага, который способен с легкостью просчитать все твои шаги наперед, воспроизвести ритуал пятисотлетней давности и после всего этого, убедить вышеупомянутого мага нас не убивать?

— Если все упростить, то да, именно так, — согласилась я.

— О, так все перечисленное — это еще только упрощенный вариант? Чудно!

— Все не так плохо, — помешкав отозвалась я. — Однажды я пробиралась к ируму Камдену в дом.

Настал черед рассказывать историю о моем первом взломе и проникновении в дом аристократа, где ключевую роль играла Отражение со своей Сестрой. Они смогли обойти заклинания охраны и помогли мне пробраться внутрь, при этом оставаясь незамеченными.

— Если лорд Геригон действительно такой опасный человек, каким ты его расписываешь, неужели ты считаешь, что после того визита он не усилил заклинания или не предпринял иных мер предосторожности?

— Это было бы очень великодушно с его стороны, — согласилась я. — Еще более великодушно с его стороны было бы пригласить нас к себе в гости и передать мне в руки этот самый Дневник.

Следом за этими мыслями начал вырисовываться совершенно новый план, включающий все указанные поправки.

— В любом случае, — продолжала я, — начать действовать я могу только после получения своих собственных записей. А то вдруг в том ритуале задействованы какие-нибудь редкие ингредиенты вроде зуба дракона, шерсти призрачного кота и моего прекрасного настроения. Такое за один день не соберешь. А пока, — я развела руками, — держитесь ребята вместе, а я... - я повернулась к окну, откуда открывался вид прямо на здание Управления Внутреннего Порядка, — потрачу немного времени на себя любимую. Сразу после парочки косметических заклинаний... Леда? Райт? Есть еще вопросы?

Мы обе повернулись к Райту, который во время всего разговора подозрительно молчал. — Райт? — на всякий случай, позвала я его, если парень вдруг не понял, что два буравящих его взгляда, это призыв подать признак жизни. — Я к тебе обращаюсь.

— Я понял, — нахмурился парень. — Это как раз единственное, что я понял из всего вашего диалога. Что тут происходит? Еще восемь часов назад мы вроде как убегали от слишком навязчивого ухажера руми Латер, а теперь внезапно решили ловить демона? Или делим какое-то имущество после развода? Что за дневник?

Мы с Ледой синхронно переглянулись. В наших глазах, обращенных друг на друга, читалось только одно предложение "Я думала ты ему все рассказала".

В полдень я была в Старом городе. Оказалась я там весьма непривычным для себя способом. Тем самым, каким туда проникали Стражи, конвоируемые ими преступники, и представители Императорской семьи (которые, кстати, ни разу в Старом городе так и не объявились, но если вдруг кому-то из них захотелось бы посетить самую знаменитую библиотеку Империи, первую Академию Стихий, или — чем лунные твари не шутят? — Обитель застенелых консерваторов, то пожалуйста — служебный ход всегда к вашим услугам).

К первой категории людей, имеющих свободный вход я не принадлежала, как и ко второй, даже несмотря на последние события, которые как бы пытались подбодрить: мол, не переживай, глядишь, ирум Камден пойдет к законникам, и не сегодня — завтра, загремишь самым быстрым путем в казематы Инквизиции (ой, простите, Обители). Не принадлежала я и к третьей категории, хотя не раз отчаянно пыталась найти среди своих дальних родственников какого-нибудь императора или хотя бы короля.

Направляясь в Управление Внутреннего Порядка, я рассчитывала встретить кого-нибудь из солнечных и попросить передать сообщение для Имира Клоу. Поскольку самостоятельно попасть в Старый город я могла только через главный вход и после целого ряда проверок. А я, вроде как, скрываюсь от задетое эго аристократа. Также я рассматривала возможность отправить Стражу Клоу записку посыльным или курьером, но к своему невероятному

удивлению выяснила, что не знаю его адреса. Я даже не могла припомнить, проживает ли он в Обители или снимает у кого-то жилье (приобрести жилплощадь в Старом городе было сравнимо разве что с умением обращать движение солнца вспять). Тогда-то я и решила передать весточку с кем-нибудь из его коллег. Моя вера в их честность и порядочность до сих пор оставалась непоколебима.

Чего я точно не знала, так это обширности возможностей Стражей Солнца. Еще со времен инквизиции за ними сохранились особые полномочия, которые то ли по недосмотру, то ли по причине сложности с изменением законов до сих пор сохранялись за доблестными Стражами. Не в полной мере, конечно, но как раз в той самой, чтобы суметь подпортить жизнь практически кому угодно, или наоборот, подправить.

Когда Страж, приписанный к Управлению выяснил мою личность и цель визита, его счастьем не было предела. В какой-то момент я даже засомневалась, представилась ли я тем человеком и не прихожусь ли случайно этому молодому человеку потерянной троюродной тетушкой. После получасового разбирательства, возникшего из-за неразберихи с моими мотивами и его радостью, мы пришли определенному консенсусу.

Нет, мы не знакомы. Нет, мы не дальние родственники. А даже если таковыми и могли являться, он не имеет никакого отношения к Императорской семье. Да, я — Китра Латер. Та самая. Да, я действительно существую. Нет, Имир Клоу меня не выдумал. Все верно, семь лет. Нет, я не пыталась принести себя в жертву демону только для того, чтобы избавиться от навязчивого внимания Имира. И не такое уж оно и навязчивое, бывало и хуже. Нет, сама не знаю, как согласилась. Нет, мастер Света Эстеф приехал в город не для того чтобы нас обвенчать. Нет никакой помолвки. Как это, все о ней знают? Когда Имир такое сказал? В смысле, это я сказала? Нет, со мной все в порядке, я не падаю в обморок. Да, спасибо, что поинтересовались моим здоровьем. Да, все хорошо. Чувствую себя прекрасно, даже если не похоже. Нет, чая не хочу.

— Так вы передадите мое сообщение Стражу Клоу? — уже почти отчаявшись получить прямой ответ, спросила я.

Новоявленный Страж был едва ли выше меня. Светло-рыжие, выгоревшие на солнце волосы, никак не дотягивали до того идеального цвета, что я привыкла наблюдать у его коллег. Мускулист. Подтянут. Его лицо трудно было назвать красивым или даже симпатичным, но улыбка, практически не сходявшая с его лица, невольно пробуждала доверие. Не портил картину неровный, в чем-то даже неряшливый шрам, тянувшийся от внутреннего уголка глаза наискосок через щеку к мочке уха. Такое "украшение" должно было придавать Стражу некую мужественность, но живые, слишком ярки глаза медового цвета, сводили на нет всю возможную серьезность. Я все порывалась спросить, почему мужчина не избавится от шрама, который явно не станет проблемой для хорошего знахаря. К счастью, этот вопрос застревал в моем горле каждый раз, как я открывала рот.

— Как давно вы не виделись? — вместо ответа спросил он. Эта его привычка начинала раздражать.

— Дней семь... или десять, — неуверенно ответила я, понимая, что сильно запуталась в цифрах. — Какое сегодня число? Впрочем, не важно. Я просто хотела передать ему весточку.

Три дня в пути в одну сторону, три дня обратно, сутки в пансионате и... сколько я пробыла в гостинице Сонного Эла?

— Вы правы! — возвестил мужчина, который вряд ли был меня старше хотя бы на сутки. На его смуглом лице радость пересекла какую-то тонкую грань, сменившись

искренним восторгом. Я заволновалась за судьбу Нового города, где на страже порядка стоят такие мальчишки-одуванчики, но вовремя себя одернула. Преступность здесь и была на очень низком уровне, а значит, ребята свою работу знали. — Вас нужно доставить к нему немедленно.

— Простите? — Только и успела удивиться я, когда Страж подхватил меня под руку и повел прочь из Управления.

— Вы же знаете? Конечно знаете! — одернул он сам себя. — День открытых дверей. Фактически неделя открытых дверей. Или седмица открытых дверей? Лунная четверть? Какую систему исчислений предпочитает Свет?

Я не успела ответить. Он продолжил:

— Огромный переполох. Академия берет на себя все вопросы касательно родителей и попечителей адептов, но Имир все равно обязан осуществлять контроль. Мобилизовал все силы своего корпуса, подключил свободных наших из Нового. И все равно не обходится ни одного часа без очередного скандала. Сумасшедшие деньки.

— Я не... — попыталась вставить я словечко, но опять потерпела крах.

— Каждые полгода одно и то же. Академия направляет родителям письма об успеваемости их чад. Родители хватаются за головы и мчатся в Академию, чтобы вразумить отпрысков. Узнают, что их прекрасные создания поперевоились на другие курсы или вовсе покинули родные пенаты еще в прошлом году. Опять же весь гнев обрушивается на Академию. А сколько проблем от незапланированных браков? Вы знали, что адепты имеют право заключать магические браки без согласия своих опекунов? Адепты об этом узнают на первом курсе, а вот их родители пост-фактум, в письме-поздравлении от Академии. В эти семь дней у негодующих родственников есть возможность высказать все свои мысли о данных законах непосредственно самому руководству. Как вам такое?

Я пожалала плечами, продолжая гадать, куда же меня тащит Страж. В этой части города я раньше не бывала, но точно могла определить, что нахожусь в совершенно противоположной стороне от главного входа в Старый город. Оставалось надеяться, что Страж не тайный агент ирума Камдена, направленный за мной, чтобы затащить в какую-нибудь глушь и прервать мое существование.

Спустя пятнадцать минут, когда мы зашли в одно из неприметных зданий с нечитаеой вывеской, окруженное новеньким штакетником и выстроенное в форме "П", от паники меня спасло только то, что вокруг сновали другие представители Обители. Дорожка к зданию была хорошо вычищена от снега и посыпана песком. Чуть дальше — простенький фонтанчик без каких-либо фигур или статуй, и конечно же неработающий в силу погодных условий. У входа стоял молодой охранник, вряд ли имеющий звание выше курсанта. Он едва удостоил нас взглядом, беспрекословно пропуская внутрь.

Регистрационный пункт. То тут, то там, мелькали плащи Стражей, шелестели бумаги, не смолкал топот ног. Атмосфера легкой суматохи царила напоминала приемный зал в Приюте Милосердия при Обители Солнца.

Мой сопровождающий вытащил из-за пазухи документ со Знаком, передал их человеку за стойкой. Перекинувшись друг с другом парой слов, которые я не смогла расслышать, он потащил меня в один из коридоров. Один раз его пытались остановить, когда мы оказались у лестницы ведущей в подвал, но мужчина лишь вяло отмахнулся, назвав при этом имя моего Стража. Этого хватило, чтобы в дальнейшем нам препятствий больше не чинили.

— Куда мы?.. — сделала я очередную попытку задать вопрос, но Страж как-то ловко

вернулся к теме Академии и ее посетителей.

— А вот недавно случилось. Заявился жених со всей своей родней и с родней своей невесты, которая не так давно отчислилась и куда-то сбежала с адептом с другого курса. А кому с этим разбираться? Казалось бы Академии, но нет, все свалилось на Имира. Жених — дипломированный адепт Стихий, но истерику закатил такую знатную, что дошло чуть ли не до дуэли. Обещал вот воспользоваться поисковым заклинанием и найти свою невесту и... э... разлучника. Да, именно так. Он почему-то уверен, что никуда его невеста не сбежала, а заточена в башне Академии, где ее охраняет, пряча от возлюбленного, чуть ли не сам господин Чабер, подобно свирепому малахитовому дракону. Как в тех легендах про острова и драконов.

— Страж Клоу в Академии? — ухватиться я за мысль, когда обычная обстановка казенного дома сменилась стенами подземелья.

Та-ак... А это еще зачем?

Собственно, это было огромное помещение, выложенное облицовочным камнем в правильной формы круг. Словно небесное светило, оно испускало в разные стороны коридоры-лучи.

Вот тебе и тайные, подземные тоннели Инквизиции.

Не такой я помнила Академию с ее полуопустевшими коридорами. Бесконечная суматоха сразу выбивала из привычной колеи. Повсюду раздавались крики. То тут, то там, летели искры, угрожая подпалить кому-нибудь прическу или одежду, вздыбливался пол, хлопали ставнями окна. Старосты и старшие ученики не справлялись с порядком. У кабинетов преподавателей толпились люди, возмущаясь здешним порядкам и активно обсуждая политику Академии. Где-то слышалась ругань. Родители давали наставления детям или же воевали между собой, пытаясь разобраться, кому и на какое время назначено и кто влез без очереди.

Я потерялась. Застряла на этаже, разбираясь куда идти и с чего начинать поиски. Мне казалось, что зайдя в Академию, я сразу увижу рыжую макушку Стража, но мужчины в главном зале не оказалось. Окруженная шумом толпы и нескончаемыми ругательствами, сопровождаемыми всплесками магии, я растерялась. Единственным островком спокойствия была кадка с фикусом-переростком в самом углу у окна. Люди проходили мимо, огибая огромное растение и не замечая девочку-подростка, сидевшую под ним на корточках. Девочка отчаянно рыдала, неуклюже утирая слезы рукавом. На всякий случай, я приглядела себе это место на будущее. Листья растения были достаточно огромны, чтобы прикрывать детскую фигурку, а в такой суматохе мало кто обращал внимание на затемненный угол. Рядом с девочкой сустились две адепки, отчаянно уговаривавшие ее встретиться со своей мамой.

Очередное заклинание пролетело у меня над самым ухом. Я недовольно заворчала. Мне что, облепить себя защитными чармами, чтобы не опасаться вот таких случайных атак от бестолковых адептов-недоучек?

Со стороны могло показаться, что девочки, уговаривающие свою подругу, обращаются к фикусу. Возможно и самому фикусу начало так казаться, поскольку под аккомпанемент очередной вспышки, растение расправило огромные листья и потянулось вверх.

Чего-о?

Светящиеся узоры изменяющего заклинания поползли по стеблю. В него попало заклинание. Деревянная кадка затрещала. Рыдания девочки прекратились, превратившись в недоумение. Листья задрожали, сжимаясь в подобии болезненного спазма. Дрожь прокатилась по всему растению, а вслед за ней, огромные толстые вены взбухли на листьях. Заклинание сделало еще один виток и растение, словно на дрожжах, принялось разрастаться в разные стороны.

Звуки ломающихся стеблей прервал истошный крик. Группка взрослых, что стояла совсем рядом ахнула и попятилась назад. Из глубин коридора с пугающим звоном на растение обрушился ледяной град: кто-то из адептов решил вмешаться.

— Убирайся! — послышался крик из толпы, обращенный к девочке. Та испуганно подскочила, но вместо того что бы бежать к людям, наоборот, ринулась назад к окну. Вцепившись руками в подоконник девочка замолкла. Огромная тень зеленого монстра с продырявленными листьями-гигантами, выросшими уже до размеров среднего роста человека, начали склоняться над замершим статуей ребенком. Казалось тварь и вовсе не обратила внимание на пронзившие ее сосульки, как и девочка, сквозь одежду которой

просачивалась кровь.

— Это трансмутационное заклинание! — возвестил кто-то. — Кто додумался использовать воду?

— Да обычное оно! Откуда трансмутационное, ты хоть один признак видишь?

— Они не обязательно должны проявляться.

— Где ты такое вычитал? Прочити главу!

Голоса рядом вели совершенно другую, но столь же оживленную беседу.

— Куда смотрит преподавательский состав?

— Да позовите кого-нибудь уже!

— Нужен маг Земли, — авторитетно заявил мужчина рядом со мной.

— Тут только огнем выжигать, — не согласился другой.

— Нет ничего с чем не справился бы Воздух, — вмешался голос помладше.

— Надо опять бить Водой, — не согласился сосед.

Эксперты-теоретики продолжали что-то шумно обсуждать, вовлекая в свои ряды остальную часть толпы. Девочка же до сих пор оставалась в углу под нависающим фикусом, начавшим отращивать шипы.

— Действительно, трансмутационное, — пискнул кто-то. — Смотри, вон и пасть прорезалась.

Гомон и крики резко оборвались звенящей тишиной. Я вместе со всей толпой замерла в немом ожидании в этой невероятно длинной, застрявшей во времени секунде. Зажатая со всех сторон, я едва могла поднять руку и пошевелить пальцами, чтобы сотворить заклинание.

"Какое использовать заклинание, чтобы уничтожить растение и при этом не зацепить девочку?" — примерно так думала я, и примерно такой вопрос стоял перед двумя десятками адептов магии, их родителями, которые могли не уметь использовать эту самую магию, но у каждого было по браслету с чармами.

Секунда оборвалась. Будто извиняясь за задержку время двинулось вперед с неумолимой скоростью. Вернулись звуки. Запахи. Тактильные ощущения. Где-то за моей спиной бушующим зверем взметнулась магия, от которой всех прошибло холодным потом. Это было что-то холодное, злое и невероятно древнее. Я не могла повернуть головы, чтобы посмотреть на человека воззавшего к этой силе. Я смотрела на девочку.

Дальше произошло сразу несколько вещей одновременно. Растение изнутри засветилось ярко-оранжевым светом, а по его прожилкам потекла черная, густая вязь, разрушительной магии. Один взмах ресниц и растение осыпалось вниз горсткой пепла. Запахло гарью.

— Проветрите помещение и отведите дитя к лекару. — Пророкотал жуткий, пробирающий до мурашек голос.

Толпа расступилась в стороны. Высокий старик, облаченный в классическую мантию конца четвертого столетия, прошепствовал вперед, опираясь на потрескавшийся от времени и разрушительной магии посох. Готова поспорить, что его маг использовал скорее для статуса и солидности, чем в качестве помощи в передвижении или концентрации магии.

— Кто-нибудь видел моего внука? — продолжал он, замерев у кадки, чудом оставшейся в относительной целостности.

Был ли этот маг частым гостем Академии, что его все знали, или просто не допускал возможности, что его внука могла не знать в лицо каждая собака этого города, но среди людей, которые принялись обратно растекаться по коридору, нашелся адепт с нужной

старика информацией.

— Я видел его на третьем этаже, он направлялся к кабинету господина Чабера.

— Благодарствую, отрок, — громогласно возвестил старик и эффектно развернувшись на месте, той же невозмутимой походкой направился прочь.

Когда его фигура скрылась в дальнем проеме, я наконец смогла спокойно вздохнуть. Мне доводилось раньше встречаться с сильными и старыми магами, но вот такой субъект я видела впервые. Зябко поежившись, я скороговоркой произнесла молитву с просьбой больше никогда не попадаться на глаза этому старику. Уж больно опасный тип. Удачи вам, господин Чабер.

— Опять стены трястись будут, — вздохнул кто-то рядом. — А потом господин Чабер вернет нам это все сторицей на сессии.

Голос показался знакомым, как и нытье.

— Мальт! — признала я парнишку.

— К вашим услугам, — изобразил шутливый реверанс адепт, вырядившийся в коричневую робу на подобии монашеской. Светлые волосы на удивление хорошо гармонировали с этой одеждой, придавая образу некий лик святости. Это не могло быть формой Академии, как и не могло быть повседневным нарядом парня. Тут явно что-то было не так.

— Что на тебе надето?

— Сие есть моя тяжкая ноша и величайшее спасение, — театральным голосом возвестил он, прижимая руку к груди. — Дабы мог я осознать всю тяжесть своего греха и глубину падения. Чтобы помнить я о священных писменах и неустанно повторял их с самого восхода солнца и до глубокой ночи. Молил об искуплении и уповал на милость достойнейших из достойных, мудрейших из мудрых, величественных из...

И говорочек сей не наш.

— Стоп. Суть я уловила, но не раскрыт мне замысел... тьфу ты! Нормально изъясняйся. Что произошло?

— Беззаконие, насилие, ярое нарушение человеческих прав, моральное падение устоев...

— Мальт!

Парень вздохнул:

— Могли бы и подыграть. В этом большая часть вашей вины.

— Как это? — не поняла я. — В чем?

— Это мне выдал ирум Ирбис. Чтобы я привыкал к своей новой форме, потому что в ней я и проведу остаток жизни, если завалю эту сессию. Это часть наказания.

— А я тут при чем?

— А почему я могу завалить сессию? — предложил мне наводящий вопрос парень.

Я пожала плечами. Вариантов было слишком много.

— А помните ли вы, светлая руми, при каких обстоятельствах видели меня в последний раз?

Я хотела ответить, что у меня нет времени на его игры, но память отреагировала быстрее, чем мой речевой аппарат. Помню ли я? Ну да. Он пришел за мной в Приют, перехватив письмо для Леды. Потом я взяла его на развалины, чтобы разобраться с теми плетениями, которые не могла видеть. Библиотека. Карета. Ирум Камден. Цветы. Сестра Крови... нет, там его уже не было. Он... А где он...? Спал, да. Он спал и.... Остался в карете

ирума Камдена?!

Я вытаращила на парня глаза.

— Как мило, что вы обо мне не вспоминали.

— Меня ранили, — как-то неуверенно пояснила я. — И... ох...

— Знаю.

— Что произошло? — растерялась я с дальнейшим ответом. — Ирум Камден не причинил тебе вреда?

— Тот аристократ с которым вы так мило ворковали? — продолжал ерничать адепт. — Ну неет, для подобных экзекуций у нас есть ирум Ирбис и господин Чабер. Оказалось я настолько незаметный, что обнаружила меня только милая дочка конюха, да благословят ее Святые Стихии. И когда это случилось была уже ночь. А значит, я пропустил все занятия того дня и имел все шансы не успеть на следующие. Так все могло быть, если бы у такой добродушной девушки, с именем прекраснейшего из цветков, не было столь же недружелюбного отца с повадками цербера. Он-то и настрочил господину Чаберу кляuzu на меня. А поскольку это было уже третье предупреждение, — парень развел руками, — наказание было неизбежно. Ха! Ибо смирение должно стать именем моим вторым. Нет, ну кем они себя возомнили, а?

Я искренне посочувствовала парню. Такого никто не заслуживал.

— Могу я сделать что-нибудь, от чего тебе станет легче? — предложила я, чувствуя укол вины.

— Можете еще раз меня похитить, а потом продать в какой-нибудь женский гарем? — вмиг оживился адепт.

— Эээ... нет.

— А в мужской, но что бы хозяйкой была женщина?

— Эээ... Тоже нет.

— А что можете? — немного посмурнел парень, осознавая, что с бывшего посланника Света не так-то много толка.

— Могу вернуть Райта и Леду, — не хотелось мне раньше времени кого-то обнадеживать, но я собиралась приложить все усилия, чтобы восстановить этих двоих. Нормальная жизнь для них здесь, в Академии. Костями лягу, но ребят обратно зачислят.

Видя, как оживают глаза Мальта, я поспешила его предупредить:

— Но сначала, не поможешь ли ты найти одного Стража. Он выглядит как... как любой из Стражей Солнца, только лучше.

— Восточный зал, — пояснил Мальт, когда мы прошли вдоль по коридору и свернули на неприметную лестницу, ведущую на второй этаж. — Рядом с кабинетом господина Чабера. Если ему где и быть, то там. Очень благодатное местечко для всех видов магических разборок.

— А что сейчас было внизу?.. — неуверенно уточнила я.

— Такое тут постоянно, — закатил глаза парень. — Старосты не справляются, ставленники господина Чабера носятся по коридорам и пытаются везде поспеть, — а толку-то? По большей части им приходится разбираться уже с последствиями: найти виновного, произвести срочный ремонт, привлечь к восстановительному процессу непричастного. Так что у нас негласное правило, если где что произошло — сваливай до прихода старост. Но если ты здесь со своими опекунами или родителями — шансов не много. А что поделаешь?

Или ты про ожившее растение?

Я кивнула.

— Это Академия Стихий, — фыркнул адепт. — Все завязано на эмоциях. Когда эмоции скачут галопом — попробуй уследить за своими силами. Такая концентрация паники, ужаса и истерики, здесь бывает только во время сессии и в такие дни. Вот и возникают растения-гиганты, двери-порталы, плюющиеся огнем кофейники или... вот, к примеру, — парень указал вперед на группку адептов.

Четыре парня и девушка в формах третьего курса стояли кружком и задрав головы вверх, совершали очень странные действия. Двое из них подпрыгивали вверх, размахивая руками. Другой держал в руках швабру и производил ею такие пассы, словно собирался мыть потолок. Четвертый бурно жестикулировал, очевидно раздавая указания. Девушка плела какое-то заклинание, то и дело бросая взгляды вверх и предлагая позвать кого-нибудь из старшекурсников.

Я тут же заинтересовалась, чем можно озадачить нынешнюю молодежь. Увиденное меня не разочаровало. Высоко под потолком, вне досягаемости рук прыгунов и ловко уворачиваясь от швабры, парила стопка конспектов. Парила очень неряшливо. Тетради то опускались вниз, почти попадая в ту зону, где их мог бы ухватить кто-то из прыгающих парней, то устремлялись ввысь, влипая страницами в потолок. Несколько конспектов раскрылись. Было видно, что некоторые листы не соблюдают общую гравитацию предмета и пытаются выдраться из корешков и унести прочь.

— Тут два варианта, — авторитетно заявил Мальт, скорчив задумчивую рожу, парадировав кого-то из преподавателей. — Либо Стихия вышла из-под контроля, либо кто-то пытался создать заклинание, но неверно составил формулу.

— Похоже на симбиоз противоречащих друг другу заклинаний, — согласилась я. — Странно, что вообще заработало.

— Да у нас тут каждый второй — непризнанный гений, — раздался голос позади нас. Я рефлексивно потянулась за ножом, но вовремя остановилась, распознав знакомый голос. Мальт тут же попытался метнуться в сторону открытой двери, но был перехвачен командным голосом. — Стоять!

Мальт тихо, но очень емко выругался. Я же наоборот, испытала неподдельный прилив радости. В прошлый раз мы расстались на какой-то незаконченной ноте. Она так и повисла между нами в воздухе, ожидая своего окончания..

— Ирбис! — Я даже не стала пытаться соорудить невозмутимое лицо. Мне было приятно встретить его вновь и я не видела причин скрывать этого.

Он был в своей привычной шляпе, которая едва ли соответствовала холодной погоде зимы даже в стенах Старого города, где температура воздуха была значительно выше, чем в любой другой точке этих краев. Не зря же Академия получила особый статус. Единственным объяснением могла быть только утепляющая чарма, приколотая к внутренней стороне шляпы. Я подавила в себе желание перейти на магический взгляд и проверить свою догадку. Все-таки правила вежливости нужно соблюдать, особенно в гостях.

Мальт, тем временем, пытался слиться с моей тенью.

— Китра. — Весьма дружелюбно поприветствовал Ирбис.

Я ожидала увидеть более бурную реакцию от парня. Не глубокое потрясение, нет. Но хотя бы удивление. На гладковыбритом лице не мелькнуло ни искорки изумления. Он знал, что я в Академии, хотя с момента моего появления прошло не больше пятнадцати минут.

— Что у вас здесь за система оповещения такая? — заозиралась я по сторонам в поисках заклинания, которое меня сдало.

— А... это... одно очень темно-магическое проклятье, — с налетом таинственности возвестил Ирбис и тут же пояснил: — Болтливые адепты называется. Устанавливал сам господин Чабер. Срабатывает в тот момент, когда кто-то из адептов "черного списка", например, как Мальт, приближается к чему-то к чему приближаться нельзя. Например, к лицу женского пола ближе чем на три метра и дольше чем на пять секунд.

— Вот предатели! — всплеснул руками Мальт, внезапно разочаровавшийся во всей системе образования. Словив предупреждающий взгляд от адепта Огня, он тут же поправился. — Ироды окаянные, хотел я глаголить. Во! — И осенил нас знаменем Света.

— Это что, тоже часть наказания? — уточнила я, глядя на неуклюжие символы, вычерчиваемые в воздухе.

— Среди прочих, — подтвердил Ирбис, не сводя настороженного взгляда с Мальта, словно подозревая его в том, что среди священных рун засветившихся в воздухе могла затесаться парочка оскорбительных слов. — А ты здесь...?

— Ищу Стража Клоу.

Вроде бы и не сказала ничего постыдного или предосудительного, но между нами повисла какая-то неловкость. Совершенно пустая и необоснованная. Не было ничего такого, что заставило бы появиться подобным чувствам, но я как-то остро ощутила вкус своего собственного предательства.

— А... да... конечно... я знаю о...

— В самом деле? Что, уже все знают о помолвке?! Это что, где-то в газете напечатали или приглашения рассылаются? Я просто хотела бы об это знать, раз уж я часть этого события, которое, между прочим...

— О помолвке? — выйдя из ступора, повторил Ирбис. Его лицо приобрело невероятное глупое выражение. — Я имел ввиду, что знаю, что Страж в Академии. Видел его буквально пару минут назад. Помолвка?

— Обычные сплетни, — поспешила объяснить я, но заметив на его лице заблестевший огонек надежды, который очень сильно не хотела интерпретировать, поспешила добавить: — Но не лишённые основания. Нет никакой официальной помолвки. Во время праздника Зимы, если...

...если доживу...

— ...когда мы разрешим все проблемы... Эм... А вообще это секрет, — я немного замешкалась, улавливая возбужденное состояние рядом стоящего парня. Пришлось отвлечься и пригрозить, — Тебе ясно, Мальт?

— Уста мои хранят молчанье, печать на них стоит клеймом! — ударив себя в грудь, пообещал парень. Весь вид его был настолько благочестивым и одухотворенным, что я сразу потеряла к нему всякое доверие. Сдаст ровно через секунду после того, как отвернусь.

Я покачала головой, признавая поражение.

— Знаешь, у нас, конечно, жесткий костяк консерваторов в Свете, но и они уже очень давно так не разговаривают, — вступилась я за своих. — Никто так уже не разговаривает.

— Окромя старца седовласого, что крепкой дланью прекратил волшбу дурную.

— Какого старца? — вмиг посерьезнел адепт Огня, возвращаясь из своих раздумий. — Мастер Эстеф здесь?

Я описала виденного мной мага. Мальт в силу своих языковых и поэтических

возможностей мне помог.

— Проклятье, вот чего он вернулся? И направился к господину Чаберу? Вот же... гх-м... Китра... — он на мгновение замер, явно подбирая слова, но тут же сдался и просто сказал: — Не уходи не попрощавшись со мной. Мне надо кое-что тебе рассказать.

Адепт Огня махнул рукой, и придерживая за поля шляпу, ловко ввинтился в толпу учащихся. Еще несколько секунд передо мной стоял образ его удаляющейся спины, после чего я сообразила:

— Эй, где он сказал видел Стража?

Мальт стрельнул глазами в одну сторону, потом в другую, сложил ладони в молитвенном жесте и тихо прошептал:

— Да прольется Свет милости на это священное здание, ибо был мне дарован шанс засвидетельствовать все собственными глазами, — переведя взгляд на меня, он вновь вернулся к своему прежнему тону. — Господин Чабер, всесильный маг-ортодокс, Страж Солнца и адепт Огня. И все они в одном помещении. Я просто обязан это все увидеть! — и схватив меня за руку, парень потащил меня вслед за исчезнувшим в толпе Ирбисом — в Восточный зал.

Восточный зал третьего этажа также являлся Восточным залом четвертого этажа, а по совместительству еще и залом тренировок для магов Воздуха. Полтора десятка метров — вполне соответствовали той высоте, что требовалась для подобных мероприятий. Смущало только обилие белоснежных гобеленов, которые, скорее всего, нацепили на стены к приезду гостей. Полотна пестрили разноцветными узорами, так или иначе символизируя разные направления воздушной Стихии, классической классификацией которой считались стороны света: западная, восточная, северная, южная. Большинство мастеров Воды (признанные родоначальники психологии и заклинаний разума) сходились в том, что эти четыре типа Воздуха вполне можно сравнивать с четырьмя типами нервной системы.

Шум, гул и гам, — вот чем нас встретил благородный Восточный зал. Царившая в нем атмосфера была подобна той, что возникла, если бы все сплетницы мира собрались в одном помещении и принялись бы на скорость пересказывать самые сочные события встретившиеся на их жизненном пути. Я отчаянно вертелась по сторонам, выискивая в толпе рыжую макушку Стража. Мальт производил те же самые маневры, только с совершенно иной целью. Он выискивал будущих участников предполагаемого скандала.

— Ты уверен, что он где-то здесь? — засомневалась я.

Сидит, наверное, в кабинете у ректора чай гоняет, бумажки со статистикой из кучки в кучку перекладывает. Зачем ему лезть в эту толпу? Ну не получается у меня поверить в серьезность скандалов происходящих в Академии. Разве может приезд родственников вылиться в проблемы, ради которых позовут Стража? Он здесь, скорее всего, чисто формально, как представитель Обителя. Они же любят напоминать о своем зримом и незримом присутствии.

— Что тут вообще может такого произойти, с чем не справился бы кто-то из старших адептов? Согласна, тот случай с растением-гигантом нечто из ряда вон выходящее, но не сказать, что очень экстраординарное.

— Пф-ф... — фыркнул Мальт. Его глаза горели от предвкушения. — Ты нас недооцениваешь. Сразу видно в какой далекой и невероятно скучной Школе ты обучалась. Поэтому ты и не можешь оценить масштаб. Здесь и в спокойное-то время каждые пятнадцать минут что-то случается, а уж когда собирается столько высокопоставленных лиц вместе...

Закончить он свою мысль не успел. За него это сделало Провиденье или Вселенная, или кому как удобней интерпретировать подобные совпадения. В общем, едва только было сказано это слово, действие началось.

Восточный зал разрывал пополам четвертый этаж. Чтобы пройти в кабинеты четвертого этажа из главного зала, нужно было пройти по узенькому, тянущемуся балкончику с перилами, огибающему зал по стене или же спуститься вниз по лестнице, пересечь зал и точно также подняться по лестнице вверх на площадку, откуда откроется доступ в коридор с кабинетами. В общей сложности в зале было пять выходов. Первый — через который вошли мы, это главный коридор третьего этажа, шедший из главного зала. Второй — тот, который шел из восточного крыла, где находился кабинет Господина Чабера. Третий был аналогичен первому, только шел по четвертому этажу. Четвертый дублировал второй, и вероятно вел в

комнаты общежития адептов Воздуха. И вот мы подходим к пятому входу. А точнее выходу, существование которого для меня не представляло какого-то смысла.

Пятый вход вел на террасу, которая в силу особенности строения Академии (наполовину вросшей в скалу) ограничивалась каменистым обрывом. Терраса была достаточно просторной и наверняка с нее можно было наблюдать великолепный восход солнца, если вы вдруг относитесь к редкому типу людей, которые именно так предпочитают проводить утренние часы перед занятиями, а не спокойно долеживать последние сладкие минутки. Собственно, кроме как наблюдать за восходом солнца делать там было больше нечего. Также на эту террасу выходила часть окон кабинетов, но других входов на нее, кроме как из Восточного зала не было. Возможно эта терраса уже очень долго не видела у себя посетителей, а дверь давненько проржавела и перестала открываться за отсутствием надобности. Поэтому, когда с жутким скрипом, лязгом и скрежетом, огромные кованые двери, высотой метров пять принялись открываться с внешней стороны, гул зала стих.

Словно по команде дирижера звуки голосов оборвались. Следуя приказам невидимой палочки люди в зале замерли и казалось затаили дыхание. Кто-то остался с поднятой вверх рукой, кто-то с занесенной в шаг ногой, кто-то замолк на полуслове. В возникшей тишине я могла расслышать удары собственного сердца. Радужки глаз Мальта, который в этот момент стоял лицом ко мне и спиной к входу номер пять, начали медленно расширяться под ужасающие звуки заскрежетавших петель.

Вот дирижер держит паузу, время стоит на месте, а вот он ее отпускает, и дверь, наконец, сдаваясь под напором неизвестных сил, открывается. В моей голове зазвучал веселенький мотивчик из комедийной постановки центрального театра.

Первым делом из дверей, в качестве первопроходца, показалось пузо, обтянутое плотной зеленой тканью жилета, а уж вслед за ним появился и сам господин Чабер. Дикий, ошалелый взгляд и взмокший лоб, я могла разглядеть даже отсюда. Пролететь сразу сквозь приоткрытую дверь ему не удалось. Пришлось сделать несколько попыток, с каждой из которых, люди, стоявшие ближе всего к пятому выходу, медленно сдвигались назад, образуя полукруг. В какой-то момент все так сдвинулось, что я оказалась в первых рядах происходящего. Мальт же, подобно лучшим стратегам нашего времени и будучи в "черном списке" у ректора, мистическим образом, не используя никакой магии, испарился на моих глазах и воплотился где-то сзади, за моей спиной.

В человеке следующим за господином Чабером я разглядела... не знаю, кого я на самом деле там увидела, потому что мозг упорно настаивал, что это мастер Эстеф, во всей его сияюще-блестящей красе. Длинная мантия в пол, расшитая золотом по белоснежной ткани и черными вставками на груди. Все то же милейшее выражение на всепрощающем лице, где каждая морщинка источала мощнейший поток благодущия. Хотелось прямо сейчас пасть перед ним на колени и покаяться в своих грехах. Я даже стала выбирать местечко на полу, где почище, но моему светлейшему порыву помешал следующий гость.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Страж.

Мой Страж.

Мой Страж Солнца Имир Клоу своей прекрасной солнечной персоной. Именно с такой мыслью я свыкалась последние месяцы и почти была готова перейти к тому пункту, где примеряю себе его фамилию.

Несмотря на всю комичность ситуации, на его лице не дрогнуло ни единой мышцы.

Полностью беспристрастное, сугубо деловое лицо, выточенное из камня. Взгляд абсолютно непроницаем. С таким он мог завязывать шнурки, допрашивать нарушителя, кормить на речке уток или выходить из горящего дома. Одет он был все в ту же форму — зимний вариант, что я видела на нем перед отъездом. К слову, любой другой одежды помимо формы я на нем-то и не видела никогда. Что ж, смотрелся мужчина довольно опрятно, даже с прической не соответствующей последней моде, но отвечающей всем пунктам Устава и Положения о внешнем виде действующего на территории Старого города уполномоченного Обителю Солнца Великой Империи Стража Солнца.

Господин Чабер встретился взглядом с затихшей толпой, затихшая толпа поспешила отвести любопытные взгляды в сторону и притвориться, что гробовое молчание — это совершенно обыденное для нее состояние, наравне с созерцанием скрипучей двери третьего этажа, ведущей на террасу. Господин Чабер открыл рот, чтобы, очевидно рявкнуть толпе что-то очень важное, может даже жизнеутверждающее, способное направить эту толпу на путь истинный, но тут, сзади, там где возвышался балкон четвертого этажа, раздался голос. Или, скорее, глас.

— Где ОН?

Толпа синхронно развернулась и подняла головы вверх, чтобы узреть посмеявшегося от нее отбиться единоличника.

Он стоял ровно посередине балкона, именно в том месте, куда падал яркий солнечный свет из центрального окна над дверью. Держась за перила он нагнулся вперед, острым взглядом вцепившись в фигуру господина Чабера. Прекрасное юношеское лицо, обрамленное русыми волосами, пылало от праведного гнева. На вид парню было чуть больше двадцати. Не спасала даже коротенькая модельная борода и горделиво вздернутый подбородок.

— Я хочу знать ЕГО имя! — повторил вопрошающий. — Почему вы скрываете ЕГО от меня?

Хорошо поставленный голос звучал настолько убедительно, что я сама задалась вопросом, почему господин Чабер кого-то скрывает? Думала я так не одна, потому что толпа с тем же немым вопросом в глазах уставилась на начальника охраны Академии.

— Ирум Айзорн, — попытался воззвать господин Чабер к голосу разума выступающего, кидая опасливые взгляды в сторону коридора, ведущего в его собственный кабинет, — я вам все уже объяснял. Спускайтесь к нам сюда и мы пройдем в мой... эээ... в кабинет мэтра Кейда и все обсудим, — и чуть тише, добавил, — в одиннадцатый раз.

Толпа подавила разочарованный вздох, опасаясь, что на этом вот все и закончится.

— Нет! — безапелляционно возразил маг (определенно маг). — Я больше не позволю вашим лживым речам затуманивать мне разум.

— Хорошо сказал, — тцокнул у меня под ухом Мальт. — Душевно.

Тем временем, названный ирумом Айзорном продолжал:

— Я хочу знать где ОН прямо сейчас! Почему вы ЕГО покрываете? Где этот разлучник?!

Толпа издала шокированное "Ах!", обрадованная новой подробностью развернувшейся драмы. "Ой" — в разноречивой с толпой, отреагировал Мальт, явно предчувствуя какую-то беду. Мастер Эстеф тихо, так что могли слышать только двое его спутников и первые ряды, уточнил — "разлучник?". Господин Чабер раздраженно отмахнулся, нервно мотнув головой в сторону коридора.

— Ирум Айзорн — это совершенно никуда не годится. Вы взрослый человек.

Дипломированный маг. Вы...

— Довольно пустых разговоров! — не унимался дипломированный маг Айзорн, возводя руки к потолку. — Явите мне разлучника и мою невесту сию же секунду! Хватит обмана! Я требую сатисфакции!

— Чего он требует? — уточнил у меня Мальт. Подобный шепоток пронесся и по залу, где большинством голосов было принято решение, что это либо классическое обеденное блюдо северян, либо имя той самой пропавшей невесты. Из-за чего последовало сразу с десяток реплик вроде "Я сейчас тоже не отказался бы от порции сатисфакции", "Я бы стала ему лучшей невестой, чем любая Сатисфакция", и "А это будет потом на экзамене?".

— Ирум Айзорн — это уже выходит за границы....

— Дуэль! — взмахнул рукой маг, направив ее в обвинительном жесте на господина Чабера.

— Со мной? — не понял тот.

Парень едва заметно поколебался, после чего набрав побольше воздуха в легкие, ответил:

— С разлучником!

Я задалась вопросом, почему начальник охраны не урезонит его каким-нибудь особо метким заклинанием и не скинет этого патетичного парня с балкона. И даже не сразу уловила тот момент, когда меня заметил Страж и начал подавать глазами странные сигналы, которые я не могла интерпретировать иначе как "Что вы тут забыли руми Латер? Немедленно продвигайтесь к западному коридору и сваливайте отсюда поскорей". В ответ я попыталась изобразить что-то вроде "Я пришла увидеть вас и никуда отсюда не уйду".

— Ох Святые Стихии, — выдохнул господин Чабер. — Нет его здесь. Он отчислился еще в начале семестра, как и ваша невеста.

— Наглая ложь! Они оба здесь. Сегодня я почувствовал запах ее духов у входа в Академию.

— Ну естественно, — едва слышно пробормотал господин Чабер.

— Значит и ОН здесь. Возможно в этом самом зале! — внезапно озарило мага. — Конечно же он здесь!

— Разлучник. Здесь. — пробежался шепоток. — Я видел Мальта. Это точно он. Это всегда он.

Непостижимым образом толпа разум отхлынула в стороны, оставляя в центре внимания меня и замешкавшегося адепта.

— Предатели, — фыркнул Мальт.

"Так и знал, что случится нечто подобное" — отразилось в глазах Стража. Он уже собирался сделать шаг вперед ко мне, но мастер Эстеф преградил ему дорогу. Завязалась борьба красноречивых взглядов.

— Ты его знаешь? — зашипела я на парня.

— С чего бы? — оскорбился тот. — Я предпочитаю знакомиться с девушками, а не с их женихами.

— Разлучник? — голос сверху окрасился в оттенки недоверия. Видимо адепт огня в монашеской робе с юным одухотворенным личиком и невинным взглядом (отточенным и отрепетированным годами) белобрысого Мальта, мало подходил на роль коварного искусителя. Но против мнения толпы особо не попрешь, и ирум Айзорн вернув себе уверенность, повторил. — Разлучник. Я требую дуэли. Немедленно.

— Не стоит ли нам...? — вдруг заволовался мастер Эстеф, приметив возможного кандидата в ряды Света. — Речь же идет о другом...

— Не стоит, — перебил его господин Чабер. — Я от него хороших оценок требую годами. А тут дуэль и немедленно. Как же, дождется от него ирум Айзорн.

Я ощутила на себе полсотни взглядов, пытающихся идентифицировать мою личность и определить в одну из возможных категорий общества Мальта, а именно: та самая невеста, разгневанная мать невесты, новая пассия (возможно чья-то другая мать). Куда себя деть в такой ситуации я не представляла. К счастью, представлял Страж. Воспользовавшись тем, что мастер Эстеф отвлекся, Имир сделал шаг вперед, еще один, и почти невесомо дотронувшись до моего плеча, шагнул назад, но уже вместе со мной. Прodelал он это так естественно и непринужденно, что никто не посмел возразить. Весь интерес к моей персоне исчез в то же мгновение, как за моим плечом замаячила тень Стража. Даже говорливый маг с балкона проигнорировал этот момент, решив полностью сосредоточиться на персоне коварного искуcителя и разлучника. Коварный же искуcитель, поняв, что спасти его больше некому, тяжело вздохнув — "и так каждую луну", ответил своему оппоненту.

— Блаженный отрок, — обратился он к магу, и, чуть поколебавшись, поправил сам себя, — эээ... благословенный сын волшебных чар Земли... эмм... за чью же честь решил вступиться ты?

Нареченный Айзорном нервно вздрогнул, отшатнувшись назад от перил. К такому виду общения он был не готов. Мальт же почувствовав в себе уверенность и силу минувшей эпохи продолжал:

— Чье сердце усомнило твою душу так, что не раздумывая бросился ты в путь, гонимый страстным гневом воздаянья, обидчика прекрасной девы наказать?

— Почему он говорит рифмами? — Тихо прошептал мастер Эстеф. — Разве наказание состояло в этом?

— Нет, — покачал головой господин Чабер. — Обычная глупость. Думаю, он считает, что быть покорным и учтивым послушником Света — это разговаривать на староимперском. Учитывая, что сталкиваться со староимперским он мог только читая девицам стихи поэтов прошлых лет, в его представлении мог сложиться стереотип, что все староимперцы говорят рифмами.

Мастер Эстеф вздохнул:

— Староимперский считался устаревшим даже в моей глубокой молодости. Мой прадед считал его устаревшим.

— Я этого стихоплета на дополнительный факультатив плетения нитей отправлю, — устало пригрозил господин Чабер. — Если он так рифмы складывает, страшно представить, какие заклинания он создает. А как готовит зелья? Это же все арифметика, счет, доли. О-ох.

— В таком случае, лучше его мастерству игры на музыкальном инструменте обучить. Там все есть: и такт и счета. Сольфеджио — есть прекрасная разминка для ума и...

— И души?

— Нет, души в сольфеджио нет, там скорее наоборот, что-то от демонских тварей.

— Нет уж, — покачал головой господин Чабер. — Пока он просто стихи читает, а если все это под музыку делать начнет? Мне за ним что, с метлой после этого ходить и лично девок отгонять?

В голове все никак не укладывалось, чей же это жених? Кто стал виной скандала: девушка из Приюта милосердия или дочь конюха в поместье ирума Камдена. А может и

вовсе третья неизвестная пассия, которая успела появиться за те дни, что меня не было. Да кто его знает, сколько у него их там?

Пока я размышляла, ситуация "ревнивец на балконе и монах в центре зала" приняла новый оборот. Мальт перечислял цветы, а ирум Айзорн приобретал все более обескураженный вид. Складывалось впечатление, что они начали играть в какую-то игру, но я не могла определить в какую. Отвлекаясь на разговор мастера Эстефа и господина Чабера, я потеряла нить сути.

— Роза? — С сомнением уточнил адепт.

— Нет! — обиженно отозвался маг Земли.

— Лилия? — не сдавался Мальт.

— Нет же! — яростно отрицал ирум Айзорн.

— Я как-то в растерянности уже, — развел руками в стороны светловолосый. — Маргарита? Ээ-м.... Уж год как чести не имел сей светлый лик я лицеизреть...

...Закончить это предложение Мальт не успел. Откуда-то слева раздался громогласный бас, сотрясший своей силой стены замка:

— Довольно!

Огромная, давящая мощью сила, дыхнула магией из левого коридора. Меня прошиб озноб. Подобного рода магия не преследует какую-то конкретную цель. Здесь не плетется заклинание и не читаются заговоры. Это сырая энергия Стихии. Она подобна прессу, лавине, цунами. Просто обрушивается на тебя. Оглушает. Ослепляет. Обездвиживает. Магия столь высокого уровня не для новичков. Подобная сила появляется с годами. Рождается после долгих и упорных тренировок, исчисляемых десятилетиям. Магу воспользовавшемуся ею должно быть очень много лет. Раза в два больше, чем господину Чаберу.

Я поспешила воспользоваться защитным заклинанием, чтобы отгородиться от отката и запоздала всего на секунду, попав под "щит" Стража. Мое "отрицание", созданной чармой, одолженной у Леды, жалобно затрещало под натиском чужого заклинания и подобно дешевой ткани расплозлось по швам. Воспользоваться защитой успели мастер Эстеф и господин Чабер. Кое-кто из адептов, видимо со старших курсов, тоже вспомнил о такой вредной вещи, как откат. Они-то и устояли на ногах, когда секунды спустя волна силы поползла обратно, сбивая с ног нерадивых учеников. Три четверти присутствующих в зале оказались на полу.

Не успела я дотронуться до рукояти, как вновь ощутила на своем плече невесомое прикосновение Стража. Этот жест заставил меня замереть и вспомнить, что помимо меня здесь есть как минимум три опытных мага, способных дать фору кому угодно. Один день можно спокойно постоять в сторонке и без использования самоубийственных заклинаний, разъедающих тело изнутри. Эту задачу можно оставить на плечах Стража Солнца, начальника охраны Академии и мастера Света. Они здесь как раз для разрешения подобных конфликтов.

Злодеем, посмевающим совершить столь наглое нападение на адептов, и прервать диалог обманутого жених и разлучника, оказался тот самый старик, что развоплотил обезумевшее растение этажом ниже. Не зря же он появился из того коридора, который вел к кабинету господину Чабера...в то время как господин Чабер был на террасе? Что он там делал? Нет, не так, что эти трое делали там все вместе? Ладно Страж и начальник охраны, но какими судьбами мастер Света записался в эту компанию и почему на террасе? Реакция адептов была однозначной: через эту дверь на террасу никто не заходил. Так как же они там

оказались? Не через окно же кабинета господина Чабера...?

— Айзорн, а ну спускайся! Ты этим выступлением уже достаточно опозорил свою семью. Мы уезжаем немедленно.

На лице парня промелькнуло загнанное выражение. Своего старика он побаивался. Маг кивнул и послушно направился к лестнице. Только вот это была единственная уступка. Признавать окончательную капитуляцию Айзорн не собирался.

— Езжайте домой дедушка, без нее я не вернусь.

— У нас с ней был уговор, — безапелляционно ответил старший маг.

— Ваш договор! Не мой. И теперь я узнаю, что она пропала, — ирум Айзорн обвинительно ткнул пальцем в Мальта, — с ним!

— Если девица решила опорочить себя...

— Прошу прощения, что перебиваю, — вмешался господин Чабер, видимо вспомнив, что является начальником охраны и вроде как должен препятствовать подобным выступлениям. — Я уже объяснял вам и вашему внуку, что руми Винтер забрала свои документы и покинула Академию в начале семестра.

— Леда бы так не поступила! — вновь взъярился ирум Айзорн. — Если только ее кто-то не заставил! — затем последовал полный ненависти взгляд на Мальта. А я, кажется, начала что-то понимать. — Этот мерзавец! Недостойный! Разлучник! — продолжал перечислять парень. Кто знает, когда бы он исчерпал свой запас оскорблений, но Мальт наконец отреагировал.

— Леда? — с неподдельным удивлением спросил он, растеряв весь свой образ. — Я ее ни с кем не разлучал. Спрашивай о ней у Китры, — махнул он рукой, указывая аккуратно на меня. — Леда пропала с ней.

— Китра? — глаза ирума Айзорна мгновенно метнулись в сторону нашей скромной компании, цепко вылавливая меня. Тяжелая работа мысли выдала весьма сомнительный результат, но немного поколебавшись и растеряв былую уверенность, маг все-таки уточнил: — Разлучница?

Нас выгнали.

Да, именно так. Господин Чабер выгнал всю нашу компанию из Академии, чтобы мы разбирались в своих проблемах между собой, потому что Академия — это не проходной двор, а высшее учебно-магическое заведение. Ладно, на самом деле, выгнали только меня и ирума Айзорна, остальные подтянулись за нами. Я попыталась сообщить господину Чаберу, что у меня к нему есть серьезный разговор, но он ничего не пожелал слушать. Мол, когда закончится неразбериха, тогда и приходите. А сейчас, когда ваше присутствие гарантирует участие грозного мага-ворчуна, идите-ка куда подальше.

Я не обиделась. Вот честно. Все-таки я искала Стража, а остальные дела могли подождать. Имир Клоу, кстати, отправился вместе со мной, сообщив господину Чаберу, что вернется позже, и выразил надежду, что в его отсутствие у начальника охраны хватит сил справиться со своей Академией. Господин Чабер в ответ выразил свою уверенность в том, что большая часть проблем Академии сейчас как раз уходит вместе со Стражем. Имир Клоу тут же выразил удрученность тем, что такая самостоятельная магия, как магия Стихий, не способна самостоятельно разгребать свои проблемы без "старшего брата", и вечно Обители приходится за ними прибираться. Грозился разразиться нешуточный спор, но к счастью, вмешался мастер Эстеф, напомнив, кто тут "старший брат" и кто помогает Академии по доброте душевной, тратя свой отпуск, а может ведь и уехать обратно. Это остудило обоих.

Таким образом, в числе депортированных лиц за пределы Академии, оказалась я (как главная виновница), ирум Айзорн (как главный возмутитель спокойствия), его дед (по состоянию родства), Страж Клоу (как представитель порядка), мастер Эстеф (его никто не звал, но он сам себя назначил миротворцем), Малыт (этот затесался под шумок, когда понял, что можно получить билет на свободу). С робкой надеждой я поинтересовалась, возможно ли отложить вопросы про Леду на пару декад, а лучше всего до весны, поскольку я несколько занята. Мне ответили отказом.

Страж, приказав всем оставаться на месте, отвел меня в сторону.

— Где руми Винтер? — спросил он.

Покосившись на остальных и прикинув, что никто из них не заслуживает моего доверия, но вряд ли является соглядатаем ирума Камдена, рассказал Стражу про гостиницу.

— Она в порядке?

В порядке ли она? Ха! И близко нет.

— Физически — да.

Страж указал взглядом на ирума Айзорна, как бы задавая вопрос, не усугубит ли его присутствие состояние Леды. Я задумалась. Девушка находилась в крайне нестабильном состоянии. Она, конечно, держалась изо всех сил, но ей всего восемнадцать! У нее хороший стержень, крепкий, но и такие ломаются. Демоны знают, что у нее творится в голове. Она не рвется возвращаться домой или в Академию, предпочитая запереться в комнате и строчить какие-то схемы. В принципе, Леда поступала правильно. Ей лучше никуда не высовываться. Но разве в своем состоянии она должна поступать правильно? Что случится если она встретится со своим женихом? Это ее обрадует? Или наоборот, сломает последние стены, которые удерживали в нормальном состоянии?

— Ладно, демоны с вами, — сдалась я, — поехали к Леде, но чур без скандалов. Она не очень хорошо себя чувствует.

— Что с ней? — Изящные брови ирума Айзорна взметнулись вверх, и я тут же пожалела о сказанном. Не знаю, как на Леде, но этот тип плохо скажется на моем психическом состоянии. — Она нездорова?

— Ты никуда не пойдешь! — возразил старик. Его грузное морщинистое лицо нахмурилось. Серая, почти выцветшая радужка глаз сузилась. Рука предупреждающе сжалась на древке посоха. Маг прилагал все усилия, чтобы не схватить за шкуру своего внука и не уволочь домой силой. — Мы возвращаемся домой. Найдешь себе другую, из своего круга.

— Езжайте домой сами, дедушка, — скрестил на груди руки ирум Айзорн. — А я и шагу не сделаю из Старого города, пока не поговорю с Ледой.

— Она в Новом, — уточнила я.

— Значит, из Старого один шаг сделаю, а из Нового уже нет, — быстро сориентировался тот.

— Не бывать тому, — маг оставался непреклонен. — У нас был договор.

Спор обещал затянуться, а я замерзнуть и потерять драгоценное время. Так бы и произошло, если б мастер Эстеф не решил вмешаться:

— А в чем собственно проблема ирум Руйгест? Вы проделали такой долгий путь ради ничего? Пусть молодые встретятся. Времени вон сколько утекло. Кто знает, что могло измениться. У девушки выдался очень тяжелый год. Соседку убили, саму чуть не принесли в жертву. Два раза. Каков бы ни был между вами договор, всегда есть возможность внести поправки, с обоюдного согласия обеих сторон.

— Какое еще жертвоприношение? — оторопел старик.

— Когда это произошло? — пришел в ужас парень.

— А вот вам все в подробностях расскажет этот юный адепт, — мастер Эстеф подмигнул Мальту. — Зачем-то же он увязался вместе с нами? Такой болтливый юнец, наверняка все про всех знает. А вы, ирум Айзорн, наверное, захотите принести ему свои извинения.

По выражению лица ирума Айзорна стало ясно, что никому никаких извинений он приносить не хочет, и вообще, Мальт у него все еще под глубоким подозрением. Мальт же в свою очередь, попытался разыграть искреннее неведение о сути происходящего, но под пристальным взглядом улыбчивого, добродушного и убивающего силу воли одним своим сиятельным (в буквальном смысле!) видом, мастером Света, сдался, как и его оппонент. Словно под гипнозом все трое (Мальт, ирум Айзорн и ирум Руйгест) сели в подоспевший экипаж. Я назвала извозчику адрес. В следующей карете оказались мы: Страж Солнца, мастер Эстеф и я. Что-то подсказывало, что такую расстановку сил мастер Света выбрал не случайно. И верно, как только экипаж двинулся, он заговорил.

— Итак, — начал мастер, излучая опасный свет доброты, — с кого из вас начнем?

Мы со Стражем как-то одновременно подобрались. Я сидела с ним рядом, мастер Эстеф же, предпочел позицию напротив. Сложив руки на коленях в замок, он переводил взгляд с меня на Стража и обратно. Под напором раскрепощающей и внушающей доверие ауры, я стиснула зубы, опасаясь, что тут же начну выбалтывать все свои секреты. Страж же смотрел на мастера с легкой прохладой в глазах. Очень легкой, примерно на минус пять. Храм Света и Обитель Солнца находились в довольно дружеских отношениях, в гораздо лучших, чем со стихийниками, но чем-то дружелюбный мастер Имиру Клолу не угодил.

— Мастер Эстеф, — взял на себя роль главного Страж, — не хотел бы проявить неуважение, но полагаю руми Латер может оказаться не очень комфортно в вашем обществе. Она здесь, чтобы... — Страж запнулся, осознав, что понятия не имеет, с какой же целью я оказалась в Академии, поэтому я поспешила ему на помощь.

— Чтобы встретиться с вами, Страж Клоу.

Могу поклясться, он смутился. То есть, его взгляд оставался таким же пустым и непроницаемым, но моя фантазия дорисовала остальное.

— Кх-м... — уголки его губ дрогнули. — Именно.

Прямолинейность Стража мастер пропустил мимо ушей. У него были свои скрытые цели, и он не спешил их озвучивать. Вместо этого, он предпочел в наглую меня сдать.

— Возможно, посланник Света хотела вам рассказать, почему она покинула приют Милосердия без разрешения лекаря и вернулась еще в более худшем состоянии, чем уезжала? — невинно поинтересовался он.

Страж дернулся как от удара. Он не заметил во мне никаких изменений. Все внешние признаки моего недомогания были тщательно замаскированы косметикой Леды.

— Возможно, — согласился Страж. Теперь же каждая мелочь была подмечена зорким, посуровевшим взглядом. Он был недоволен, но при мастере Света задавать вопросы не стал.

— А вы, возможно, хотели объяснить посланнику Света, о некой церемонии, что готовите к Зимнему празднику? — продолжал мастер.

Тут настала моя очередь дергаться.

— Это не то, о чем вы подумали, руми Латер, — отчеканил Страж, пронзая мастера холодным взглядом, опустившимся до отметки минус тридцать четыре.

Я напомнила себе, что не собираюсь ни в чем подозревать Имира Клоу, потому что он не стал бы ничего делать мне во вред. А ложь ради блага? Тут я могу не опасаться конкуренции.

— Мастер Эстеф, чего вы добиваетесь? — я придвинулась ближе к Стражу, показывая, что полностью ему доверяю.

— Я всего лишь переживаю за своего посланника, оказавшегося в столь незавидном положении.

Я посмотрела на Стража, потом на себя.

— У меня прекрасное положение, — не согласилась я.

— А должно быть официально оформленным, — поправил меня мастер Эстеф.

Я не сразу сообразила, о чем он говорит. Клянусь, что первым делом подумала о своем статусе посланника и только следующей пришла мысль, что речь идет о чем-то ином.

— О, Свет! — взмолилась я. — Это что, один из тех разговоров, где вы проповедуете о том, что нельзя жить во грехе? Вы не мой отец, а мне не семнадцать. И греха здесь нет.

— Кх-м... — послышалось со стороны Стража.

— Что?

— В отсутствии вашего отца, руми Латер, руки я буду просить у мастера Эстефа, как у главного представителя Храма Света в Старом городе, — пояснил Имир Клоу. — Отказавшись от своего имени и вступив в Свет, вы приняли его покровительство. Можно сказать, что Храм является вашим официальным опекуном до вступления в брак. — Пояснил Имир Клоу.

Просить моей руки? Церемония во время Зимнего праздника?

Оу...

Как прикажете на такое реагировать?

— Это жуткий архаизм! — возмутилась я. — Нужна моя рука — берите, — я протянула руку Стражу, он покорно ее принял. Когда наши ладони соприкоснулись, меня тряхнуло. Как удар молнией, как раскат грома. Совершенная, идеальная в своей красоте и изяществе, паника.

Свет мой, что же я делаю? У меня есть муж. Не где-то там, в Нижнем мире, а здесь, в этом городе, в паре-тройке кварталов отсюда. Мы женаты! Пускай минуло несколько жизней, и умер он от моей руки, но разве это что-то меняет? Перед Светом мы все еще законные супруги? Нет-нет, это очередной приступ лунного безумия. И речи быть не может. У меня новая жизнь, а значит здесь все по-новому. Стерлось. Переписалось. Та, кем я была до пробуждения, пока не вспомнила о прошлых жизнях, мечтала о замужестве, о спокойной жизни, о детях. Я все сломала. Мое существование изменило ту судьбу. И что же теперь? Часть меня требовала закончить все дела и двинуться дальше в путь, а другая симпатизировала Стражу, настаивая завязать с таким существованием.

Как-то очень четко я поняла, что нас двое. Я, которой было семнадцать, и которая хочет быть со Стражем. И я, что до сих пор являлась порождением прошлого, рушащая каждую новую жизнь, лишая себя же счастья. Та, что до сих пор не могла отпустить воспоминания о подруге и бывшем муже.

Проклятье... Я — свое же собственное проклятье.

Блеск!

— Руми Латер? — это был Страж.

— Все в порядке, — я вымучила из себя улыбку.

Очень скоро мне предстояло пересмотреть собственные приоритеты.

Встреча родных и близких вышла достаточно странной. Пока я мучительно давила в себе чувство стыда из-за разговора в карете и пыталась придумать, как вытащить мастера Эстефа на приватный разговор, действия развивались стремительно. Местом встречи оказалась общая комната досуга (как она называлась в этой гостинице), разделяющая наши с Ледой спальни. Именно здесь девушка решила устроить оперативный штаб своей импровизированной детективной деятельности. Отодвинув софу в сторону, практически преградив вход в мою комнату, и отправив картину с умиротворяющим пейзажем склонившихся над водоемом ив, она вместе с Райтом подвергла стену варварскому надругательству. Обои нежно-розового цвета были истыканы булавами с разноцветными наконечниками, удерживающими небольшие прямоугольные бумажки с надписями. Некоторые булавы были связаны друг с другом синими нитками, другие — святающимися, сотканными магией. На кофейном столике, оставшемся на своем месте, лежала стопка исписанных листов с вопросами, подпираемая подносом с кофейником и чашками. Леда сидела в кресле у противоположной стены и давала указания Райту, рисовавшему на листах стрелочки и знаки вопросов.

Первые несколько секунд ничего не происходило. В глазах Леды сквозило всего лишь легкое удивление, когда она заметила меня, застывшую в дверях. Я хотела предупредить ее взглядом о том, что сейчас произойдет, но Райт вмешался первым. Стоя лицом к двери, он первым обратил внимание, что за мной маячит кто-то еще, и задал вполне резонный вопрос:

— Кто все эти люди?

Леда тут же вскочила на ноги, принимая оборонительную стойку. В ее руке блеснуло лезвие ножа. Я едва сдержалась, чтобы не передернуться от столь резкой перемены. Образ спокойной адепки сменился чем-то искусственным, неживым, с застывшим, затравленным взглядом. Мое сердце сжалось в каком-то болезненном, но совершенно бессмысленном спазме. Я попыталась подобрать нужное слово, чтобы ее успокоить и привести в нормальное состояние за ту одну секунду, что оставалась в запасе, прежде чем в комнату заглянут нежданные гости, но не успела. Ирум Айзорн пошел на опережение. Игнорируя все правила приличия и банальную вежливость, он проскользнул за моей спиной, и сразу же отыскав среди присутствующих руми сердца, бросился к ней.

— Леда! — воскликнул он, стискивая в объятьях девушку, совершенно игнорируя мелькнувший стальной блеск и напряженную позу возлюбленной. Опоздав всего на мгновение, бывшая адепка усилием воли согнала с себя оцепенение, и обняла жениха в ответ. Неуверенность ее движений не осталась для него незамеченной. Отстранившись назад, но продолжая удерживать ее за плечи, маг растерянно оглядел ее.

Сегодня Леда надела одно из своих муслиновых платьев — не самое шикарное, но хорошего покроя, приталенное и с легкой плиссировкой на лифе. Отделка, правда, была бедновата в сравнении с той роскошью, которую она предпочитала раньше. В цветах ее нарядов все больше преобладали темные оттенки. Вот и сегодня она отдала предпочтение темно-синей гамме, подчеркивающей мраморно-холодную бледность ее кожи. На изящном запястье отсутствовал браслет с чармами. И я не могла вспомнить, надевала ли она его хоть раз за все то время, что я ее видела.

— Простите за вторжение, руми Винтер, — следующим в комнату зашел мастер Света с любопытством разглядывая Райта. — А это у нас здесь кто?

Я представила его.

— Тот юноша вместе с которым исчезла руми Винтер? — уточнил Страж. — Это он пришел вам на помощь во время последнего жертвоприношения?

— Мы познакомились еще во время первого, — подтвердила я. — Он и Мальт были провинившимися адептами, которых господин Чабер выловил в ту ночь.

Страж кивнул.

— Что еще за жертвоприношения? — в проеме двери появился старый маг, дедушка Айзорна. — Новая мода академических забав? Совсем молодежь от рук отбилась. В наше время таких вещей себе не позволяли.

— В ваше время и Академий не было, — мимоходом бросил Мальт, тут же соорудив физиономию "кто это сказал?", и устремился к Райту.

— Приятель! — радостно воскликнул он, распахивая руки для объятий.

— Не смей, — тут же посторонился бывший адепт, пригрозив одной из не воткнутых булавок.

Рядом возник Страж, как бы предупреждая любую возможность возникновения конфликта. Он поприветствовал присутствующих, и мгновенно обратил свой взор на надписи на стене.

— Аристократ, — прочел Страж. Он выбрал ту бумажку, которая была три раза обведена красными кругами. Одна из нитей тянулась к надписи "Старшая Сестра", другая к "Стражу Солнца номер один". Еще несколько нитей уходили в разные стороны, но их загораживал сам Имир Клоу, и что на них написано, я прочесть не могла. — Это соорудили вы, руми Латер? — Страж был явно озадачен.

— Это было создано в мое отсутствие, — тут же отеклась я. — Впервые вижу.

— Любопытно, — мужчина принялся дальше изучать стену, не обращая внимания на вялые попытки Райта отвлечь его от этого занятия. — Как в этой схеме зашифровали вас?

— Ищите "посланник Света", — вздохнула я. — Особо творческого подхода к зашифровке имен я тут не вижу.

— Нет ничего похожего, — засомневался Страж. — Кто такая Эрин? Это единственное имя на стене.

— Где вы его тут увидели? — ужаснулась я.

Страж указал на листочек в самом низу. Я скрипнула зубами, но пояснять отказалась. Вместо этого проследила за нитями, тянувшимися от нее вверх, и обнаружила себя.

— Вот она я.

На белом прямоугольном листе светилась надпись "(Не)случайная жертва". Страж внимательно изучил соседствующие с ней слова. Он хотел задать какой-то вопрос, но рядом возник мастер Эстеф.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, но думаю, что руми Винтер теперь способна справиться и без моего участия. Что же до вас, посланник Латер, я в этом не уверен. Вы позволите? — обратился он уже к Стражу. Тот конечно ничего позволять не собирался, но адресованный к нему вопрос являлся лишь данью обычной вежливости. — Где бы мы могли уединиться?

— Я не...

— Это дверь в вашу спальню?

— Да, но..

— Вряд ли кто-то из присутствующих осудит наш маневр. Все-таки существует не так много вещей, более невинных и благочестивых, чем приватное общение посланника Света и его мастера, — аккуратно подтолкнул он меня в сторону комнаты.

Мне не хотелось оставлять Стража наедине с Райтом, который вряд ли представлял, что стоит говорить Имиру Клоу, а что нет. Также мне не хотелось оставлять Леду наедине с тем сварливым стариком, но и вмешиваться в их семейные разборки, без приглашения девушки я не имела права. Не дай Свет еще на дуэль вызовет за подобное нахальство. Леда теперь девица опасная. Мало не покажется.

— Хорошо, вы правы, — согласилась я, когда дверь захлопнулась за его спиной — Мне действительно надо с вами поговорить. Присаживаетесь, пожалуйста, — указала я на два милых креслица у окна, обитых тканью нежно-персикового цвета с извивающимися сиреневыми узорами, сочетающимися со шторами той же цветовой гаммы. — О чем вы хотели поговорить?

— Не спрашивай, — предупредила меня Леда, когда гости разошлись и появилась возможность обсудить произошедшее. — Не хочу об этом говорить. Не сейчас.

Она выглядела подавленной и невероятно уставшей, но при этом сохраняла невозмутимое лицо. Выходило плохо. У нее не осталось сил поддерживать искусственное состояние безразличия. Каждое движение было пропитано какой-то горькой мукой, отчего хотелось подойти и заключить девушку в дружеские объятия, тем самым оградив от всех невзгод, что свалились в последнее время. Но глядя на блеск холодной стали в небесно-голубых глазах, я понимала, что в данный момент Леда примет подобное действие за оскорбление.

— Я собираюсь проникнуть в особняк ирума Камдена, — через чур резко выпалила я. — Опять.

— И как же ты собираешься убить его в собственном же доме? — скептически отозвалась Леда, присаживаясь рядом со мной на софу.

— Никак! — ужаснулась я ее предположению. — В жизни больше совершу подобной ошибки.

— Жаль, — устало прикрыла она глаза, облокачиваясь на спинку. — Очень жаль. Зачем тогда? Решила объявить капитуляцию? Он будет рад. Думаешь ему понравится известие о вашем романе со Стражем Солнца?

— Перестань, — одернула я ее. Мой взгляд раз за разом возвращался к надписям на стене. — Сдаваться на милость врагу я не собираюсь. У меня появился план.

Девушка фыркнула.

— Настоящий план, — немного обиделась я. — Я разобралась, чего хочу, а значит, знаю, что надо сделать.

— И чего ты хочешь? — без какого-то интереса спросила Леда, демонстрируя явное недоверие к моим желаниям.

— Простого женского счастья, — поделилась я банальным ответом. — Не хочу никого искать, не хочу статуса посланника Света, не хочу никакой привязанности к прошлому. Хочу того, что жизнь предлагает прямо сейчас.

— Замужество?

— Замужество, — скрипя сердцем подтвердила я. Думать об этом, пока я не разобралась с бывшим, все еще боязно.

— Со Стражем Клоу?

— А есть еще какие-то варианты? — в моем голосе проскочили язвительные нотки. Я тут пытаюсь привести ее в норму, а ей хоть бы что.

— Райт слышал кое-что из вашего разговора с... Камденом Геригонем. — Леду аж передернуло, когда она произнесла это имя. Внезапно распахнув глаза, она повернула голову ко мне, обжигая ледяным взглядом. — Я не понимаю. Почему ты не хочешь его смерти? После всего, Китра. После того, что он сделал с тобой, со мной, со всеми нами, и тем, что еще собирается сделать.

— Я не хочу отнимать чью-то жизнь, — призналась я. В голове возник образ смотрительницы. Женщины, что отстаивала свои убеждения, но проиграла чужому

безумию. — Можешь считать это лицемерием. Пусть судьбу ирума Камдена решает закон или Высшие Сила, да собственно кто угодно. Я хочу только одного, что бы он больше не беспокоил никого из нас.

— Из могилы трудно кого-то беспокоить, — философски отозвалась Леда.

— Трудно, — согласилась я. — Но не невозможно. Я знаю способ получше. Я собираюсь найти Дневник моего супруга. Он должен находиться где-то в поместье лорда Геригона. Других вариантов не вижу. Когда найду его, отправлю то, что осталась от моего бывшего на новый круг перерождения. Только уже без памяти обо мне.

Вот теперь Леда действительно заинтересовалась разговором, отогнав злость куда-то в сторону.

— Как это возможно? Ты говорила, что Дневник уничтожить нельзя. По крайней мере той магией, которой люди владеют сейчас. Иначе бы сделала это еще тогда, пятьсот лет назад.

— Я не собираюсь его уничтожать. Когда я такое говорила? Я собираюсь кое-что в нем переписать. А точнее — стереть. Это действительно слишком сложная магия для меня. Боюсь, даже Калек не может разобраться с тем, во что эволюционировало его творение. Дневник — это внешнее проявление многоуровневого и невероятно сложного симбиоза заклинаний. В материальном мире он выглядит, как старая потрепанная книжка, в которой ведутся записи. Но в Нижнем мире, это нечто совершенно иное. В прошлый раз мне пришлось спуститься туда. Так я закрыла мужу путь к следующему перерождению. Скажем, стерла ту главу, что была между смертью и жизнью. Ритуалы, которые проводил ирум Камден пытаясь получить силу демона, эти записи восстановили. К несчастью, точкой в той главе была я. И вместо того, что бы принять в качестве жертвы меня и отправиться дальше, демон предпочел вернуть сей сомнительный дар обратно и явиться в мир живых вслед за мной. В этот раз я не собираюсь запираить его вновь. Да он и не позволит проделать с ним такое во второй раз. Я позволю пойти ему дальше. На следующий круг, только перед этим сотру из его Дневника все воспоминания обо мне. И когда их не станет... Я точно не знаю, что с ним произойдет. Но надеюсь это изменит его к лучшему.

— В самом деле? — кажется Леду позабавили мои объяснения. — Отсутствие воспоминаний о тебе могут изменить кого-то к лучшему? Ты говорила вы любили друг друга. Ты, кажется, до сих пор к нему что-то чувствуешь — это пятьсот лет спустя! Некоторые и год не могут сберечь свои чувства, — с какой-то особой горечью, произнесла она. — Как отсутствие любви может превратить монстра обратно в человека?

— Эта любовь... она... она с самого начала была осквернена болезнью, — с трудом произнесла я. Слова звучали так неправильно, так фальшиво. — Она толкала нас на совершение ужасных поступков. Такая любовь не могла быть правильной. Она не должна была существовать.

Внутри словно что-то разбилось. Совсем. Окончательно. Комок пустоты застрял в горле и я умокла. Было странно ощущать, что после сказанного не произошло ничего. Мир не развалился на части. Гостиницу не поразило молнией. А время спокойно продолжило свой ход, не обращая внимания на произнесенные вслух крамольные мысли.

Сложно было сказать, о чем думала Леда, но, кажется, мои слова ее не убедили.

— Как ты собираешься это проверить?

— Я отослала за своим Дневником. У меня должны были сохраниться записи о том, как я это сделала в прошлый раз. А пока его нет, я буду разрабатывать план, как проникнуть в

особняк. Кажется, Малыт упоминал, что продолжает водить дружбу с дочерью конюха ирума Камдена. Возможно так я смогу выяснить, когда дом пустует и подгадать правильное время. Забрав Дневник я буду действовать уже согласно тому, что обнаружу в записях.

— А что же будет с...Камденом Геригонем? — в этот раз ее голос почти не дрогнул. — Как это повлияет на него?

— Не знаю, — честно призналась я. — Надо будет посоветоваться с моим бывшим.

— Прости, что?

— Я же говорила, из меня так себе маг. Тем более в таком состоянии. Я попрошу помощи у своего бывшего супруга. Не думаю, что он откажет.

— Действительно, — язвительно откликнулась моя собеседница. — С чего бы ему тебе отказывать? Ты всего лишь предлагаешь в очередной раз сотворить с его душой непотребство. Ну как тут устоять и не помочь?

— Да что не так? — не поняла я. — Когда я объясню, что собираюсь сделать, он все поймет. Уверена, что такие мысли приходили ему в голову. Он стал демоном или чем-то очень близким к такому состоянию. Должно быть, такое чувство как любовь ему в тягость.

Как бы я хотела, что бы мой голос не звучал так, словно меня это расстраивает. Тогда бы Леда не смотрела на меня с жалостью. Это я должна вселять в нее уверенность, а не вызывать сострадание. Судя по всему, Леда тоже ощутила возникшую неловкость и поспешила сменить тему:

— А ты уверена, что он не убьет тебя в ту же секунду, как ему представится такая возможность? Он не должен быть настроен на мирный разговор.

Я припомнила нашу встречу во время первого жертвоприношения. Ту холодную отстраненность, которой мы оба придерживались, боясь сделать лишний шаг. После — поведение ирума Камдена. То, что маг рассказывал мне о демоне. Оценивая события беспристрастно, я начинала видеть их совершенно ином свете. Мой бывший супруг поддерживал интерес лорда Геригона ко мне, тем самым заставляя того отказываться от незамедлительной расправы. Почему я в этом так сильно уверена? Потому что до сих пор жива. Что бы ни рассказывал он магу Воздуха, это работало.

Я попыталась объяснить это Леде. Она разделила мой энтузиазм не до конца.

— Какая-то извращенная забота получается. Ты задумывалась о том, что бы с тобой произошло, если бы мы с Райтом не вмешались?

Я не ответила. Мне нечего было сказать. Разговор на этом закончился сам собой. Каждый из нас остался при своем мнении. В последний раз взглянув на подвергшуюся вандализму стену, я отправилась в свою спальню. Дверь в комнату Леды хлопнула ближе к полуночи. Все это время я раздумывала над ее словами и над правильностью своих решений.

Из головы не выходил разговор с мастером Эстефом. Не то что бы он сказал что-то интересное или полезное. Но он заставил меня задуматься. О том, кто я есть и чего хочу. Кажется, я действительно портила сама себе жизнь.

Кем бы могла стать та девушка в чьем теле я родилась? Все те девушки, которыми я была.

Засыпала я с мыслью, что в моем Дневнике тоже стоит сделать несколько поправок и вычеркнуть несколько имен. Иначе отношения с Имиром Клоу можно даже не начинать.

Следующая неделя прошла в относительном спокойствии. Мы с Ледой поддерживали

нейтралитет, всячески не касаясь спорных тем. Если Райт и заметил какие-то изменения между нами, то вида не подавал. Его больше заботила предстоящая сессия, которую придется сдавать, если дедушка ирума Айзорна выхлопочет им двоим обратные места. Еще он злился, что конспекты притащенные Мальтом не отвечали тому стандарту качества и информативности, к которой привык Райт. Почти три часа он возмущался, когда в одной из тетрадей по предмету в двести сорок два часа обнаружил одну единственную запись — "Что-то про грунт. Дальше не понял". Это при том, что Мальт учился на специальном потоке, где все предметы разбирались очень подробно. За это время Леда не притронулась ни к одному из конспектов. Пару раз я видела как Райт читает ей относительно удачные лекции вслух, но судя по застывшему взгляду девушки, устремленному на записки, прилепленные к стене, вряд ли она хоть что-то слышала. В особые минуты отчаянья, когда информации из конспектов не хватало, парень обращался за помощью ко мне, и тогда это самое отчаянье падало на мои плечи. Вопросы у Райта лились нескончаемым потоком. Обычно меня хватало часа на три, потом я молила о пощаде и скрывалась в своей комнате.

Страж Клоу больше не появлялся. У него начался свой отчетный период. Несколько раз он присылал записки с довольно нейтральным текстом, словно боясь, что их может перехватить мастер Эстеф и уличить Стража в непристойных намерениях. Одно из таких посланий было настолько нейтрально, что в какой-то момент перешло в заключительную часть годового отчета и было заверено подписью Стража Солнца, подписью двух доверенных лиц, казначеем и печатью. Заметив мое замешательство с ответом на это письмо, Райт, не долго думая предложил отправить Стражу ту самую заветную страницу из конспекта, где было что-то про грунт.

Леда с каждым днем выглядела все хуже и хуже. Ее лицо осунулось. Под глазами залегли глубокие тени. В один из дней она бросила какие-либо попытки прятать их под макияжем. Теперь ее бледность имела вовсе не благородные, а весьма болезненные оттенки. Девушка несколько потеряла в весе. Она все сильнее утягивала корсеты. У нее совсем пропал аппетит. Лишь иногда удавалось уговорить ее съесть что-то существенное. В основном она держалась только на укрепляющих зельях, которыми ее снабжал Райт. Впрочем их хватало только на то, чтобы держать ее на ногах. О цветущем виде и пышущем здоровьем теле можно было забыть.

На восьмой день явился Мальт лучезарно сияя улыбкой победителя. Он был все в том же балахоне послушника Света, который ему нельзя было снимать, кроме как для стирки, до успешного окончания сессии. В связи с особыми обстоятельствами, господин Чабер, мастер Эстеф и Страж Солнца, подписали ему разрешение на нахождение вне стен Академии в неурочное время и свободное посещение Нового города.

— Ликуйте братья! — ознаменовал он свой приход радостным возгласом, но обнаружив в общей комнате только меня и Леду, неохотно сделал уступку. — Сестры тоже можете ликовать. Но не сильно громко, чтобы не смущать светлейшие умы сильнейших этого мира. С величайшей милости ректора нашей Академии, совета попечителей и отцовского благословения господина Чбера, адепты Леда и Райт, могут вернуться к постижению наук мудреных в стенах обители знаний. — Парень вытащил два блестящих Знака из складок своего монашеского одеяния и положил на стол. — Вот и вот. Ну как? Теперь я заслуживаю объятий, а? А? Да что с вами?

Леда уделила его появлению ровно полторы секунды, после чего вернулась к прерванному занятию. На свой Знак она даже не взглянула. Я же изображать радость была

не в настроении. Мальт насупился:

— Женщины. Где мой брат пред лицом магии?

— Его комната дальше по коридору, — кивнула я.

— Ах да, — спохватился он, прежде чем покинуть пристанище неблагодарных представительниц женского пола. — Выяснил я то, что ты просила. Ну, про того хлыща белобрысого. Когда он дома бывает, а когда нет. Эй! — вздрогнул парень, когда Леда захлопнула дверь перед самым его носом и преградила ему путь собственной персоной. Я тоже подскочила с места, и была готова, если потребовалось бы, удержать парня силой. Впрочем этого не требовалось.

— Напрямую спрашивал? — едва ли не зашипела девушка, вглядываясь ошарашенное лицо Мальта.

— Что? — не сразу понял адепт. — А, нет. Да как ты могла обо мне такое подумать?

— А как тогда? А ну говори.

— Да что говорит-то? — нервно усмехнулся он, глянув в мою сторону. — Вот женщины, да? Наука их не интересует, но как только речь заходит о респектабельном мужчине, сразу теряют самообладание.

— Я сейчас перейду к рукоприкладству, — пригрозила моя соседка.

— Уф, ладно, — примирительно поднял он руки. — Спрашивал не напрямую. Я, знаешь ли, не вчера родился. Умею выяснять, где может находиться вероятный соперник в нужное мне время. Раз в луну, как любой дипломированный маг, уважающий свою Стихию и укрепляющий свои способности, он проводит специальный ритуал для ее умилоствления. А поскольку это магия Воздуха, ему требуется для этого открытое и свободное пространство.

— Поле, — догадалась я. — На территории Старого города такого места не найти. Только где-нибудь на окраине Нового, а может и за его пределами. Как же я сама не подумала про этот ритуал? Конечно же он делает нечто подобное. Все маги Стихий это делают, так ведь?

Повисло неловкое молчание. Мальт прервал его легким покашливанием:

— Кхм... Если не забывают и не считают это пустым суеверием, то да. В общем, это не важно. Прodelывает он это каждое новолуние. Уезжает из поместья в восемь часов вечера, а возвращается в восемь часов утра следующего дня. Но дом, естественно не пустует, там остаются слуги.

— Естественно... Кто?

— Эээ... Все. Посыльный, конюх, садовник, судомойка, горничная, старшая горничная, камерист, служанка, прачка, лакеи, кухарка, экономка, дворецкий. Все кроме кучера, вероятно. Ума не приложу, зачем одному человеку столько прислуги?

Леда неопределенно пожала плечами, мол не смотрите на меня, я тоже не знаю. Хотя в ее доме какая-то прислуга должна была быть. Даже я пользовалась услугами прачки и кухарки, если приходилось задерживаться где-то дольше, чем на пару месяцев.

— Что еще? — потребовала Леда.

— Остальное мне известно, — предупредила я девушку от дальнейших расспросов. Мальт и половины не понимал из происходящего. Для его же блага ему стоило оставаться в неведение. Мы планировали не самое законное мероприятие. К счастью, сознание и здравый смысл не позволяли парню охватить весь масштаб наших криминальных планов. И пока парень считал, что мы занимаемся какими-то одним нам понятными женскими штучками, эту иллюзию развеивать не стоило. — Распорядок дня прислуги я помню еще с прошлого

раза, как и расположение комнат.

Девушка кивнула и отступила, открывая адепту доступ к двери.

— Спасибо, — сказала она. — Извини, что была столь резка.

Когда Мальт ушел, мы вернулись к обсуждению плана. Наконец в нашем деле появились какие-то существенные сдвиги.

— Ближайшее новолуние послезавтра, — сообщила Леда.

— Не подходит.

— Почему?

— Дневник тоже будет только послезавтра, ближе к полуночи. Быть в обоих местах одновременно я не могу. А если и смогла бы, то мне еще требуется время для расшифровки и подготовки нужных атрибутов. Надо рассчитать кучу формул, возможно придется поискать дополнительную информацию. Столько времени прошло! Да кто знает, что еще потребуется? Шанс будет всего один.

— Или его не будет вовсе, — немного резковато отозвалась девушка. — Откуда ты знаешь, что у нас есть время хотя бы до этого новолуния? От Камдена Геригона ни слуху ни духу. Ты же сама говорила: он предугадывает твои действия на несколько шагов вперед. Если он до сих пор не нанес удар, так это не из-за того, что не может обнаружить нас или побаивается Управления по соседству. Должно быть, он готовит что-то действительно жуткое. Пока мы медлим, он отрезает тебе все пути к отступлению, загоняя в ловушку.

В чем-то Леда была права.

— И что ты предлагаешь? Плана получше у меня нет.

— Я предлагаю действовать. Не ждать еще месяц, а идти послезавтра.

— Это глупо, — отрезала я. — Не безумно, а именно глупо. Поверь мне, уж я-то в этом разбираюсь. Его Дневник будет в моих руках ровно до того момента, как ирум Камден вернется домой и обнаружит пропажу. И вот тогда точно все. Никакое заступничество внутреннего демона не поможет.

— А у нас есть другой вариант? — скептически поинтересовалась девушка.

— Есть, я его озвучила вот только что. Пропускаем это новолуние и ждем следующего. Я подготовлюсь как следует, а вы с Райтом сдадите сессию и разберетесь со всеми академическими делами.

— Прекрати за меня решать, — внезапно разозлилась Леда, махнув рукой в сторону испорченной стены. — Разве похоже, что я могу сосредоточиться на какой-то Академии? Я не могу спать. Я не могу есть. Я боюсь каждого шороха. Я проверяю, заперты ли окна в моей комнате каждые десять минут. Ты может позабыла, но на оба свои жертвоприношения я пришла сама. Добровольно. Он контролировал мой разум. Дважды! Что помешает ему сделать это в третий раз? Я просто однажды ночью выйду из номера и больше не вернусь. Сколько по-твоему ему потребуется времени, чтобы решить, что ситуация с заложником хороша во все времена?

— Теперь все несколько иначе, — попыталась возразить я, хотя понимала, что уже проиграла эту битву. — Магия Крови дает некий иммунитет против таких заклинаний. Тем более они очень энергоемкие, и просто так он тратится на них не будет, зная, откуда ты вернулась. В первый раз я тоже оказалась под действием этого заклинания. Не так сильно, как ты, но "зов" прочувствовала в полной мере. Это больше не повторится, Леда.

Кажется, я впервые осознала, что Леда не справляется с теми событиями, что произошли. Мое сознание было более гибким, и после некоторого шока, с легкостью

подстраивалось под новые обстоятельства. Я привыкла к тому, что все меняется и нет в мире ничего постоянного. Каждое изменение сопровождается болью и утратой, которые стоит пропускать сквозь себя, а не задерживаться в них. Я почему-то решила, что Леда может справиться со всем тем, с чем справилась я. Она так легко воспринимала информацию о моем прошлом, что я позабыла, что она обычная, хотя и невероятно стойкая восемнадцатилетняя девушка с даром Стихии Воды, а вовсе не Эрин. Леда заслуживала кого-то получше, чем я.

— Я просто не могу, — тихо прошептала Леда. — Я больше этого не выдержу. Нет у меня еще тридцати дней.

— Хорошо.

Камден

Он допустил ошибку. Несколько ошибок, если говорить на чистоту. Ему следовало убить ее при первой встрече. Прямо там, на алтаре. С чего он решил, что огонь и рушащееся здание сделают за него всю работу? Второй ошибкой было бросить все на самотек и позволить этой женщине спокойно разгуливать среди живых. Мол, сама как-нибудь загнетса от полученных травм или еще от чего. Магическая депрессия многих довела до веревки и мыла, могла сцапать и ее. Третьей ошибкой, опять же, стало не убить руми Латер в ботаническому саду, когда напала Сестра Крови. Заинтересовался. Промедлил. Упустил прекрасную возможность. Четвертая ошибка — да-да, кто бы мог подумать? — не убить ее во время визита в поместье. Сам виноват, в общем. Дальше ошибки можно не перечислять.

Юмор богов выглядел так, что тринадцатая жертва спасла своего палача. К сожалению, старые боги давно не имели власти над Привычным миром, а реальность такова, что демон сам отказался от тринадцатой жертвы. Позволил ей покинуть снежную обитель, после чего та, сама нашла способ выбраться с алтаря. Во второй раз ей помощь не потребовалась. Это-то все и усложняло. Ну не было у него ни единой причины отказываться от тринадцатой жертвы. Она бы дала ему все! Демон не был бы сейчас заперт в собственном подпространстве, не имея возможности вернуться обратно в Нижний мир и неспособный занять место Камдена, довольствуясь крохами той власти, что позволяли в редких случаях влиять на поведение мага. Для аристократа они причиняли существенные неудобства, но в чем здесь выгода демону? Бери и пользуйся. Мастеров Света в Империи не так много. Тот же мастер Эстеф вряд ли сунулся в Старый город, если бы не трагедия, произошедшая с руми Латер.

Ясно дело, что Дневник каким-то образом связан с посланником Света, что гарантирует ей лояльность монстра. Вот только как?

Камден убедился, что одержим. Вместо обещанной силы демона, получил самого демона. И ладно бы в личное распоряжение, так нет же. Демон уютно обосновался в его голове (или душе?) и прислуживать человеку не собирался. Более того, посмеялся над аристократом, когда тот предложил подобный исход событий.

— Я могу сожрать твою душу за считанные секунды или же мучительно и болезненно вытягивать из нее соки на протяжении всей твоей жизни, наблюдая, как она мечется в нескончаемой агонии, — примерно так прозвучали слова приветствия от демона.

Все верно. Когда руми Латер подтвердила догадку об одержимости, Камден решил лично пообщаться с нижнемировской тварью. Все-таки маг в течении года, каждую луну, приносил человеческие жертвоприношения. Разве это не повод для мирного разрешения любого конфликта?

Демона Камден не боялся. Надежно привязанная к Нижнему миру тварь, не имела реальной силы здесь. Демон ни на что не способен без человека. Камден являлся единственным мостиком для этого существа между миром темных существ и миром людей. Вот почему он без тени страха воспользовался ритуалом для личной встречи с демоном.

Вызвать демона в Привычный мир оказалось невозможным. Грубой, темной энергии требовался материальный носитель. Человеческая тушка. Не абы какая, а правильно подготовленная. Проведя несколько исследований и просчитав формулы, Камден пришел к печальным выводам. По-всему выходило, что он и есть та самая правильно подготовленная человеческая тушка. О чем-то подобном ему говорила руми Латер. В то время, как маг подготавливал жертв для ритуала, кто-то подготавливал его самого. Да что там кто-то? Те самые люди, что передали ему Дневник и подсказали как разрешить некоторые проблемы, связанные с жертвоприношением. Паршивым было то, что после летних событий, все то самое тайное общество, как сквозь землю провалилось. Остался только Флем, но он не имел к ним никакого отношения, а был человеком Камдена.

Посланный Света отзывалась о демоне, как о вполне разумном существе со своими желаниями и слабостями. Это оставляла надежду, что в случае чего, можно будет обойтись без кровопролитного, истощающего сражения и сразу перейти к конструктивному диалогу. А как встретиться с демоном, если вызвать его в этот мир нельзя? Идти самому в Нижний мир, по той ниточке, что связала мага и потустороннюю сущность? Такие заклинания существовали, но пользоваться ими не хотелось. Очень энергоемкие и чрезвычайно опасные. Какую только гадость потом не притащишь за собой.

Но делать нечего. Решено — сделано.

Несколько дней, ушедших на подготовку, почти отвлекли его от мыслей о разговоре с Китрой Латер. Он даже не сразу обратил внимание на досье, принесенное нанятыми ищейками. Отложил папку в один из ящиков стола и направился вниз — в мастерскую и по-совместительству лабораторию, чертить схемы и высчитывать пропорции. Когда же настало время для пробного ритуала, магу пришлось все-таки подняться наверх, чтобы раздать распоряжения слугам и черкнуть пару строк Флему. Если встреча с демоном кончится плохо, именно ему придется помогать Камдену с магической стороной проблемы.

Видимо, здесь всегда зима, — подумал он, ступая на заснеженную тропинку. Впервые Камден побывал тут около двух лет назад, во время первого жертвоприношения. Обычно он останавливался у кованых ворот. Касался покрытых изморозью прутьев, извивающихся рунными печатями, и просыпался в своем мире. Только в последний раз все пошло как-то не так. Ворота заскрежетали проржавевшими петлями и распахнулись. На этом память обрывалась, оставляя после себя лишь медный привкус крови и обжигающего холода.

В любом случае, в этот раз все было иначе. Ему требовалось попасть в обитель демона и задержаться в ней. Поэтому, увидев знакомые ворота, он предусмотрительно прошел мимо них, замерев у калитки. Острые пики металла, вычищенные до блеска, сияли бликами зимнего солнца. За решеткой в палисаднике возвышались сугробы. Узенькая дорожка, извиваясь змейкой, уводила к двухступенчатому крыльцу.

Странное жилище для демона. Камдену доводилось видеть результаты творений других обитателей Нижних миров. Те всегда отличались сюрреалистичными конструкциями, абсолютно чуждыми человеческому понятию красоты и эстетики. К этому же домику из брусьев, с голубыми ставнями и дымоходной трубой, абсолютно точно приложил руку человек, а точнее его разум. Как демон оказался в таком месте, маг слабо представлял, как и то, зачем демону какое-то жилище.

Во всех книгах, что доводилось читать Камдену, демонов описывали как страшных

трехметровых монстров, покрытых густой черной шерстью или же закованных в чешуйчатую броню. Авторы расписывали огромные рога, подобно оленьем или же завивающимися назад, бараньим. В наличии обязательно имелись тяжелые копыта, что с одного удара способны раскрошить человеческий череп, а также хвост с ядовитым жалом на конце. Складывалось ощущение, что одному из очевидцев грозного явления нижнемировской твари, привиделось что-то по пьяни, чем и воспользовался заезжий королевский писарь. Остальные же авторы списали у именитого коллеги самые смачные подробности, не забыв добавить от себя пару слов. К сожалению, великий демонолог, Калед Геллиофрей, чьи книги действительно пользовались доверием, не озаботился подробным описанием демонской твари. В чем крылась причина подобной небрежности оставалось не ясно. То ли демонолог не видел смысла повторять за своими коллегами, то ли внешний вид демона не был чем-то достойным упоминания в исследовательских трудах.

Таким образом, открывая дверь в небольшой двухэтажный домик, Камден готовился к любому повороту событий: от огнедышащего монстра, отбивающего искры копытами, до бесформенной слизи, скопившейся на просторах Нижнего мира серой лужицей.

Действительность оказалась банальной до неприличия. Демон предстал в человеческом облике. Мужчина средних лет с правильными чертами лица. Рост выше среднего. Телосложение среднее, можно даже сказать, немного худощавое. Темно-русые волосы, и невероятно светлые, неестественно голубые глаза, чистого оттенка.

"Один в один, под цвет ставень на окнах, — неприязненно подумал Камден".

Он чем-то напоминал библиотекаря или типичного старосту Академии. Этаким вечный зануда. Не хватало только очков. Сходство добавляла одежда демона. Она была достаточно простого кроя, стиля доимперских времен. Белоснежная рубашка с накрахмаленным стоячим воротником, поверх клетчатый платок темно-орехового цвета, повязанный узлом. Двубортный твидовый жилет в крапинку. Подобная манера одежды напоминала Камдену картину в кабинете его дедушки, на которой был изображен основатель их рода, подписавший договор с первым Императором об объединении вольных королевств в Империю.

Огромный зал, совершенно не соответствующий размерам дома, представлял из себя лабиринт из книжных полок и винтовых лестниц, уходящих и вниз, и вверх. Сам демон сидел у камина, развалившись на плюшевом кресле. Закинув ногу на ногу он читал книгу. Рядом стоял круглый ажурный столик над которым висела горящая лампада, освещающая небольшую часть пространства вокруг себя, и почти не доставая мерцающим сиянием книжные полки, тонувшие в глухом полумраке.

— Я — Истинный маг Воздуха, лорд Камден Геригон, — первым представился маг, спустя полминуты, когда понял, что демон никак не реагирует на его появление. Вежливости ради, он несколько раз кашлянул, привлекая к себе внимание. Демон остался равнодушен. Поступившись гордостью, и решив, что твари Нижнего мира вряд ли сильны в этикете, маг заявил о своем присутствии. Что удивительно, монстр, спрятавшийся за человеческим обликом, отреагировал. Демон оторвался от книги и с приятной улыбкой на устах, поприветствовал мага той самой фразой про сожранную душу. Впрочем, это был не худший из вариантов развития событий, которые просчитывал маг.

Закрыв за собой дверь, Камден прошел вперед. У камина пустовало одно кресло.

— Не возражаете? — сел он напротив человекоподобной твари. Возражений не последовало. Видимо, читаемая книга имела для хозяина дома больший интерес, чем

незванный гость. — Вы так и не назвали своего имени, — напомнил о себе маг.

— Мое настоящее имя не имеет значения, — отозвался демон. Его голос белоснежной дымкой холода стелился по полу, расползаясь в стороны. Не желая того, мужчина почувствовал, как его пробирает дрожь. — Тем более, — демон приподнял книгу, демонстрируя Камдену кожаную обложку. Серебристая краска названия стерлась, и разобрать название не представляло возможным, — сейчас я привыкаю к вашему. Все-таки, именно с ним мне придется ходить в ближайшую сотню лет.

— Вот уж вряд ли, — неприязненно отозвался маг, пораженный наглостью сказанных слов. Камден хотел проявить вежливость, но коли демонское отродье не знает своего места, то и распинаться перед ним не стоит. — Если ты не в курсе, то поясню. Твой Дневник у меня. Я — твой хозяин. Ты подчиняешься мне. Вздумаешь ослушаться — уничтожу.

Появившееся на лице демона недоумение продержалось недолго, почти сразу его сменила скука.

— Ну так уничтожь, — ответил он. — Только вот ты не знаешь как, верно? Демонология — прерогатива Света, а всех остальных — демонопоклонничество. Разницу чувствуешь?

Разницу маг чувствовал, как и то, что его только что ткнули носом в грязь. Ладно, он тоже не лыком шит.

— Мы в схожей ситуации, — сдержанно произнес Камден. — Я не знаю, как избавиться от тебя, не причинив непоправимого вреда себе. А ты не можешь полностью занять мое тело, из-за того, что последний ритуал был прерван. Признаю, с жертвоприношениями я сглупил. Но нет худа без добра. Я получил возможность познакомиться с очаровательным посланником Света. Вот кто действительно хорош в демонологии. Если не ошибаюсь, эта женщина не оставила тебя равнодушным.

Демон никак не отреагировал на это высказывание, но Камден понял, что попал в цель. Они были связаны дюжиной магических ритуалов, завязанных на крови и человеческих жертвах. Если демон мог влиять на его поведение, искажая восприятие, то маг ловил отголоски чувств демона: едва заметное напряжение, нотки глухой тоски. Кто бы мог подумать, что тварь с Нижнего мира способна ощущать нечто подобное?

— Дело именно в ней или с доимперских времен у демонов развилось иррациональное, мазохистское желание, защищать всех носителей Света? — продолжил аристократ. — Не припомню у Геллиофрея подобных сносок на этот счет.

Лампадка замерцала. По кругу света поползли трещины черных теней. Хозяин с шумом захлопнул книгу, вызвав небольшое облачко пыли. К книге давно не притрагивались, а хранитель библиотеки не очень добросовестно относился к своим обязанностям.

— Возможно, я хотел как-то разнообразить твою жизнь, прежде чем окончательно забрать, — ответил демон с таким равнодушным спокойствием, словно речь шла о погоде. — Она до ужаса скучна, ты в курсе? — Небрежно крутанув книжку, которую до этого читал, он кинул ее Камдену. Тот поймал. Тусклые лучи лампы выхватили из тьмы кусочки потертых букв составляющих название. Приглядевшись внимательно, мужчина разобрал выгравированную надпись. "Камден Геригон: интересы и увлечения 448–451 гг. О.И."

— Что за...? — недоговорил он, тут же открывая ее где-то посередине. На поблекших листах красовались яркие картинки схем и формул. Камден сразу признал в них пятерку стандартных плетений Воздуха. Он помнил в каком восторге был, когда Учитель впервые начертил их на доске и объяснил принципы главных связующих и вторичных переплетений.

Тогда, еще будущий маг, не спал ночами, повторяя в уме эти формулы, и разукрашивая ее производными все доступные поверхности. За что, кстати, получил первое наказание, но не обиделся. Благодаря этому он познакомился с... как ее звали? Неужели забыл? Они же встречались какое-то время. Ладно, а ту вторую, с которой познакомился на первом экзамене? Как-то на "С"? Салли? Сандра? Саэн? Или он думает про букву "С", потому что вопрос на экзамене был про Связующее заклинание?

Маг вновь обратился к страницам книги. Кое-где виднелись потускневшие надписи — имена. Разобрать их не получалось, как и коротенькие приписки к ним. А нет, вот Имир — лучший напарник за все время обучения. Земля и Воздух, — невероятное количество экспериментов, которые они вместе ставили, связывая две Стихии. Жаль, что приятель переманился Обителю. Совсем по другому пути пошел. Семью вот хочет завести с...

Мужчина рывком отдернулся от книги, чуть ли не отшвыривая ее на пол. Что за магия такая? Его словно засосало в собственные воспоминания, как в какую-то воронку.

— Вот и я чуть не уснул, пока читал, — откликнулся демон, который ни на миллиметр не сдвинулся со своего места. — Указатель выученных заклинаний, а не бурная молодость. А дальше — не лучше, — кивнул демон в сторону камина. Камден послушно повернул голову туда, куда указал монстр. На полу стояла стопка книг, метра два высотой. Кое-где угадывались цифры, иногда можно было различить целые слова.

Приглядываться маг не стал. Небольшого путешествия в прошлое вполне хватило, чтобы уловить суть. Библиотека — это способ удобного восприятия демоном памяти Камдена, а может и не только ее. Мечты, мысли, желания, — должно быть здесь есть все.

— Неужели совсем ничего интересного? — немного оскорбился маг. Все-таки он несколько десятилетий потратил на изучение тайн своего искусства. А сколько запретных книг прошло через его руки? Он знал такие заклинания, о которых девяносто девять процентов магистров никогда не слышали. — Может, не с того возраста начал?

— Я начал с конца, — странно-знакомым жестом отмахнулся демон.

— И знаний, способных тебя заинтересовать, там не нашлось? — еще раз уточнил Камден, все еще не веря в подобную возможность. Должно быть демон просто врал.

— Какое мне дело до твоих знаний? — изобразил удивление тот. — Это Нижний мир. Чего-чего, а информации здесь в избытке. Демону получить их не проблема. Научные труды и списки самых сложных заклинаний тысячелетия, вряд ли смогут тут кого-то заинтересовать.

Совершенно беззвучно, без единого шороха, словно его вовсе здесь нет, демон поднялся с места. Пламя лампадки не откинуло его тень, когда он миновал ее, направившись к книжному стеллажу. Холод потянулся вслед за хозяином, пройдясь стылým сквозняком по ногам Камдена.

— А что интересует? — повернулся мужчина вслед за демоном. Кто знает, может аристократ найдет способ это достать. Не так много вещей находилось за пределами его возможностей. У него имелось достаточно силы, власти и денег, чтобы позволить себе если не все, то очень-очень многое.

Демон не ответил. И как только Камден захотел повторить вопрос, он понял, что на самом деле должен был сказать.

— Эта женщина — Китра Латер, вы как-то связаны. Ее жизнь для тебя многое значит. Если бы тринадцатое жертвоприношение прошло как надо, ты бы не оказался в затруднительном положении. Не застрял бы между мирами, где единственная путеводная

ниточка — я. Ты был бы абсолютно свободен, прими ту жертву. Я чувствовал твое присутствие каждый раз, как она оказывалась рядом. Ты следишь, чтобы я не причинил ей вред. Зачем? Кто она тебе?

Демон стоял все также вполоборота, что-то рассматривая на книжных полках. Он намеренно проигнорировал все сказанные фразы. Знал, в какое русло выльется разговор.

— Она нужна мне живой, — тихо произнес монстр, когда маг уже потерял надежду услышать хоть какой-то ответ. — И тебе тоже.

Вот уж вряд ли, — подумал Камден. У него не было ни малейшей потребности убивать ее, как и оставлять в живых. Сейчас, когда он мог проанализировать свои собственные чувства без вмешательства демона, маг отчетливо осознавал свое отношение к Китре Латер. Его не интересовал посланник Света, ему не было до нее дела как до женщины. Камдена привлекало то существо, что было рождено из несоответствий в ее характере и биографии. Тот, кого он окрестил хищником. Если бы он мог, то оставил бы себе это прекрасное создание, отбросив в сторону, как шелуху, остальные насквозь фальшивые стороны личности. Но к сожалению, хищник спал столь глубоко и сладко, что разбудить его, не причинив вреда собственной шкуре, практически не представлялось возможным. Впрочем, над решением этой проблемы он еще подумает.

— Ты не ответил на вопрос, — нахмурился Камден. Ему не нравилось, когда его пытались сбить с толку. Демон во второй раз уходил от прямого ответа. Будь маг более наивным, решил бы, что монстр прост не знает, что сказать. Глупости какие-то, это люди вечно путаются в чувствах и эмоциях, демоны — совсем иные твари. У них не бывает внутренних противоречий.

— Ответил.

В комнате резко похолодало. Заскрипели ставни на зашторенных окнах. Затрещали стекла. Стылый воздух, загустевший, напряженный, натянутый тонкой струной, задребезжал сотнями льдинок. Сгустки враждебной силы поползли из теней книжных шкафов. Огонек лампадки вспыхнул в последнем агонизирующем изгибе и рассыпался крупными пепла.

Защитное заклинание сработало безотказно. Соскочило с пальцев мага, растекаясь прозрачной мембраной по телу. Мягкая энергия растекалась приятными волнами почти не доставляя неудобств. Подобной легкостью обладали только заклинания собственной Стихии, остальные же, так или иначе, раздражали природную защиту.

Магия Воздуха ласково потерлась о плечо хозяина и ощерилась зубастой пастью. Это мера была излишней. Демон не собирался нападать.

Возвращение в реальный мир было подобно удару о гладь сонного озера, если падать плашмя и с приличной высоты. Это можно назвать "обухом по голове", если нет желания углубляться в долгие объяснения о том, как же паршиво, когда тебя насильно вышвыривают из подпространства Нижнего мира. Паршиво и унизительно, если настаивать на точности чувств, пережитых лордом Геригоном. Зато теперь он точно мог определить, где же находился демон, не углубляясь в дебри терминологии.

Что ж, — подумал маг, поднимаясь с колен и разглядывая все еще горевшие символы пентаграммы, тщательным образом вычерченной на полу. — Для первого разговора вполне неплохо.

Да, это первый их разговор, где они только представились друг другу, а заносчивый демон успел подсунуть ему домашнее задание. Он обратил внимание аристократа на

несколько вещей, которые мужчине самому давно следовало разобрать. А маг, по какому-то глупому стечению обстоятельств, умудрился упустить их из виду. Предстояло все наверстать, раз демон не желал вести беседу с неподготовленным человеком. Хорошо хоть оставил пару подсказок. Как известно, за каждым словом демона прячется сноска на сотню страниц и Камдену следовало их прочитать.

О руми Латер аристократ вспомнил, когда вместе с рутинными письмами, принесенными дворецким обнаружил записку от соглядатая, который должен был следить за передвижениями нахального посланника Света.

— Сбежала, — первым делом подумал он. Потом еще немного подумал, выкопал из бумаг ее досье и принялся читать. — Зря не сбежала, — тогда решил он.

Вторая встреча произошла на следующий день. Дождавшись, когда зайдет солнце и потусторонние силы Нижнего мира войдут в свои права, маг спустился в лабораторию. Он мог бы создать ритуал призыва днем, но на это ушло гораздо больше сил. Грань между мирами истончается после заката, когда у света заканчиваются силы защищать людей от тварей Нижнего мира.

Заклинание должно было перенести его в подпространство — маленький клочок мира, созданного Камденом. Пограничная территория между его сознанием и той частью Нижнего мира, где обитал демон. Домик в снежной равнине — результат их общей работы. Место, сотворенное благодаря смертям двенадцати адептов магии. Только жертвоприношение способно дать достаточно сил, чтобы подобное заклинание обрело настоящую жизнь. Энергия тех двенадцати до сих пор подпитывала существование подпространства — надежного укрытия демона, временного перевалочного пункта. И только отсутствие тринадцатой жертвы не позволяло демону переступить последнюю черту, за которой открывался полный доступ к сознанию мага.

Переместившись в подпространство, мужчина вновь оказался на припорошенной снегом дорожке, ведущей к жилищу демона. Уже не тратя время на разглядывание окрестностей, он направился к дому. Ступая на порог, мужчина вместо приветствия объявил известную им обоим новость:

— Она пропала.

Демон, впрочем, отозвался.

— Вернется.

Он сидел на том же кресле, уже с новой книгой в руках. Камден с некоторым содроганием присмотрелся к заголовку. Какую часть жизни на этот раз изучает проклятая тварь?

— Зачем ей возвращаться?

— А зачем она уехала?

Маг пожал плечами, присаживаясь, как и в прошлый раз, напротив хозяина жилища. По имеющейся у него информации, женщина обещала вернуться до начала зимних праздников. Только в этом не было никакого смысла. В ее отъезде, разумеется. У руми Латер не было дел, которое следовало завершить за пределами города. От семьи и статуса она отказалась, в следствии чего была вычеркнута из родовой книги. Как бы дальше она ни планировала жить, ее родителей это не касалось. Поступки посланников Света не отражаются на их бывшей родне. Другое дело — Храм. Обо всех происходящих изменениях женщина должна

докладывать вышестоящему начальству. Например, мастеру Света, который как раз приехал в Старый город.

Это точно не побег. Руми Латер уезжала при свете дня, не скрываясь и не делая попыток замести следы. Она знала что за ней следят. Здоровье ее оставляло желать лучшего. К тому же, лишённая магической поддержки она становилось полностью беспомощной.

На этой мысли маг себя остановил. Нет, беспомощности в этой женщине ровно столько, сколько требуется, чтобы спрятать хищника. Загадка в том, обучили ее этому в Храме или она вступила в Свет уже с изъяном? Руми Латер держалась слишком хорошо для человека, который лишился доступа к своему источнику сил. Обычная женщина не могла обладать подобной выдержкой. Тут дело не в гендерной принадлежности, а в самой руми. В ее биографии нет ни единого намека на стойкость духа. Более того, она на протяжении долгих лет пребывала в статусе посланника Света. Не самая почетная и престижная должность. Те у кого есть хоть капля ума, стараются поскорее шагнуть на ступеньку выше. Руми Латер же за все десять лет ни разу не подала прошения о переводе или повышении. Несколько раз сама отказывалась от подобных предложений начальства. Почему? Быть посланником Света — это только на слуху почетно, на самом же деле, это не приносит особых доходов, почестей, уважения или власти.

Ответить на эти вопросы мог только мастер, который ее принимал... и который почил вот уже семнадцать лет назад. Почти сразу после того, как Китра Латер оказалась в Свете.

— Как я понял, — пояснил маг, — она отправилась вернуть юное дарование Ковена домой.

Сам он в это не верил. Не поверил и демон.

— Нет, — покачал он головой. — Она поехала за силой.

Переспрашивать Камден не стал. Если демон уверен, что руми Латер решила попытать удачу, попробовав нанять Сестер Крови, то переубеждать он его не собирался. Пусть каждый останется при своем мнении.

— Что читаешь? — решил сменить тему маг, когда понял, что надпись на книге разобрать не получается.

— О, это? — деланно удивился собеседник. — Не переживай, это не та часть жизни, что была когда-то твоей, но та, о которой ты так хотел бы узнать. — В этот раз демон книгу не кинул. Бережно, почти ласково, погладил потускневшую от времени обложку, и протянул Камдену. — Только странички не загибай, пожалуйста. И никаких пометок, — вежливо попросил он, глазами обещая тысячелетия идеальной боли, коли маг посмеет сделать нечто подобное.

Камден

Чувствовать себя учеником Камдену не нравилось. Пусть даже его Учителем решил выступить весьма могущественный демон. Давно забытое чувство страха не справиться с заданием и показаться глупым, всколыхнулось в нем с новой силой. Он всю жизнь старался не просто соответствовать своему статусу, а стать самым лучшим представителем своего рода. Его магической части. Желай он возвысится среди аристократии, тратил бы больше времени на светские приемы, жил в столице, заводил бы легкие романы и, видит родная Стихия, давно бы обзавелся женой и потомством. Нет, он хотел стать магом. Настоящим. Истинным. Таким, о которых писали в древности, о которых слагали легенды, чьи имена произносили шепотом и с почтением. Нынче имя мага поистрепало себя, потеряло былую мощь. Теперь каждый адепт, что освоил азы магических искусств смел называть себя магом, при этом не то что не имел связи с собственной Стихией, иногда не мог похвастаться зачатками ума.

В понимании Камдена, настоящий маг обладал высоким интеллектом, способным разрешить любую поставленную перед ним задачу. Потому что настоящие представители этого искусства сражались с неизведанным, разгадывали тайны мироздания, покоряли Стихии. На таких как они строили свое величие державы. Царицы, прославленные своей неземной красотой, желали иметь от них наследников. Перед ними склоняли головы демоны. Их почитали в храмах наравне с богами. Одним из таких магов был Калев Геллиофрей, чьи труды до сих пор не утратили своей ценности, преподавались во многих Школах, и до сих пор не были до конца изучены и расшифрованы.

Все эти цели, что выставил перед собой Камден, желая достигнуть задранной планки, рушились перед его глазами прямо сейчас. Он с самого утра корпел над древними свитками, но не мог найти даже зацепки. Азарт пропал ровно в полдень, когда часы пробили двенадцать, а в лабораторию зашел его камердинер, чтобы уточнить, не желает ли ирум отведать легких закусок перед обедом, коли завтраком он решил пренебречь, как и ужином прошлым вечером. В доме Геригона слуги всегда были хорошо вышколены и редко позволяли себе подобные вольности. А коли позволили, это означало лишь одно, что Камден действительно через чур увлекся исследованиями, возможно во вред своему здоровью.

С чувством некоторой тревогой маг согласился на тарталетки с овощной начинкой и кувшином горячего напитка. Этот легкий перекус мог дать ему небольшую передышку и наполнить новыми идеями, потому что все старые он исчерпал.

Мужчина получил от демона книгу, которую должен был прочесть к следующей их встрече. Проблема была в том, что книга в подпространстве — это что-то совсем нематериальное. И как ее читать в Привычном мире маг не представлял. Это же один из основополагающих законов в магии. Нематериальные вещи Привычного мира обретают форму в мире ином. Материальные вещи становятся нематериальными. Но материальные вещи иных миров не могут обрести форму в мире Привычном. Вот и как ему читать книгу,

которая скорее всего является воспоминаниями демона, здесь? Хотел бы демон, чтобы Камден читал ее в подпространстве, не вышвырнул бы прочь. А где ему еще ознакамливаться с ее содержимым? В Нижнем мире, что ли?

Решение нашлось ближе к вечеру. Он связался с тремя своими коллегами, пытаясь решить задачу хотя бы гипотетически, и несколько раз проконсультировался с Флемом. Собственно, о своей проблеме он говорил настолько завуалировано и расплывчато, максимально не вдаваясь в детали, но при этом удерживая суть, что несколько из опрошенных товарищей забеспокоились о его самочувствии, а более старший и опытный маг посоветовал не пренебрегать долгом перед своей родословной и осчастливить мир наследником титула лорда Геригона. Убеждать коллег, что умом он не тронулся, Камден не стал. Во-первых, никому он ничего не докажет. Во-вторых, это утверждение может не до конца соответствовать истине. В общем, единственный, кто не стал осведомляться о личной жизни Камдена, это Флем, который сам не очень далеко ушел от своего лорда.

Подпространство в подпространстве без жертвоприношений — вот так звучал правильный ответ. В реальности это означало создать теневую тропу к дому демона. Мостик, через который тот получит дополнительную возможность влиять на Камдена (если обнаружит), можно подумать, что имеющихся было недостаточно. Место на стыке двух миров, где маг сможет остаться материальным, физически существующим, но при этом получит возможность в определенной степени соприкоснуться с вещами иного мира. В теории звучало неплохо, а на практике, никто из магов не признавался, что работал с чем-то подобным. Да и кому могла прийти в голову такая идея? Напрямую строить тропу к Нижнему миру никто в здравом уме не решился бы. А в не здравом, никто не смог бы. Это не просто граничило с безумием, это было самоубийством. Люди практически беззащитны перед тварями Нижнего мира на их территории. Самого Камдена должно было спасти то, что строить тропу он будет к своему собственному подпространству, которое находилось под защитой демона, охраняющего свою территорию от посягательств нижнемировских соседей.

Спальня или кабинет? Где сделать вход? Явно не в лаборатории, которую постоянно приходится очищать от излишков магии, оборванных нитей, эманаций остаточных заклинаний и последствий откатов. Выбирая между местом, где он чаще всего проводит время и местом, где он должен проводить больше времени, маг скрипя сердцем остановился на спальне. Для материального объекта, способного открыть проход на теневую тропу, была выбрана дверь ведущая из спальни в кабинет. Ею разумнее пожертвовать, чем входом в гардеробную.

За приведением плана в жизнь дело не встало. Заклинание сработало. Маг своими глазами мог наблюдать, как черные нити впиваются в хрупкую ткань грани, местами обветшавшую, и рвет ее на мелкие лоскуты, проделывая прорехи. Поток чужеродной энергии ударил мощной волной, врезаясь в установленные фильтры и откатываясь обратно на свою территорию, запертую за дверь.

Когда он шагнул во взрывающееся темными красками пространство, а дверь закрылась сзади с тихим скрипом, черная дымка отступила назад. Это место отдаленными чертами напоминало его кабинет, в который он должен был попасть, в случае если ритуал провалится. Он оказался между двумя пластами реальности, как при использовании пентаграмм-переходов. Камден уже не там, но еще и не здесь. Он между. Пропал в Привычном мире на секунду, растянутую на бесконечно долгое количество минут,

ограниченных только его собственным потенциалом сил. А поскольку перед самым полнолунием у него их осталось немного, следовало эти минуты использовать на что-то более важное, чем на исследование территории. Темные всполохи, пытающиеся повторить очертания его кабинета, всего лишь ловушка подсознания, пытающегося отвлечь мага от действительно важных дел.

Здесь не было ни запахов, ни звуков. Их и не будет, пока Камден не наполнит это место какой-либо информацией. Тактильные ощущения тоже давали сбой. Магическое зрение только начинало подстраиваться. Здесь и сейчас — это мастерская творца. Скоро он превратит это место в то, что пожелает. Достаточно лишь представить. Маг так и поступил.

Книга лежала на столе. Словно так и должно быть. Будто он оставил ее здесь вчера, после разговора с демоном. На самом деле это был всего лишь сгусток информации, обличенный в форму книги для того, чтобы Камден мог воспринять этот кусочек нематериального мира. Он коснулся шероховатой поверхности истертой обложки. И хотя было сразу видно, что хозяин следил за ее сохранностью, всячески оберегая от пыли, влажности и других вредоносных воздействий, становилось ясно, что книгу перечитывали очень много раз.

Магу стало интересно. Что за воспоминания хранил демон, пересматривая их раз за разом? Камден слабо представлял, какие события в жизни демонов являются важными. Возможно, день его заточения? Ведь очевидно, что монстр не раз бывал в Привычном мире, раз уж он каким-то образом связан с родословной руми Латер или, как недавно выяснилось, руми Фольмуд.

Мужчина открыл книгу. Первая страница пестрила неразборчивыми символами, сплетающимися друг с дружкой в тесную вязь. Они мерцали, исчезали, перескакивали с места на место и вновь возвращались назад. Не успел маг возмутиться, как вместе с бракованными буквами стала расплываться страница, захватывая в свое агонизирующее состояние кромку стола. Маг отшатнулся, но было поздно. Книга, скрутившись в тугое кольцо змеи, открыла пасть в беззвучном шипении. По чешуе ползли чернильные слова, обвивая гибкое тело.

— Вернись в нормальный вид, — приказал маг, и его слова прозвучали подобно грому, содрогая невидимые стены и расщепляя оболочку мебели в белый пепел. Так появился звук. И так на месте книги появилась девушка. Девушка?! Камден тряхнул головой, словно от этого ведение могло пропасть. Гостья и не думала исчезать. Совсем наоборот.

Едва ли ей было больше двадцати. Красивые черные волосы, на фоне окружающей обстановки, вовсе не терялись. Словно вобрав в себя всю черноту комнаты, они сияли непроглядной тьмой завораживающего великолепия. Тугие локоны мягко спускались на хрупкие плечи, спрятанные под тонкой материей шелкового шифона. Девушка напоминала фарфоровую статуэтку, одну из тех, что привозили из далеких восточных земель. Гладкая белая кожа лица обладала естественным матовым сиянием. Тонкие губы изгибались в нежной улыбке. Глаза горели синевой бездонных океанов, отражающих безграничной небо мерцающих звезд. Девушка была невысокого роста, чуть выше среднего. На вкус Камдена, немного тощая, но все остальные достоинства с легкостью перекрывали подобную мелочь.

Из какой части его подсознания могла явиться эта особа?

— Свет мой? — немного удивленно спросила она, глядя на Камдена. Он хотел ответить, но язык прирос к глотке, лишая дара речи. С каких пор им овладел робость перед лицом прекрасного пола?

Улыбка моментально спала с лица девушки, вызвав в душе мага легкое смятение. Он не хотел ее расстраивать. Незнакомка тем временем шагнула навстречу Камдену. Мягки оборки платья колыхнулись в такт движению, следуя за хозяйкой. Тонкая материя струящимися белыми волнами ткани полностью прятала под собой фигуру девушки, при этом очерчивая некоторые изгибы тела так, что обнаженная натура могла бы показаться в сравнении с ними верхом благопристойности.

— Свет мой, — повторила она, остановившись подле него. — Что-то случилось?

Хотел бы маг ответить, что тут случилось, а точнее, кто случился, но язык не поворачивался сказать. Зато работа мозга, наконец, выдала ему несколько догадок относительно появления девушки. Если это не плод его тайных (даже от него самого) эротических фантазий, странным образом напоминающих кого-то знакомого, то это одно из воспоминаний демона. Было в нем что-то противоестественное, нереальное, лишенное логики. Например то, каким ласковым взглядом гостя смотрела, называя своим Светом. Кто бы решился так обратиться к демону? Как вообще можно полюбить тварь с Нижнего мира?

Тут не могло обойтись без черной магии.

Маг фыркнул, обрадовавшись собственной догадке. Впрочем, через секунду ему было уже не до смеха. Нежные руки красавицы легли на лацканы сюртука. Она подняла голову вверх, ловя взглядом его глаза, и маг мог бы поклясться, что раньше уже видел этот глубоководный синий оттенок. Прижавшись к мужчине всем телом, девушка приподнялась на цыпочках, и чуть нахмурилась, когда мужчина не склонил голову, давая возможность себя поцеловать.

— Ты чем-то расстроен? — молвила она.

— Я немного устал, — нашел в себе силы ответить Камден. Девушка только этого и ждала. Обвив ладошками его шею, она легонько подпрыгнула и маг обхватил ее за талию, поддерживая. Девушка тянулась за поцелуем, которого не происходило.

Дымка иллюзии рассеялась шелестом переворачиваемых страниц, и пола коснулись не босые ножки вечно юной невесты, а аккуратные туфельки замужней руми.

— Хей, — донесся легкий окрик из глубины бездны, вполне возможно принадлежащий внутреннему голосу Камдена. — Ты правда думал, тебе это позволят?

Перед магом совершенно другая девушка. Она старше. Ей еще нет тридцати, но она невольно вызывает уважение. Взгляд васильковых глаз выражает непоколебимую уверенность. Спокойное лицо обрамляют иссиня-черные пряди волос, спрятанные под капором молочного цвета. На девушке одежда для конных прогулок, но почему-то теплых, светлых тонов, словно руми не заботит возможность испачкаться в грязи и испортить наряд.

Совершенно другой человек. Если первая девушка была похожа на фарфоровую статуэтку, то вторая подобна статуи, высеченной из белоснежного мрамора, идеальной рукой мастера. Да, их внешность очень схожа, как иногда бывает у дальних родственниц, но они определенно разные люди. Это не девушка для летнего романа и не любовница на одну ночь. Это жена, хозяйка, самая верная опора для мужа, та рядом с которой ты чувствуешь себя сильнее... хочешь стать сильнее.

Маг неохотно разжал ладони, выпуская ее из плена своих рук. Эта женщина принадлежала не ему.

— Свет мой, — в ее словах прозвучали все те же интонации. Она огладила его плечи, смахивая невидимые пылинки. Прошлась бархатом перчаток по лацканам, и задержалась у верхней пуговицы. От нее пахло свежестью и свежескошенной травой. — Ты хорошо себя

чувствуешь?

Камден напрягся. Ей почему-то не хотелось врать, ведь тогда она могла уйти, чего он точно не собирался позволить. Таких женщин нельзя отпускать, потому что заберут. Заберут силой, навсегда. Сама-то она никогда не оставит мужа.

Что за идиотские мысли? С каких пор он начал зариться на чужих жен?

Внезапно девушка вздрогнула. Ее ладони прошли по ткани сюртука и исчезли. Маг едва удержался, чтобы не схватить ее за руку. Девушку что-то напугало. Она скользнула ему за спину, крепко прижимаясь к плечу. Нет, она не боялась, от нее не исходил страх. Она была уверена, что ее мужчина способен ее защитить. Этим мужчиной был Камден.

Она освободила ему место для маневра, чтобы не оказаться на линии огня. Он попытался сосредоточиться, внимательно оглядывая комнату в поисках возникшей угрозы. Пока она стояла позади, доверчиво прикасаясь к нему рукой, маг чувствовал в себе силы справиться с любой проблемой. Пока она просит его покровительства, он выберется из самой темной бездны, чтобы прийти ей на помощь.

— Мне кажется, с Эрин что-то не.... - тихо прошептала девушка, и ее голос растворился вместе с очередной иллюзией.

— Эрин? — переспросил маг, оборачиваясь назад. Но отвечать было некому. Наваждение исчезло, заставляя аристократа впасть в ступор.

Кем была эта незнакомка? Неужели женой демона? Из какого периода жизни этот фрагмент? И самое главное: что с ней стало?

Камден резко одернул себя от опасных мыслей. Нет ему дела до этой румы. Она, должно быть, мертва больше пяти столетий. Он никогда ее не знал и уже не узнает. Демон просто морочит ему голову, показывая нечто невозможное и недоступное.

И все же, он продолжал таращиться на то место, где только что стояла незнакомка, пока не перелистнулась очередная страница.

Его никто не окликнул, но маг сразу понял, что в комнате появился кто-то еще. Третья пассия демона нашлась почти сразу. Она сидела на рабочем столе Камдена: болтала ногами и крутила в руках вазу с орхидеями. Ее очертания скрадывали тени, но мужчина уже понимал, что увидит перед собой бледнокожую, синеокою брюнетку. Неужели демон вступился за румы Латер именно по этой причине? Она подходила под его тип девушек?

Чушь.

— Душа моя, — на этот раз первым заговорил Камден. — Ты хорошо себя чувствуешь?

В ее движениях было что-то не так. Какая-то нервозность, непредсказуемость. Нечто похожее он наблюдал в действиях Китры Латер.

Он подошел ближе. Девушка продолжала молчать. В своих выводах мужчина не ошибся. Новая гостья не так давно минула рубеж в тридцать лет. Ее волосы находились в легком беспорядке, а на щеках играл лихорадочный румянец. Болезненная белизна кожи резко выделялась на острых, изломанных чертах лица. Если ее и можно было назвать красивой, то только за небесно-синие глаза, озаренные серебристой луной безумия.

Вот оно как...

Девушка (женщина?) вскочил со стола и агрессивно двинулась к мужчине, продолжая держать в руках вазу.

— Белые орхидеи? — спросила надтреснутым голосом, на грани истерики. — С каких пор?

— С каких пор? — повторил за ней Камден, не зная, какой ответ может оказаться более

безопасным. Он вовсе не боялся, что она накинется на него в припадке ярости и затуманенного рассудка. Он не хотел причинить ей вред. Больше всего мага заботило, что девушка разобьет вазу и поранится осколками. С лунным безумием люди совершенно не отвечают за свои действия и опасны для самих себя.

Зачем демон держал эту женщину рядом с собой? Почему не отдал в лечебное учреждение, где ей смогу обеспечить должный уход?

— Если тебе не нравятся орхидеи, я заменю их другими цветами, душа моя.

Он протянул руку, собираясь забрать опасный предмет. Девушка заколебалась. Такой простой вариант разрешения конфликта ее не устраивал.

— Нет, — качнула она головой. — Нет! Хочешь спрятать улики, что бы я не узнала?

Она швырнула вазу себе под ноги. Осколки мелкими брызгами разлетелись по полу. Магу пришлось рвануть вперед, чтобы подхватить девушку на руки. Она опять была босиком. Она же могла порезаться! О чем она только думала? А если бы осколки ранили ее? Попали в артерию или занесли заражение?

Нет, — подумал он, давя подошвой черепки разбитой вазы, неся дрожащую девушку обратно к столу. В его руках она затихла, превратившись в безмолвную куклу. Только сияние луны в приоткрытых глазах говорило о том, что в любой момент может произойти рецидив.

Нет. Никуда он ее не отдаст. Никто не сможет о ней позаботиться лучше, чем он.

Иллюзия растаяла прямо в его руках.

Волна пустоты и одиночества безжалостно окатила его с ног до головы.

— Хватит! — сказал Камден, сжимая воздух, где только что растворился очередной фантом. — Хватит, — он больше не хотел чувствовать, как его в очередной раз насильно лишают чего-то важного. Пусть даже эта девушка безумна и слаба, пусть луна отвела ей не так много дней, но кто посмел ее забрать?!

Со злостью маг ударил рукой по столешнице. Чужие воспоминания туманили разум не хуже наркотика. Но, они не могли быть настоящими! Это иллюзии! Вымысел! Не мог демон заботиться о больном человеке, не ожидая какой-то выгоды взамен. Это обман.

Очередной шелест страниц заставил Камдена вздрогнуть. Ну уж нет, больше он не купится на этот фарс. Не позволит с собой играть. Он не марионетка, что бы дергать его за ниточки.

Маг повернулся, на ходу кидая запланированную фразу:

— Какой приятный сюрприз.

Он ожидал увидеть очередную красотку, тем или иным способом желающую его заморозить, подарить чувство любви и нужности, а потом забрать их обратно, вырвав вместе с сердцем. Но он не собирался играть по правилам и потакать иллюзиям. Теперь маг был готов к чему угодно. Его больше нечем обольстить.

У иллюзии было свое мнение на этот счет. Она взирала на него насмешливым взглядом сапфировых глаз.

— А я не к тебе в гости, не обольщайся. — Нагло ответила та. И эту женщину он не мог бы спутать ни с кем. Ее составили из мозаики предыдущих наваждений, добавили хищника и подарили имя. Перед ним стояла Китра Латер собственной персоной.

— На огонек зашла, погреться, — сообщила она, отворачиваясь от мага и направляясь к камину.

Дышать стало больно. Почему-то такого он не ожидал. Она реальна? Она может быть настоящей? Она пришла к нему или ищет демона?

Камден хотел позвать ее по имени, окликнуть, но внутри теплился страх. Что если он и ее потеряет? Что если она исчезнет точно так же, как и предыдущие? Он опять останется один?

Маг направился вслед за ней, продолжая наблюдать, как она тянет замерзшие руки к несуществующему огню. Едва мужчина приблизился, Китра дернулась в сторону, с опаской разглядывая его персону.

Он что напугал ее? Он не хотел, правда. Не сейчас.

Словно пытаясь оправдать свои действия, он подобрал из поленницы несколько дров и кинул в топку. Что за глупости? Этому огню не требовалось дерево, чтобы гореть.

— В тебе чего-то не хватает. — Решился высказаться маг. Он так долго ее разглядывал, что в приличном обществе это могли счесть за домогательство. Но он просто обязан был с ней заговорить. Вновь увидеть блеск драгоценных камней в ее глазах. Прикоснуться к ее коже. Почувствовать вкус...

— Души? Или сердца? — уточнила Китра. Эта женщина никогда не любила простых разговоров.

Он не знал что ответить. Ведь она одна. Ничья. В отличии от трех предыдущих у нее никого не было. Не было мужчины способного ее любить, защищать и восхищаться ею. Все ее таланты и способности некому было оценить. Она была подобна неограненному драгоценному камню, которому не хватает внимания ювелира. И маг попытался это ей донести.

— Смысла.

— Что? — удивилась она.

— В тебе нет смысла.

Она казалась растерянной и он пояснил:

— В тебе такой нет смысла.

Ее ответ растворился в тишине.

Иллюзия разрушилась. Последняя иллюзия. Только в ней был всего один недочет. В отличии от предыдущих, эта женщина существовала. Маг ее не потерял. Более того, он мог ей помочь, ведь она была жива и у нее было имя. Ей не хватало добавить только немножко смысла. С этим Камден знал как справиться.

Китра

Спальня или кабинет? Выбор непростой. Две двери. Две комнаты. Одна — в кабинет лорда Геригона, другая — в его личные покои. Два равноценных места, где можно спрятать Дневник. И там, и там, мог находиться сейф. Обе двери закрыты на замки и опуганы нитями защитных заклинаний. Время на взлом только на одну из них.

Замешкалась. Изначально-то делала ставку на кабинет. В нем лорд проводил большую часть времени. Он любил книги. В прошлое посещение я успела заметить, что книжным полкам уделялось особое внимание. Они стояли не для красоты (или не только ради нее), их хозяин достаточно часто пользовался ими. Камден Геригон проводил какие-то исследования, и происходили они преимущественно в кабинете, а не в лаборатории в подвальном помещении. Вполне вероятно, что самые ценные вещи он прятал у себя в кабинете, чтобы иметь в шаговой доступности. Да и заклинания на кабинете куда более мощные, чем на двери в спальню.

Дает ли это стопроцентную уверенность в том, что Дневник спрятан именно там?

Потопталась у двери в замешательстве, с опаской поглядывая на ту, что была от меня в десяти метрах дальше по коридору. Здравый смысл подсказывал, что после того, как в прошлый раз я пробралась в особняк, в святая святых — рабочий кабинет, защиту лорд Геригон значительно усилил. Он не дурак, далеко не дурак. Поняв, что его магию легко взломала представительница магии Крови, должен был принять меры.

Последователи кровавой магии воровством не промышляли и на ценные бумаги или драгоценности покушаться бы не стали. От них разумнее защищать собственную спальню, где забываешься крепким сном, а не сундук с золотом. К таким ли выводам пришел маг Воздуха после того случая? Перепрятал все ценности в другое место или поставил дополнительные заклинания? Зная ценность артефакта в своих руках, что он с ним сделал, не имея возможности взять с собой в поездку?

Так вот: спальня или кабинет? Что бы сделала я? Нет-нет-нет, неверный вопрос. Прекрасно помню, что я сделала. Не тот я человек с которым надо сравнивать лорда Геригона. Надо ставить вопрос иначе: что бы сделал мой супруг? Однажды я украла его Дневник и использовала против него. Пятьсот лет — вполне подходящий срок, чтобы усвоить ошибки и более не повторять. Демон не мог не знать, что я вновь попытаюсь завладеть Дневником. Подсказал ли он ируму Камдену, куда спрятать артефакт? И если подсказал, то куда: спальня или кабинет?

В спальню идти не хотелось. Вот совсем. Вот нисколько. Дело вовсе не в стеснительности или ложной скромности. Я просто не хотела знать, как она выглядит. Это абсолютно лишняя информация, которую я обязательно начала бы анализировать. Не хотела я знать о лорде Геригоне больше, чем требовалось. С лихвой хватило того, что уже знала. Он — давний друг Стража Клоу. Да, в бытность их молодости между ними пробежала черная кошка. То что между ними происходило сейчас, больше напоминало соперничество, чем

лютую вражду. Если затея с Дневником выгорит, мне придется решать судьбу ирума Камдена. А я боялась задумываться об этом. Так что — никаких спален. Определенно никаких спален.

Отступилась от двери кабинета и поплелась к соседней, проклиная абсолютно все на свете. Конечно же он в спальне, где еще ему быть, как ни в самом неприятном для меня месте — очевидно же! Если Дневник действительно окажется там, я этот факт обязательно припомню моему бывшему супругу при личной встрече. Мало того, что устраивает провокационные ситуации, так еще голову задушивает этому недодемонопоклоннику.

Опустилась на колени перед дверью, чтобы удобнее подобраться к нитям заклинаний защиты. Беспокойный ум, тем временем, подкинул парочку образов, в которых дверь спальни внезапно открывалась с тихим щелчком, и на пороге комнаты меня встречал ирум Камден, отпустив какую-нибудь шуточку на грани приличия. Но конечно же этого произойти не могло. Собственными глазами видела, как его карета отъехала от дома всего полчаса назад. До рассвета он не должен был вернуться. У меня пять часов и дюжина защитных заклинаний, которые предстояло распутать. Тем временем, в Новом городе Леда и Райт должны были встретиться с моим доверенным лицом и забрать мой Дневник, а после, ожидать в условленном месте.

Существовали специальные чармы, которые за одно мгновение моли взломать подобные замки. Но, во-первых, они стоили весьма прилично. Во-вторых, их продажа вне закона. В-третьих, для каждого заклинания требовался конкретный контр-ключ. Поэтому, профессиональные воры заранее выясняли, какие именно заклятья лежат на замках будущих клиентов. Закоренелым преступником я не была, и вместо чарм-взломщиков у меня была я — сама себе суперотмычка.

Сорок семь минут — ровно столько потребовалось, чтобы вручную расплести заклинания, поражая нити кружев кровавой волшбой. Маг Воздуха не тратился на базовые заклятья. Замок запечатан результатами его личных экспериментов, несколько запутанных и чуточку неряшливых в соединениях, но весьма действенных. Если бы в глазах не рябило от обилия красок волшебных нитей и от долгого удержания магического зрения, отдала бы должное его стараниям.

На кой лорду Геригону так ревностно охранять вход в свою комнату? Разве недостаточно запечатать сейф с ценностями? Как сюда попадает прислуга? Или же в отсутствии хозяина им строго-настрога запрещается проводить уборку в личных покоях? Вопросы, которые навсегда останутся без ответов. К чему столь рьяная защита собственного спокойствия. Ему есть чего опасаться? Неужели меня? Он догадывался, что я могу вломиться в дом в его отсутствие? А возросшая во мне паника — это разумные опасения или паранойя, являющаяся результатом помешательства?

Мысли прервались в тот момент, когда дверь с глухим щелчком поддалась вперед, а вслед за ней я. Вопреки опасениям и беспочвенным страхам в комнате никого не оказалось. Оценить обстановку комнаты я тоже не могла. Магическое зрение позволяло разглядеть лишь очертания предметов, а свет я, само собой разумеется, зажигать не собиралась. Искры нитей освещения не давали, разве что указывали на проявление той или иной активности заколдованных предметов. Оставалось довольствоваться темнотой и собственной логикой. Определенно точно я смогла опознать огромную двуспальную кровать, несколько шкафов, камин, две прикроватных тумбочки, кресло. В комнате также была дверь ведущая напрямую в кабинет (напрямую? что-то я не припомню в его кабинете никаких дверей, помимо

входной), и еще одна, открывавшая путь в гардеробную. Окна выходили на восток и были задернуты тяжелыми ночными шторами, чьей главной задачей стояло не впускать утренние солнечные лучи на ложе хозяина, расположившееся изголовьем в центре северной стены.

Несколько раз я обошла комнату, прежде чем поняла, что не представляю, где искать сейф. Сдвигала в стороны картины, открывала ящики, выискивала полые поверхности, но все безрезультатно. Ни магически, ни физически, обнаружить потайной сейф не получалось. На то он и потайной, верно, чтобы в руки дилетантам не попасться. Или же я сама себя обманула выбрав неверное место для поисков?

Еще раз прошлась взглядом по магическим плетениям, но пришла все к тем же неутешительным выводам: никакого тайника в комнате нет или же есть, но находится он совершенно на другом уровне магического мастерства. Выбор представлялся непростой: бросить сейчас все и попытать счастье с кабинетом, или же потратить время, которого и так нет, чтобы убедиться, что в спальне действительно нет тайника и отложить все на следующий раз?

Нет, другого шанса у меня может и не быть. Ирум Камден сразу поймет, что заклинание на двери взломано, а значит в его отсутствие здесь кто-то был. Аристократ обязательно предпримет дополнительные меры. Раз уж он далеко не дурак, то с легкостью догадается, кто нанес ему визит.

Проклятье, что же делать?

Все чувства били тревогу, намекая, что я где-то допустила ошибку. Не углядела какой-то очевидный намек. Была невнимательна. Опрометчива. Что же именно я упустила из виду, разобраться не получалось. Время ускользало столь быстро, что я не имела возможности разобраться с какой-то беспокойной мыслью, жужжащей подобно надоедливой мухе над самым ухом.

"Потом, — отмахнулась я, задерживаясь взглядом на межкомнатной двери."

Уходить нельзя. Должна попытаться. Сделать все возможно и даже больше. Отступать больше некуда. Я достаточно долго упивалась страхом и нежеланием встречаться лицом к лицу с правдой, позволяя демону и магу через чур многое. Надо вернуться в коридор и заняться дверью в кабинет. Если Дневник не в спальне, то наверняка там.

Я вздохнула.

От желаемой цели отделяла очередная дюжина зрениеубийственных заклятий, поиск сейфа и еще одна порция заклинаний, которая посадит мой магический взгляд до минус девяти.

Очевидное явилось внезапным озарением.

Ну конечно! Зачем возвращаться обратно в коридор, если я могу попасть в соседнюю комнату более коротким путем? Смежная дверь! Вряд ли на ней такой же букет заклинаний. Может и заперта на что-нибудь простенькое из стандартного набора.

Я двинулась к смежной двери ведущей в кабинет. При ближайшем рассмотрении никакой защиты не обнаружилось. Почти не веря в собственную удачу, дернула за ручку. С тихим щелчком замок открылся, поддаваясь легкому движению руки.

"Быть не может, — мысленно ахнула я. — Слишком просто".

Да, именно так я подумала "слишком просто", и оказалась права.

Темный провал вел в никуда. За дверью зияла беспроглядная тьма во всем своем абсолюте. Студеное дыхание неизвестного мурашками метнулось по моему телу, обдавая холодом жадных лопастей. Я замерла с занесенной ногой через порог не в силах

пошевелиться, но продолжая мертвой хваткой удерживать дверную ручку и хрупкое равновесие. Ступать вперед — подобно смерти. Куда бы ни открылась эта дверь — вела она не в кабинет.

Я смотрела в бездну. Бездна смотрела на меня. Мы друг другу не нравились. Она решила попробовать меня на вкус, и только оцепенение секундного ужаса спало от вскрика, когда я почувствовала на себе шершавый язык оголодавшего заклинания. Колющие, жесткие нити, наждачкой прошлись по моей защите, сдирая первый слой и вызывая фейерверк из красных пятен и боли. словно кто-то разом надавил раскаленными штырями на все болевые точки. Продолжая видеть только темноту и взрыв в кроваво-алых красках, я ощутила всю гамму той мерзости, что упускали глаза.

ЧТО. ЭТО. ТАКОЕ???

Магическое зрение затрепало, заискрило и пошло помехами, запестрев разноцветными всполохами и серыми полосками. Я теряла контроль над своими силами. Опять. Да чтоб меня! Что за демоническая магия?! Никогда такой не встречала. Кто вообще станет хранить у себя в спальне подобного монстра? Ладно, ясно кто. Но зачем?!

Очень медленно я отодвинула занесенную ногу назад, чтобы вернуть ее на твердую, безопасную поверхность пола. Одновременно с этим, также аккуратно, стиснув зубы и закрыв глаза, потянула за дверцу, намериваясь ее закрыть. И надо же было мне так сильно стискивать пальцы!

Ручка двери надломилась.

Я полетела вперед.

Всего за мгновение перед глазами промелькнула целая вечность.

Сердце рухнуло вниз, но остановилось на полпути, врезавшись в преграду. Неведомая сила перехватила меня за талию, силком утаскивая обратно в комнату.

— Еще не время, дорогая моя, — прозвучал тихий голос совсем близко.

Меня аккуратно развернули и поставили на ноги. Отшатнувшись к стене, я растерянно заморгала, пытаюсь выхватить крупницы света, чтобы разглядеть во тьме неожиданного спасителя. Если этот кто-то до сих пор не поднял шум и не перебудил всю прислугу, может мы сумеем договориться?

Я позволила себе обмануться. Поддаться иллюзии было очень просто, особенно сейчас, когда на небе отсутствовала луна, а мое магическое зрение протрубило капитуляцию. В ушах раздавался гул. Сердце билось с удвоенной скоростью. Я не могла видеть. Полагалась лишь на свои ощущения, которые утверждали, что передо мной мужчина. Этого оказалось достаточно для решительных действий.

Мне не хватило двух миллиметров. Он перехватил мою руку в тот момент, когда лезвие почти достигло его горла. Ответного удара не последовало. Или мой противник застыл в шоке, удивленный подобной реакцией или посчитал, что больше ждать от меня сюрпризов не стоит.

Я крутанулась вокруг себя, выворачивая запястье. Разжав кулак отпустила нож, в тот же момент перехватывая его в полете другой рукой. В повороте проскользнула под рукой мужчины, отступая ему за спину. Движение вышло быстрым, едва ли заняло больше полторы секунды. Рукоять гармонично легла в левую руку и описав полукруг, лезвие вновь устремилось к шее. В последнее мгновение неизвестный ушел от удара. Руку обожгло болью, и нож с невероятной силой отлетел в сторону, вонзаясь в поверхность стены. Мужчину не отвлек этот звук. В отличие от меня, он прекрасно мог пользоваться магическим зором. И

все же, для меня это было единственной возможностью активировать чарму.

Раздался треск. Выплеск силы наткнулся на "щит", и волнами разошелся по комнате, сметая все на своем пути. Назначение чармы не оставляло поводов сомневаться, что должно было произойти. Попадали картины. Перевернулась ваза с цветами, закрипела кровать. Балдахин, одеяла, подушки, перины, взметнулись волной. Должно быть один из стульев разлетелся в щепки, получив большую часть удара.

Потрясший комнату шум не мог не перебудить весь дом, но в комнату никто не спешил.

Я цепанула пальцем острый крючок на одежде, находящийся там как раз с той целью, если понадобится несколько капель собственной крови. Маневр не укрылся от противника. Оппонент хорошо знал цену заклятий на Крови и медлить не стал.

— Ключ: аллогрим, — уже не скрывая своего голоса за шепотом, произнес мужчина. Название активированного заклинания мне ни о чем не говорило. На всякий случай я схватилась за защитный амулет, способный в случае чего, если не полностью остановить атаку, то хотя бы поглотить ее часть. Едва успела коснуться его кончиками пальцев, как яркий свет вспыхнувших лампад больно резанул по глазам. Инстинктивно зажмурилась, отпрыгивая на несколько шагов назад. Прикрыла одной рукой глаза и выбросила вперед другую с замершим на кончиках пальцев заклинанием. Кровь хорошо удерживала структуру заклятья. Повинуясь мысленному импульсу алые капли взорвались трансмутирующим плетением, преобразовываясь в нечто более опасное. Мое движение, закончившееся слабым щелчком, отправило в полет сотни мелких кристалликов, за долю секунды обернувшись смертоносными карминовыми лезвиями.

"Почему он не использует атакующую магию? — успела подумать я. — Почему только защищается?"

Мысль разбилась одновременно с тем, как последние осколки заклинания достигли цели. Лишенные подпитки, они растворились в воздухе, кроме тех, что должны были проткнуть плоть противника, преодолев сопротивление его защиты.

Воцарилась тишина. Как будто не было никого, кроме меня. Словно я сражалась с собственной тенью.

Все еще никого. Или стены в этой комнате звуконепроницаемые или слуг заранее предупредили о возможном шуме. Я моргнула несколько раз, разгоня последствия ослепления и боясь перевести взгляд туда, где должен был находиться хозяин этой комнаты. Не понятно, чего я страшилась больше: увидеть его мертвым или не увидеть вообще никого.

Замереть сильнее, чем сейчас, было трудно. Разве что меня покрыла бы корка льда. И все же я справилась с этой задачей. Забыв как дышать, моргать и говорить, во всю уставилась на стоящего во весь рост блондина в белоснежном костюме, и без единого пятнышка крови или грязи. Хмурясь, мужчина поправил растрепанные волосы, ориентируясь на отражение в чудом уцелевшем зеркале. Он выглядел несколько старше, чем я его помнила с прошлого раза. Пропала показная юношеская беззаботность, сменившись на образ тридцатилетнего молодого человека.

— Из вас ужасный атакующий маг, — признался ирум Камден. — Все ваши предыдущие противники вам что, поддавались? Иначе я просто не представляю, почему вы до сих пор живы.

Он не был удивлен или раздражен моим появлением. Скорее наоборот. Его спокойствие и напускной вид радушного хозяина говорил о том, что мой ночной визит был спланирован вовсе не мною. Лишь скопившиеся морщинки в уголках его глаз, выдавали легкое

недовольство моим поведением. В остальном я сыграла в точности по тем нотам, что были уготованы им для моей партии.

— Наверное, вы решили навестить меня в столь поздний час ради этой вещицы? — ирум Камден взмахнул рукой, как дирижер палочкой, и словно из воздуха вытащил потертую книжицу, на переплете которой с трудом угадывался орнамент.

Укол острого физического страха пронзил мое тело, заставив вздрогнуть. Горло настолько пересохло, что мне сначала пришлось сглотнуть, прежде чем ответить.

— Да, я пришла за Дневником. — Лгать не имело смысла. — Но вам и так это известно, ирум Камден.

Он чуть нахмурился, изобразив недовольство, и повертев в руках книжку, положил на каминную полку, отодвигая ее в сторону черепицы разбитой вазы. Только теперь я заметила весь масштаб хаоса, учиненного заклинаниями. Часть хрустальной люстры осыпалась на ковер, и теперь неприятно хрустела под обувью мага. Битое стекло, щепки, сбитые простыни, разлитая вода. Мой нож, вошедший ровно в центр картины с каким-то простеньким сюжетом из гор и ромашкового поля. Во время первого заклинания картина соскочила с крепежа, и теперь на стене ее удерживал только нож. По комнате разметались изломанные стебли и лепестки орхидей. Я успела неприязненно поморщиться, вновь увидев эти цветы, до глубины души пораженная хладнокровием человека, способного оставить в своей спальне букеты подобного рода.

— Я думал мы отбросили формальности в сторону, Китра. — Произнес мужчина, отходя от камина. Казалось беспорядок в комнате его вовсе не беспокоил. Он вопросительно вздернул брови, ожидая моего ответа. Я же едва могла выдавить из себя хоть слово.

— А я думала, вы отправились за пределы Старого города, чтобы почтить свою Стихию. — Заставила себя улыбнуться, прекрасно понимая что этот жест мне не удастся. — Что-то пошло не так?

— Не мог пропустить встречу с вами, — его широкая улыбка вышла куда более искренней, чем моя. — Я так долго и старательно к ней готовился.

— Выходит, вы спланировали мое появление? — Он сделал шаг вперед. Я синхронно отступила назад, сохраняя дистанцию. — Зачем?

— Зачем? Не хотите спросить, как?

Шаг вперед. Шаг назад.

— Вы поняли, что я захочу забрать Дневник. Добровольно вы бы его не отдали. Значит, у меня был только один выход — украсть его. И прийти сюда я могла только в ту единственную ночь, когда вы точно отсутствуете. — Это было так очевидно, что я не могла не ужаснуться собственной глупости. Не зря я столько жизней пряталась в глуши Империи. Вот что происходит, когда пытаюсь во что-то вмешаться. — Должна признаться, что способы которыми вы организуете наши встречи меня тревожат.

Еще один шаг. Потом другой. Меня загоняли в угол.

— Я пытаюсь быть оригинальным, — он развел руки в беззащитном жесте. Будто это могло убедить в невинности его намерений. — Женщинам такие вещи нравятся.

— О, прошу прощения, если ввела вас в заблуждение своим поведением и как-то обнадежила, — мой взгляд то и дело возвращался к Дневнику. Вариант проскочить мимо мага, и схватив книжку выпрыгнув в окно, нравился все больше и больше. К сожалению, он был абсолютно абсурден и не выдерживал никакой критики еще на первом этапе. — Но, боюсь, мое сердце уже занято другим.

Мой оппонент приблизился еще на шаг, но отступать было некуда. Я уперлась спиной в шершавую поверхность стены, ощутив пронзающий холод. Ни на секунду не отводя взгляда от мага, я на ощупь потянулась к двери.

— Я так не думаю, — неприязненно ответил ирум Камден. Его губы искривились в злой усмешке. На лицо напозла тень. Я сильнее вжалась в стену. — Вы же намекаете на моего приятеля, Стража, и на вашу с ним смехотворную интрижку? Бросьте, разве вы не замужняя женщина?

Мне казалось, что он ждал от меня возмущения или оправданий, будто имел на них какое-то право.

— Во-первых, я предпочитаю считать себя вдовой. Во-вторых, этот вопрос задали вы или его нашептал ваш карманный демон? — с вызовом спросила я. Отступать некуда. Ни единого шанса для маневра.

— Вы сомневаетесь? — с насмешкой уточнил он. Вся его поза выражала уверенность. Превосходство. В ней не было места для сомнений.

— Ни на миг, — победить дрожь в голосе я была не в силах, как и позволить надолго задержаться улыбке на устах аристократа. — Конечно же, эту мысль подкинул демон. Нет ни одной разумной причины для вашего интереса к моей личной жизни.

— Разумной — нет, — внезапно согласился мужчина, сменив гнев на милость. Собственные слова его позабавили. Лицо мага разгладилось, принимая некое обманчиво-спокойное и почти доброжелательное выражение, заставившее мой пульс подскочить к горлу, и в полной мере ощутить страх.

Он был слишком близко. Чтобы смотреть в его глаза приходилось задирать голову вверх. Он закрывал собой свет, практически нависая надо мной. Подавляя волю, желание сопротивляться, любые возражения.

— Хватит, — огрызнулась я. Мужчина провоцировал меня. Мой вызов провоцировал его. — Вам такое поведение не идет. Проявите хоть каплю уважения ко мне.

— Верно. — Маг резко отстранился назад, позволив мне вздохнуть полной грудью. — Верно. Приношу свои глубочайшие извинения. Видимо я позволил себе что-то выходящее за рамки отношений, приличествующих в обществе, — он как бы невзначай махнул рукой, указывая на погром в комнате. Если он таким образом намекал на мою незаконную вылазку в его дом с намерением выкрасть ценный артефакт, то я решила этого не понимать. Он вроде сам признался, что специально все подстроил. — Вы должны меня понять, я несколько сбит с толку. Для женщины не являющейся мне родственницей, любовницей или женой, вы доставили мне слишком много хлопот. И при этом все еще живы. Тут сложно не запутаться. Наверное, я должен предложить вам прохладительные напитки и закуски. Но вот не могу взять в толк, какие угощения следует подавать вдовствующей руми в своей спальне после полуночи? Коньяк и сигару?

О, это было бы идеально.

— Возможно вам стоит прочесть Последние изменения правил приема гостей Западной Империи, одобренных штатной комиссией этикета и моральных устоев при Комитете Нравственности Его Величества Императора Ергам Четвертого, — с наигранным энтузиазмом предложила я, отводя взгляд в сторону. — Могу посоветовать отличную библиотеку.

Я все ждала, когда он сорвется: наорет, оскорбит, вцепит пощечину, ударит, швырнет опасное заклинание. Да, я ждала насилия. Практически нарывалась на него. Потому что умела защищаться лучше, чем нападать. Когда маска даст трещину и явит настоящего Камдена Геригона, я буду знать своего настоящего противника. А она даст трещину. Я задела его самолюбие. Он не мог спустить мне все просто так. Он должен желать мести. Так где же она? Почему мужчина медлит? Для чего затягивает?

Маг не ответил. Проигнорировал. Отвлеченные темы для разговоров он предпочитал выбирать сам.

— Зачем вам все это? — сдалась я. — Вы не садист. Вряд ли испытываете удовольствие от моих мучений. Так к чему этот фарс? Хотите убить меня — сделайте это. Хотите правды — воспользуйтесь соответствующим заклинанием. Подберите правильное зелье. пытки, в конце концов, никто не отменял. Посмотрите на меня ирум Камден. Разве похоже, что я долго протяну?

Мужчина поморщился, словно я только что ляпнула какую-то несусветную глупость.

— Я, кажется, уже говорил вам, Китра, что не заинтересован в вашей смерти. Вы не представляете для меня угрозы, но вы — слабость демона, и я хочу знать, почему?

Оба утверждения настораживали. Упорное нежелание моей смерти выглядело странным, особенно после нашей прошлой встречи. Конечно, магу требовалась информация, но выбор областей этих интересов казался весьма странным. Впрочем, что я могла знать о

приоритетах высокородных магов Воздуха? Важно было донести главное: демонам нельзя верить.

— Я не его слабость, — четко, почти по слогам, произнесла я. — Вы меня вообще слушали? Он — демон. Вас смутили слова о супружеских узах? Вы думаете для демона они имеют хоть какое-то значение?

— Я в этом не сомневаюсь, — непоколебимая уверенность. О, Свет! Как же мой благоверный умудрился убедить аристократа в чем-то подобном? О чем они вообще говорили?

— Это он вам сказал? Он солгал. Все что говорят демоны — зовется ложью, — я попробовала вложить в свои слова силу и твердость, но по насмешливому взгляду собеседника стало ясно, что попытка пропала даром. — Да смилостивится над вами избранная Стихия! Вы сами от него недалеко ушли. Должны понимать, что такая вещь, как любовь, не является для демона сколько-то ценным товаром.

Мужчина наигранно вздернул брови, и усмехнулся:

— А вы?

У меня дернулся глаз. Как-то не хотелось представлять свои отношения с бывшим мужем в подобном ключе. Они давно вышли за рамки условностей.

Взгляд безотчетно скользнул в сторону каминной полки. Дневник все еще лежал там, как будто специально оставленный, чтобы подразнить. До него пара метров, не больше. А я трачу драгоценное время, которое еще понадобится для нового срочного плана.

— Можете его взять, — так и не дождавшись моего ответа, предложил ирум Камден.

— Простите, что? — должно быть ослышалась. Он не мог такого сказать.

— Ну же, не бойтесь. — Под подошвой сапог хрустнули черепки вазы. Мужчина в два шага оказался у камина. Неодобрительно глянул на горку поленьев, лежащих в топке скорее ради декора, чем ради отопления. Подхватил Дневник, стряхивая с него невидимые пылинки, словно тот мог иметь что-то общее с заваливающимися книжками в лавке старьевщика. — Вы же за ним пришли, верно?

Он развернулся, брезгливо окинул комнату взглядом, выискивая чистое место. Признав попытку провальную, обратился ко мне:

— Прекратите вжиматься в стенку, а то мне начинает казаться, что я недостаточно гостеприимный хозяин. И уберите это выражение лица, оно вам совершенно не идет. Чего вы так испугались? Я разве был с вами груб? Угрожал? Запугивал? Нет. Так откуда этот глупый страх? Бояться надо было раньше, дорогая, — уголки его губ едва заметно дрогнули, когда я поморщилась от резанувшего слух обращения. — Идите сюда, — поманил он меня Дневником.

Звучало, как приглашение. Мол, подыграйте мне.

Пришлось еще раз взвесить все "за" и "против", и остановиться на самом разумном варианте. Как бы ни хотелось позлить аристократа, делать этого не стоило. Он пребывал в достаточно благодушном настроении. Чувствовал себя победителем. Хозяином положения. Игрался. Очень опасное состояние. Но оно давало маленький шанс на то, что маг потеряв бдительность решит поделиться со мной какой-нибудь информацией, или же потакая собственному эгоизму, позволит чуть больше, чем следовало бы. Например, пообщаться с демоном или вот, отдать мне Дневник.

Почти насильно я заставила себя отлипнуть от двери. Ноги совершенно не слушались. Тело одеревенело от охватившего напряжения. Пальцы впились в ладони, сжимаясь в

кулаки. Как бы сильно я ни храбрилась, как бы ни бравировала словами, страх не отпускал. Почему-то с каждой встречей с ирумом Камденом, я боялась его все больше и больше. И это при том, что он наоборот, с каждой встречей вроде как оттаивал.

Будь у меня в запасе все заклинания мира и любое количества оружия на выбор, я не смогла бы себе сейчас помочь. Пальцы не согнулись бы в пассе, губы не промолвили бы проклятий. Во мне словно что-то надломилось в тот момент, когда в его руках появился Дневник. Когда он предложил его забрать.

Послушно, подобно марионетке, я подалась вперед.

Раз.

Два.

Три.

Три шага ради него. Старого, потрепанного Дневника, таящего в себе ужаснейшее проклятье.

Пальцы сомкнулись на оболочке артефакта. Я ждала подвоха, но его не поледовло. Как только я дотронулась до Дневника, маг отпустил книжку, позволяя мне в полной мере ощутить всю ее тяжесть. Я прижала к себе Дневник, все еще не веря, что ирум Камден так легко его отдал. Да что там отдал? Сам вложил мне в руки, позволяя крепко обхватить потрепанный переплет.

Это была та самая книга. Не какая-нибудь подделка, а Дневник моего демона.

Мужчина так и остался стоять рядом. А когда я говорю "рядом", я имею ввиду, что он навис огромной, неподвижной тенью.

— Как он заставил вас себя полюбить? — в холодных интонациях прозвучал слишком жадный, живой интерес. К сожалению, речь шла не о Страже Света.

— Он не заставлял, — шумно сглотнув, ответила я.

Что-то пошло не так. Отвлекшись на Дневник, я потеряла бдительность и упустила нечто важное. Голову застилал густой туман. В светлых глазах мага было нечто большее, чем настойчивое требование правдивых ответов. Что-то знакомое, у чего имелось название, но я не хотела облекать это в слова. Сил, на то чтобы выдерживать этот взгляд, становилось все меньше и меньше. Пытаясь как-то с ним справиться, я решила переключить внимание на что-то другое, нейтральное. Лепестки белых орхидей на глиняных черепицах, блеск капелек воды, ворсинки ковра, нежно-сливочного цвета, лучи света, застывшие на решетке камина.

Ему это не понравилось.

— Китра, посмотрите на меня.

Я покачала головой. Мне не нравились те эмоции, которые я там видела. Их было слишком много. Слишком сильные, полные, всепоглощающе, способные утянуть на самую глубину, захлестнуть собой и лишить воздуха.

Хватит, плавали.

— Китра, — повторил он, и хотя тон ничуть не изменился, я почувствовала угрозу. — Я разве многого от вас прошу? — Левая рука опустилась мне на плечо, легонька сжимая. Я чуть поморщилась, недовольная прикосновением. Не люблю, когда дотрагиваются без разрешения. — Всего лишь проявить немного вежливости.

— Вы правы, — согласилась, резко поводя плечом и сбрасывая его руку. Ирум Камден не тот, кого я должна бояться. — Приношу извинения. Теперь мы можем вернуться к тому времени наших отношений, где этих самых отношений не было, и вы знали меня только, как неудавшуюся жертву?

— К чему вы ведет? — ему не понравилось это напоминание, как будто он в самом деле жалел о том поступке.

Я набрала в легкие побольше воздуха, чтобы произнести все на одном дыхании и не сбиться:

— Вы же не просто так решили организовать эту встречу, поставив меня в столь невыгодное положение. Вы поняли уровень влияния демона на вас, но сами справиться с ним уже не в силах. Конечно же, обращаться в Храм Света за помощью вы не намерены. Думаю, ваша показательная снисходительность, не более чем способ попросить о помощи и при этом сохранить лицо. Что ж, я не против. Я готова. Теперь у меня есть Дневник и я знаю, что нужно сделать, чтобы демон ушел, а вы при этом не пострадали. У меня есть только одно условие. После того, как я изгоню демона, вы оставите в покое меня, моих друзей, близких, родных. Мы оба полностью забываем о том что произошло. Я иду своим путем, вы — своим.

Кажется, последние слова ему не понравились, но вот чем? Хорошо ведь сказала!

— Что? — спросила я после десяти секунд молчания, за которые наблюдала, как голубые льдинки глаз мага, превращаются в холодную, ледяную тюрьму. Уже лучше. Добавим немного хамства, и, глядишь, окончательно вытравим лишние эмоции, совершенно непривычные для ирума Камдена. — Я была недостаточно учтива? Ну простите, мы не на светском приеме, чтобы отвешивать друг другу комплементы. У нас тут общая проблема. Чем быстрее мы закончим с глупыми играми, тем скорее разбредемся по своим дорожкам.

Он вздохнул. Покачал головой. И с легким разочарованием ответил:

— Только мне начинает казаться, что мы друг друга поняли, как вы вновь спускаете меня с небес на землю. Китра, вы до сих пор не осознали с кем имеете дело. У нас не разговор на равных, поймите. К чему торг? Я думал вы догадались, что произошло этой ночью, но видимо придется пояснить.

И он рассказал.

Ирум Камден был прав. Я должна была догадаться об этом сразу, а именно в тот момент, когда мне передали письмо из конторы душеприказчика. В письме сообщалось, что курьер прибудет в первый день новолуния, через четверть часа после полуночи, к главным воротам Нового города. Тот факт, что лорд Геригон должен был покинуть свое поместье как раз в это время нас ничуть не смутил. Хотя я считала, что мы действуем в спешке, откладывая мы не стали. Кто знает, что могло бы произойти, жди мы следующего удачного отъезда ирума Камдена? Кто знает, что сделало бы со мной следующее полнолуние? Я отправилась за Дневником демона, а Леда и Райт пошли за встречать курьера, обещавшего принести мой Дневник. Только вот некого было встречать.

— Что вы с ними сделали? — несколько устало спросила я, добавляя очередную проблему в свою копилку.

— Ничего, — совершенно искренне ответил он. — К чему мне эти дети? К тому же, я не люблю повторяться. Во всей этой истории вы упустили один важный момент, — Камден повел головой, указывая на Дневник в моих руках. — Видите, я предельно с вами честен.

Испугаться не получилось. Не сразу.

Никто кроме меня и моего мужа никогда не прикасался к моему Дневнику. Даже Калек не смел его трогать. Дневник — это не просто невероятно ценный артефакт, благодаря которому мы меняем жизнь за жизнью, сохраняя свою память. Это власть над нами. Ей, конечно, еще надо суметь воспользоваться. На этом пласте реальности Дневник практически

бесполезен, не более чем трудно уничтожаемая записная книжка, но шагни к границе Привычного мира и...

— Я вас не понимаю, — изобразила самое правдоподобное удивление, прозвучавшее до ужаса фальшиво. — О чем вы говорите?

Что странно, ирума Камдена моя очевидная ложь и бессмысленный лепет не разозлили. Он будто и не заметил их, продолжая свой спектакль.

— О другом Дневнике. О вашем, — снизошел он до ответа.

— О моем Дневнике? — переспросила я. — Вы считаете, я — демон? Знаете, если женщина портит вам жизнь, срывает планы и не подчиняется, это вовсе не означает, что она демоническое отродье. Иногда это просто женщина. Больше, чем иногда. Почти всегда.

Конечно же мой голос дрожал, язык заплетался, слова путались. На губах словно лежала печать, заставляющая нести бред взамен правды. Как будто, если я буду все отрицать, это что-то изменит.

— Тшш... — остановил меня маг. — Не надо. Я все знаю, — он наклонился вперед, рукой отводя мешающую прядку моих волос. Его губы замерли рядом с моим ухом. Кожу опалило чужое дыхание. Едва слышный шепот произнес: — Душа моя.

Одна рука все еще держала меня за плечо, вторую он так и не отнял от моих волос, когда я повернулась. Ладонь мазнула по лицу. Мужчина совсем немного отстранился, чтобы я не врезалась в него головой, но недостаточно, чтобы позволить спокойно вздохнуть, не боясь его случайно коснуться. Так мы и замерли.

Кто сейчас передо мной?

Я вся обратилась в чувства, пытаюсь считать эмоции лорда Геригона. Пыталась выявить в нем чужеродное присутствие, выискивала любую деталь, способную указать на то, что человек передо мной не ирум Камден, а демон. Это должен быть он: знакомая энергетика, теплая, мягкая, удушающая, способная защитить от любой напасти, тем временем удерживая под своим жестоким контролем. Всеобъемлющая, всепоглощающая, готовая преподнести любой подарок, что пожелаешь, но слишком жадная, чтобы выпустить тебя из своего мира. Очень похоже на моего мужа, но демоном тут и не пахло. Передо мной стоял ирум Камден и эти странные, еще не до конца оформившиеся чувства, принадлежали ему. И это пугало больше, чем любая угроза расправой или голодное нечто, спрятанное за дверью, ведущей в кабинет.

— Китра, я не собираюсь причинять вам вреда. Я только хочу...

Дослушивать я не стала. Зачем? Пора было переходить к новому плану, пока страх полностью мной не овладел, заставив отступить. Сигнал к действию уже сработал.

— У вас будет фора, — одними губами, проговорила я, отпуская последние нити контроля. — Воспользуйтесь ей разумно.

— Что вы...?

Что я имею ввиду? Вы поймете чуть позже, ирум Камден, а пока...

Маг держал меня недостаточно крепко, чтобы я не смогла не вырваться. Видимо считал, что мне некуда деваться. Он был прав. Но когда страх превращается в панику, логика перестает работать. Я отпустила свои эмоции. Позволила инстинктам взять верх. Отбросила в сторону самоконтроль. Будто бы не было того времени, проведенного в клане Крови, будто за спиной не маячило прожитых жизней, будто все мои магические практики направленные на достижение гармонии и равновесия, канули в черной бездне.

Я позволила себе сломаться. Окунулась в океан откровений, шокировавших до глубины

души. Когда слышала слова, принадлежащие моему мужу. Когда разглядела в ируме Камдене проблески чувств, которые когда-то видела в иных глазах. Все это обрушилось на меня лавиной, сметая все укрепления и ломая защиту. Спасаться от них было поздно, но инстинкт требовал — беги!

Я дернулась. Поднырнул назад, уходя из его хватки и отшатнулась. Увернулась еще раз, когда маг, поняв, что упускает жертву, рванулся вперед. Будь он сейчас тем самым человеком, которого я встретила во время жертвоприношения, мужчина не раздумывая воспользовался бы магией. Но он уже был другим. Его изменили.

— Стой! — слышала я окрик.

Слишком поздно. Впрочем еще несколько секунд меня не спасли бы. Я бы не остановилась. Крепко сжимая Дневник одной рукой, я ухватилась за обломки дверной ручки, влетая в соседнюю комнату. В ту, что должна была вести в кабинет аристократа. В ту, что была наполнена непроглядной тьмой и дыханием бездны Нижнего мира.

Я побежала. Не оглядываясь. Не разбирая дороги. В голове стоял шум. Внутренности скрутило в тугой узел. Я продолжала бежать. Не чувствуя ног, не чувствуя боли, не слыша ударов, выскакивающего из груди сердца. Я бежала вперед, совсем не задумываясь, откуда в кабинете аристократа столько свободного места, что я до сих пор ни обо что не споткнулась, ни во что не врезалась. Внутренние часы сбились и я не могла определить, как давно несусь в непроглядной тьме, не разбирая дороги. Оставив все мысли, я позволила пустоте занять свое законное место.

А потом полетела, что предсказуемо, вниз. Рухнула на колени, а вслед за мной магическое зрение. Закричала. Тихо, беззвучно. В голове, прорвавшись к блаженной пустоте замельтешила мешанина из слов, образов, звуков. И я не могла с этим справиться. Мозг не справлялся. Потoki информации, окружающие меня, не идентифицировались. Я не могла понять, виной ли этому странности комнаты или так выглядит обычная паника посланника Света. Все смешивалось, сменялось. Картинки не задерживались, устраивая хоровод сумасшествия, вызывая мучительные спазмы. Этот калейдоскоп нервировал, не давал сосредоточиться, прессовал чуждыми мыслями и идеями, словно я без приглашения вломилаь в чужое сознание.

" — Успокойся, — посоветовала я себе, после чего тут же озлобилась в ответ:

— Интересно, и как же мне это сделать? По мановению щелчка? На чем бы зиждилась индустрия успокоительных эликсиров, практикующих магов Воды и пивоварен и виноградников, если бы можно было успокоиться благодаря одnoseкундному желанию это сделать? Кому вообще пришло бы в голову изобретать медитацию, если бы все было так просто. Успокоиться произнеся слово "успокойся", можно только если это ключ-команда к чарме, впрыскивающей тебе изрядную долю валерианы, пустырника или горицвета. Или чего греха таить, пусть это будет чемерица. Когда тебя выворачивает наизнанку, трудно испытывать страх или злость."

Как только внутренний монолог подошел к концу, паника схлынула сама собой. Не то что бы исчезла полностью, но теперь появилось мужество внимательно приглядеться к месту, где я оказалась.

Вокруг была только темнота и ничего кроме нее: ни плетений, ни нитей, ни потоков, ничего. Никаких ощущений. Я сидела на коленях, но подо мной ничего не было. Ноги не чувствовали холода поверхности, шершавости ковра, твердости пола. Легкий сквозняк не

касаясь кожи, при движении не возникало сопротивления воздуха. Как будто я стала бесплотным духом.

Я оглянулась назад, ожидая увидеть тонкую полоску света, но снова наткнулась на бескрайнюю темноту, поглотившую вокруг все и меня в том числе. Я даже не была уверена, действительно ли повернула голову или только представила это. Я попыталась заговорить, но звуков не появилось. Тишина была столь плотной и оглушающей, что я не могла расслышать собственный голос. Я хлопнула в ладоши. Или решила, что хлопнула.

Дневник исчез. Я держала его крепко. И все же он пропал.

Я в одном из видов подпространства (понять бы в каком!). Пересекла границу между Привычным и Нижним миром.

Блеск!

Соберись, Китра. Толку с твоего плана, если не сосредоточишься и разлетишься на кусочки в чужом подпространстве!

Проще всего было сосредоточиться на Свете. Он окружает нас всегда. Он находится в нас. Привычный мир состоит из его частиц. Свет — путеводная звезда на бескрайнем небе. Я представила его себе. Сконцентрировалась на чем-то теплом, нежном, ярком, обволакивающим беспричинной любовью. Попыталась почувствовать, как меня насквозь пронзают его лучи и устремляются по венам к сердцу. Окунулась в поток сияющей белизны, наполняющей пространство вокруг. И... ничего.

Опять!

Если это простые, фундаментальные материи, то как вышло, что я стала от них оторвана? А если упростить? Если Свет — это свет, почему кто-то может его не видеть? Варианты: свет не горит; вы слепы; у вас закрыты глаза; что-то закрывает вас от света. Первое отпадает. Второе... нет. Третье похоже на четвертое. Только в третьем случае ты сам являешься виновником закрытых глаз, а в четвертом — влияние извне. Влияние кого-то могущественного. Кого-то вроде мастера Света или демона.

— Это был ты, — догадалась я, вызывая в голове образ демона. Следом зазвучала обвинительная речь. — Закрыв от меня Свет. Без магии Света я не смогу внести поправки в твой Дневник, ведь ты стал демоном. Блеск! Дважды блеск! Я права, да? Это свой Дневник, я могла бы изменить без магии Света, но Дневник демона... С Дневником демона может справиться только тот, кто имеет доступ к Свету. То есть, кто угодно, кроме меня! И ты это знал... И ты это сделал.

— Я этого не делал, — возразил голос из темноты. — Я этому позволил произойти, но я этого не дела.

Тьма встряхнула саму себя, разрывая на бесчисленное множество теней. Пространство вздрогнуло, расшвыривая их по местам. Бесплотная дымка увеличивалась в размерах, придавая себе объем, форму. Образы, до сих пор, заблокированные моим сознанием, дабы окончательно не свести с ума, начали принимать свои удобоваримые значения. По периметру пробежались очертания, рисуя границы комнаты. Взметнулись вверх стены, сразу с книжными шкафами. Следующая дымка потянула за собой диван, кресла, письменный стол и стул. Остальные теневые клубочки замерли на своих позициях, все еще неуверенные, какой облик принять.

— Я могу говорить, — констатировала я. — Я себя слышу.

Следующим делом я взглянула на себя. Руки на месте, ноги тоже, одежда при мне, Дневник лежит на коленях. А жизнь-то налаживается, если не считать фигуру рядом.

Первым делом в глаза бросились высокие начищенные сапоги черного цвета. Затем шли брюки, белоснежная рубашка и твидовый жилет в крапинку. Большим пальцем левой руки он держался за кожаный пояс, правую же руку, обтянутую в перчатку, протягивал мне, предлагая помощь, чтобы подняться.

Мотнула головой.

— Нет, — сказала я. — Ты же знаешь, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Демон заколебался, но руку убрал, сочтя мой отказ женским капризом, но признавая мое право на него.

Поднялась. Посмотрела на родное, почти забытое, стертое годами, лицо мужа и забыла все, что собиралась ему сказать.

Глава 14

Мужчина выглядел именно так, каким я запомнила его в первый раз, когда он был собой, без каких-либо воплощений. Такой же, как и все мы. Скрывался за маской из холодности и отчужденности. Его положение, воспитание, моральные устои, требовали подобного поведения. Но я видела нечто большее, чем обворожительного мужчину в дорогих одеждах и с безупречными манерами, вынужденного находиться рядом с теми, кто не дотягивал до его общества. Я признавала его красоту, любовалась мелкими морщинками скопившимися возле внешних уголков глаз, похожих на «гусиные лапки», направленные вверх. Разглядывала серые, подобно дымящимся углям костра, радужки глаз, спрятанные за грозowymi тучами его настроения, вместе с невысказанным недовольством. Жесткую линию рта, что без улыбки образовывал плавную дугу, подобно луку стрелков. Коротко стриженные волосы, нетронутые сединой, но совсем немного выцветшие под гнетом жаркого солнца южных земель.

Пришлось несколько раз зажмурить глаза, чтобы сбить эту иллюзию.

— Так что ты говорил о Свете? — нахмурилась я, отчаянно стараясь игнорировать его присутствие. Бессмысленная попытка. Очень сложно не замечать кого-то и одновременно вести с ним беседу.

— Милая, ты серьезно хочешь поговорить об этом со мной? — он слегка вздохнул, огорченный проявлением моей неразумности.

— А с кем мне еще об этом говорить? — я скрестила руки, уставившись на мужчину самым злым взглядом, на который вообще была способна.

— С мастером Света? — предположил демон. — К примеру с мастером Эстефом.

Он изменился. В прошлую нашу встречу он был другим. Больше отстраненности. Больше холода. Он сам боялся ко мне случайно прикоснуться, страхась разрушить хрупкую грань, что нас разделяла. Тогда он напоминал человека притворяющегося демоном. Сейчас же, после того, как я поняла, какие именно мысли он нашептывал ируму Камдену, сомнений не осталось. Что бы там ни произошло, но от моего супруга почти ничего не осталось. Он стал кем-то другим. Демоном с человеческим воспоминаниями, холодной логикой истинного мага и навязчивой идеей в виде бросившей его жены.

Вот, кто стоял передо мной. Вот, с кем я имела дело.

— Не заговаривай мне зубы. Ты сам признался, что принимал в этом участие, — настаивала я на своем. Прошло уже несколько минут, а я все еще не спросила, как он себя чувствует и все ли с ним хорошо. Да я сегодня в ударе!

— Я сказал, что не стал этому мешать, — снисходительно пояснил он. — Любовь моя, только не злись. Это подпространство питается твоими силами, а злость увеличивает плату вдвое.

Я дернулась от этих слов, как от пощечины. Честное слово, лучше бы он меня ударил. Тогда бы стало ясно, что это больше не мой муж. Но нет, демон переключился на то поведение, которое подразумевало, что он давно все за меня решил. А теперь вот пытается рассказать об этом с наименьшим для себя ущербом.

— Неважно, — отмахнулась я. — Неважно, что ты сделал и как. Если ты думал, что сможешь обезопасить себя, то ты глубоко заблуждаешься. Не смогу справиться с тобой сама, позову кого-нибудь на помощь. Как в прошлый раз.

Вот чего говорить не стоило. Никогда не оповещайте демона о своих планах его уничтожить. Если только это не ваш бывший муж. В этом случае вы его только позабавите, подняв тем самым настроение. Так что, все равно так не делайте.

— Одиночество на тебя плохо влияет, — отсмеявшись ответил он. — Я бы не стал рисковать твоим здоровьем, чтобы обезопасить себя от тебя. Ты должна об этом помнить. И Калев тебе не поможет. Эксперимент с превращением человеческой души в демона закончен, да здравствует новый эксперимент!

— О чем ты? — меня пронзила ужасная догадка, и очень-очень нехорошее предчувствие расплозлось по телу. — Ты видел Калеба?

— А как же? Сначала я отнесся к его идеи весьма скептически. Твой поступок... — мужчина задумался, подбирая верные слова, — больно ранил меня. Во всех смыслах. Я достаточно долго пребывал в некоем подобии депрессии. Больше десятка раз отказывался от предложений Калеба, пока он не помог мне понять, что все твои действия были вызваны безумием. Помешательством на Эрин и ее исчезновением.

В этом он был прав. Возможно, он был прав во всем. А значит... я предала его просто так. Нет. Нет-нет-нет! Были еще какие-то причины. Я просто их не помню. Должно быть что-то еще. Исчезновение Эрин стало последней каплей, но до этого было что-то еще!

— И до чего вы с ним договорились? — набралась смелости спросить я, отгоняя прочь чувство вины. — О каком эксперименте идет речь?

— О таком, что избавит тебя от лунного безумия. Тогда у нас появится хоть какой-то шанс нормально поговорить, а пока... — он развел руками в сторону, пытаясь показать, что совершенно бессилен против моего сумасшествия.

— Какое это имеет отношение к моему Свету?

— Как оказалась, никакого. Калев заблокировал твою магию. Он думал, раз болезнь магического характера, то лишившись магической подпитки болезнь уйдет.

— Он ошибся.

— Ошибся, — согласился демон. — Болезнь, наоборот, начала прогрессировать. Поэтому он считает, что возможно она генетическая.

— Какая? — подозрительно нахмурилась, пытаясь интуитивно угадать значение слова.

— Что-то вроде семейной кармы, только на физическом плане, — попытался пояснить демон. Кажется, это слово ему самому не сильно нравилось. — Признаться, решение, которое он нашел этой проблеме, мне очень-очень не нравится. Но я готов пойти на жертву, если она тебе поможет.

Он произнес это таким тоном, словно для ему предстояло уничтожить население в несколько тысяч человек. Но поскольку такое решение в его нынешнем состоянии, скорее всего, пришлось бы по вкусу, я даже знать не хотела, что предложил демонолог.

— Нет, — попросила я. — Что бы это ни было — нет. Я не согласна.

— О, ты уже на это согласилась. — Впервые за весь разговор я услышала в его словах обиду. Совсем чуть-чуть, на грани сожаления, но обиду. Мощное чувство вины, вновь затопило меня по самую макушку.

— Кем сейчас является Калев?

— Нет, — отказал он. Впервые отказал! — На этот раз нет, душа моя, этого я тебе не

скажу. — Демон шагнул вперед. Магия буквально встала на дыбы от его движения. — А теперь пожалуйста, отдай мне мой Дневник. Кажется, Камден несколько заигрался. — Он посмотрел на мое плечо, потом перевел взгляд на локон волос, заправленный за ухо. Его губы сжались в тонкую линию. — И не только с Дневником.

Дневник. Блеск! В моих руках самое грозное, самое действенное оружие против демона, а я практически единственный человек в мире, который не может им воспользоваться.

— Милая? — повторил демон, выдергивая меня из оцепенения. — Дневник.

— Почему ты не забрал его у ирума Камдена?

— Не смог, — неохотно признался демон. — Мое влияние на него весьма ограничено, а из-за Дневника практически сведено на ноль. Я не имею над ним власти.

— А выглядело совсем иначе, — поежилась я, вспоминая тот жадный взгляд, граничащий с безумием. — Он вел себя... ммм... нетипично. Без тебя здесь не обошлось. Своим умом ирум Камден не дошел бы до того, чтобы перехватить мой Дневник.

Демон смутился. Клянусь, что видела красную крупицу стыда на бесстрастном лице!

— Пришлось подстраховаться. Я не мог допустить, что бы с тобой что-то случилось, пока я за ним не слежу. Поверь, мне его поведение доставило не больше удовольствия, чем тебе. А теперь, милая, Дневник. Пожалуйста.

— А если нет? — спросила с вызовом, покрепче обхватив книгу. — Если не отдам?

На его лице отобразилось неподдельное удивление. Не ожидал, что посмею возразить? Разве прошлая встреча и та информация, что он получил через ирума Камдена, не навели его на мысль, что за пятьсот лет я несколько изменилась?

— Ты даже не представляешь, как расстраивают твои слова, — он продолжал сохранять между нами дистанцию.

— Тем, что я готова дать отпор?

— Тем что считаешь, будто я могу учинить над тобой какое-то насилие, — тихо вздохнул он. Сейчас демон как никогда напоминал моего мужа: мимикой лица, тембром голоса, подобранными словами. Из-за этого, стоять рядом с ним было просто невыносимо.

— Я убила тебя, — напомнила я. — Любой захотел бы мести.

Он нервно дернул плечом, отгоняя это воспоминание в сторону. По лицу пробежала тень. Зрачки сузились под напором серебристо-угольных радужек, постепенно перенимающих цвета осеннего грозового неба: когда на улице нескончаемый дождь, а ледяной ветер бьет в лицо порывистыми размахами.

— Ты была не в себе, я знаю, — несколько раздраженно ответил он. Как будто мы ведем этот диалог сто первый раз. Возможно, в его голове так и было. Я не знала, как он провел последние пятьсот лет. Когда смирился с моим предательством? В какой момент начал искать мне оправдания и когда нашел? — Я сам виноват в том, что не заметил ухудшений в твоём здоровье.

Настала моя очередь скрипеть зубами. Конечно, благодарна за то, что он тогда спас меня с жертвенного алтаря и в уберег от Камдена, но все эти годы я училась жить одна. Потребовалось почти целая жизнь, чтобы почувствовать себя целостной личностью. Оказаться одной было ужасно. Тревога и страх день за днем сжимали в тисках удушающих объятий, погребая под слоем тягостных воспоминаний. Чувство тоски не покидало ни на день, заняв место фона в привычной жизни, потерявшей краски и полутона. Я засыпала и просыпалась с болезненной пустотой внутри, зная, что сама являюсь причиной своего удручающего состояния. Только во сне наступал короткий период отдыха от того кошмара, в

который превратилась жизнь. Тогда мне помогли практики, полученные в Учебке Сестер Крови.

— Нет, — возразила я. — Все было не так. Впрочем, уже не важно. Я больше не та женщина, что ты знал. У меня другая жизнь и другие цели.

— Я знаю, — от его голоса по всему телу прошла дрожь. — Тот рыжий солнцепоклонник.

— Дело не в нем, — слишком быстро возразила я, начав тут же оправдываться. — Изменилась я.

— Тощая блондиночка, — продолжил перечислять демон, не принимая во внимание моих пояснений. — Твоя новая подружка: вздорная, упертая и вечно сующая нос куда не следует. Забитый, пассивный паренек, уделяющий наукам больше времени, чем людям. Вот твой круг общения? Что-то напоминает, как думаешь?

— Они — лучшее, что было у меня за последние несколько жизней, — вступилась, прекрасно осознавая, что не стоило начинать этот спор. — Даже не смей пытаться навредить кому-то из них!

— Зачем? Никого ты из них не любишь и никто тебе из них не дорог, — непоколебимая уверенность в своих словах хлестко ударила по моим сомнениям. — Они все — жалкая пародия на то, что у тебя было.

— Неправда!

— Правда, — жестко отрезал демон. — Я не собираюсь спорить об этом. Поймешь, когда наступит время.

— И когда же оно наступит? — нахмурилась я, почувствовав угрозу.

— Быстрее, чем ты думаешь, но не настолько быстро, как хотелось мне. — Он вновь заговорил загадками, я же, решила вернуться к упрямству.

— А оно наступит, если я не отдам тебе Дневник?

— Наш разговор идет по кругу, — попытался он воззвать к моему здравому смыслу, но с места так и не сдвинулся. — И мне начинает казаться, что ты специально тянешь время. Милая, это глупо.

— От чего же? Разве это не справедливо? Твой Дневник у меня. Мой у тебя, — ответила, отходя назад. В чьем обществе безопасней? Ирума Камдена или демона-мужа? Оба меня ни во что не ставят. Оба намерены избавиться друг от друга моими руками. У обоих иллюзорные представления о любви. Разница между ними в том, что один еще человек, а второй уже демон. А моя проблема, что до первого мне нет никакого дела, а перед вторым я испытываю жуткое чувство вины, за которым прячется не безразличие. С какой стати, спрашивается, я сделала ставку на демнопоклонника, а не на демона?

— У меня твой Дневник? — переспросил демон, удивляясь довольно искренне.

— У ирума Камдена, — исправилась я. — С твоей подачи.

Между бровей пролег ряд морщинок. Мужчина нахмурился, демонстрируя сильную обеспокоенность.

— Ты не должна о нем беспокоиться. Он не воспользуется Дневником без необходимости. Как и я.

— Без какой необходимости? — уточнила, чувствуя, как пол уходит из-под ног, а сердце учащает ритм: вот-вот он раскроет планы. — Что ты намерен сделать?

— Ничего! — возмутился он. — Это небольшая страховка, на случай, если луна опять возьмет над тобой контроль, например, как сейчас.

— Я чувствую себя отлично! — оскорбилась я. — За окном новолуние. Я прекрасно осознаю свои поступки и их последствия.

— Я должен быть уверен, — твердо сказал он, в неосознанном порыве приближаясь ко мне. По губам пробежала короткая дрожь, словно демон хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. Впрочем, я знала, о чем он умолчал.

— Уверен на тот случай, если я решу преждевременно закончить существование своего воплощения?

Он не ответил, не было нужды. Молчание сказалось все. Он собирался контролировать мое перерождение. Это означало, что мне не сбежать. Если я вдруг решу собрать вещички и умотать на другой континент, он мало того что найдет меня, так еще и доберется до следующей жизни. Сможет отыскать каждое новое воплощение в тот момент, когда я сама не буду о себе ничего знать. Пока буду совсем беззащитной. Если демон захочет, память ко мне не вернется. Или же вернется не вся.

Гении мыслят одинаково, так говорят?

— Что ты собираешься забрать из моей памяти? — потребовала я ответа.

— Не так много, как планировала забрать ты.

Я не стала уточнять, как он понял. Достаточно того, что муж не предъявлял мне обвинений, а признал мое право на самозащиту, заранее понимая, что шансов у меня нет.

— Что именно ты хочешь забрать? — настаивала я.

— Эрин. Я заберу память об Эрин. И об этом рыжем недоразумении. Правда, чути позже. Не смотри на меня таким убийственным взглядом. Это ничто по сравнению с тем, что планировала ты: забрать у меня себя.

— Во-первых, ты не можешь знать, что я собиралась сделать. Во-вторых, это дало бы тебе шанс на новую нормальную жизнь. Поверь, это лучшее решение. За минувшие пятьсот лет все что я делала — это страдала по тебе. Знала что ты есть, но не имея возможности к тебе вернуться, изводила себя день за днем. Те жизни без тебя — как в тумане. Меня спасали только поиски Эрин, которые, как ты знаешь, успехом не увенчались. — Я почти умоляла его прислушаться к моим доводам. Эта авантюра и ради него тоже! — Как бы ты дальше не решил продолжить свою жизнь, воспоминания о нас будут терзать тебя и причинят только боль.

— Воспоминания? — не понял он. — О каких воспоминаниях ты говоришь, душа моя? У меня будешь ты.

Так просто. Мне показалось, внутри что-то оборвалось. Потому что в его голосе ни капли сомнений. Утверждение. Голый факт.

О... оу....

— Нет, Свет мой, не буду, — впервые назвала его давним прозвищем, почти забытым, затертым памятью. Казалось, так он лучше воспримет слова, прислушается, наконец, к тому, что повторяю ему раз за разом. — Мы расстались.

— Не припомню такого.

Я замерла с открытым ртом, не зная что сказать дальше. Милый и раньше отличался особым упрямством, но никогда не доходил до игнорирования очевидного. С одной стороны он был прав, официально мы брак не расторгли. Законы доимперских времен не давали женщине права на развод. После смерти супруга она не могла во второй раз выйти замуж. Но с тех пор я сменила три тела. Если это не повод считать себя свободной от уз брака, то что вообще можно считать?

— Я перекрыла тебе выход на новый круг перерождения, — пришлось повторить это еще раз, на случай, если Нижний мир настолько сильно травмирует человека, что он забывает причины, по которым оказался на том свете. — Заперла почти на пятьсот лет.

Успокаивающим тоном, медленно, взвешивая каждое слово, будто отмеряя магическую силу во взрывоопасное заклинание, он ответил:

— Да, я понял, что ты на меня обиделась.

Да ничего он не понял! Со стенкой и того проще договориться!

— Я не обиделась, — выговорила раздраженно, сократив разделяющий нас шаг. Хотелось выглядеть угрожающей. — Я хотела твоей смерти.

— И я простил тебя за это, — легонько кивнул он так, как принимают извинения.

Что-то в его поведении было не так. Помимо упорного нежелания понять, что мы расстались.

Он отстранился. Когда я приблизилась к мужу, он почти незаметно сдвинулся назад, не позволяя к себе приблизиться. Решив подтвердить догадку, я сделал шаг. Свободного пространства между нами осталось сантиметров на десять. Я видела, как он собирался отшатнуться назад, но в последний момент, заметив мое пристальное внимание, усилием воли заставил себя остаться на месте.

— Хорошо. Коли так, заberi у меня Дневник, — предложила, наклоняясь вперед. Мужчина засомневался. Я чувствовала как он сдерживает себя. Читала в его глазах ту внутреннюю, непрекращающуюся борьбу: кровавую и беспощадную. Она поглощала пространство вокруг, заставляя вибрировать воздух и держаться от меня на расстоянии. Каждый исчезающий между нами миллиметр делал его все более напряженным.

Вот оно!

Сдавшись демон отступил назад.

— Я бы не хотел применять силу, — спокойно ответил он, как будто не было той кратковременной заминки.

— С каких пор ты боишься ко мне прикасаться? — злобно сощурилась я, поразившись неожиданной реакцией. Видит Свет, я заслужила его призрение. Но зачем же врать, изображая не весть что? Сказал бы все как есть, скрывать-то зачем? — Говоришь о прощении, а самому рядом быть противно? — стиснув зубы, прошипела я на зависть ядовитым змеям. — Рядом быть не можешь, но и отпустить жалко? Ты мне для этого ирума Камдена подсунул? И как, вдвоем дальше жить будем?

Сама не ожидала от себя такой чуши, но остановиться не получалось. Внутри что-то переклинило и это не имело никакого отношения к безумию. Это была моя, чисто женская, собственническая черта, о которой вот уже пятьсот лет не было ни слуху ни духу.

— Ты неправильно поняла, душа моя. — Его голос изменился. Стал более глубоким, насыщенным. Он проникал под кожу, так глубоко, что, казалось, может сжечь изнутри. Демон позволил силе скользнуть по моей коже, дать почувствовать ее прикосновение. Воспользовался той глубиной магией, что обитала в Нижнем мире.

Стена отчуждения, что он поддерживал все это время дала легкую трещину, позволяя заглянуть внутрь. Потому что, когда чужая магия касается вас, вы можете понять о ее носителе все, если, конечно, умеете. Я умела. И я позволила себе почувствовать. Увидеть его нового. Изменившегося.

Я говорила, что он красив. Не по тем стандартам, известным другим. Его внешность была идеальной для влюбленной девчонки, и в то же время мрачной, фатальной, для

женщины вроде меня. Стоя так близко, видя душу, а не нацепленную оболочку, я знала правду. В его красоте не осталось чистоты — лишь тьма и мрак. Они манили и пугали, не радуя глаз, нет, а ослепляя до боли и понимания, что некогда человек стал настоящим порождением Нижнего мира. Демон. Я называла его так, чтобы напомнить себе о его поступках и не допустить возобновления наших отношений. Это было всего лишь слово, не отражающее своего истинного смысла. До сего момента.

От осознания этого меня начало лихорадить. Я увидела темную тварь, выползшую из бездны. До сих пор он не использовал на мне свои силы, потому что знал, я сразу почувствую эти изменения. У меня не было Света, чтобы завернуться в него как в кокон и спрятаться от ужасающей темной силы. А потом я почувствовала легкое движение и все жуткие мысли исчезли прочь.

От прикосновения захватило дух. Мужчина коснулся моей щеки, стирая тот легкий след ауры, что позволил себе оставить ирум Камден. По телу поползли мурашки. Я не могла ни пошевелиться, ни сказать слов. Перестала дышать, боясь, что муж позволит себе нечто большее и одновременно надеясь, что не остановится. Я как будто проснулась! Выздоровела после затяжной болезни, что ломала каждую секунду вечности, бросая то в лихорадку, то заставляя умирать от жажды...

...После долгого воздержания и мучений, вновь подседа на старый наркотик.

Блеск!

— Прости, — он отдернул руку, разрывая связь. Я ошалело уставилась на мужа, собирая крохи сил, чтобы не потянуться к нему. — Прости, — повторил он, и в это раз в голосе было столько сожаления, что я могла бы в нем захлебнуться, если бы все еще не тонула в ощущениях, подаренных легким прикосновением ладони. — Я не смогу тебя кому-то отдать, даже если это спасет тебя от безумия.

Слова пропали. Исчезло пространство вокруг. Был только он.

В глазах защипало. Наворачивались слезы, до надрыва, до боли, — вот как долго я на него смотрела. Боялась отвести взгляд, страхась моргнуть, испытав потерю равную доли секунды. Дыхание сбилось. Меня трясло сильнее, чем лодку, попавшую в эпицентр бури. В этом безумии водоворота из чувств и эмоций, я пропадала, теряя себя с каждым новым ударом учащающегося пульса.

Теперь я понимала в чем дело. Почему он вел себя так холодно и отстраненно, — это способ не сорваться. Держать себя в руках до последнего, зная, что любой контакт нас уничтожит. Одно единственное прикосновение и самоконтроль разлетится вдребезги, подобно фарфоровой вазе упавшей с каминной полки, или стеклянного купола в ботаническом саду, под действием заклинания.

Все это время я с силой стискивала Дневник, рая ладони до кровоточащих порезов, до отчаянья, с натиском утопающего, цепляющегося за спасательный круг. Это единственное, что сдерживало, придавало хоть какую-то осмысленность глупому упрямству, диктующему не приближаться к демону с лицом возлюбленного супруга. Логические доводы рушились, ломались, рассыпались в прах, погребая под собой последние сомнения.

Надо было собраться. Привести себя в чувства. Вспомнить зачем я здесь. Повторить все те доводы, в которых перечисляла причины невозможности нашего союза. Заткнуть глупое сердце, тянущееся оголенными нервами к очередной дозе блаженного забытья. Много ли у нас будет времени? Сколько пройдет, прежде чем, реальность вырвет обратно из ласкового плена болезненной зависимости и отхлестает по щекам раскаленной кочергой не забыв

пнуть под дых? Во второй раз будет больше. Во второй раз жалость к себе сменится ненавистью.

— Душа моя, — голос обжег чистым, искренним пламенем, уже утратившим над собой контроль, но еще не перекинувшимся на соседние пристройки, чтобы спалить ко всем демонам обреченный город. — Ты себя ранишь.

Сморгнула выступившие слезы, выдерживая себя из гипнотического транса. Смысл его слов терялся за темной, вымораживающей до стылого хруста костей, энергии. Контраст двух противоборствующих сил разрывал на тысячи мелких частей: пронзающий холод демонического присутствия, выворачивающего внутренности и буйство огня страждущего взгляда любимого, опаляющего кожу.

Разжав посиневшие пальцы, в судороге цепляющиеся за Дневник, я, заново ломая тот костяк, что собирался по крупицам, склеивался Кровью и Светом, слезами и молитвами, отшвырнула артефакт в сторону. Ресницы демона дрогнули, когда Дневник проскользил по гладкой поверхности несуществующего пола. Немой вопрос повис в воздухе, но любой ответ принес бы только ложь, которой не было между нами место. По крайней мере, для той, что говорила словами.

Откинув в сторону сомнения, наступив на горло протестам, увещанием и мольбам, я резко подалась вперед хватая мужчину за грудки. Мне пришлось встать на цыпочки, притягивая демона к себе, чтобы достать до его губ.

Смелости хватило лишь на легкое касание. Целомудренный поцелуй пропитался робкой нежностью и глубинным страхом быть отвергнутой. Целое мгновение длиною в вечность. Этот маневр истощил все запасы моей храбрости, опустошая и одновременно низвергая в пропасть. Мысли исчезли. Я забыла, что намеривалась сделать. Наверное, отступить. Но как только я начала отстраняться, в момент, когда эта мысль начала формироваться в голове, демон подался вперед. Притянул к себе рукой, сжимая талию и впился в мой рот губами, голодным, властным поцелуем.

Он не утверждал право сильного. Не требовал подчинения. Он возвращал давно потерянную частичку себя. Самую любимую, самую желанную, ту, без которой все остальные богатства теряли свой смысл: мерк свет, приглушалась темнота, и краски смешивались в серую массу полутонов. Маленькая искорка во мраке, как путеводная звездочка на бескрайнем ночном небе, указывающая заблудившемуся страннику путь.

Я растворялась в нем. В его мыслях, желаниях, в нем самом, целиком. Видела себя его глазами и не понимала, почему мы до сих пор не едины. Как так вышло, что я существую отдельно без него? Нелепость. Ошибка мироздания, не иначе. Чья-то дурацкая шутка, розыгрыш. Нарушение основополагающих законов вселенной. Нонсенс. Абсурд.

Мое тело вжалось в мужчину, отказываясь от меня и признавая его полноправным хозяином. Ища тепло, требуя ласку, прогибаясь в пояснице, дрожало в его объятьях, больше мне не подчиняясь. Руки давно перестали слушаться, найдя дорогу к его лицу, зарывшись в густой ежик волос на затылке, перебирая мягкие пряди испорченной укладки. Ноги подгибались, и если бы он не удерживал, с силой граничащей с грубостью прижимая к себе, давно бы упала.

Он поглощал меня, пропадая в поцелуе точно так же как я. Растворяясь без остатка, теряя собственную индивидуальность, растворяясь в чужих мыслях. Видел меня насквозь. Терзая губы, лаская, углубляя поцелуй, погружался все сильнее в мой разум, желая поглотить все те воспоминания, что не были у нас общими. Словно это могло быть смертельным, если

одно единственное желание или мысль ускользнут от него. Он хотел знать все. Ввинчиваясь, внедряясь, пробиваясь сквозь все защиты разума, поглощал мою жизнь. Чего в этом было больше: демонической, жадной натуры или диктатуры ревнивого любовника, определить было сложно. Верным было лишь смутное обещание, однажды спросить с меня за каждого мужчину встреченного на пути, пусть даже взглядом.

Поцелуй прекратился. Оборвался неожиданно, пугающе, травмирующе. Падение с неба в карьер с валунами было бы мягче. Все еще чувствуя обжигающий жар губ, я сфокусировала взгляд на его лице. Слишком темные глаза, слишком жесткая линия губ, слишком много Нижнего мира, ввевшегося под кожу, впитавшегося в самую душу, поглотившего без остатка. Эта тьма собиралась сожрать и меня. Но чуть позже, под ароматным соусом из контроля и подчинения, растянув мучения на долгие годы исчисляемые веками.

— Камден? — спросил демон, неуверенным, хриплым голосом.

— Что? — то ли сказала, то ли прошептала, то ли подумала. Голова кружилась, ноги были ватными, и я отчаянно цеплялась за плечи мужа, чтобы удержать равновесие. Куда тут понять, о чем он спрашивал.

— Этот зарвавшийся маг? Ты выбрала его? — он сам не верил в то что говорил: столько недоумения и безгливости смешивалось при упоминании аристократа.

Я пыталась уловить суть, но та проворно ускользала. Виной всему — сбившееся дыхание, сошедшее с ума сердце, и мужчина, продолжающий удерживать в плену настойчивых рук.

— Ммм... разве?

Мозг, после сильнейшей дозы интоксикации демоном-мужем, отказывался в принципе собрать образ обсуждаемого человека, чтобы вспомнить, о ком идет речь.

— Без Света ты не можешь исправить мой Дневник. А Камден не мог попасть сюда с ним. Я бы тут же его забрал без всяких церемоний. Поэтому, он передал его тебе. Знал, что я не стану применять к тебе силу. Знал, что ты отвлечешь меня настолько, что я не смогу контролировать подпространство и упущу его из виду. А позже, ты передала ему Дневник обратно, да, любовь моя? Когда швырнул его подальше от нас с тобой.

Он не злился, он констатировал факты. То, что уже свершилось. А я крепко стискивала зубы, сдерживая подступающие слезы. Да, это то, что я сделала. Не хотела, не желала, но совершила. Пойдя против самой себя и своей сущности. Сделав выбор в пользу кого-то неизвестного, эфемерного и ненастоящего: Китры Латер, человека, которого никогда не существовало.

Глава 15

Камден

Камден не слышал, о чем они говорят. Приходилось прятаться в тених собственных мыслей. Только это и отвлеченность демона на вечную жертву проклятья, позволяло оставаться незамеченным. Использовать магию он не торопился, опасаясь быть замеченным. Пока в арсенал его возможностей входило одно лишь наблюдение и проработка возможных вариантов. Кажется, Китра что-то задумала против демона, осталось понять — что. Напрямую сказать Камдену она не могла, потустороннее существо обязательно бы все узнало, поэтому посланник Света ограничилась пространным намеком и нетипичным поведением.

Мужчина разглядывал их странную парочку со смесью удивления и зависти.

Они стояли друг к другу близко. Гораздо ближе, чем позволяли правила приличия. В обществе подобное осудили бы, даже если речь шла бы о молодоженах. Эти двое были супругами. Разве так смотрят муж и жена друг на друга после стольких лет совместной жизни? С каких пор любовь в долгосрочном браке выглядит как встреча юных любовников, украдкой сбежавших из дома, чтобы увидеться хотя бы на минутку?

Демоническая магия — иначе быть не могло. Китра Латер, которую он знал, не могла желать тварь из Нижнего мира. Женщина находилась под проклятьем. Изначально Камден считал, что все те девушки в воспоминании демона — разные люди. Мол, дочери рода Фольмуд раз в столетие обречены быть отданными демону для... очень многих вариантов. Раз за разом уходившие в Свет, они искали спасение от ужасной участи и ни разу не спаслись. Все, кроме Китры Латер — сильнейшей в своем роде. Особенной. Женщины, что обманула демона. Обольстила. Заперла в подпространстве на долгие семнадцать лет, и при этом, до сих пор пользовалась его милостью. Это звучало не совсем правдоподобно, но являлось лучшим вариантом. Хотя, как девица семнадцати лет могла оставить в дураках демона, было еще той загадкой. Для провинциалки она была очень даже хороша, но вот для женщины-мага, несколько простовата. Знавал Камден таких руми, что поражали и яркой внешностью, и тонкостью красоты, и изворотливостью ума, и прогнившей душой, да ни одна из них демону ровней не была, а эта стала.

Мысль, что жена у демона была всего одна, пришла гораздо позже. Совсем недавно, когда стало известно о существовании второго Дневника. Дневника человека. Кто-то о таком когда-нибудь слышал? Мифы, легенды, слухи, сплетни, исследования? Где-нибудь об этом писалось? Сама идея казалась абсурдной! Дневник демона — изобретение Калеба Геллиофрея — великого демонолога, создавшего с десятков заклинаний для борьбы с тварями Нижнего мира и парочку для их изгнания. Дневник — индивидуальный артефакт, созданный мастером Света для контроля конкретного демона. Зачем создавать артефакт такой силы для человека? Ладно бы для какого-нибудь королька или императора, но для девушки? Даже для очень красивой? Демон — сам по себе источник огромной силы. А человек? Если для одного простого вызова демона требовалась дюжина жизней, то сколько потребовалось для

привязки человека? Сотня людей? Больше?

Пошел бы на такое Камден? После смерти родиться в очередном теле, осознавая себя в возрасте совершеннолетия. В новом времени, среди чужих людей, в неизвестном социальном статусе. Каждый раз заводить полезные знакомства, оканчивать престижные заведения, привыкать к нововведениям действующей власти, заново изучать моду и формировать социальный образ. Об этом стоило подумать. Позже.

Если бы он не держал своими собственными руками Дневник Китры Латер, по структуре почти точь-в-точь совпадающей с Дневником демона, никогда бы не поверил в существование подобного. Факты говорили сами за себя, но почему-то не объясняли, зачем? Он понял многое, когда последний паззл встал на место и позволил увидеть картину целиком, но не все. Опять чего-то не хватало.

Обоюдопользное и почти равноправное сотрудничество демона и человека имело место быть в истории Привычного мира. А Любовь? Страсть могла стать причиной. Но разве страсть способна просуществовать более тысячи лет? А она была. Сильная, искореженная, болезненная, разрушающая обоих, но не отпускающая. Это было видно даже отсюда. Чувствовалось плотным обжигающим потоком.

Неужели проблема его непонимания заключалась в том, что он судил по меркам людей, а должен-то смотреть с позиции существа близкого к бессмертию? Или же Камден опять упускает какую-то очевидную мелочь в истории с демоном, Дневниками, проклятьем и женщиной, чья душа побывала в каждом столетии прошедших пяти эпох становления магии?

Чуть-чуть, едва заметно, тени подпространства прогнулись, искажая рисунки магических нитей, и магу удалось расслышать, о чем говорила сверхъестественная парочка. Ниточка-посыл тянулась от посланника Света. Учитывая, что пресловутый Свет где-то дремал сладким сном, женщина использовала магию Крови. Порезала себя об одну из страниц Дневника, добывая источник сил.

— Почему не забрал его у ирума Камдена? — Китра спрашивала не для себя.

— Не смог, — неохотно признался демон. Оказывается, тот вполне умел выражаться нормальным и понятным языком без капли издевки. — Мое влияние на него весьма ограничено, а из-за Дневника практически сведено на ноль. Я не имею над ним власти.

С этим Камден бы поспорил. Демон не давал приказов, но он очень сильно снижал критическую оценку при восприятии его слов.

— А выглядело совсем иначе. Он вел себя... ммм... нетипично. — Выдвинула обвинение пассия. То что она это заметила, настораживало. — Без тебя здесь не обошлось, — продолжила она. — Своим умом ирум Камден не дошел бы до того, чтобы перехватить мой Дневник.

Это было правдой, но весьма прискорбной. Последнюю фразу она могла бы не добавлять. Ничего, еще будет время изменить ее мнение о себе. Он ничуть не хуже демона. Быть хуже демона — это особый талант. Все-таки эти двое не друг другу совсем не подходят. Снять с нее проклятье демона и навеянная магией страсть тут же погаснет. Китра с криком сбежит от этого монстра.

Ей требовался совершенно иной тип мужчины. Во-первых, человек. Во-вторых... Ладно если отбросить видовую принадлежность, Камден с демоном были очень похожи. Чем конкретно? Силой духа, что ли. Восприятием мира. Пытаясь выбрать какую-то черту в демоне, Камден находил ее в себе. Единственное существенное различие, что приходило на ум — Камден лучше его во всем, и, соответственно, выйдет победителем. А победителей

любят все.

Какие бы странные чувства не были между этими двумя, Китра предпочла Камдена. Она выбрала его. Она была на его стороне. Вдвоем против демона. Он и сам мог бы справиться с потусторонней тварью, правда мог бы, но что бы тогда он узнал об этой женщине? Да ничего. Она спряталась бы за множеством масок и спинами Имира и мастера Света, и никогда бы к себе не подпустила. Опыта скрываться, прятаться и пропадать на ровном месте, у нее была масса. Тут она запросто переплюнет кого угодно. Стоило признать, что пределов ее способностей маг еще не выяснил.

Камден продолжал слушать разговор. Он ловил каждое слово, анализируя, разбирая по частям и отправляя на полочку с нужной биркой. Все что Китра говорила, было для него. Каким-то образом она поняла, что маг рядом, и передавала ему ту информацию, которую он сам не смог выяснить у демона. Посланник Света проводила допрос ловко и умело, вызывая восхищение. Демон знал, кого брать в жены. Жаль, что не хотел признать, что он ей больше не нужен и она нашла кого-то получше, повыше уровнем. Демон понимал, что пассия к нему уже не столь благосклонна, как раньше, оттого и злился.

Где-то на этой мысли Камден себя оборвал. Не оттого, что зашел слишком далеко в рассуждениях. Произошло нечто странное. Разговор оборвался. Китра отшвырнула Дневник сторону. В его сторону! Ровно с той силой и в том направлении, чтобы тот врезался в носок его сапога, блестя карминовые каплями крови на переплете. А сама тем временем... активно отвлекала демона, чтобы маг успел внести исправления в Дневник. Именно так. Очевидно же, что Китре неприятен этот поцелуй. Ей фактически приходилось учинять над собой насилие, дабы прикоснуться к потусторонней твари.

Камден в бессилии сжал кулаки. Что ж, теперь его очередь. Нельзя мешкать. Чем быстрее он разберется в хитросплетениях артефакта, тем скорее освободит женщину из лап наглого, самовлюбленного монстра, столетиями державшего в плену душу прекрасной представительницы Света.

Он поднял Дневник. Обложка ловила алые блики — остатки кровавой волшбы. Магия мертвыми ошметками падала вниз, постепенно сгорая в пламени силы артефакта. Помня случай с книгой-воспоминанием демона, Камден очень осторожно открыл Дневник, изученный в Привычном мире сотни, тысячи раз. Он помнил все записи наизусть, день за днем, просиживая в кабинете, пытаясь расшифровать или добраться до тайного смысла. Здесь было все иначе. Странные формулы, беспорядочные цифры, незнакомые символы, набор рисунков, магических плетений замкнутых самих на себя. Они словно жили своей жизнью, переплетаясь в невозможные фигуры, создавая немыслимые симбиозы.

На проверку, Камден дотронулся до одной из чернильных завитушек и чуть не взвыл от боли. Сотни невидимых иголок вонзились в палец. Мужчина попытался отдернуть руку, но вредный символ оторвался от страницы, впиваясь в руку мага. Следом резанула обжигающая боль. Но не по руке. По мыслям. Проворно, настойчиво, ввинчиваясь в сознание, магия направилась к самому уязвимому месту, вгрызаясь в ментальные щиты. Мужчина тут же усилил защиту призывая на помощь все доступные резервы. Дрянная магия сдаваться не желала, то тут, то там жала оболочку, прощупывая слабые места.

Что за проклятое колдовство? Как Китра намеревалась с ним справиться? Что она там собиралась сделать? Стереть о себе память и отправить демона на новый круг перерождения, кажется так она говорила? Что он должен тут стереть? И собственно, как?

У него едва хватало времени отбиваться от назойливых атак чернильной змейки,

возжелавшей во что бы то ни стало пробиться на более тонкий план его сознания. Немного повозившись с защитой маг уловил секунду, чтобы на вскидку послать пробное заклинание на страницу Дневника. Оно лишь слабо мазнуло по поверхности, мгновенно тая под гнетом мощной силы. Следующая попытка вышла еще менее удачной. Чернильная змейка, уловив момент пасса сменила место атаки, больно цапнула за ухо. Маг инстинктивно отмахнулся, сметая неизвестную тварюшку ладонью, в которую та тут же вцепилась. Раздраженный назойливостью ожившего символа, ирум Камден швырнул его обратно в Дневник. Страница с радостью приняла своего потерянного питомца обратно. Маг ловко перевернул лист, оставляя странное заклинание в предисловии.

В голове что-то щелкнуло. Не в прямом смысле. Скорее это было похоже на то, когда ты забываешь какое-то слово. Название городка рядом с восточной столицей или сорт цветов, годами отсылаемый троюродной тетке на день Рождения, уже теряешь надежду когда-нибудь вспомнить, и вдруг вот, озарение настигает во время трехчасовой медитации, когда как раз нельзя ни о чем думать. Он вспомнил не слово. И не то, что когда-то с ним происходило. Чужие воспоминания. Они принадлежали не ему и совсем отличались от тех, что показывал ранее демон. В этот раз ирум Камден не оказался на месте демона. Странное состояние было схоже с тем, когда тебе рассказывает историю искусный бард, в красках разрисовывая главного героя и его приключения, настолько четко и ярко, что в какой-то момент начинает казаться, что ты и сам там был. Не теряя времени, маг пролистал еще несколько страниц. Ситуация повторилась. Не долго думая, он принялся листать Дневник до конца. В самом же деле, не вечно же Китра будет отвлекать демона.

Пурпурную нить, тянущуюся через всю книгу он заметил не сразу. Очень тонкая, извилистая, она прокладывала путь через каждый абзац, символ и рисунок, вплетаясь в структуру страниц, иногда сливаясь черными полями. Это должна была быть она. Откуда он знал? Да все благодаря тем же странным "воспоминаниям", неохотно усваивающимся у него на задворках памяти.

Пурпурную нить, тянущуюся через всю книгу он заметил не сразу. Очень тонкая, извилистая, она прокладывала свой путь через каждый абзац, символ и рисунок, вплетаясь в структуру страниц, иногда сливаясь черными полями. Это должна была быть она. Любовь. Память о ней. Или что-то в этом роде. Камден не сильно разбирался в подобных материях — суррогате чувств, присущих демонам. Откуда он знал, что это именно то что он ищет? Да все благодаря тем же странным "воспоминаниям", неохотно усваивающимся у него на задворках памяти.

Камден ухватил пурпурную нить, надеясь, что та не станет кусаться подобно чернильному собрату и потянул. Она поддалась неохотно, отчаянно цепляясь за соседние закорючки и символы, оставляя то тут то там, цветные оборвыши. Маг дернул посильнее, пустив по нити поток магии Света, и, за неимением других вариантов, принялся накручивать ее на запястье. Она вырывалась, пыталась выскользнуть, юркнуть обратно на страницы, спрятаться за другие символы. Камден завязал ее узелком.

Лучшим вариантом было уничтожить Дневник демона и избавиться от него навсегда. Выкинуть из головы. Отрезать путь к своей душе. Но как ни прискорбно осознавать, сделать он этого не мог. Камден владел магией Света в той же мере, что и любой другой житель Империи: основной — исключительно для бытовых целей. Этого недостаточно, чтобы считаться настоящим магом Света. И все же, азов, изученных в самом детстве, чуть ли не раньше, чем техника счета, хватало на взаимодействие с составляющими Дневника.

Действовать приходилось интуитивно. Буквально на ощупь. Одна из страниц пустовала. Должно быть та, которую когда-то изменила посланник Света, сумев запереть демона на пять веков. Как же она это сделала? Какую силу Света надо иметь, чтобы изменить содержимое Дневника? Тут лишний символ добавить — уровень старого бога, не иначе — а чтобы исправить целую страницу, кем надо быть? Нет, Китра подобными силами не обладала. Она предпочитала обходные пути и действовать в последний момент. Мастер импровизации в критических ситуациях.

Когда она узнала, что ее Дневник у Камдена, а демон начал делиться личной информацией весьма специфическим образом, к каким выводам пришла Китра? Срочно изменила план, учтя новые значения переменных. Значит, понимала, что Камдену самому придется справляться с записями и рассчитывала, что у него получится. Почему? Где подсказка? Китра давно оценила все его способности, так на что же надеялась?

На то, что он прочел ее Дневник.

Маг читал его. Большая часть — зашифрованные письма, меньшая — бессмыслица. Заметки пьяного путешественника. Раздробленные, бессистемные, содержащие в себе все: от описания снежных гор до культурных традиций завязывания платков в западных Королевствах. Иногда проскальзывали пространные рассуждения о смысле жизни и о возможной судьбе той девицы, в чьем теле она пробудилась. Иногда о первой встрече в новом теле со своим мужем. И один раз о последнем, точнее о душевном состоянии Китры после.

Вот оно!

"Самое худшее, что может с нами случиться — это мы сами. Самое худшее, что случилось — Калев. Задумывал ли он с самого начала такое строение артефакта или же это заклинание появилось само собой, по велению Нижнего мира? Хотел ли иметь над нами контроль в случае угрозы или же это страховка вселенной от заигравшихся бессмертных? Его нахождение в самом начале как-то влияет на нас? Заставляет подсознательно ориентироваться на него? Если да, так что же, наш конечный пункт — забвение? Саморазрушение наша цель? Если нет, то что оно там делало? Откуда взялось? Калев не даст нужных ответов. Да я и не хочу знать их. Пусть остается один на один с этой тайной".

Камден вернулся к началу Дневника. К проклятой, плотядной змейке. Он понадеялся, что если ее в этот раз не трогать, она не станет набрасываться. Зря надеялся. Только первая страница легла перед ним, как чернильная дуга спружинила к запястью. Маг отдернул руку, но змейка не ее выбрала целью. Подлое заклинание ухватило зубы за пурпурную нить, ловко зажевывая ее кончик.

— А ну отцепись! — вознегодовал Камден, не ожидая такой подлости.

Змейка и не думала останавливаться, наоборот, набрасываясь на сласть с удвоенной скоростью. Он попробовал потянуть ее за хвост, оттаскивая от пурпурного плетения. Невнятно буркнув змейка изловчилась и выдернула склизкий хвост, оставив на его ладони несколько черных, жирных пятен. Злобно зыркнув на чешуйчатую тварь, маг перевернул несколько листов и неприязненно вытер ладонь о пустую страницу. Все что ему оставалось — это наблюдать, как нить исчезает в пасти прожорливой чернильной кляксы. Когда змейка наелась, более не проявляя агрессии, и сыто скользнула обратно к началу Дневника, мужчина уже знал, что делать.

На пустой странице свободного места стало меньше. Чернила не исчезли, не остались нелепыми кляксами. Приняв новую форму, они расползлись по разным частям листа,

расположившись так, словно стояли там со времен зарождения вселенной. Что ж, время поджигало и на брезгливость его точно не хватало. Плюс-минус мгновение, когда Китра больше не сможет отвлекать демона.

Он делал все быстро и аккуратно. Несколько раз забыв про осторожность, он поплатился покусанными пальцами. К счастью, чернильный монстр после плотного обеда вел себя более спокойно.

Когда дело было сделано, и маг, с чувством собственного достоинства от выполненной работы и с эйфорией от победы разума над загадками артефакта, захлопнул Дневник, он встретился с колючим, злым взглядом демона. Их разделяли добрых пятнадцать метров, но существо смотрело точно на него. Должно быть, магия защищавшая их друг от друга, начала терять свою силу.

С демоном творилось что-то странное. Черты лица заострились, выдавая в облике нечто темное, нечеловеческое. Сильные руки застыли в переходном состоянии трансформации, удерживая хрупкую фигурку женщины, прижимающуюся к мощному торсу твари. Разум, пораженный внесенными исправлениями, постепенно терял осмысленность, желая поскорее покинуть подпространство, внезапно ставшее недружелюбным. С этим местом его больше ничего не связывало и оставаться становилось все труднее и труднее, более того — бессмысленно. Сейчас его удерживала только Китра, вцепившаяся в остатки костюма демона и застыв в оцепенении. Возможно ее сковал страх. Одно дело иметь с демоном в человеческой оболочке с соответствующими манерами и совсем другое, стоять рядом с монстром, переходящим в свою истинную форму, возвращающемуся к звериным инстинктам.

Мага озарило жуткое понимание: если женщина не отпустит демона, тварь запросто утянет ее вместе с собой в Нижний мир.

— Китра, отпусти его! — крикнул Камден, бросаясь на помощь. Женщина будто и не слышала, давась всхлипами словно что-то причиняло ей боль. — Проклятье!

Приближение мага усилило давление подпространства на демона. Прежде чем водоворот теней накинется на тварь, окончательно выпроваживая враждебное существо за границу чужого мира, посланник Света отстранилась от демона. В слишком быстром для глаза движении, она ушла от опасных объятий пав на колени. Прикрыла уши руками, спасаясь от яростного рева и мощного гула теней, утягивающего в воронку Нижнего мира его обитателя.

Наступила тишина. Не та искусственная, что могло изобразить подпространство, а настоящая, одна из тех, что возникают после окончания жестоких битв. Когда все вокруг замолкает, а ты лишь пытаешься почувствовать стук собственного сердца, определив, жив ли ты еще или нет.

Давящее присутствие потустороннего существа исчезло. От обрушившегося на него спокойствия и свободы, маг неуверенно покачнулся. Он даже не подозревал, как сильно был скован в своих мыслях и действиях, когда рядом находилась нижемировская тварь. Подпространство заиграло новым светом, позволив другим краскам, помимо монохрома и красных оттенков, войти в искусственный мир. Он определенно чувствовал себя лучше.

— Китра, — позвал Камден, опускаясь рядом с ней на колени. Обхватив себя руками, женщина склонила голову скрывая лицо за иссиня-черным шелком спутанных волос. — Что он с тобой сделал? Китра!

Она не реагировала. Лишь рвано вздрагивала, душа прорывающиеся рыдания. Камден

осторожно потянулся к ее лицу, убирая в сторону мешающие прядки. Покрасневшие глаза были полны застывших хрусталиков слез. На щеках мокрые соленые дорожки, губа прокушена до крови, челюсти плотно сжаты дабы сдерживать всхлипы. Внешних повреждений не было. Заклинание-поисковик тоже не дал результатов на наличие серьезных травм или повреждений. Впрочем, законы подпространства несколько отличались от физических законов Привычного мира. О том, что посланник Света несколько не в себе говорил лишь застывший взгляд, затерявшийся где-то далеко в жутких видениях повторяющихся событий.

Стерев ладонью влагу с прохладной щеки, Камден повернул ее лицо к себе и снова позвал. Китра проигнорировала его слова. Тогда мужчина обхватил ее за талию, притягивая к себе. Посланник Света не сопротивлялась. Она не издала звуков возмущения, не уколола острой фразой, не смерила уничижающим взглядом за проявленную дерзость, и это лучше любых сканирующих заклинаний говорило о ее крайне тяжком состоянии.

Самое паршивое в этой ситуации было то, что когда демонические тиски перестали сжимать его сознание, лучше не стало. Да, он почувствовал себя свободней, но вместе с желанным избавлением пришло горькое понимание, раскрывшее истину самообмана. Женщина в его объятьях, которую он тихонько укачивал, крепко прижимая к себе, будто он маленький ребенок, которому преподнесли на день Рождения долгожданный подарок — красивую дорогую куклу, о который мечтали все дети, а она досталась ему, — была совершенно равнодушна к своему освободителю. Она ни разу не проявила к нему интерес, помимо того, что требовался для собственного спасения и победой над демоном. Посланник Света все это время держала его на расстоянии. Не удостаивала лишней раз даже взглядом. Она игралась словами, даря холодные улыбки и редкие прикосновения, но ничего более. Он наслаждался ее обществом, а она считала минуты до освобождения от оков тысячелетнего брака.

Демона больше не было. Китру и Камдена больше ничего не связывало. Разве что у него был ее Дневник. Верно. Она не сможет оставить Камдена, зная о Дневнике в его руках. Придет торговаться за свою свободу, а когда поймет, чего хочет от нее лорд Геригон, истинный маг Воздуха — проклятье! — она его возненавидит. А потом придумает очередной план и украдет свой Дневник. Она не останется с Камденом добровольно. Он не получит даже одного маленького шанса. Как, спрашивается, ему это исправить? Разве мужчина виноват, что Китра не заинтересовала его прежде, чем он попытался принести ее в жертву бывшему мужу?

Выходит, все что у него есть, это пара мгновений, прежде чем она очнется и потребует свободы? Не может же он держать ее в плену в своем особняке. В конце концов, она не какой-то трофей, что получаешь за победу над демоном. Она живой человек. Упертый, настойчивый и волей случая привязанный к Дневнику... Который при желании можно изменить...

Маг оборвал себя на этой мысли. Пришедший в голову вариант казался слишком невероятным. На это у него не было времени. Не сейчас. Он должен помочь Китре выбраться. Подпространство достаточно утомило их обоих. Камден являлся истинным магом Воздуха и уже чувствовал подкрадывающиеся истощение, а что говорить о бывшей заложнице демона? На чем она держится?

Мужчина встал, приподнимая женщину на руках: она была легче, чем он предполагал. Внезапно Китра ожила, заворочалась, отнимая голову от его груди, и смаргивая последние

капли жемчужин. Она удивленно посмотрела на Камдена, силясь понять, кто перед ней. Когда в сапфировых глазах, ярко-синих от пролитых слез, появилось понимание, женщина напряженно замерла. Тихим, настойчивым голосом, одним из тех которым пытаются договориться с опасным сумасшедшим, она попросила:

— Ирум Камден, поставьте меня на землю, пожалуйста.

Маг покачал головой, с трудом выдерживая уничтожающий взгляд, буквально говорящий, что он не имеет ни единого права держать ее на руках или еще как-то претендовать на ее общество.

— Ты — слаба, — пояснил мужчина свой отказ.

— Сойдет, — фыркнула она, вынуждая себя отпустить. С огромной неохотой Камден поддался. Единственную прихоть, что он позволил — это придержать ее за талию, под предлогом того, что она может упасть.

— Мой Дневник, — сказала женщина, когда ноги плотно встали на землю. — Решим все сейчас. Не считите за грубость, ирум Камден, но в третий раз я к вам в гости не пойду. Хватит с меня.

Глава 16

Я была в порядке: потрепана, морально раздавлена, с тщательно подавленной истерикой, на грани полного душевного опустошения, но в порядке. Лучше, чем в прошлый раз. Пришло чувство завершенности, некое долгожданное окончание с горьким послевкусием утраты. Роман закончен. Точка поставлена. В голове легкость и пустота, а внутреннее истощение как приятный бонус.

— Мой Дневник, — сказала я, когда мысли немного успокоились. Следовало разобраться сейчас. Кто знает, что на меня найдет позже? — Решим все сразу. Не считите за грубость, ирум Камден, но в третий раз я к вам в гости не пойду. Хватит с меня.

Чтобы не упасть, приходилось держаться за мага. Привалившись к нему плечом, я отчаянно цеплялась за отворот его сюртука. Мужчина придерживал меня за талию на случай, если мне вздумается упасть в обморок. Я считала это излишним и даже указала бы на это, не будь мне невозможно безразлично подобное отношение. Я всего лишь слабая, уставшая женщина, только что во второй раз ставшая вдовой. Которая безумно надоело притворяться тем, кем никогда не являлась.

— Вот так, сразу к делу? — легкая насмешка озарила лицо мужчины.

Это хорошо. Значит, он в лучшем состоянии, чем я ожидала. Признаться, никогда раньше не встречала людей, прошедших через освобождение от демона. Это не дается легко. Кто его знает, что с одержимыми происходит после экзорцизма. Каков период восстановления? Разброс последствий варьируется от попыток сброситься со скалы до перехода с малознакомой женщиной на панибратское "ты".

— А как же поцелуй?

Беру свои слова обратно. Откатом от воздействия демона его приложило сильно.

— Какой поцелуй?

Прежде чем поднять голову и взглянуть на мужчину, я, совсем не в духе манер пятого столетия существования Империи, утерла рукавом с лица слезы. О, Свет, как же давно я не плакала?

— Тот, что дарит освобожденная девица, когда герой спасает ее, вытаскивая из лап злобного монстра, — перешел он на вкрадчивый шепот, опасно приближаясь ближе ко мне.

— Так идите и требуйте поцелуй со своего спасенного демона, чего к монстру-то привязались? — возмутилась я, понимая, что, ну его этот Дневник, могу и позже заглянуть, когда лорд Геригон вернется в адекватное состояние, соответствующее своему статусу. Раньше он мне нравился больше. Уже скучаю по тем дням, когда его не знала.

— Вы поняли, что я имел ввиду.

— А вы поняли, что имела ввиду я, — игривого настроения собеседника я не оценила. — Отпразднуйте свою победу над демоном с кем-нибудь другим. Мой долг, как посланника Света, исполнен. Оставьте себе Дневник демона и изучайте сколько хотите, а мой верните. Мы еще можем разойтись миром.

Я отчаянно хотела верить в свои слова, но уже понимала: нет, не можем. Я узнала об

этом человеке слишком много, чтобы он мог просто так меня отпустить. Честно, я бы предпочла угрозы. Он бы пригрозил мне расправой, если я когда-нибудь посмею намекнуть на его связь с демонопоклонниками, а я бы согласилась. Пообещала сидеть тише воды, ниже травы. Навсегда скрылась с его глаз. Удерживала бы Леду от опасных поползновений в сторону превосходящего противника. Я бы даже уговорила Стража уехать в какой-нибудь далекий северный город вместе со мной. Это было бы идеальным окончанием. К сожалению, ирум Камден запугивать меня не собирался, по крайней мере, не до той степени, где я исчезла из его поля зрения на следующие полсотни лет.

— Ты сильная женщина, Китра, — вздохнул он, склоняясь ко мне ближе. — Умная, находчивая, сообразительная. У тебя какая-то особая, магическая притягательность. Тебя красит и лунное безумие, и ярость крови, и упорство света. Все то, что мне претит в других женщинах, в тебе сочетается невообразимо-ядовитой, вызывающей стойкую зависимость, смесью. Ты уже погубила одного демона. Вполне вероятно, ты обойдешься мне очень дорого. Следовало бы держаться от тебя подальше.

Одной рукой он удерживал мою талию, другую положил поверх моего запястья.

— Чем демон так тебя привлек? — продолжал он. — Ты ведь любила его, определенно, любила. Чем может соблазниться такая женщина как ты? Не наивная дурочка, а целеустремленный посланник Света, способный пройти по пути Крови и не оступиться. Чтс это было, Китра? Сила, знания, власть, деньги, защита? — Ирум Камден перехватил мою руку крепче. Поднес ее к своему лицу, оставляя невесомый поцелуй на кончиках пальцев. Я рефлекторно дернулась. Аристократ усилил хватку. — Я могу тебе это дать. Могу дать больше, чем предлагал он.

Я чувствовала себя в западне. Проклятье, я была в ней!

— Как насчет свободы? — холодно предположила я.

Нечего здесь обсуждать. У меня не было никаких обязанностей перед ирумом Камденом, а у него на меня никаких прав.

— Это лишнее, — ни секунды не сомневаясь, ответил он. — Ты осталась без покровителя. А такой женщине не следует быть одной. Я — лучший вариант.

Его рука скользнула по моей пояснице. Я попыталась уйти от прикосновения, но кто бы мне позволил вновь убежать, верно? Уперлась ему в грудь, отталкивая от себя. Мужчина с легкостью вывернул мою руку назад за спину, лишь чуть-чуть не доведя до болевого захвата. Вторая рука оказалась зажата между мной и ирумом Камденом.

— Я — посланник Света, — зашипела, мгновенно озлобившись. — И признанное дитя Ковена. Если эти статусы не гарантируют мне свободы при выборе своей судьбы, может вы более благосклонно отнесетесь к их покровителям и гарантам?

Другой возможности дотянутся до силы я не имела, ранки на ладонях уже затянулись корочкой. Пострадать пришлось моей губе, в которую я вцепилась зубами. Капля крови — именно то, что требуется в моем положении. Как говорится: в чужое подпространство со своей магией не лезь. Это место силы ирума Камдена, я тут только гость. До поры до времени. Татуировки, не так давно успокоившиеся и уснувшие, вновь обожгли кожу. Жар просачивался через рукава жидким огнем, растворяя ткань, будто она состояла из сахара. Мужчина разжал хватку, позволяя мне отстраниться.

Я тут же смахнула выступившие капли крови пальцами, создавая заклинание. Буто́н пиона, материализовавшийся в ладони, не выглядел устрашающим, если не вглядываться в структуру плетения.

Мужчина оторопело смотрел на меня, явно не ожидая подобной прыти. Странно, совсем недавно он неплохо состязался со мной в магических искусствах, — даже спальню разгромил! — а теперь медлит.

— Что скажете, ирум Камедн?

Алый бутон, подобно огненному шару, крутился вокруг своей оси, испуская шипящие искры, опадающие на пол. В темноте должно было выглядеть эффектно, но это не произвело бы впечатления на моего оппонента, поэтому внутренняя составляющая представляла из себя более грандиозное представление.

— Прекрасное заклинание, — кивнул он, признавая труды. — Должно быть изучено в одной из прошлых жизней? Оно поможет, если я воспользуюсь твоим Дневником? Если вырву половину жизни? Если не станет той части, где ты обучалась в клане Сестер? Будешь ли ты столь же отважной, если исчезнет память о всех когда-либо изученных заклинаниях? Если однажды ты проснешься и не сможешь вспомнить, кто все те люди, что тебя окружают, а будешь помнить только меня? Признаться, я еще не совсем понимаю, как это работает, но сколько мне понадобится времени, чтобы разобраться? В твоих интересах, дорогая, решить этот вопрос полюбовно.

Прозвучало более чем нагло. С превосходством победителя. Видит Свет, во многом он был прав и от этого мне впервые, по-настоящему, захотелось ему врезать. У ирума Камдена действительно была квалификация высокого уровня, чтобы разобраться в строении артефактов Калеба.

— Вы кое-что забываете, ирум Камден. — Я тоже умела говорить надменно. Немного ленцы в голосе, немного наглости в интонацию, и побольше уверенности в позе. — Дневник человека — это совсем не то же самое, что Дневник демона. Для изменения последнего требуется только магия Света, а для первого — согласие. У мужа в отношении меня оно было.

Маг хмыкнул.

— Не верите? — возмутилась я.

— Зачем бы ты дала ему свое согласие?

— Оно прилагается к клятве при церемонии венчания, — пояснила я, наслаждаясь отразившимся на лице мужчины удивлением. Что, такого не предполагал? Подобные церемонии проводятся магами Света. Знал бы он, какое количество очень важных магических клятв дают брачующиеся, и какую защиту получают от Света. Церемонии, ритуалы и обряды, — прерогатива не только магии Крови.

— Потрясающе, — чему-то восхитился он. Очень искренне и даже как-то по-доброму. — Я поражен до глубины души, что ты до сих пор не видишь, что создана для меня.

До странного неправильно, до жгуче-истязającego, до невероятно отталкивающего, но он прав. Пусть не в том виде, в котором представлялась ируму Камдену, и не в том, что хотелось бы мне, но суть маг уловил. Я перерождалась в своем роду в тех людях, что были на меня похожи. Всегда темноволосые, всегда синеглазые, светлокожие и с отблеском луны. Эти девушки, еще до того, как я в них пробуждалась имели мои черты характера. Были максимально приближены к моим данным настолько, насколько это возможно по законам Вселенной. То же самое и с моим благоверным.

Ирум Камден не просто так выбран на роль носителя демона. Они оба были похоже. Не столько внешне, сколько по характеру. Только вот в аристократе мне что-то упорно не нравилось. Какая-то мелочь, что не позволяла его качествам засиять в приглядом свете.

Возможно, это как-то связано с тем фактом, что он пытался принести меня в жертву. Или моя стадия безумия не достигла того уровня, где я могла бы посчитать демонопоклонника отличной парой.

— Может быть, — согласилась я, продолжая удерживать атакующее заклинание. Судя по беспечной позе, в которой находился маг, он не собирался на меня нападать, а значит, тратить магию на подпитку алого бутона было невероятно глупо. Но уж лучше я побуду глупой! — Как вы могли заметить, для одного такого, предназначенного судьбой, дело закончилось плохо.

— Я тебе совсем не нравлюсь?

— Вы пытались меня убить. Дважды.

— Ты ненавидишь меня за это? — тень надежды мелькнула в льдистых глазах.

Ответ готов был сорваться с языка колкой шпилькой, но я вовремя остановилась. Правда казалась предпочтительней.

— Нет, ирум Камден, не ненавижу, — призналась я, и тут же пояснила, чтобы у мужчины не возникло обманчивых иллюзий. — Мне все равно. Смерть — это неотъемлемая часть моего существования.

— Плохо, — вынес он вердикт. Взгляд мага задумчиво бродил по окружающему пространству, и, могу поклясться, ничего жизнеутверждающего для меня он найти там не мог. Лорд Геригон не любил проигрывать. Более того, он отдавал предпочтение абсолютной победе. Одержатъ верх на могущественной тварью из Нижнего мира ему было недостаточно. На праздничном торте не хватало красной вишенки сверху. — Плохо для тебя, Китра. — Мужчина погрозил пальцем, предупреждая мой вероятный выпад с заклинанием Крови. — Я знаю, что ты умеешь причинять боль. А ты знаешь, что я умею заставлять людей делать то, что нужно мне. Предлагаю пропустить эту часть. Мы не очень хорошо с тобой начали — моя вина. Но, в каком ключе все продолжится, зависит только от тебя. Я рассчитываю на твою разумность. На умение предвидеть ходы противника, оценивать потери и возможные перспективы. Прежде чем дать ответ, загляни в будущее. Увидь последствия обоих своих решений и будь честна с собой, делая выбор. Ты уверена, что потакание гордости и самолюбию принесет желаемый результат?

— О каком выборе вы говорите, ирум Камден?

Ослабленное тело вновь поддалось трусливой трясучке. Как же не вовремя этот разговор. Надо быстрее заканчивать. Быть может упасть на колени и разрыдаться? Это заставит мужчину отступить? Нет. Дважды один и тот же трюк провернуть я не смогу. Актерский уровень не тот.

— Цена добровольного сотрудничества, как и отказа тебе известна. Конечный результат будет одинаков в обоих случаях. Вопрос лишь в том, какой дорогой ты к нему придешь. Я бы предпочел первый вариант. Все-таки я не монстр, — усмехнулся он. — И отпусти заклинание. В обморок же свалишься. Впрочем, — подмигнул маг, — я готов принять такой жест в качестве капитуляции.

— Ха-ха, — мрачно ответила я, сжимая в ладони бутон пиона. Алые нити со змеиным шипением юркнули обратно по каналам силы. Такую ошибку я точно не повторю. Нынче небезопасно падать в обморок рядом с лордом Геригоном. Не внушает он больше доверия в качестве защиты моей чести. — Что вы подразумеваете под добровольным сотрудничеством?

— Ты внесешь изменения в свой Дневник, — он лишь на мгновение поколебался,

произнося эту фразу. Хотел добавить что-то еще, но вовремя остановился, осознав, что сильно давить нельзя. У всех есть лимит прочности и добираться до моего весьма опасно.

— Какие именно изменения? — насторожилась я.

— Память о муже тебе ни к чему, — осторожно начал ирум Камден, считывая каждую микроэмоцию, задержавшуюся на моем лице. — Как и об Эрин. Не знаю, кто это, но раз демон ее опасался, сочту за благоразумие последовать его примеру.

О, а вот и подвох. Сразу избавляемся от возможных соперников.

— Что-нибудь еще? — скрипнула я зубами, прикидывая, как он планирует контролировать процесс работы с Дневником.

— Какие еще изменения можно внести? — любопытствовал мужчина. — Можно ли добавить что-то, чего в нем не было?

На этот вопрос я не имела ответа. Гипотетически возможно все, а на практике... Правила утверждают, что нельзя, но кто ж его знает? Всегда есть исключения. Создать их я бы точно не смогла. Единственный специалист в области жутких артефактов — Калев, но поди ж найди его.

— Смотря что, — осторожно ответила я. Прямо врать было опасно, а сразу сказать, что это невозможно — неблагоразумно. Вдруг передумает и решит, что отдавать Дневник слишком рискованное дело. Не зря же самый волнующий вопрос он задал последним.

— Возможно или нет? — настаивал он.

Я пожала плечами.

— Надо пробовать. Единственный Дневник, на котором я ставила эксперимент, принадлежал демону.

Маг кивнул, подтверждая собственные мысли. Паршивец был невероятно осторожен.

— Что ж, — предложил он мне руку, — отложим продолжение этой дискуссии на завтра. Ты потратила много сил и едва держишься на ногах. Полагаю, тебе требуется время на раздумья. Я готов его предоставить.

Я уставилась на протянутую ладонь, перевела взгляд на лицо ирума Камдена, потом обратно. Не вызывал у меня этот жест доверия. Вот совсем никакого.

— Нет.

Мужчина нахмурился. В светлых глазах, опасно мелькнули осколки льда.

— Нет, ирум Камден, — поправила я. — Давайте решим вопрос с Дневником сейчас, — для большей достоверности, я обхватила себя руками за плечи, будто замерзаю, и обессилено склонила голову. Мол смотри, я устала и просто хочу побыстрее все закончить. — Завтра я на подобное не решусь. — Добавить умоляюще-затравленный взгляд из-под ресниц, плотно сжатые губы и совсем чуть-чуть некоего туманного обещания в голосе. С последним не переборщить.

Он заколебался. Прекрасно понимал, что доверять легкой победе нельзя. Что с той же легкостью, с какой я соврала демону, совру и ему, но... Но Эго шептало совсем иные слова. Более приятные, чем предлагал здравый смысл.

— Я прошу вас, — добила его последним аргументом. Мужчина сдался.

— Как пожелаешь, — согласился он. — Все-таки я должен идти на уступки своей руми.

"Какая великая жертва, — мысленно сыронизировала я, принимая из его рук свой Дневник".

Он хранил в себе много воспоминаний. Он сам являлся таковым. С ним было связано столько приятных и волнующих моментов, что я едва удерживалась от ностальгического

вздоха. Я любила эту проклятую книжку. В ней содержались мои самые худшие грехи, самые страшные и безумные деяния, тайные мечты и надежды. Сколько же в ней запечатлено памятных вещей и исторических моментов? И какое варварство я собираюсь над ней учинить!

В последнее время я часто думала, о том, кем могла бы стать руми Фольмуд. Та девушка в которой я пробудилась. Моя душа, но без знаний прошлых жизней. Свободная от прошлых ошибок. У нее могла быть настоящая семья. Муж и трое детей. Или нет. Она пошла бы против своей родни и получила бы достойное образование, хоть и не в сфере магии. Свет не давал больших перспектив женщинам. Возможно, она стала бы историком или археологом. Много путешествовала, повидала больше, чем все ее сверстницы, сидящие в домах с детьми за семью печатями, и наконец, оказалась в Старом городе. Любой уважающий себя историк или культуролог, обязательно посетил бы Старый город. Здесь бы она познакомилась со Стражем.

Верю ли я в судьбу? Да, верю. Поэтому, когда смотрю на Стража Солнца, вижу человека с которым будет связано прекрасное будущее. Не мое. Делианны Фольмуд. Женщины, скованной моими воспоминаниями, ошибками, болью, апатией. Которую разглядел Имир Клоу, одаренный Солнцем и его милостью, способный распознать за любыми чарами предназначенную ему женщину. Китра Латер в этой схеме была лишней. Она всегда будет жить воспоминаниями о другом мужчине. Такая не способна на настоящие, искренние чувства без оговорки.

Камден Геригон, на что же вы надеялись? Что я позволю вам то, чего не разрешала даже мужу?

Я открыла первую страницу. На ней был всего один рисунок: карминовый бутон пиона, перевязанный серебряной цепочкой. Почувствовав присутствие хозяйки, он сонно зашевелился, сбрасывая металлические оковы. Мой маленький цветок смерти.

Словно предчувствуя опасность, Камден внимательно следил за моими действиями. Он не доверял мне. Правильно делал. Я только что потеряла родную душу. Мужа. Окончательно.

— Пора, милый, — погладила я бархатные лепестки пиона, сдирая цепочку. Мелкие звенья с тихим перезвоном посыпались на страницу.

Все Дневники индивидуальны. Каждый особенный по-своему.

— Что ты делаешь? — спросил он. — Нет, стой. Не важно. Я передумал. Отойди от Дневника.

Я улыбнулась.

— В давние времена, — едва справляясь с голосом, ответила я. — Если у женщины умирал муж, она отправлялась вслед за ним.

Было уже слишком поздно. Красные лепестки смерти расплывались на страницах, поглощая остальные рисунки и символы. Я чувствовала, как с каждым захваченным листом Дневника, сознание покидает меня. Я не стирала свою память. Я не убивала себя. Я уничтожала ту личность, что каждую жизнь вредным паразитом разрушала мою судьбу.

Прощай, Китра Латер. И больше не возвращайся.

Я была в порядке: потрепана, морально раздавлена, с тщательно подавленной истерикой, на грани полного душевного опустошения, но в порядке. Лучше, чем в прошлый раз. Пришло чувство завершенности, некое долгожданное окончание с горьким послевкусием утраты. Роман закончен. Точка поставлена. В голове легкость и пустота, а внутреннее истощение как приятный бонус.

— Мой Дневник, — сказала я, когда мысли немного успокоились. Следовало разобраться сейчас. Кто знает, что на меня найдет позже? — Решим все сразу. Не считите за грубость, ирум Камден, но в третий раз я к вам в гости не пойду. Хватит с меня.

Чтобы не упасть, приходилось держаться за мага. Привалившись к нему плечом, я отчаянно цеплялась за отворот его сюртука. Мужчина придерживал меня за талию на случай, если мне вздумается упасть в обморок. Я считала это излишним и даже указала бы на это, не будь мне невозможно безразлично подобное отношение. Я всего лишь слабая, уставшая женщина, только что во второй раз ставшая вдовой. Которая безумно надоело притворяться тем, кем никогда не являлась.

— Вот так, сразу к делу? — легкая насмешка озарила лицо мужчины.

Это хорошо. Значит, он в лучшем состоянии, чем я ожидала. Признаться, никогда раньше не встречала людей, прошедших через освобождение от демона. Это не дается легко. Кто его знает, что с одержимыми происходит после экзорцизма. Каков период восстановления? Разброс последствий варьируется от попыток сбросится со скалы до перехода с малознакомой женщиной на панибратское "ты".

— А как же поцелуй?

Беру свои слова обратно. Откатом от воздействия демона его приложило сильно.

— Какой поцелуй?

Прежде чем поднять голову и взглянуть на мужчину, я, совсем не в духе манер пятого столетия существования Империи, утерла рукавом с лица слезы. О, Свет, как же давно я не плакала?

— Тот, что дарит освобожденная девица, когда герой спасает ее, вытаскивая из лап злобного монстра, — перешел он на вкрадчивый шепот, опасно приближаясь ближе ко мне.

— Так идите и требуйте поцелуй со своего спасенного демона, чего к монстру-то привязались? — возмутилась я, понимая, что, ну его этот Дневник, могу и позже заглянуть, когда лорд Геригон вернется в адекватное состояние, соответствующее своему статусу. Раньше он мне нравился больше. Уже скучаю по тем дням, когда его не знала.

— Вы поняли, что я имел ввиду.

— А вы поняли, что имела ввиду я, — игривого настроения собеседника я не оценила. — Отпразднуйте свою победу над демоном с кем-нибудь другим. Мой долг, как посланника Света, исполнен. Оставьте себе Дневник демона и изучайте сколько хотите, а мой верните. Мы еще можем разойтись миром.

Я отчаянно хотела верить в свои слова, но уже понимала: нет, не можем. Я узнала об этом человеке слишком много, чтобы он мог просто так меня отпустить. Честно, я бы предпочла угрозы. Он бы пригрозил мне расправой, если я когда-нибудь посмею намекнуть на его связь с демонопоклонниками, а я бы согласилась. Пообещала сидеть тише воды, ниже травы. Навсегда скрылась с его глаз. Удерживала бы Леду от опасных поползновений в сторону превосходящего противника. Я бы даже уговорила Стража уехать в какой-нибудь далекий северный город вместе со мной. Это было бы идеальным окончанием. К сожалению, ирум Камден запугивать меня не собирался, по крайней мере, не до той

степени, где я исчезла из его поля зрения на следующие полсотни лет.

— Ты сильная женщина, Китра, — вздохнул он, склоняясь ко мне ближе. — Умная, находчивая, сообразительная. У тебя какая-то особая, магическая притягательность. Тебя красит и лунное безумие, и ярость крови, и упорство света. Все то, что мне претит в других женщинах, в тебе сочетается невообразимо-ядовитой, вызывающей стойкую зависимость, смесью. Ты уже погубила одного демона. Вполне вероятно, ты обойдешься мне очень дорого. Следовало бы держаться от тебя подальше.

Одной рукой он удерживал мою талию, другую положил поверх моего запястья.

— Чем демон так тебя привлек? — продолжал он. — Ты ведь любила его, определенно, любила. Чем может соблазниться такая женщина как ты? Не наивная дурочка, а целеустремленный посланник Света, способный пройти по пути Крови и не оступиться. Чтс это было, Китра? Сила, знания, власть, деньги, защита? — Ирум Камден перехватил мою руку крепче. Поднес ее к своему лицу, оставляя невесомый поцелуй на кончиках пальцев. Я рефлекторно дернулась. Аристократ усилил хватку. — Я могу тебе это дать. Могу дать больше, чем предлагал он.

Я чувствовала себя в западне. Проклятье, я была в ней!

— Как насчет свободы? — холодно предположила я.

Нечего здесь обсуждать. У меня не было никаких обязанностей перед ирумом Камденом, а у него на меня никаких прав.

— Это лишнее, — ни секунды не сомневаясь, ответил он. — Ты осталась без покровителя. А такой женщине не следует быть одной. Я — лучший вариант.

Его рука скользнула по моей пояснице. Я попыталась уйти от прикосновения, но кто бы мне позволил вновь убежать, верно? Уперлась ему в грудь, отталкивая от себя. Мужчина с легкостью вывернул мою руку назад за спину, лишь чуть-чуть не доведя до болевого захвата. Вторая рука оказалась зажата между мной и ирумом Камденом.

— Я — посланник Света, — зашипела, мгновенно озлобившись. — И признанное дитя Ковена. Если эти статусы не гарантируют мне свободы при выборе своей судьбы, может вы более благосклонно отнесетесь к их покровителям и гарантам?

Другой возможности дотянутся до силы я не имела, ранки на ладонях уже затянулись корочкой. Пострадать пришлось моей губе, в которую я вцепилась зубами. Капля крови — именно то, что требуется в моем положении. Как говорится: в чужое подпространство со своей магией не лезь. Это место силы ирума Камдена, я тут только гость. До поры до времени. Татуировки, не так давно успокоившиеся и уснувшие, вновь обожгли кожу. Жар просачивался через рукава жидким огнем, растворяя ткань, будто она состояла из сахара. Мужчина разжал хватку, позволяя мне отстраниться.

Я тут же смахнула выступившие капли крови пальцами, создавая заклинание. Буто́н пиона, материализовавшийся в ладони, не выглядел устрашающим, если не вглядываться в структуру плетения.

Мужчина оторопело смотрел на меня, явно не ожидая подобной прыти. Странно, совсем недавно он неплохо состязался со мной в магических искусствах, — даже спальню разгромил! — а теперь медлит.

— Что скажете, ирум Камедн?

Алый бутон, подобно огненному шару, крутился вокруг своей оси, испуская шипящие искры, опадающие на пол. В темноте должно было выглядеть эффектно, но это не произвело бы впечатления на моего оппонента, поэтому внутренняя составляющая представляла из

себя более грандиозное представление.

— Прекрасное заклинание, — кивнул он, признавая труды. — Должно быть изучено в одной из прошлых жизней? Оно поможет, если я воспользуюсь твоим Дневником? Если вырву половину жизни? Если не станет той части, где ты обучалась в клане Сестер? Будешь ли ты столь же отважной, если исчезнет память о всех когда-либо изученных заклинаниях? Если однажды ты проснешься и не сможешь вспомнить, кто все те люди, что тебя окружают, а будешь помнить только меня? Признаться, я еще не совсем понимаю, как это работает, но сколько мне понадобится времени, чтобы разобраться? В твоих интересах, дорогая, решить этот вопрос полюбовно.

Прозвучало более чем нагло. С превосходством победителя. Видит Свет, во многом он был прав и от этого мне впервые, по-настоящему, захотелось ему врезать. У ирума Камдена действительно была квалификация высокого уровня, чтобы разобраться в строении артефактов Калеба.

— Вы кое-что забываете, ирум Камден. — Я тоже умела говорить надменно. Немного ленцы в голосе, немного наглости в интонацию, и побольше уверенности в позе. — Дневник человека — это совсем не то же самое, что Дневник демона. Для изменения последнего требуется только магия Света, а для первого — согласие. У мужа в отношении меня оно было.

Маг хмыкнул.

— Не верите? — возмутилась я.

— Зачем бы ты дала ему свое согласие?

— Оно прилагается к клятве при церемонии венчания, — пояснила я, наслаждаясь отразившимся на лице мужчины удивлением. Что, такого не предполагал? Подобные церемонии проводятся магами Света. Знал бы он, какое количество очень важных магических клятв дают брачующиеся, и какую защиту получают от Света. Церемонии, ритуалы и обряды, — прерогатива не только магии Крови.

— Потрясающе, — чему-то восхитился он. Очень искренне и даже как-то по-доброму. — Я поражен до глубины души, что ты до сих пор не видишь, что создана для меня.

До странного неправильно, до жгуче-истязającego, до невероятно отталкивающего, но он прав. Пусть не в том виде, в котором представлялась ируму Камдену, и не в том, что хотелось бы мне, но суть маг уловил. Я перерождалась в своем роду в тех людях, что были на меня похожи. Всегда темноволосые, всегда синеглазые, светлокожие и с отблеском луны. Эти девушки, еще до того, как я в них пробуждалась имели мои черты характера. Были максимально приближены к моим данным настолько, насколько это возможно по законам Вселенной. То же самое и с моим благоверным.

Ирум Каммден не просто так выбран на роль носителя демона. Они оба были похоже. Не столько внешне, сколько по характеру. Только вот в аристократе мне что-то упорно не нравилось. Какая-то мелочь, что не позволяла его качествам засиять в приглядом свете. Возможно, это как-то связано с тем фактом, что он пытался принести меня в жертву. Или моя стадия безумия не достигла того уровня, где я могла бы посчитать демонопоклонника отличной парой.

— Может быть, — согласилась я, продолжая удерживать атакующее заклинание. Судя по беспечной позе, в которой находился маг, он не собирался на меня нападать, а значит, тратить магию на подпитку алого бутона было невероятно глупо. Но уж лучше я побуду глупой! — Как вы могли заметить, для одного такого, предназначенного судьбой, дело

закончилось плохо.

— Я тебе совсем не нравлюсь?

— Вы пытались меня убить. Дважды.

— Ты ненавидишь меня за это? — тень надежды мелькнула в льдистых глазах.

Ответ готов был сорваться с языка колкой шпилькой, но я вовремя остановилась. Правда казалась предпочтительней.

— Нет, ирум Камден, не ненавижу, — призналась я, и тут же пояснила, чтобы у мужчины не возникло обманчивых иллюзий. — Мне все равно. Смерть — это неотъемлемая часть моего существования.

— Плохо, — вынес он вердикт. Взгляд мага задумчиво бродил по окружающему пространству, и, могу поклясться, ничего жизнеутверждающего для меня он найти там не мог. Лорд Геригон не любил проигрывать. Более того, он отдавал предпочтение абсолютной победе. Одержатъ верх на могущественной тварью из Нижнего мира ему было недостаточно. На праздничном торте не хватало красной вишенки сверху. — Плохо для тебя, Китра. — Мужчина погрозил пальцем, предупреждая мой вероятный выпад с заклинанием Крови. — Я знаю, что ты умеешь причинять боль. А ты знаешь, что я умею заставлять людей делать то, что нужно мне. Предлагаю пропустить эту часть. Мы не очень хорошо с тобой начали — моя вина. Но, в каком ключе все продолжится, зависит только от тебя. Я рассчитываю на твою разумность. На умение предвидеть ходы противника, оценивать потери и возможные перспективы. Прежде чем дать ответ, загляни в будущее. Увидь последствия обоих своих решений и будь честна с собой, делая выбор. Ты уверена, что потакание гордости и самолюбию принесет желаемый результат?

— О каком выборе вы говорите, ирум Камден?

Ослабленное тело вновь поддалось трусливой трясучке. Как же не вовремя этот разговор. Надо быстрее заканчивать. Быть может упасть на колени и разрыдаться? Это заставит мужчину отступить? Нет. Дважды один и тот же трюк провернуть я не смогу. Актерский уровень не тот.

— Цена добровольного сотрудничества, как и отказа тебе известна. Конечный результат будет одинаков в обоих случаях. Вопрос лишь в том, какой дорогой ты к нему придешь. Я бы предпочел первый вариант. Все-таки я не монстр, — усмехнулся он. — И отпусти заклинание. В обморок же свалишься. Впрочем, — подмигнул маг, — я готов принять такой жест в качестве капитуляции.

— Ха-ха, — мрачно ответила я, сжимая в ладони бутон пиона. Алые нити со змеиным шипением юркнули обратно по каналам силы. Такую ошибку я точно не повторю. Нынче небезопасно падать в обморок рядом с лордом Геригоном. Не внушает он больше доверия в качестве защиты моей чести. — Что вы подразумеваете под добровольным сотрудничеством?

— Ты внесешь изменения в свой Дневник, — он лишь на мгновение поколебался, произнося эту фразу. Хотел добавить что-то еще, но вовремя остановился, осознав, что сильно давить нельзя. У всех есть лимит прочности и добираться до моего весьма опасно.

— Какие именно изменения? — насторожилась я.

— Память о муже тебе ни к чему, — осторожно начал ирум Камден, считывая каждую микроэмоцию, задержавшуюся на моем лице. — Как и об Эрин. Не знаю, кто это, но раз демон ее опасался, сочту за благоразумие последовать его примеру.

О, а вот и подвох. Сразу избавляемся от возможных соперников.

— Что-нибудь еще? — скрипнула я зубами, прикидывая, как он планирует контролировать процесс работы с Дневником.

— Какие еще изменения можно внести? — любопытно спросил мужчина. — Можно ли добавить что-то, чего в нем не было?

На этот вопрос я не имела ответа. Гипотетически возможно все, а на практике... Правила утверждают, что нельзя, но кто ж его знает? Всегда есть исключения. Создать их я бы точно не смогла. Единственный специалист в области жутких артефактов — Калев, но поди ж найди его.

— Смотря что, — осторожно ответила я. Прямо врать было опасно, а сразу сказать, что это невозможно — неблагоприятно. Вдруг передумает и решит, что отдавать Дневник слишком рискованное дело. Не зря же самый волнующий вопрос он задал последним.

— Возможно или нет? — настаивал он.

Я пожала плечами.

— Надо пробовать. Единственный Дневник, на котором я ставила эксперимент, принадлежал демону.

Маг кивнул, подтверждая собственные мысли. Паршивец был невероятно осторожен.

— Что ж, — предложил он мне руку, — отложим продолжение этой дискуссии на завтра. Ты потратила много сил и едва держишься на ногах. Полагаю, тебе требуется время на раздумья. Я готов его предоставить.

Я устала на протянутую ладонь, перевела взгляд на лицо ирума Камдена, потом обратно. Не вызывал у меня этот жест доверия. Вот совсем никакого.

— Нет.

Мужчина нахмурился. В светлых глазах, опасно мелькнули осколки льда.

— Нет, ирум Камден, — поправила я. — Давайте решим вопрос с Дневником сейчас, — для большей достоверности, я обхватила себя руками за плечи, будто замерзаю, и обессилено склонила голову. Мол смотри, я устала и просто хочу побыстрее все закончить. — Завтра я на подобное не решусь. — Добавить умоляюще-затравленный взгляд из-под ресниц, плотно сжатые губы и совсем чуть-чуть некоего туманного обещания в голосе. С последним не переборщить.

Он заколебался. Прекрасно понимал, что доверять легкой победе нельзя. Что с той же легкостью, с какой я соврала демону, совру и ему, но... Но Это шептало совсем иные слова. Более приятные, чем предлагал здравый смысл.

— Я прошу вас, — добила его последним аргументом. Мужчина сдался.

— Как пожелаешь, — согласился он. — Все-таки я должен идти на уступки своей руми.

"Какая великая жертва, — мысленно сыронизировала я, принимая из его рук свой Дневник".

Он хранил в себе много воспоминаний. Он сам являлся таковым. С ним было связано столько приятных и волнующих моментов, что я едва удерживалась от ностальгического вздоха. Я любила эту проклятую книжку. В ней содержались мои самые худшие грехи, самые страшные и безумные деяния, тайные мечты и надежды. Сколько же в ней запечатлено памятных вещей и исторических моментов? И какое варварство я собираюсь над ней учинить!

В последнее время я часто думала, о том, кем могла бы стать руми Фольмуд. Та девушка в которой я пробудилась. Моя душа, но без знаний прошлых жизней. Свободная от прошлых ошибок. У нее могла быть настоящая семья. Муж и трое детей. Или нет. Она пошла бы

против своей родни и получила бы достойное образование, хоть и не в сфере магии. Свет не давал больших перспектив женщинам. Возможно, она стала бы историком или археологом. Много путешествовала, повидала больше, чем все ее сверстницы, сидящие в домах с детьми за семью печатями, и наконец, оказалась в Старом городе. Любой уважающий себя историк или культуролог, обязательно посетил бы Старый город. Здесь бы она познакомилась со Стражем.

Верю ли я в судьбу? Да, верю. Поэтому, когда смотрю на Стража Солнца, вижу человека с которым будет связано прекрасное будущее. Не мое. Делианны Фольмуд. Женщины, скованной моими воспоминаниями, ошибками, болью, апатией. Которую разглядел Имир Клоу, одаренный Солнцем и его милостью, способный распознать за любыми чарами предназначенную ему женщину. Китра Латер в этой схеме была лишней. Она всегда будет жить воспоминаниями о другом мужчине. Такая не способна на настоящие, искренние чувства без оговорки.

Камден Геригон, на что же вы надеялись? Что я позволю вам то, чего не разрешала даже мужу?

Я открыла первую страницу. На ней был всего один рисунок: карминовый бутон пиона, перевязанный серебряной цепочкой. Почувствовав присутствие хозяйки, он сонно зашевелился, сбрасывая металлические оковы. Мой маленький цветок смерти.

Словно предчувствуя опасность, Камден внимательно следил за моими действиями. Он не доверял мне. Правильно делал. Я только что потеряла родную душу. Мужа. Окончательно.

— Пора, милый, — погладила я бархатные лепестки пиона, сдирая цепочку. Мелкие звенья с тихим перезвоном посыпались на страницу.

Все Дневники индивидуальны. Каждый особенный по-своему.

— Что ты делаешь? — спросил он. — Нет, стой. Не важно. Я передумал. Отойди от Дневника.

Я улыбнулась.

— В давние времена, — едва справляясь с голосом, ответила я. — Если у женщины умирал муж, она отправлялась вслед за ним.

Было уже слишком поздно. Красные лепестки смерти расплывались на страницах, поглощая остальные рисунки и символы. Я чувствовала, как с каждым захваченным листом Дневника, сознание покидает меня. Я не стирала свою память. Я не убивала себя. Я уничтожала ту личность, что каждую жизнь вредным паразитом разрушала мою судьбу.

Прощай, Китра Латер. И больше не возвращайся.

ЭПИЛОГ

Леда

Зал окутан сиянием света, пробивающимся внутрь через разноцветные витражи. Под лучами яркого солнца цветные стекла светились, наполняя пространство Обители красочными переливами. Мистическая игра солнечного света на белоснежном с позолотой алтарем, бросала золотистые отсветы на бледное лицо невесты. Все это было так прекрасно и торжественно, словно сами первородные силы благословили их, Стража Солнца Имира Клоу и посланника Света Китру Латер.

Народу столпилось много. Собрались почти все сослуживцы Стража.

Невеста была вдвое старше Леды, но ее кукольный образ стирал разницу в возрасте. Кружевное цветочное платье с пышной юбкой, украшенной вышивкой ручной работы, утягивающий корсет с обилием рюш, поверх которого струилась кружевная пелерина. Женщина казалась очень хрупкой, почти фарфоровой. Слишком короткие, неровные волосы Китры, уложили в прическу, дополнив ее цветами, лентами и жемчужными шпильками.

Истинная невеста Света. Будущая жена Солнца.

Леда смотрела на подругу и не узнавала ее. Не узнавала, потому что это была не она. Сияющие счастьем глаза, широкая искренняя улыбка и аура безмятежности, не могли принадлежать той женщине, что спасла Леду из-под кинжала демонопоклонников. Держа каждый шаг, каждый вздох под контролем, Китра не обладала тем внутренним спокойствием, что демонстрировала невеста. Китра всегда ждала подвоха, скрывая за каждым словом прорву темных секретов. В редкие минуты, когда усталость непосильным весом наваливалась на посланника Света, она позволяла себе открыться. Совсем немного. Парой фраз. Но даже их Леде хватало, чтобы ощутить стылый запах ужаса. Просыпаясь от очередного кошмара, путаясь в липких простынях и жадно глотая воздух, она задавалась вопросом, какие еще монстры прячутся в душе Китры, ожидая того заветного часа, когда им будет позволено выйти наружу?

Девушка украдкой бросила взгляд на свое отражение. В Обители Солнца зеркал было полно. Внутреннее убранство центрального зала украшали многочисленные канделябры, картины в позолоченных рамах, статуэтки, тканевые гобелены, цветочные гирлянды и атласные ленты. Справа от Леды, всего через два человека, среди расписных ваз и пышных садовых букетов, стоял Камден Геригон собственной персоной. Он скучающе разглядывал молодоженов, словно находился не на священном торжестве, а на официальном приеме в честь принятия поправки к пятой статье Устава Нового Города.

Во всем был виноват только он. В том, что исчезла Китра, оставив вместо себя незнакомую женщину с теми же чертами лица, мимикой и движениями. В том, что Леда не спит по ночам, не чувствует собственную Стихию, кроме тех редких моментов, когда видения будущего врываются в редкие крохи сна, что приходят перед самым рассветом. В том, что она больше не хочет видеть близких и родных. Чувствует их не более чем

искусными иллюзиями и серыми призраками. В том, что она стала неправильной среди обычных людей.

Китра просила забыть о злобе и мести. Не связываться с лордом Геригонем. Леда и не будет. Не сейчас. Пройдет время и она станет сильнее. Потратит все время и ресурсы, что имеет, но обретет необходимые навыки, чтобы прервать жизнь демонопоклонника. Сестры уже показали ей правильный путь, осталось на него ступить и пройти с достоинством. И да, она не совершит убийство из злости или ненависти. Мужчина того не стоит. Леда придет под знаменем возмездия. За себя, за Китру, за тех адептов, что не выбрались с жертвенного алтаря, и за многих других людей, которым однажды не посчастливилось перейти дорогу эгоистичному магу Воздуха.

Словно почувствовав на себе колкий взгляд адептки Воды, маг легонько кивнул ее отражению на зеркальной поверхности. А может среди этого света, ярких отблесков, скользящих лучей и солнечных зайчиков, ей просто показалось. С тех пор как ублюдок появился на пороге гостиничного номера с Китрой на руках, они больше не виделись. Впрочем, и тогда он был немногословен. Бросил несколько блеклых фраз о том, что это был полностью ее выбор, что не стоит беречь остатки ее памяти, и что больше ни он, ни демон, никого из присутствующих их не побеспокоит, чего и им желает.

Сначала Леда дико перепугалась. А когда первая волна паники схлынула, девушка пришла к печальным выводам. Китра, как и планировала, стерла память демону, но пострадала сама. Конечно же Леда не стала верить демонопоклоннику на слово и при первой же возможности расспросила подругу о произошедшем, но только подтвердила свои опасения. Перед ней оказалась не Китра Латер с пропавшей памятью. Перед ней была совершенно незнакомая женщина с воспоминаниями Китры Латер.

Эта женщина не была плохим человеком. Наоборот, она была такой, какими рисуют посланников Света в храмовых писаниях. Добрая, улыбчивая, понимающая. Она много смеялась и постоянно шутила. Новая Китра помнила Леду, их знакомство, побег из Ковена, но как-то смутно. Женщина призналась, что прошлое вспоминается как в тумане: невнятной чередой блеклых картинок. О Камдене Геригоне новая Китра отзывалась нейтрально, признавая, что тот действительно похож на демонопоклонника из ее воспоминаний, но конечно же это не он. Приличные люди тварей из Нижнего мира не вызывают, а кем еще мог являться маг Воздуха, если он уважаемый дворянин и к тому же, давний друг ее супруга? Демоны, Дневники, перерождения и бывшие мужья, превратились в забавную историю. Китра похвалила Леду и сообщила, что если та не найдет себе место на поприще магии Воды, из нее выйдет отличная сказительница. Девушка попробовала пойти иным путем. Стала расспрашивать о мотивах поступков, совершенных посланником Света во время смутных воспоминаний, но та лишь пожимала плечами и отвечала, что должно быть ее вел глас Света.

— И куда привел? — однажды спросила Леда, порядком взбешенная абстрактными ответами о высшем благе, предназначении и замысле великих сил. — Свет угас. Пропал. Ты его потеряла!

Женщина совсем не разозлилась на столь резкий выпад. Она улыбнулась той самой женственной улыбкой, что нельзя натренировать перед зеркалом. Такая приходит сокровенным таинством вместе с опытом. Посмотрела на закрытую дверь, за которой Страж должен был готовиться к предстоящему торжеству и тихо прошептала:

— Разве ты не видишь? Я его не потеряла, я его нашла.

Леда фыркнула и закатила глаза. Ну и кто из них ребенок витающий в облаках? Она себя вообще слышит? Что за романтические бредни? Она без магии, уходит в другую семью — на секундочку, в другой род! К солнцепоклонникам! На попечение мужчины, которого толком никогда не знала. Видимо вместе с памятью новая Китра стерла последние крохи разума.

Девушка плотно стиснула зубы и на несколько секунд зажмурила глаза, прогоняя прочь давешний разговор. Ушло время что-то менять. Она на свадьбе, слушает, как мастер Эстеф зачитывает строки из старых писаний на древнем языке, понятном, очевидно, только ему. Честное слово, не венчающая речь, а какое-то темномагическое заклинание. Это вообще, послание молодоженам из Света или от Солнца?

Когда встал вопрос о свадьбе, мастер Эстеф самолично назначил себя на роль организатора и главного специалиста в подготовке церемонии, соответствующей обоим направлениям магии. Обитель возражать не стала, а вернее, не посмела. Мастер Эстеф разгулялся на полную, обосновав свою заинтересованность желанием обеспечить дальнейшую жизнь посланнику Света, пострадавшему во время исполнения прямых обязанностей — борьбе с проявлениями Нижнего мира. Он так сильно вжился в роль официального попечителя, что перед самой церемонией, утирая слезы золотистой порчей шарфа, признался, что за все это время Китра стала ему чуть ли не родной дочерью.

Когда настало время кидать букет, Леда осторожно отступила назад в толпу. Лавируя между Стражами и их женами, невестами и подругами, девушка пробралась к задней двери зала. У самого входа, как на зло, она столкнулась с лордом Геригонем, который посчитав, что с него тоже хватит подобного издевательства, и раз официальная часть окончена, пора и честь знать.

— Руми Винтер, — кивнул он, оглядывая ее васильковое платье с бантами и вставками из ажурной сеточки. — Наряд послушницы Ковена на вас смотрелся лучше.

Насколько адептка помнила, костюм Сестры сидел на ее тощем тельце потрясающе отвратно.

— Лорд Геригон, — холодно ответила Леда, сдерживая глухую злость. — Так рано уходите? Бремя проигрыша столь тяжкая ноша?

— Не представляю о чем вы, руми Винтер.

— Ну как же, руми сердца ушла к лучшему другу. Разве не избитый сюжет?

Дружба Стража Клоу и мага Воздуха давно носила чисто номинальное значение, пройдя приязнь, лютую ненависть, соперничество и остановившись на взаимных колких перепалках, держащихся на старых привычках и чувстве ностальгии. И все же, девушка надеялась, что ее слова хоть как-то заденут аристократа.

Маг хмыкнул. Открыл дверь, пропуская Леду вперед, и прежде чем та вошла в проем, ответил:

— Вы имеете ввиду невесту... кхм... жену Имира? Бросьте, я с ней даже не знаком.

Или ей показалось, что он сказал именно это. Слова Камдена Геригона потонули в радостном девичьем визге счастливицы поймавшей букет, и тихим шепотом Мальта — "Проклятье".

Камден

В последнее время он едва заставлял себя вставать по утрам. Не потому, что вновь увлекся алкоголем или задерживался допоздна в лаборатории. С каждым днем он все меньше и меньше находил причин для подъема с постели. Пытался вспомнить, ради чего раньше вставал с первыми лучами солнца, даже если ложился за час до рассвета, и не мог. Вернее, он конечно же все помнил, только не видел в старых стремлениях того же смысла, что прежде.

Лекарь констатировал бы у него депрессию, если бы Камден окончательно двинулся рассудком и обратился с подобной проблемой к другому магу. Сам не дурак, умел выявлять симптомы болезней без каких-то там адептов-недоучек. Да только, что это меняло? Знание о своей депрессии не освобождает от депрессии. Или как-то так.

Все люди чего-то боятся. Камден не исключение. До сих пор все его страхи были логическими и обоснованными. Он всегда знал, чего боится, почему и как собирается бороться с тем, что вызывает у него страх. Пугает зверь — излови его. Посади на цепь и заставь себе служить. Опасаешься предательства — прими мера на случай опасности, и смело доверяй человеку. Неудивительно, что среди его простых и четко сформированных убеждений не нашлось того, что охватило бы ситуацию, произошедшую с ним. Видит Стихия, в самом худшем раскладе своего будущего, он не мог представить подобной ситуации.

Женщина избегает смерти от твоей руки. Вступается за тебя перед Ковеном, выторговывая вам жизни. Становится ключом к загадочной тайне, которую ты пытался расшифровать все последние годы. Дальше появляется демон и заставляет взглянуть на бывшую жертву иными глазами. Глазами мужчины, почитающего свою супругу, как богиню. Заставляет почувствовать нечто ранее невиданное, редкое, ценное, доступное только избранным. Вертит перед глазами, заманивает, и тут же забирает, позволив дотронуться до новой мечты лишь кончиками пальцев. Потом демон уходит, а чувства нет. И что, спрашивается, с ними делать, если от драгоценности, манившей тебя, остается лишь глиняные черепки, которые ни собрать, ни склеить?

Впрочем, последнее сравнение несколько неточно. Женщина, оказавшаяся в его покоях в ту ночь, когда Китра внесла последнее исправление в свой Дневник, была ее точным двойником. По крайней мере, внешне. Что касается остального... Он так и не набрался смелости с ней заговорить. Просто не смог. Он знал, что сделала Китра. Понимал последствия. И страшился узреть их воочию. Смешно, но он боялся осквернить ту светлую память прекрасного существа, однажды забредшего на огонек темномагического жертвоприношения.

О чем ему разговаривать с женщиной с суррогатом сублимированной памяти? Зачем мучиться пустыми надеждами, что в глубине потухших глаз спящего океана мелькнет хищная искорка? Искать скрытый смысл в привычных фразах, колкости в обыденных словах, издевку в официальных формулировках, и не находить? Он бы предпочел надменное безразличие, холодную отстраненность, да что угодно, только не эту куклу с лицом единственной женщины, что оставила след в его сердце.

Демон утверждал, что в Китре без него нет смысла. Ха! Видел бы он то, что досталось Камдену.

Если бы он мог что-то изменить...

Нет.

"Если бы" — не его стиль. Не думай прошлым, строй будущее. Как он представлял их возможные отношения? В какой момент Китра отвергала свои идеалы и принципы, соглашаясь сменить жизнь без оков брака с деспотичным демоном, на те же самые цепи, только с Камденом? После того, как он завалит ее дом цветами и подарками, роскошными нарядами и украшениями? Что перерождающейся душе до его подношений? Ухаживания, свидания, прогулки по садам и паркам? Так ведь ее заманил Имир: ежедневным вторжением в личную жизнь и посягательством на свободное время. Камден бы так смог? Или сорвался бы? Загнал бы в ловушку, подобно охотнику, сужая пространство для маневров, перекрывая ходы к отступлению, оставляя один единственный путь — в его силки? А если нет? Если бы и в этом случае она предпочла бы поведение волчицы, способной отгрызть собственную лапу, лишь бы не остаться в капкане охотника? Он взял бы Дневник и попытался насильно изменить ее поведение, искусственно создавая привязанность и чувства.

Ну вот, снова.

Похоже их отношения были обречены еще до знакомства.

И все же, как Имир согласился взять в жены ту женщину? Не мог же не заметить столь явной подмены. Он маг Солнца, в конце концов. Эти ребята видят гораздо больше, чем прочие. Обманулся покладистым характером и складным нравом? Принял внезапные изменения за неожиданный подарок от Солнца? Как же, неприступная руми скрывала столько потрясающих качеств, идеально совпадающих с представлением Стража о будущей супруге. Или единственный, кто в дураках не остался это и есть Имир? Мог ли он с самого начала видеть не Китру, а ту другую? Основу, на которой посланник Света возвела свою личность.

Напрямую не спросишь.

Последний из учеников их общего Наставника вступил на дорожку рассчитанную на двоих. Остался только Камден. Теперь у Имира есть семья. А что осталась у него? Пустой Дневник, да обрывки памяти демона в переплете из ткани личного подпространства мага. Жаль одно в другое не вложишь. Куда подевался Дневник демона, Камден даже думать не хотел. Хватит с него нижнемировских тварей. Может, позже. В следующей жизни, если судьба так распорядится. Впрочем, тогда он не будет помнить ни демонов, ни Китры. И, возможно, опять упустит свой шанс...

Дневник!

У него есть прототип артефакта, способного возвращать память в последующих жизнях! Какого демона он до сих пор валяется в кровати, пересчитывая оборки на балдахине? Он истинный маг Воздуха! Неужели не сумеет воспроизвести чужой артефакт? Пусть на это уйдут годы, десятилетия, да хоть каждая минута его жизни. Если Камден сможет это сделать, то однажды, через одну или дюжину жизней, он сумеет обойти запрет Дневника Китры. И тогда, он все сделает правильно.

Впервые за два месяца Камден почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы подняться с постели и направиться в лабораторию.

Демон

Он чувствовал...

Пустоту. Она душила. Тянула за жилы, обдавая бурлящей лавой. Выворачивала наизнанку, низвергало в глубины Нижнего мира и вновь выдергивала обратно на угли

полыхающего пространства, сухим воздухом прожигающее нутро.

Он чувствовал...

Растерянность. Именно так. Что с ним произошло? Где он был и где оказался? Он ведь только что чем-то занимался. Куда-то направлялся. Что-то намеривался сделать.

Он чувствовал...

Демоническую силу. Вот он кто. Демон. Тварь, обитающая в Нижнем мире. Среди тяжелых энергий, в окружении мощных эманаций, губительных для человеческой души. Это дом для демонов, не для людей. Значит, все в порядке. Он у себя дома. Тогда, что за странное ощущение чего-то зудящего?

Он чувствовал...

Рассеянность. Вот оно что. Он что-то потерял — это причина надоедливого беспокойства. А вот что он потерял и где оставил это самое нечто? Как оно выглядит? А может не потерял, может у него отобрали? Только что такое особенное могли буквально выдрать из самого нутра, оставив невообразимую боль, но не оставив ни единой раны на теле?

Он чувствовал...

Уверенность. Он найдет это нечто. Рано или поздно, докопается до истины и вернет пропавшую вещь, чем бы она ни была.

Он чувствовал...

Злобу. Память, размытыми каплями, подкинула фрагмент из воспоминаний. Его заточили, вот что случилось. Один из носителей Света создал Дневник, привязал демона к нему, а после запер в Нижнем мире, перекрыв дорогу наверх. Так и было. Давно. Очень давно.

Он чувствовал...

Решительность. Время на нижних уровнях течет совсем иначе. Это объясняет, почему он застрял здесь почти на пять веков. Должно быть его ранили очень сильно. Ударили по разуму. Все это время он восстанавливался, собирал силы, искал новые знания. Выжидал удобного случая. Других причин долгого пребывания здесь демон не видел.

Он чувствовал...

Свободу. У него есть Дневник. Верно. Тот самый Дневник — его стальные путы, железные оковы, магические кандалы... рухнули! Он вернул себе свободу. Неважно как. Он волен делать то, что пожелает.

Он чувствовал...

Мсть. Он жаждал мести. Но какой-то абстрактной, не персональной. Маг Света, заперший его здесь, по прошествии пятисот лет мертв. Люди живучи, но не настолько. Даже носители истинной магии не достигают третьей сотни, что уж говорить об остальных? Так чего же демон хотел? Отомстить родственникам? Где их теперь найдешь? Нет, он должен избавиться от Света. Вот в чем его миссия. Пока эта зараза сидит в людях, ни одному демону спокойно не ступить на землю смертных.

Он чувствовал...

Спокойствие. У него есть цель. У него есть средства. У него есть план. У него есть все для осуществления задуманного. Он выберется в Привычный мир. Он будет осторожен. Осмотрителен. Сначала выйдет сам, а потом вытащит своих сородичей. Зачем довольствоваться малосъедобной энергией Нижнего мира, когда наверху столько приятных соблазнов.

Демон открыл Дневник, внимательно разглядывая изломанные, искореженные, поломанные рисунки будто помятые чьей-то грубой силой. Раздраженно поскреб когтем странный красный лоскуток непонятно как затесавшийся среди угловатых фигур. Брезгливо фыркнул, растирая в порошок ту самую нить, вызывающую противный зуд в подкорке мозга.

Он чувствовал...

Он себя больше не чувствовал.

Кaleb закрыл тетрадь. Почесал кончиком карандаша нос. Посмотрел на часы.

Пора было навестить одного из своих подопечных. Благовидный предлог сформулировался легко — "Мастер Эстеф пришел проверить, не угнетают ли свежееиспеченную руми Клоу в доме Стража Солнца".

Больше книг на сайте - Knigolub.net